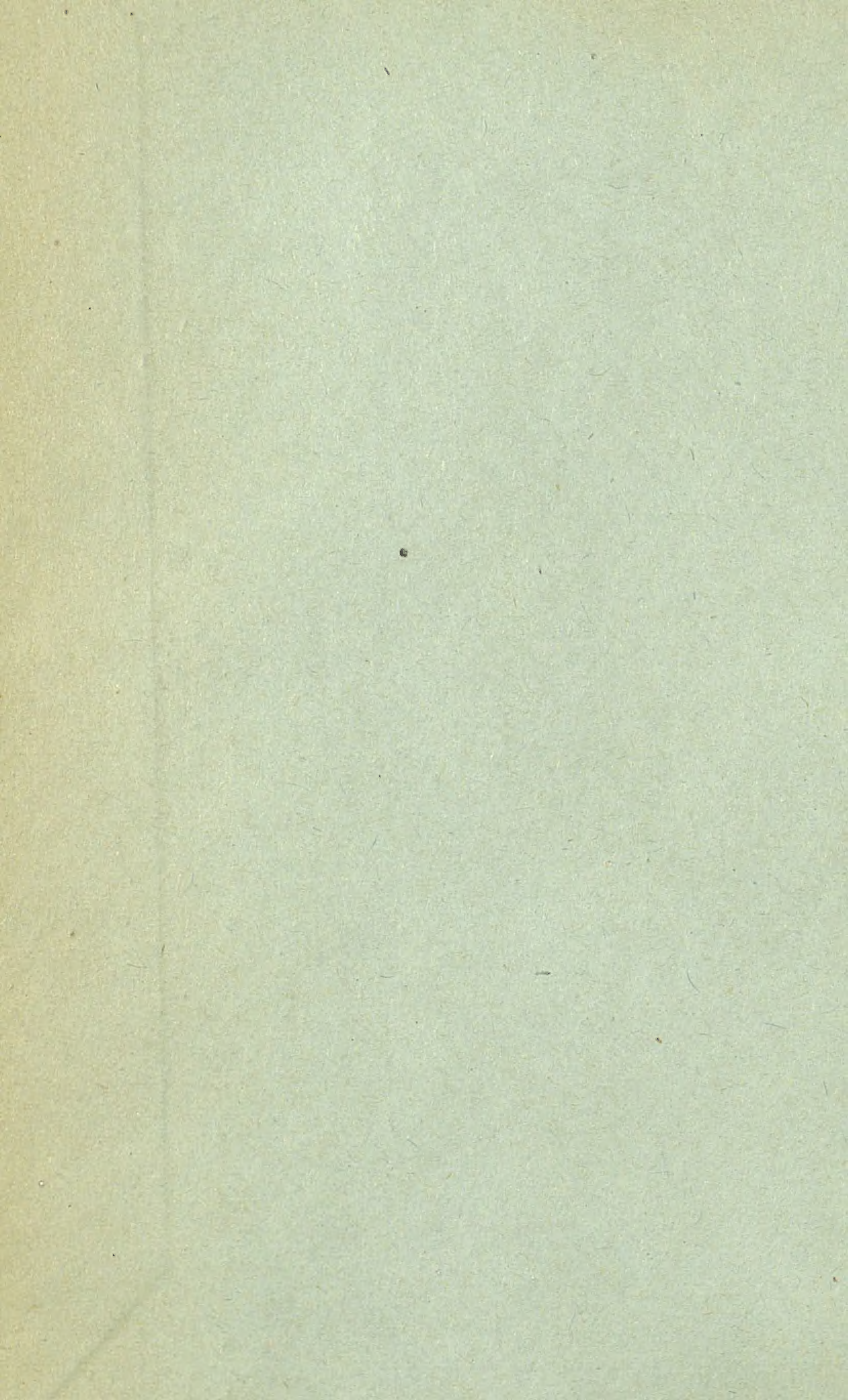

ДБ
200
Г 61
Головина В.Н.
Записки
Спб. 1900 г.

ЗАПИСКИ

ГРАФИНИ

ВАРВАРЫ НИКОЛАЕВНЫ ГОЛОВИНОЙ

(1766—1819)

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РУКОПИСИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ Е. С. ШУМИГОРСКАГО

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1900

ЗАПИСКИ

ГРАФИНИ

ВАРВАРЫ НИКОЛАЕВНЫ ГОЛОВИНОЙ

ЗАПИСКИ

ГРАФИНИ

ВАРВАРЫ НИКОЛАЕВНЫ ГОЛОВИНОЙ

(1766—1819)

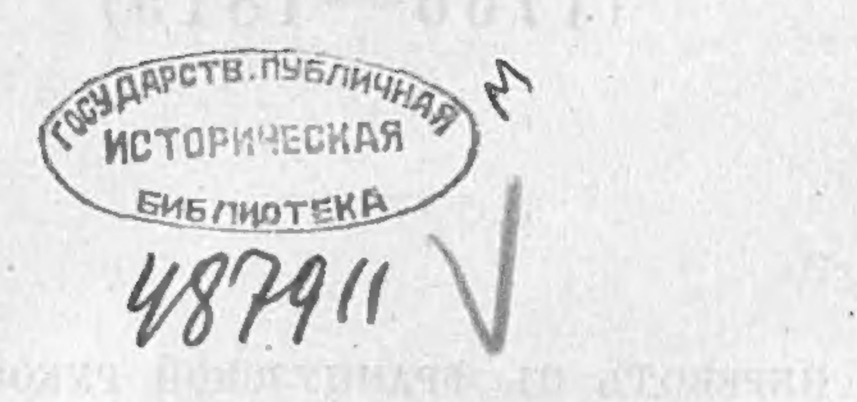
ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РУКОПИСИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ Е. С. ШУМИГОРСКАГО

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1900

Дозволено цензурою 26 мая 1900 г. С.-Петербургъ

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

334

Предлагаемыя нынѣ вниманію читателей «Записки графини В. Н. Головиной» печатались въ теченіе 1899 года въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Настоящее изданіе представляетъ собою почти буквальное воспроизведеніе текста «Записокъ», напечатаннаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ», съ небольшими лишь измѣненіями.

Е. Ш.

4 мая 1900 г.

Графиня Варвара Николаевна Головина, урожденная княжна Голицына, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ женщинъ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Съ ранняго дѣтства она имѣла доступъ ко двору императрицы Екатерины II, была замѣчена и любима ею, а вслѣдъ затѣмъ сблизилась съ великой княгиней Елисаветой Алексѣевной, впослѣдствіи императрицей. Въ царствованіе императора Павла придворныя интриги удалили графиню Головину отъ двора и отъ великой княгини Елисаветы Алексѣевны, къ которой она страстно привязалась. Варвара Николаевна окружила себя тогда французскими эмигрантами и іезуитами и въ ихъ обществѣ искала утѣшенія въ постигшихъ ее невзгодахъ; тогда же она приняла затѣмъ католицизмъ. Послѣ смерти императора Павла, В. Н. Головина переселилась въ Парижъ, сдружилась тамъ съ обитателями Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и была свидѣтельницей всѣхъ сценъ, сопровождавшихъ превращеніе консульства въ имперію. Съ наступленіемъ эпохи Наполеоновскихъ войнъ, графиня Головина возвратилась въ Россію, но видимо чувствовала себя уже не совсѣмъ дома: попрежнему вращалась она среди эмигрантовъ и іезуитовъ, пока эмигранты въ 1814 году не возвратились во Францію, когда совершилась реставрація Бурбоновъ, а іезуиты не были изгнаны въ 1816 году изъ Россіи. Вскорѣ затѣмъ графиня В. Н. Головина скончалась во Франціи, въ Монпелье, въ 1819 году.

Уже этотъ краткій очеркъ внѣшней жизни графини Головиной показываетъ, что ей было о чемъ разсказать въ своихъ «Запискахъ». Интересъ, возбуждаемый ими, увеличивается, благодаря личнымъ свойствамъ ихъ автора. По отзывамъ современниковъ, графиня Головина выдѣлялась въ высшемъ петербургскомъ обществѣ конца XVIII и начала XIX вѣка не только своею красотою, но и своимъ образованіемъ, умомъ и художественными дарованіями; мягкій и добрый характеръ, безупречная репутація, благородство въ мысляхъ и дѣйствіяхъ, также рѣзко отличали графиню Головину отъ многихъ другихъ представительницъ высшаго общества ея времени [1]). Но въ

[1]) Виже-Лебренъ, близко знавшая Головину, отзывалась о ней, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: «La comtesse Golowine était une femme charmante, pleine d'esprit et de talents, ce qui suffisait souvent pour nous tenir compagnie... Elle

характерѣ Головиной были особенности, направившія ея дѣятельность по ложной дорогѣ: это было преобладаніе сердца надъ разсудкомъ, чрезмѣрная впечатлительность и, какъ ея послѣдствіе, восторженность чувствъ. Сентиментализмъ былъ руководствующимъ побужденіемъ графини Головиной, не знавшей границъ ни въ своей дружбѣ, ни въ своихъ антипатіяхъ. Графиня Эдлингъ, знавшая Головину уже въ зрѣлые ея годы, замѣчаетъ о ней въ своихъ запискахъ: «Экзальтація г-жи Головиной была иногда трогательна, а иногда становилась просто смѣшною. Я любила слѣдить за игрою ея эксцентричнаго воображенія, которую она принимала за проявленіе чувствительности». Но, — прибавляетъ Эдлингъ, — рѣчи Головиной иногда пробуждали и въ ней чувство восторга [1]). Живость воображенія Головиной была такъ велика, что одинъ изъ случайныхъ ея слушателей до глубокой старости не могъ забыть сдѣланнаго ею описанія деревни ея мужа. Головина любила сельскую жизнь, любила природу [2]). Всѣми этими качествами Головина приближалась къ типу «прекраснодушныхъ» русскихъ женщинъ второй половины XVIII вѣка, создававшихъ себѣ религію сердца и жаждавшихъ правды и чистой, нѣжной любви. Но сѣрая русская дѣйствительность того времени не представляла ни уму, ни сердцу, жаждавшему преклоненія, никакихъ отчетливо сложившихся дисциплинъ; въ русской жизни нужно было тогда разбираться, нужно было самому создавать себѣ въ ней какіе либо интересы: до такой степени она была еще не некультурна и безформенна. Къ такой работѣ неспособны были люди, которые природой и воспитаніемъ предназначены были къ жизни созерцательной; оттого, при первой крупной неудачѣ, при первой жизненной бурѣ, они стремились съ своими духовными запросами туда, гдѣ волновавшія ихъ идеи нашли уже себѣ ясное, опредѣленное отраженіе, отвѣчавшее ихъ чувствамъ, и такимъ образомъ могли содѣйствовать ихъ душевному успокоенію. Дисциплинами этими явились роялизмъ и католицизмъ, представители которыхъ, эмигранты и іезуиты, въ нашемъ офранцуженномъ обществѣ были своими людьми, находя себѣ въ немъ вторую Францію. Воспитаніе, вся свѣтская обстановка русскихъ прозелитокъ была воспроизведеніемъ жизни французскаго общества временъ Людовика XVI: это былъ вѣкъ пудры, вѣкъ декламаціи, вѣкъ роскошныхъ, изящныхъ поддѣлокъ подъ природу, возбуждавшихъ въ сентиментальныхъ душахъ возвышенныя чувства, утонченныя ощу-

---

dessinait trez-bien et composait des romances charmantes, qu'elle chantait en s'accompagnant du piano. De plus elle etait à l'affût de toutes les nouvelles litteraires de l'Europe, qui, je crois, étaient connues chez elle aussitôt qu'a Paris».— «Souvenirs de madame Vigée Le Brun», I, 350.

[1]) Mémoires de la comtesse Edling, 46—47.

[2]) Записки Тимковскаго («Русск. Арх.», 1874, I, 1463).

щенія. Всѣ мелочи жизни, начиная съ костюма, мебели, экипажей, и кончая невинными или опасными развлеченіями, напримѣръ, танцами и «маханіемъ», представляли, каждая сама по себѣ, законченную поэтическую картинку, ласкавшую глазъ, а все, вмѣстѣ взятое, составляло то эстетическое цѣлое, о которомъ мы, люди житейской прозы и удобствъ, не можемъ составить себѣ даже приблизительнаго понятія. Міръ матеріальный являлся лишь отраженіемъ міра идеальнаго. Принимали за аксіому, что все возвышенное въ моральномъ, духовномъ мірѣ должно выражаться въ изящно-величественныхъ формахъ, должно быть передано «высокимъ штилемъ», чтобы не оскорбить чувствъ изящно воспитаннаго человѣка и сдѣлать предметы доступными его пониманію. Съ этой эстетической точки зрѣнія, усвоеніе идеи роялизма и католицизма также облегчалось для нашихъ аристократическихъ прозелитокъ: онѣ заслушивались элегантныхъ эмигрантовъ, красиво излагавшихъ повѣсть о своихъ страданіяхъ за вѣрность королю, претерпѣнныхъ ими отъ революціонныхъ «кровопійцъ» и «изверговъ»; онѣ преклонялись предъ патеромъ-іезуитомъ, который, будучи по образованію и воспитанію своимъ человѣкомъ въ аристократическомъ кружкѣ, велъ съ ними религіозныя бесѣды на французскомъ языкѣ, со всею присущею католицизму театральностію: русскій «попъ», мало чѣмъ отличавшійся тогда отъ простого мужика, былъ, конечно, черезчуръ яркой противоположностію отцу-іезуиту. Красотъ русскаго духа, прикрытыхъ внѣшнимъ русскимъ убожествомъ, не знали и не понимали; зато казалось вполнѣ понятнымъ воплощеніе монархической идеи—въ рѣчахъ эмигрантовъ, и единеніе съ Богомъ—въ сладкихъ, иногда торжественныхъ проповѣдяхъ іезуитовъ. Оттого болѣе воспріимчивыя, болѣе нервныя и, быть можетъ, болѣе даровитыя натуры изъ русскихъ женщинъ высшаго общества и сдѣлались жертвами іезуитской пропаганды: онѣ слишкомъ заняты были внутреннею своею жизнію, и кристальная чистота духовнаго ихъ томленія послужила имъ лишь въ пагубу, оторвавъ ихъ отъ родной почвы. Графиня Головина была одной изъ первыхъ жертвъ, захваченныхъ іезуитами, а за ней, и отчасти благодаря ея вліянію, послѣдовалъ рядъ другихъ прозелитокъ, въ томъ числѣ подруга ея, знаменитая впослѣдствіи г-жа Свѣчина; но и въ самомъ своемъ отпаденіи отъ родной вѣры онѣ явились яркимъ выраженіемъ русскаго народнаго духа, духа смиренія и самоотреченія. Западъ такимъ образомъ бралъ себѣ первые дорогіе плоды, посѣянные имъ на русской нивѣ образованности.

Записки свои графиня Головина писала главнымъ образомъ для любимой ею императрицы Елисаветы Алексѣевны, съ ея одобренія: естественно, поэтому, что, при всей своей искренности и правдивости, она касалась въ своихъ воспоминаніяхъ только тѣхъ предметовъ, которые она считала интересными для царствен-

ной своей подруги, или тѣхъ, на которые она желала обратить ея вниманіе. Оттого біографическія данныя о себѣ самой Головина не сообщаетъ въ «Запискахъ» съ должной полнотой; о нѣкоторыхъ же подробностяхъ своей личной жизни она вовсе не упоминаетъ, хотя онѣ весьма важны для правильнаго освѣщенія ея личности. Къ сожалѣнію, наши свѣдѣнія о Головиной также не могутъ быть полны, такъ какъ бумаги ея находятся за границей, въ особенности у достопочтенныхъ отцовъ-іезуитовъ, не очень склонныхъ дѣлиться своимъ наслѣдствомъ для уясненія намъ своего и нашего прошлаго; но и того, что есть у насъ, достаточно, чтобы возстановить, хотя въ краткихъ чертахъ, исторію симпатичной русской женщины, превратившейся велѣніемъ судьбы въ роялистку и католичку.

Графиня Варвара Николаевна Головина, урожденная княжна Голицына, родилась въ 1766 году отъ брака генералъ-поручика князя Николая Өедоровича Голицына (р. 1728 г., † 1780 г.), съ Прасковьей Ивановной Шуваловой (р. 1734 г., † 1802 г.), любимой сестрой славнаго мецената и любимца императрицы Елисаветы Петровны, Ивана Ивановича Шувалова [1]). Варвара Николаевна имѣла двухъ братьевъ, бывшихъ старше ея по возрасту: князя Өедора Николаевича (р. 1751 г., † 1827 г.) и князя Ивана Николаевича (р. 1759 г., † 1777 г). Отецъ Варвары Николаевны былъ, кажется, угрюмаго, сумрачнаго нрава и вовсе не вмѣшивался въ воспитаніе своихъ дѣтей, предоставивъ это дѣло своей женѣ. Подобно брату, И. И. Шувалову, княгиня Прасковья Ивановна отличалась мягкимъ, добрымъ, хотя нерѣшительнымъ характеромъ, и, подобно ему же, любила искусство, умѣла цѣнить образованіе и эти качества передала и своей дочери, княжнѣ Варварѣ. Вмѣстѣ съ мужемъ и двумя младшими дѣтьми, княгиня П. И. Голицына жила въ подмосковномъ селѣ Петровскомъ, Звенигородскаго уѣзда, родовомъ имѣніи Голицыныхъ, тогда какъ старшаго ея сына, князя Өедора, тотчасъ по вступленіи императрицы Екатерины на престолъ, взялъ съ собою за границу И. И. Шуваловъ, не ладившій съ новой государыней и долгое время послѣ того проживавшій въ чужихъ краяхъ до 1777 г. Дѣтство Варвары Николаевны протекло такимъ образомъ въ деревнѣ, въ замкнутомъ семейномъ кружкѣ, внѣ общества подругъ или сверстницъ, и въ душѣ ея заронилась навсегда склонность къ созерцательной жизни и любовь къ природѣ и тихой сельской жизни. Возвращеніе И. И. Шувалова и старшаго сына изъ-за границы въ 1777 г., смерть младшаго сына, случившаяся въ

[1]) Въ книгѣ: «Родъ кн. Голицыныхъ», 165, годъ рожденія В. Н. показанъ ошибочно 1756-й, тогда какъ въ «Запискахъ» своихъ гр. Головина указываетъ, что въ годъ рожденія императора Александра Павловича, т. е. въ 1777 г., ей было только 11 лѣтъ. «Записки» подтверждаютъ такимъ образомъ дату рожденія Головиной, встрѣчающуюся у Карабанова («Статсъ-дамы» и проч.)—12-е февраля 1766 г.—«Русск. Стар.», 1871, 395.

это же время, побудили княгиню Голицыну поѣхать съ семьей въ Петербургъ. Здѣсь, пользуясь покровительствомъ брата, ласково принятаго императрицей, Прасковья Ивановна получила доступъ ко двору, а сынъ ея, князь Өедоръ, пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Окончательно поселилась княгиня Прасковья Ивановна въ Петербургѣ лишь въ 1780 году, послѣ смерти своего мужа. И. И. Шуваловъ былъ старый холостякъ и желалъ, чтобы сестра жила къ нему поближе, а на дѣтей ея онъ смотрѣлъ, какъ на своихъ наслѣдниковъ; притомъ, возрастъ княжны Варвары требовалъ уже, чтобы она познакомилась съ придворной и свѣтской жизнію и довершила свое воспитаніе. Княгиня Голицына жила въ домѣ, прилегавшемъ своей стѣной къ дому И. И. Шувалова, такъ что между обоими домами существовало внутреннее сообщеніе, и они составляли какъ бы одну квартиру [1]). Постоянное общество И. И. Шувалова, его бесѣды съ нимъ, способствовали развитію въ княжнѣ Варварѣ литературнаго и художественнаго образованія и вкуса: основатель Московскаго университета и академіи художествъ имѣлъ у себя прекрасную библіотеку и художественныя собранія; сама Головина разсказываетъ мимоходомъ о своихъ занятіяхъ съ любимымъ дядей. При дворѣ на княжну Голицыну и ея брата смотрѣли, какъ на пріемныхъ дѣтей И. И. Шувалова, государыня ласкала ихъ, и уже въ 1783 году княжна Варвара Голицына была фрейлиной. Но еще ранѣе пятнадцатилѣтняя дѣвушка замѣтила среди придворныхъ кавалеровъ молодого графа Николая Николаевича Головина и полюбила его; Головинъ, съ своей стороны, не скрывалъ своихъ чувствъ къ ней. Хотя Головинъ, по своему происхожденію и богатству, являлся, по взгляду общества, вполнѣ приличной партіей для княжны, но мать ея и дядя, вслѣдствіе крайней молодости невѣсты, отложили вопросъ о бракѣ ея впредь до возвращенія Головина изъ-за границы, куда онъ отправился для довершенія своего образованія. Трехлѣтняя разлука не измѣнила чувствъ княжны Варвары Николаевны, и по возвращеніи Головина изъ-за границы, она вышла за него замужъ: сама императрица благословила ее къ вѣнцу. Выборъ княжны Варвары, кажется, былъ не вполнѣ удаченъ: о Головинѣ отзывались современники вообще съ невыгодной стороны [2]); интимная дружба его съ Ростопчинымъ, «сумасшедшимъ Өедькой», по отзыву Екатерины, также не совсѣмъ

---

[1]) Домъ И. И. Шувалова находился на углу Невскаго и Большой Садовой, нынѣ домъ Шредера, а домъ Голицыной — на Невскомъ, противъ мѣста, занимаемаго теперь Екатерининскимъ скверомъ.

[2]) Безбородко отзывается о немъ, какъ о «негодяѣ» (Арх. кн. Воронц., XII, 349), а князь Вяземскій отзывался о немъ, какъ о пустомъ человѣкѣ (Полное собр. сочин., IX, 8). Родственникъ Головина, кн. А. Н. Вяземскій, отецъ предыдущаго, писалъ о немъ «c'est... un homme paresseux, indolent, sybarite» (Арх. кн. Воронц. XIV, 382).

говоритъ въ его ползу [1]). Во всякомъ случаѣ, графъ Н. Н. Головинъ ничѣмъ особенно дурнымъ не выдѣлялся изъ ряда многихъ другихъ придворныхъ того времени, былъ свѣтски воспитанъ и образованъ, а жена его, даже разочаровавшись въ немъ впослѣдствіи, ни однимъ словомъ упрека не обмолвилась о немъ въ своихъ «Запискахъ» и была вѣрной супругой и матерью семейства. Первые годы своего замужества молодая графиня Головина провела, однако, вполнѣ счастливо; въ роднѣ мужа нашла она для себя и симпатичную подругу, княжну Анну Ивановну Барятинскую [2]), вышедшую замужъ за графа Николая Александровича Толстого. Счастію новобрачной содѣйствовало то обстоятельство, что мужъ ея переселился въ домъ ея матери, и такимъ образомъ она не разлучалась съ нею. Когда, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, графъ Головинъ, числившійся въ рядахъ арміи, долженъ былъ отправиться на театръ военныхъ дѣйствій, жена его отправилась сама навѣстить его, предпринявъ для этого тяжелое и утомительное путешествіе изъ Петербурга въ отдаленную Молдавію.

10-го мая 1793 г. императрица Екатерина обручила своего любимаго внука и предполагаемаго наслѣдника, великаго князя Александра Павловича, съ принцессой баденской Луизой, нареченной въ православіи великой княжной Елисаветой Алексѣевной. Вслѣдъ затѣмъ для молодой четы образованъ былъ особый дворъ, гофмейстеромъ котораго назначенъ былъ графъ Н. Н. Головинъ. Вѣроятной причиной этого назначенія было желаніе императрицы приблизить къ неопытной и молоденькой своей невѣсткѣ графиню Головину, которую она давно оцѣнила за ея преданность къ себѣ, мягкій характеръ и нравственную чистоту. Дѣйствительно, когда бракосочетаніе совершилось, и пятнадцатилѣтняя великая княгиня Елисавета очутилась въ новомъ своемъ отечествѣ въ полномъ нравственномъ одиночествѣ, среди чуждой для нея обстановки, она постепенно подружилась съ Головиной, бывшей старше ея по возрасту, но сохранившей свѣжесть чувствъ первой молодости; съ своей стороны, графиня Головина почувствовала къ великой княжнѣ нѣжную привязанность и навсегда осталась ея другомъ. Императрица поощряла эту дружбу, но лица, составлявшія дворъ великокняжеской четы,

---

[1]) «L'ami intime de Rastoptchine»,—говоритъ о немъ гр. Н. П. Панинъ (Арх. кн. Воронцова, IX, 111). Часть переписки гр. Н. Н. Головина съ Ростопчинымъ, къ сожалѣнію, отрывочная и за позднѣйшее время, напечатана въ «Matériaux en grande partie inédits pour la biographie future du comte Théodore Rostoptchine, rassemblés par son fils», p. 410 et suiv. Изданіе это напечатано было всего въ 12 экземплярахъ въ Брюсселѣ.

[2]) Дочь кн. Ивана Сергѣевича Барятинскаго отъ брака съ принцессой Екатериной Петровной Голштейнъ-Бекской. Мать Екатерины Петровны — принцесса Наталія Николаевна Голштейнъ-Бекская, урожденная графиня Головина, родная тетка гр. Н. Н. Головина.

были недовольны преобладающимъ вліяніемъ Головиной на великую княгиню. Начались интриги противъ нея, и въ нихъ главное участіе принимала гофмейстерина великой княгини, графиня Е. П. Шувалова, и А. Я. Протасовъ: вліянію графини Головиной старались приписывать всѣ ошибки въ поведеніи великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы, доносили о томъ императрицѣ; противъ Головиной высказывалась даже великая княгиня Марія Ѳеодоровна, которая знала о желаніи Екатерины устранить ея супруга отъ престола и боялась вліянія на великокняжескую чету графини Головиной, преданной императрицѣ. Молодая, искренняя и, по характеру своему, неспособная ни къ какимъ интригамъ Головина держалась на своемъ мѣстѣ исключительно, лишь благодаря поддержкѣ императрицы, несмотря даже на враждебныя отношенія къ себѣ Зубова и сдѣлавшагося коварнымъ другомъ великаго князя яраго поляка, кн. Адама Чарторижскаго. Но, со вступленіемъ на престолъ императора Павла, враги Головиной достигли своей цѣли: они успѣли оклеветать ее даже предъ великой княгиней Елисаветой Алексѣевной до такой степени, что великая княгиня сочла ее низкой интриганткой, съ умысломъ вкрадывавшейся въ ея довѣріе, и не захотѣла даже объясниться съ ней. Дружба гр. Н. Н. Головина съ Растопчинымъ, фаворитомъ новаго императора, давала клеветѣ видъ правдоподобія: говорили, что чета Головиныхъ была де только орудіемъ въ рукахъ Растопчина, желавшаго, будто бы, съ ихъ помощію вооружить императора противъ наслѣдника престола и его супруги. Сплетня сдѣлала свое дѣло: Головинъ испросилъ себѣ увольненіе отъ должности гофмейстера при дворѣ великаго князя, а послѣдовавшее затѣмъ назначеніе его сенаторомъ и президентомъ почтоваго правленія, находившагося подъ главнымъ начальствомъ Растопчина, дало видъ достовѣрности клеветамъ враговъ Головиныхъ. Главнымъ виновникомъ этой бѣды Головиныхъ былъ графъ Николай Александровичъ Толстой, который желалъ занять мѣсто графа Головина при великомъ князѣ и, будучи въ это время въ размолвкѣ съ своей женой, подругой графини В. Н. Головиной, объяснялъ именно ея вліяніемъ на жену свои семейныя невзгоды, имѣвшія совершенно другой источникъ. Истина обнаружилась, но спустя лишь десять лѣтъ. Графиня Эдлингъ, бывшая одною изъ любимыхъ фрейлинъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, писала впослѣдствіи, говоря о дружбѣ, связывавшей императрицу съ графиней Головиной: «Интригѣ удалось разъединить ихъ; графиня Головина удалилась тогда отъ предмета своего обожанія, но никогда не переставала любить императрицу» [1]). Въ «Запискахъ» своихъ Головина подробно разсказываетъ, какія страданія она выносила, чувствуя незаслуженное невниманіе и даже презрѣніе къ себѣ лица, которому она предана была всѣмъ сердцемъ:

---

[1]) «Mémoires de la comtesse Edling», 46.

положеніе это было тѣмъ болѣе тягостнымъ, что она десять лѣтъ мучилась въ догадкахъ, не зная, въ чемъ именно она была оклеветана предъ императрицей.

Увлекаясь разсказомъ о своихъ отношеніяхъ къ императрицѣ, графиня Головина не упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ», что, въ началѣ царствованія Павла, она лишилась своего семейнаго кружка, въ которомъ привыкла жить съ дѣтства. Братъ ея, кн. Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ императора Павла, назначенъ былъ по просьбѣ дяди, И. И. Шувалова, кураторомъ Московскаго университета и сталъ жить въ Москвѣ, а въ ноябрѣ 1797-го года умеръ и самъ И. И. Шуваловъ. Мало того, именно въ это время она должна была узнать, что мужъ ея имѣлъ побочнаго сына [1]), а это обстоятельство должно было произвести на любящую и строго-нравственную жену, довѣрявшую мужу, тяжелое впечатлѣніе: хотя въ «Запискахъ» она нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о постигшихъ ее семейныхъ несчастіяхъ, но съ этого времени почти вовсе не упоминаетъ о мужѣ, говоря о своихъ занятіяхъ и времяпрепровожденіи. Всѣ эти невзгоды страшно повліяли на графиню Головину, которая въ привязанности къ дорогимъ ей людямъ искала себѣ счастія, а между тѣмъ потерпѣла въ этомъ отношеніи жестокое разочарованіе. Остававшаяся еще въ живыхъ мать Головиной, княгиня П. И. Голицына, была уже въ преклонномъ возрастѣ и постоянно хворала, а двѣ дочери были еще дѣтьми. Гдѣ же нашла для себя Головина утѣшеніе и поддержку?

Тимковскій, жившій въ домѣ И. И. Шувалова, незадолго до его смерти, разсказываетъ, что домъ его наполненъ былъ французскими эмигрантами [2]). Въ числѣ ихъ были и іезуиты, но іезуиты скрытые, еще не обнаруживавшіе своихъ цѣлей и принадлежности къ обществу Іисуса. Княгиня Голицына и графиня Головина постоянно находились при И. И. Шуваловѣ, принимая всѣхъ лицъ, посѣщавшихъ его. «Молодая, круглая дама», какъ называетъ Головину Тимковскій, была главнымъ центромъ собиравшагося общества; изъ числа собесѣдниковъ выдѣлялся всегда іезуитъ кавалеръ д'Огардъ, подъ личиной веселаго свѣтскаго болтуна умѣвшій вывѣдывать почву и заручиться расположеніемъ вліятельныхъ лицъ [3]), и покровитель его, графъ Шуазель-Гуфье, только что назначенный директоромъ публичной библіотеки и, вмѣстѣ съ д'Огардомъ, способствовавшій ея расхищенію. И. И. Шуваловъ, окруженный «чумою», какъ называлъ эмигрантовъ Ростопчинъ, не питалъ къ нимъ однако особаго довѣрія, но терпѣлъ ихъ, по мягкости и нерѣшительности своего

[1]) Сенатскій Архивъ, т. I, 702.

[2]) Русскій Арх., 1874, I, 1439—1465.

[3]) «L'honneur de l'introduction du catholicisme parmi les Russes, говоритъ одна изъ его жертвъ, г-жа Свѣчина, est dû au chevalier d'Augard». Falloux: «Madame Swetchine» etc., I, 30.

характера; старческій, немощный гнѣвъ его проявлялся иногда лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда французы позволяли себѣ затронуть какую либо слабую струну его, и въ этихъ случаяхъ княгиня Голицына и графиня Головина являлись защитницами нескромнаго гостя: однажды Шуваловъ, по ничтожному поводу, выгналъ изъ дому извѣстнаго Пикара, корреспондента князя А. Б. Куракина, и простилъ его лишь по просьбѣ сестры и племянницы.

Но послѣ смерти Н. И. Шувалова эмигранты и іезуиты уже не имѣли нужды стѣсняться въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей, и графиня Головина сдѣлалась болѣе доступной ихъ вліянію. Рѣшающее для нея значеніе имѣло знакомство ея съ извѣстной эмигранткой, принцессой де-Тарантъ, бывшей статсъ-дамой королевы Маріи-Антуанеты. Это была женщина уже пожилая и нѣсколько отталкивающей наружности, но добродѣтельная и умная, обладавшая притомъ твердымъ, настойчивымъ характеромъ, закалившимся въ горнилѣ революціонныхъ бурь. Подъ вліяніемъ страшнаго урока, даннаго революціей, многія изнѣженныя, легкомысленныя француженки, принадлежавшія къ высшей французской аристократіи, испытали своего рода нравственное превращеніе: школа несчастій выработала у нихъ чувство собственнаго достоинства, сознаніе долга въ семьѣ и къ обществу, преданность королю и церкви. Въ женщинахъ же, подобныхъ де-Тарантъ, внезапная перемѣна судьбы должна была возбудить фанатизмъ въ послѣдованіи идей, которымъ онѣ были вѣрны всю свою жизнь: она была, дѣйствительно, plus royaliste que le roi-même и являлась фанатической католичкой, видѣвшей спасеніе отъ растлѣвающихъ ученій якобинства, главнымъ образомъ, въ дѣятельности отцовъ-іезуитовъ. Еще до знакомства своего съ де-Тарантъ, графиня Головина питала къ ней чувство уваженія за преданность, которую она показала къ несчастной королевской семьѣ: между тѣмъ, слыша о разностороннемъ образованіи Головиной, сама де-Тарантъ не думала встрѣтить въ ней единомысліе, считала ее даже «педанткой». Когда обѣ женщины узнали другъ друга ближе, то между ними оказалась полная гармонія: обѣ были несчастны, обѣ чувствовали себя одинокими нравственно, обѣ склонны были къ экзальтаціи, но графиня Головина, какъ натура болѣе мягкая, подчинилась нравственному руководительству г-жи де-Тарантъ и восприняла отъ нея уже сложившееся міросозерцаніе, котораго она не могла себѣ выработать сама, благодаря своему безпочвенному, экзотическому, хотя и широкому образованію [1]).

[1]) О де-Тарантъ существуютъ многочисленныя показанія современниковъ. См. Морошкина «Іезуиты въ Россіи», «Арх. кн. Воронцова», passim, «Воспоминанія гр. Бутурлина» въ «Русск. Арх.» 1897 г. и т. д. О характерѣ вліянія г-жи де-Тарантъ одинъ историкъ-іезуитъ отзывается слѣдующимъ образомъ: «Ея политическія идеи не отличались ни серьезностью, ни глубиною, но онѣ сочетались съ такими величественными преданіями, съ такими трогательными несчастіями, что

Дружба Головиной съ де-Тарантъ была торжествомъ для іезуитовъ. Де-Тарантъ поселилась у своей подруги, и домъ Головиной сдѣлался центромъ католической пропаганды въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Такимъ образомъ, простодушная Головина, сама не зная того, сдѣлалась въ рукахъ іезуитовъ общественной силой для совращенія русскихъ женщинъ высшаго общества въ католичество. Помимо цѣлей религіозныхъ и политическихъ, іезуиты добывали себѣ тѣмъ и матеріальныя средства, путемъ пожертвованій и приношеній на религіозныя и благотворительныя цѣли, а Головины имѣли 100.000 р. годового дохода. Трудно опредѣлить время совращенія Головиной: сама она ни словомъ не упоминаетъ даже о переходѣ своемъ въ латинство, такъ какъ іезуиты требовали, чтобы прозелитки наши сохраняли въ тайнѣ свое отступничество. Вѣроятно, что Головина приняла католичество въ 1800 году, въ одно время съ нѣкоторыми другими представительницами высшаго общества, когда впервые дѣятельность іезуитовъ въ Россіи принесла свои плоды. Вліяніе де-Тарантъ въ домѣ Головиной сдѣлалась такъ велико, что, по отзыву самихъ іезуитовъ, дочери Головиной относились къ ней такъ же, какъ и къ матери (partageaient leur tendre dévouement entre leur mère et cet hôte illustre) [1]. Мужья, въ большинствѣ случаевъ зараженные «вольтерьянствомъ», обыкновенно смотрѣли на религіозную горячку своихъ женъ съ насмѣшливымъ равнодушіемъ, не замѣчая, что ихъ дѣти также становились чужды своему отечеству. Такимъ образомъ, много русскихъ аристократическихъ семействъ сами себя вычеркнули изъ списка русскихъ подданныхъ. Замѣчательно, что со времени обращенія своего въ католицизмъ графиня Головина не говоритъ вовсе о своемъ братѣ, кн. Ѳедорѣ Ник. Голицынѣ, который въ оставшихся послѣ него «Запискахъ» платитъ сестрѣ тою же монетою, вовсе не упоминая о ней, тогда какъ по нравственнымъ своимъ качествамъ и образованію онъ, наравнѣ съ сестрою, является достойнымъ воспитанникомъ и наслѣдникомъ Шувалова. Не является ли это обстоятельство симптомомъ охладенія Голицына и Головиной другъ къ другу послѣ принятія Головиной католицизма, такъ какъ кн. Ѳедоръ Николаевичъ, по духу и міросозерцанію своему, былъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ? Позволяемъ себѣ эту догадку: до такой степени поразительно это обоюдное умолчаніе, въ особенности со стороны Головиной, которая зато охотно вдается въ совершенно лишнія подробности, говоря объ эмигрантахъ и патерахъ.

въ ней видѣли живое воплощеніе прошедшаго и приближались къ ней съ чувствомъ глубокаго уваженія и умиленія». Falloux, I, 164. Графиня Эдлингъ, которая не допустила де-Тарантъ совратить себя въ католичество, хвалитъ однако ея умъ и характеръ, но прибавляетъ: «она судила обо всемъ только съ точки зрѣнія своихъ предубѣжденій». Mémoires, 45.

[1]) Falloux, I, 164.

Когда во Францiи желѣзная рука перваго консула начала водворять порядокъ, г-жа де-Тарантъ уѣхала во Францiю повидаться съ родными. За нею туда же отправились и Головины, такъ какъ, съ восшествiемъ на престолъ императора Александра, имъ было неудобно оставаться при дворѣ, вслѣдствiе прежнихъ недоразумѣнiй; притомъ здоровье княгини П. И. Голицыной требовало лѣченiя за границей. Два года пробыла Головина въ Парижѣ, и здѣсь она окончательно порвала духовныя свои связи съ родиной, но зато вошла въ единенiе съ Сенъ-Жерменскимъ предмѣстьемъ. Съ началомъ наполеоновскихъ войнъ, Головина должна была возвратиться въ Россiю, но ее сопровождала ея неразлучная подруга, де-Тарантъ. Замѣчательно, что, живя вдали отъ двора и отечества, Головина продолжала думать и горевать объ императрицѣ Елисаветѣ, сознавая искренность своей привязанности къ ней и надѣясь когда либо очистить себя въ ея глазахъ. Когда она успѣла достигнуть этой цѣли по возвращенiи въ Петербургъ, велика была ея радость. Годы отчужденiя сдѣлали, однако, свое дѣло: прежнiя отношенiя и прежнее довѣрiе уже не могли возвратиться; притомъ императрица Елисавета должна была быть къ ней сдержанной, такъ какъ дѣятельность iезуитовъ въ Россiи уже обратила на себя вниманiе правительства, а графиня Головина всѣмъ была извѣстна, какъ ревностная ихъ покровительница. Въ 1814 году Головину постигъ ужасный ударъ: она лишилась г-жи де-Тарантъ; можно было сказать, что она умерла отъ радости: смерть застигла ее въ то время, когда получена была въ Петербургѣ вѣсть о низложенiи Наполеона и реставрацiи Бурбоновъ. Тѣло де-Тарантъ Головины отправили во Францiю къ ея роднымъ.

Дальнѣйшая жизнь графини В. Н. Головиной была уже для нея медленнымъ угасанiемъ. Жила она съ мужемъ попреимуществу въ Петербургѣ. Дочери ея получили фрейлинскiй шифръ, а графъ Н. Н. Головинъ занималъ высокое положенiе члена государственнаго совѣта, имѣлъ званiе оберъ-шенка и съ 1817 года былъ предсѣдателемъ коммиссiи по построенiю Исаакiевскаго собора. 9 апрѣля 1816 года, графиня Головина, какъ бы въ забвенiе старыхъ обидъ, пожалована была въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины. Дочери Головиной, воспитанныя въ католицизмѣ, также вышли замужъ за католиковъ: графиня Прасковья Николаевна за графа Максимилiана Фредро, а графиня Елисавета Николаевна за графа Льва Потоцкаго. О послѣднемъ перiодѣ жизни Головиной свѣдѣнiй почти вовсе не сохранилось, за исключенiемъ отрывочныхъ замѣчанiй, случайно встрѣчающихся на пути изслѣдователя. Неизвѣстенъ въ точности даже годъ ея смерти: Карабановъ относитъ ее къ 1821 году [1]), историкъ рода Голицыныхъ—къ 1824 году [2]), а

[1]) «Русская Старина» («Статсъ-дамы» и проч.), 1871, I, 48; X, 395.

[2]) «Родъ князей Голицыныхъ», 163.

графъ Андрей Ростопчинъ—къ 1819 г., свидѣтельствуя, что графиня Варвара Николаевна скончалась во Франціи, въ Монпелье, за годъ до смерти мужа, графа Н. Н. Головина, умершаго въ 1820 году [1]). Мы принимаемъ послѣднее извѣстіе, какъ самое вѣроятное.

Огромное состояніе Головиныхъ постигла печальная участь. Графъ Н. Н. Головинъ велъ вообще разсѣянную, открытую жизнь, а графиня Варвара Николаевна немало, конечно, помогала іезуитамъ и всякаго рода эмигрантамъ, хотя и умалчиваетъ объ этомъ по скромности. Виже-Лебренъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ царствованіе императора Павла, когда она была въ Петербургѣ и посѣщала Головиныхъ, графъ Н. Н. Головинъ занималъ иногда крупныя суммы у своего управляющаго, на видъ простого мужика, для расплаты съ долгами; разумѣется, что и управляющій пользовался за это бо̀льшими выгодами, чѣмъ одной высокой честью, какъ наивно думала графиня, отобѣдать со своимъ принципаломъ [2]). Это было какъ разъ въ то время, когда князь А. И. Вяземскій писалъ, что у графа Н. Н. Головина 100.000 тысячъ руб. въ годъ дохода [3]). Разумѣется, что съ теченіемъ времени дѣла Головиныхъ запутывались еще болѣе, долги возрастали. Поэтому, по кончинѣ отца въ 1821 году, графиня Фредро и графиня Потоцкая исходатайствовали себѣ, для ликвидаціи дѣлъ по наслѣдству, необычайное право—разыграть всѣ недвижимыя имѣнія графа Н. Н. Головина, въ томъ числѣ извѣстное село Воротынецъ Нижегородской губерніи, въ лотерею. Всѣ имѣнія оцѣнены были въ $8^1/_2$ милліоновъ рублей; въ одномъ Воротынцѣ съ деревнями считалось 4.108 душъ при 34.000 десятинъ земли съ богатыми рыбными ловлями, великолѣпной усадьбой, садами и большой паровой мельницей, что̀ было въ ту пору чрезвычайною рѣдкостью, почти чудомъ [4]). Неизвѣстно, какую прибыль отъ этой лотереи получили наслѣдницы, хотя всѣ билеты на 8.500.000 рублей были распроданы [5]). Головинская дача, любимое мѣстопребываніе

---

[1]) «Materiaux» etc., 411.

[2]) «Souvenirs» etc., I, 349. — «Однажды, разсказываетъ г-жа Лебренъ, когда я пріѣхала обѣдать къ графу Головину, я застала въ залѣ высокаго и дороднаго человѣка, который имѣлъ видъ простого мужика. Когда доложили объ обѣдѣ, этотъ человѣкъ сѣлъ съ нами за столъ. Это показалось мнѣ до того необыкновеннымъ, что я потихоньку спросила графиню: кто это такой? «Это управляющій моего мужа», — отвѣчала она: «онъ только что далъ графу взаймы 60 тысячъ рублей, чтобы намъ можно было расплатиться съ нѣкоторыми долгами; такое одолженіе со стороны управляющаго стоитъ обѣда, которымъ мы его накормимъ».

[3]) Архивъ князя Воронцова, XIV, 382.

[4]) Карповичъ: «Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи» 103—104.

[5]) Дѣла комиссіи по долгамъ графа Головина и по лотереѣ его имѣній находятся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи (Иконниковъ: «Опытъ русской исторіографіи», 1, 420). Къ сожалѣнію, мы не имѣли случая съ ними познакомиться, хотя, несомнѣнно, въ нихъ есть навѣрно любопытные документы о В. Н. Головиной. Было бы интересно знать, между прочимъ, нѣтъ ли въ дѣлахъ комиссіи фамильныхъ документовъ или бытовыхъ подробностей о Головиныхъ.

графини В. Н. Головиной (на Невѣ, у Строганова моста, у впаденія въ Неву Черной рѣчки) еще ранѣе куплена была императрицей Маріей Ѳеодоровной для Петербургскаго воспитательнаго дома.

Итакъ, отъ Головиныхъ въ Россіи не осталось ничего, портреты В. Н. Головиной сохранились лишь въ семьѣ кн. Голицыныхъ [1]). Но В. Н. Головина сама соорудила себѣ памятникъ, написавъ свои «Записки». Судьба этихъ «Записокъ» такъ же замѣчательна, какъ и судьба ихъ автора: 80 лѣтъ оригиналъ лежитъ гдѣ-то за границей подъ спудомъ, и это—въ то время, когда русская наука, въ теченіе 40 слишкомъ лѣтъ, собираетъ всевозможные матеріалы для уясненія русской исторіи за вторую половину XVIII вѣка, и когда мы дорожимъ каждой строчкой правдиваго, искренняго современника Екатерины и Павла. Показанія современниковъ, это—отголосокъ былой жизни, когда-то бившей ключемъ, это открытыя части картины прошедшаго, съ которой мы стараемся снять завѣсу. Есть свѣтила, настолько удаленныя отъ земли, что лучи свѣта отъ нея доходятъ до нихъ чрезъ сотни лѣтъ, такъ что съ нихъ можно было бы, будь соотвѣтствующіе оптическіе аппараты, наблюдать жизнь земли за 200, 300 лѣтъ тому назадъ, видѣть, напримѣръ, Петра Великаго, «среди топи блатъ» основывающаго Петербургъ. Эта фантастическая возможность становится реальною, когда мы слышимъ голосъ современника, и чѣмъ болѣе слышимъ этихъ голосовъ, тѣмъ яснѣе и реальнѣе дѣлается картина родной нашей старины.

Въ послѣднее время выражено было мнѣніе, что, къ сожалѣнію, накопленныя груды историческаго матеріала не становятся попутно предметомъ историческаго изслѣдованія, но, сколько намъ извѣстно, крупныя историческія работы по XVIII вѣку иногда являются мало производительными именно вслѣдствіе недостатка матеріала: существуютъ историческіе труды, которые, почти тотчасъ же по появленіи своемъ въ свѣтъ, оказывались устарѣвшими именно вслѣдствіе внезапнаго появленія на свѣтъ Божій матеріаловъ, о существованіи которыхъ даже не догадывались ранѣе. Понятно, поэтому, что русскій историкъ бережетъ силы и время, такъ какъ каждый серьезный трудъ его есть работа и каменщика, и архитектора въ одно и то же время, и часто притомъ работа впотьмахъ. Оттого, мнѣ кажется, было бы справедливѣе сказать, что мы до сихъ поръ мало знаемъ свою исторію, да и не будемъ хорошо знать до тѣхъ поръ, пока не мы владѣемъ историческимъ матеріаломъ, а онъ властвуетъ надъ нами, подавляя насъ своей безформенной, неупорядоченной грудой. Вотъ почему русскому историку приходится работать гораздо больше и

[1]) Снимокъ съ одного изъ этихъ портретовъ, съ разрѣшенія кн. Александра Михайловича Голицына, владѣльца села Петровскаго, прилагается при настоящемъ изданіи. Виже-Лебрёнъ, знаменитая портретистка своего времени, упоминаетъ объ одномъ портретѣ Головиной своей работы («Souvenirs» etc., II, 371), но гдѣ онъ находится—намъ неизвѣстно.

все-таки менѣе производительно, чѣмъ историку западному: на Западѣ всѣ историческіе матеріалы въ большинствѣ случаевъ разобраны и классифицированы, критика текста составляетъ тамъ удѣлъ однихъ лицъ, а критика историческая и изслѣдованіе эпохи—удѣлъ другихъ; между тѣмъ, у насъ, въ Россіи, историкъ долженъ самъ отыскивать матеріалы, пригодные для его работы,—дѣлать кирпичи для возводимаго имъ зданія, онъ же самъ приготовляетъ для нихъ цементъ, самъ наконецъ слагаетъ зданіе. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что въ зданіи этомъ часто оказываются трещины; часто историческое зданіе, съ трудомъ возведенное, оказывается построеннымъ на пескѣ или остается недостроеннымъ, бросаясь въ глаза всѣмъ, интересующимся русской исторіей, своимъ безобразнымъ фасадомъ или одиноко торчащей трубою. Историческая мысль у насъ прогрессировала и отчасти прогрессируетъ главнымъ образомъ въ области теоретическихъ построеній, сообразно вѣяніямъ времени, но для людей науки остается открытымъ одинъ лишь вопросъ о томъ, всегда ли эти построенія должнымъ образомъ фактически обоснованы.

«Записки» Головиной, въ нѣсколькихъ копіяхъ съ французскаго оригинала, извѣстны весьма немногимъ лицамъ, сообщившимъ небольшіе отрывки изъ нихъ во всеобщее свѣдѣніе какъ бы для того только, чтобы подразнить законное любопытство читателей. Прежде всего, выдержки изъ «Записокъ», въ переводѣ на русскій языкъ, привелъ въ своихъ сочиненіяхъ кн. П. А. Вяземскій [1]), а затѣмъ, весьма недавно онѣ появились въ изданіяхъ гр. Шереметева [2]) и, какъ цитаты, въ сочиненіяхъ г. Бильбасова [3]) и Шумигорскаго [4]). Во Франціи, вѣроятно, изъ іезуитскаго источника также обнародованы два небольшихъ отрывка изъ «Записокъ» за подписью: одинъ— гр. Фицтума, а другой — маркиза Коста де-Борегара [5]); онѣ переведены были на русскій языкъ г. Шильдеромъ и напечатаны въ «Русской Старинѣ» по поводу исполнившагося столѣтія со дня кончины Екатерины II [6]), г. Майковымъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» [7]) и г. Бартеневымъ въ «Русскомъ Архивѣ» [8]). Мы сдѣлали переводъ «Записокъ» съ доставшейся намъ копіи съ нихъ, вполнѣ совпадаю-

---

[1]) Кн. П. А. Вяземскій: «Полное собраніе сочиненій», VIII, 84—88.

[2]) «Отголоски XVIII в.», VI, и «Архивъ села Михайловскаго», I, LXXIV, LXXV.

[3]) Бильбасовъ: «Исторія Екатерины II», I, 246, II, 456 и слѣд., XII, ч. 2-я, 497—499, 528.

[4]) Шумигорскій: «Екатерина Ивановна Нелидова», passim.

[5]) Catherine II d'après des memoires inédits. Par le comte Vitzthum. Paris. 1890.—La mort de l'empereur Paul I. Par m-r le marquis Costa de Beauregard. Paris. 1896. (Revue d'histoire diplomatique, X, 360).

[6]) «Русская Старина», 1896, XI, 472—480.

[7]) «Русское Обозрѣніе», III, 811.

[8]) «Русскій Архивъ», 1890, II, 281, 1897, II.

щей своими частями съ напечатанными уже отрывками изъ французскаго оригинала, такъ какъ нѣтъ никакой надежды на то, чтобы владѣльцы оригинала напечатали его хотя бы въ отдаленномъ будущемъ: графъ Фицтумъ и маркизъ де-Борегаръ, печатая свои отрывки, не назвали даже автора ихъ, графиню В. Н. Головину, ссылаясь на данное кому-то обѣщаніе не обнаруживать его имени. Невозможно предполагать, чтобы такое условіе могли поставить потомки Головиной по женской линіи, если они существуютъ... 80 лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ кончины гр. В. Н. Головиной, и пора наконецъ русскому обществу познакомиться съ нерукотворнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ себѣ нашей благородной и симпатичной соотечественницей, пора ея имени стать на ряду съ именами знаменитыхъ русскихъ женщинъ-мемуаристокъ XVIII в.: Натальи Долгорукой, Екатерины II и княгини Дашковой.

Сама графиня Головина была весьма скромнаго мнѣнія о своихъ «Запискахъ» и не хотѣла дать имъ громкаго названія мемуаровъ: «онѣ, говоритъ она, содержатъ лишь скромныя воспоминанія о царствованіи Екатерины II, Павла I и его сына Александра». Дѣйствительно, рамки ея «Записокъ» довольно узки: мало интересуясь общими и политическими вопросами, она излагаетъ преимущественно только тѣ факты, которые такъ или иначе касались особъ, къ которымъ питали привязанность, такъ что «Записки» Головиной не имѣютъ даже автобіографическаго характера, не представляя почти никакихъ свѣдѣній о ея семействѣ и о ея жизни во всемъ ея цѣломъ. Предъ читателями являются три центральныя фигуры ея воспоминаній: Екатерина II, императрица Елисавета Алексѣевна и принцесса де-Тарантъ, къ которымъ Головина питала любовь, доходившую до обожанія. Искренность и правдивость Головиной не подлежатъ сомнѣнію: о фактахъ, которые ей не нравились, она молчитъ, но не потому, чтобы она сознательно хотѣла извращать истину, а просто потому, что ей тяжело, непріятно о нихъ вспоминать и говорить; зато все, о чемъ она говоритъ, она дѣйствительно видѣла или слышала, придавая слышанному полную вѣру. Такимъ образомъ, личная жизнь Головиной, ея личныя свойства, достаточно ясно опредѣляютъ содержаніе ея «Записокъ», но на объемъ его, кромѣ того, повліяло и др. случайное обстоятельство. Проживъ большую половину жизни и желая возобновить въ памяти подробности о сношеніяхъ своихъ съ любимыми лицами, Головина начала писать свои «Записки» лишь для себя одной, но объ этой ея работѣ узнала императрица Елисавета и пожелала познакомиться съ нею. Начало «Записокъ» (объ екатерининскомъ времени) встрѣтило одобреніе императрицы, и, приглашая Головину продолжать «Записки», она просила ее сообщать ей ихъ и впредь. Легко понять, что это желаніе императрицы Елисаветы Алексѣевны побудило Головину вводить въ свои воспоминанія по преимуществу или тѣ факты, которые

касались императрицы, или тѣ, на которые Головина желала обратить ея вниманіе. Поэтому время царствованія Павла I, когда Елисавета Алексѣевна испытывала сильныя огорченія въ семейномъ быту и когда Головина находилась въ Петербургѣ, является наиболѣе полной и любопытной частью ея «Записокъ», также заслужившей полное одобреніе императрицы. Но пребываніе графини за границей, ея сношенія съ обитательницами Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и патерами не могли въ то время интересовать государыню, вообще чуждавшуюся Франціи и не любившую французовъ ни стараго, ни новаго поколѣнія, и она дала замѣтить это графинѣ Головиной; съ другой стороны, Головина не могла уже писать о придворныхъ событіяхъ и о русской современной жизни съ тою же подробностію, какъ прежде, такъ какъ ея «воспоминанія» хронологически превращались уже въ «дневникъ» или, точнѣе, въ «лѣтопись», въ которой уже неудобно было доводить до свѣдѣнія государыни о лицахъ и событіяхъ. Это было причиной того, что послѣдняя часть записокъ Головиной, обнимающая собою время съ 1805 по 1807 годъ, является наиболѣе краткой, до лаконизма, несмотря на важность происходившихъ въ то время событій; но, при всей своей краткости, нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя Головиной даже въ этой части, чрезвычайно интересны по своему исключительному значенію.

Головина писала для себя и императрицы, которую она чрезвычайно любила: слѣдовательно, она не хотѣла и не могла сочинять; одобреніе императрицы придаетъ «Запискамъ» Головиной также особую цѣну, такъ какъ служитъ во многихъ отношеніяхъ мѣриломъ чувствъ и мнѣній самой государыни. Но правдивость Головиной не можетъ быть гарантіей достовѣрности фактовъ, о которыхъ она передаетъ по слуху; точно также ея точка зрѣнія на происходившія предъ ея глазами событія, ея оцѣнка лицъ, съ которыми ей приходилось встрѣчаться,—не всегда отвѣчаетъ дѣйствительности: впечатлительный авторъ «Записокъ», съ одной стороны, слишкомъ увлекался своими симпатіями и антипатіями, а съ другой — склоненъ былъ смотрѣть на вещи исключительно съ моральной и житейски-мелочной точки зрѣнія. Политическую и общественную жизнь графиня Головина знала очень мало и поэтому не понимала сокровеннаго смысла даже тѣхъ событій, въ которыхъ принимала непосредственное участіе, и отъ которыхъ часто страдала, хотя въ коренной причинѣ своихъ страданій не могла дать себѣ отчета. Придворныя интриги были чужды Головиной, и она, напримѣръ, положительно увѣряетъ, что императрица Екатерина не думала лишать Павла Петровича правъ на престолонаслѣдіе, хотя, вѣроятно, охлажденіе къ Головиной великаго князя Александра и великой княгини Маріи Ѳеодоровны вызвано было именно особымъ вниманіемъ Екатерины къ Головиной въ то время, когда, противодѣйствуя планамъ импе-

ратрицы, они отстраняли отъ себя всѣхъ преданныхъ императрицѣ лицъ. Въ примѣчаніяхъ къ «Запискамъ» мы дѣлаемъ иногда оговорки къ подобнымъ неумышленнымъ ошибкамъ Головиной, но подобныя ошибки являются лишь новымъ доказательствомъ чистоты ея сердца и порукой въ ея безупречно-искреннемъ образѣ дѣйствій въ испорченной нравственно придворной средѣ конца XVIII вѣка.

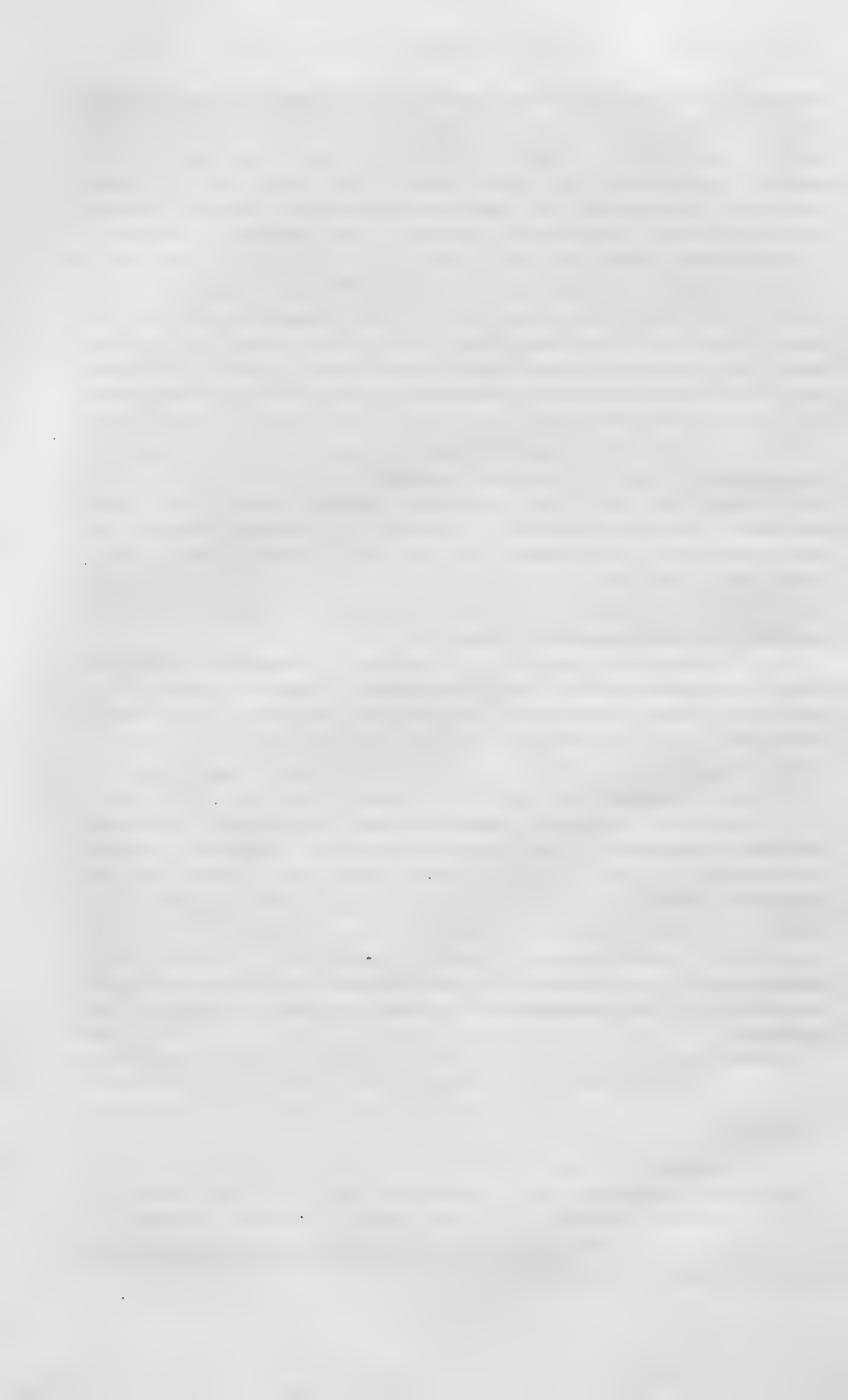
Фактическая часть «Записокъ» Варвары Николаевны Головиной не исчерпываетъ, однако, ихъ значенія. Во всѣхъ правдиво написанныхъ, не сочиненныхъ мемуарахъ нужно отличать душу ихъ отъ тѣла; факты—это тѣло мемуаровъ, а душу ихъ составляетъ неуловимый, но ясно чувствуемый отпечатокъ эпохи во всѣхъ разсужденіяхъ автора, въ его образѣ мыслей и чувства, во всѣхъ подробностяхъ излагаемыхъ фактовъ и манерѣ ихъ изложенія, и чѣмъ мельче какой либо фактъ, чѣмъ онъ обыденнѣе, тѣмъ ближе, намъ кажется, соприкасаемся мы съ недавней стариною. Отъ «Записокъ» Головиной вѣетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэзіей: многія изъ нарисованныхъ ею картинъ быта и нравовъ просятся на полотно или на страницы художественнаго историческаго романа. Впечатлѣніе, оставляемое чтеніемъ «Записокъ», такое же чистое, какъ чиста нравственная личность ихъ автора, умѣвшаго любить и не находившаго въ себѣ силъ для вражды.

Въ «Запискахъ» своихъ гр. Головина упоминаетъ нѣсколько разъ о художественныхъ своихъ работахъ. Извѣстенъ, между прочимъ, ея рисунокъ: Екатерина, сидящая въ Царскосельской Камероновской колоннадѣ. На экземплярѣ гравюры съ этого рисунка, принадлежавшемъ гр. Д. А. Толстому, помѣчено внизу перомъ: «Catherine II, dessinée par Mad-e la Comtesse Golowine». По отзыву Д. А. Ровинскаго, рисунокъ этотъ — «очень характерный и схожій профиль Екатерины» [1]). Въ драгоцѣнной своей коллекціи П. Я. Дашковъ успѣлъ сохранить для потомства нѣсколько другихъ работъ Головиной. Если за границей сохранились еще другіе рисунки Головиной, то нельзя не выразить желанія, чтобы они нашли себѣ мѣсто въ русскомъ національномъ музеѣ — императора Александра III, точно такъ же, какъ бумаги ея вполнѣ прилично было бы хранить въ другой русской сокровищницѣ — въ Императорской Публичной библіотекѣ.

Евгеній Шумигорскій.

---

[1]) Д. А. Ровинскій: «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», II, 856, № 342, IV, 393.

ЕКАТЕРИНИНСКОЕ ВРЕМЯ.

I.

Дѣтство графини В. Н. Головиной, урожденной княжны Голицыной.—Поѣздка въ Петербургъ.—Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.—Семейныя событія и переселеніе въ Петербургъ.—Графъ Н. Н. Головинъ.—Придворная жизнь.—Пожалованіе фрейлиной.—Возвращеніе гр. Головина изъ-за границы.—Замужество.—Милости къ графинѣ Головиной императрицы Екатерины и великой княгини Маріи Ѳеодоровны.—Несчастные роды гр. Головиной.

Есть ранняя эпоха въ нашей жизни, о прошедшихъ моментахъ которой всегда вспоминаютъ съ грустью, — эпоха, когда все способствуетъ нашей самоудовлетворенности: здоровье юности, свѣжесть впечатлѣній, естественная живость, которая владѣетъ нами; ничто тогда не кажется невозможнымъ. Всѣ эти способности мы употребляемъ на то только, чтобы наслаждаться жизнію всевозможными способами. Предметы проходятъ предъ нашими глазами, мы разсматриваемъ ихъ съ большимъ или меньшимъ интересомъ; бываютъ такіе, которые поражаютъ наше вниманіе, но мы слишкомъ увлекаемся ихъ разнообразіемъ, чтобы въ нихъ вдумываться. Никогда мы не можемъ сосредоточиться на чемъ нибудь одномъ. Воображеніе, чувствительность, которыя наполняютъ наше сердце, эти душевныя движенія, которыя даютъ себя чувствовать для того, чтобы смущать насъ, и которыя какъ бы предваряютъ насъ, что они должны господствовать надъ нами,—всѣ эти различныя чувства волнуютъ, тревожатъ насъ, а мы не можемъ разобраться ни въ одномъ изъ нихъ... Вотъ что я испытывала, вступая въ свѣтъ, въ ранней своей молодости!

Мое дѣтство протекло почти все въ деревнѣ: мой отецъ, князь Голицынъ [1]), любилъ жить въ готическомъ замкѣ, пожалованномъ

[1]) Кн. Николай Ѳедоровичъ, генералъ-поручикъ, род. 2 декабря 1728 г., ум. 30 марта 1780 г. Съ 8 октября 1749 г. жен. на Прасковьѣ Ивановнѣ Шуваловой.

царицами его предкамъ [1]) Мы оставляли городъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и возвращались туда только въ ноябрѣ. Моя мать была небогата, и потому не могла дать мнѣ блестящаго образованія [2]). Я съ ней почти не разлучалась: своей добротой и ласками она вполнѣ пріобрѣла мое довѣріе; я не ошибусь, если скажу, что съ тѣхъ поръ, какъ я стала говорить, я отъ нея ничего не утаивала. Она позволяла мнѣ свободно бѣгать повсюду одной, стрѣлять изъ лука, спускаться съ холмика, перебѣгать черезъ равнину до рѣчки, окаймляющей ее, гулять по опушкѣ лѣса, куда выходили окна комнаты моего отца, влѣзать на старый дубъ, около самаго дома, и срывать съ него жолуди; но зато мнѣ строго запрещалось лгать, клеветать на кого нибудь, невнимательно относиться къ несчастнымъ, презирать нашихъ сосѣдей, людей бѣдныхъ, грубоватыхъ, но добрыхъ. Какъ только мнѣ минуло восемь лѣтъ, моя мать стала нарочно оставлять меня съ ними одну, чтобы я пріучилась занимать ихъ; она уходила, чтобы работать на пяльцахъ, въ сосѣдній кабинетъ, откуда могла, не стѣсняя насъ, слышать весь нашъ разговоръ. Уходя, она говорила мнѣ на ухо: «повѣрь, мое дорогое дитя, что нельзя проявить больше любезности, какъ принуждая себя къ ней, и нельзя выказать болѣе ума, какъ въ то время, когда примѣняются къ пониманію другихъ»,—священныя слова, которыя принесли мнѣ большую пользу и научили меня никогда ни съ кѣмъ не скучать!

Я бы желала обладать талантомъ для того, чтобы описать наше жилище, которое является однимъ изъ красивѣйшихъ мѣстечекъ въ окрестностяхъ Москвы. Этотъ готическій замокъ имѣлъ четыре башенки; во всю длину фасада тянулась галлерея, боковыя двери которой соединяли ее съ флигелями; въ одномъ изъ нихъ помѣщались моя мать и я, въ другомъ—мой отецъ и пріѣзжавшіе къ намъ гости. Вокругъ замка разстилался громадный красивый лѣсъ, окаймлявшій равнину и спускавшійся, постепенно суживаясь, къ сліянію Истры и Москвы. Въ треугольникѣ воды, образовавшемся этими двумя рѣками, отражались золотые лучи заходящаго солнца; видъ былъ чудесный. Я въ это время садилась одна на ступенькѣ галлереи, съ жадностью любуясь этимъ прекраснымъ пейзажемъ. Взволнованная, растроганная, я приходила въ особое молитвенное настроеніе духа и убѣгала въ нашу старинную готическую церковь, становилась на колѣни въ одномъ изъ маленькихъ углубленій, въ которыхъ когда-то молились царицы; священникъ одинъ тихимъ

---

[1]) Село Петровское, Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи, при впаденіи Истры въ Москву.

[2]) Княгиня Прасковья Ивановна Голицына (род. 10 октября 1734 г., ум. въ 1802 г.), родная и любимая сестра мецената Ивана Ивановича Шувалова, любимца императрицы Елисаветы. Безкорыстно привязанный къ государынѣ, Шуваловъ не воспользовался своимъ значеніемъ, какъ другіе фавориты, чтобы обогатить себя и своихъ близкихъ.

голосомъ служилъ вечерню, одинъ пѣвчій отвѣчалъ ему. Я стояла съ наклоненной головой, часто заливаясь слезами. Все это можетъ показаться преувеличеннымъ, но я и упоминаю объ этомъ лишь потому, что все это истинная правда, и потому, что я убѣждена по собственному опыту, что въ насъ существуютъ предрасположенія, которыя проявляются въ насъ еще въ ранней юности и которыя безхитростное воспитаніе развиваетъ тѣмъ легче, что вся его сила заключается въ естественномъ развитіи природныхъ задатковъ. Въ это время я имѣла несчастіе потерять восемнадцатилѣтняго брата [1]); онъ былъ красивъ и добръ, какъ ангелъ. Моя мать была удручена этимъ горемъ; мой старшій братъ [2]), находившійся въ это время съ дядей, Шуваловымъ [3]), во Франціи, пріѣхалъ утѣшать ее. Я была въ восторгѣ отъ его пріѣзда: я жаждала знаній, умственныхъ занятій, я осыпала его вопросами, которые очень его забавляли; я питала настоящую страсть къ искусствамъ, не имѣя о нихъ понятія.

Скоро мы поѣхали въ Петербургъ, для свиданія съ дядей, возвратившимся на родину послѣ пятнадцатилѣтняго отсутствія; тогда мнѣ было десять лѣтъ, такъ что я была для него совершенно новымъ знакомствомъ, тѣмъ болѣе интереснымъ, что я представляла полную противоположность всѣмъ тѣмъ дѣтямъ, которыхъ онъ видѣлъ до сихъ поръ. У меня не было тѣхъ изящныхъ маперъ, какими обыкновенно обладаютъ молоденькія барышни; я любила прыгать, скакать, говорить, что мнѣ приходило въ голову. Дядя меня очень полюбилъ. Нѣжныя чувства, которыя онъ питалъ къ моей матери, усиливали его чувства ко мнѣ; это былъ рѣдкій человѣкъ по своей добротѣ. Онъ пользовался большимъ значеніемъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны и былъ съ того времени покровителемъ искусствъ. Екатерина II отнеслась къ нему также съ особеннымъ вниманіемъ, довѣрила его управленію Московскій университетъ, пожаловала ему званіе оберъ-камергера и орденъ св. Андрея Первозваннаго и св. Владиміра, приказала омеблировать весь его домъ и сдѣлала ему честь у него отужинать. Онъ былъ прекраснымъ братомъ и для дѣтей своей сестры настоящимъ отцомъ.

---

[1]) Князя Ивана Николаевича Голицына, гвардіи капрала (род. 1759 г., ум. 1777 г.). Въ изслѣдованіи: «Родъ кн. Голицыныхъ» (Спб., 1892 г.), годъ смерти И. Н. Голицына ошибочно показанъ 1780-й.

[2]) Князь Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ по прозвищу «gentil cavalier», извѣстный впослѣдствіи кураторъ Московскаго университета, тайный совѣтникъ (род. 1751 г., ум. 5 дек. 1827 г.). Подобно сестрѣ, также оставилъ послѣ себя записки («Русскій Арх.», 1874 г., I). Любимый племянникъ Шувалова, кн. Ѳ. Н. Голицынъ воспринялъ отъ него любовь къ просвѣщенію и былъ однимъ изъ выдающихся представителей типа l'homme des lettres русскаго общества второй половины XVIII в.

[3]) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, оберъ-камергеръ, любимецъ императрицы Елисаветы Петровны, основатель Московскаго университета и академіи художествъ (род. 1727 г., ум. 1797 г.).

Мать моя любила его, кажется, больше своей жизни. Онъ привезъ изъ-за границы множество самыхъ изящныхъ античныхъ произведеній искусства, при видѣ которыхъ у меня глаза разгорѣлись отъ восхищенія; мнѣ хотѣлось срисовать все, дядя любовался моимъ восторгомъ и поощрялъ мои художественныя наклонности.

Хотя наше пребываніе въ столицѣ было непродолжительно, но я успѣла многое увидѣть и многому научиться. То былъ какъ разъ годъ рожденія великаго князя Александра; у всѣхъ вельможъ устроивались по этому случаю пышныя празднества, на которыхъ присутствовалъ дворъ. У княгини Репниной [1]) былъ устроенъ маскированный балъ, на которомъ была устроена кадриль изъ сорока паръ, одѣтыхъ въ испанскіе костюмы, составленныхъ изъ дамъ, дѣвицъ и молодыхъ людей наиболѣе замѣтныхъ и красивыхъ; для большаго разнообразія фигуръ кадрили прибавили четыре пары дѣтей отъ 11 — 12 лѣтъ. Такъ какъ одна изъ этихъ маленькихъ танцорокъ заболѣла за 4 дня до празднества, то княгиня Репнина пришла вмѣстѣ съ дочерьми умолять мою мать позволить мнѣ замѣнить эту дѣвочку. Моя матушка всячески увѣряла, что я едва умѣю танцовать, что я маленькая дикарка, но всѣ увѣренія были безуспѣшны: пришлось согласиться, и меня повели на репетицію. Мое самолюбіе заставляло меня быть внимательной: тогда какъ другія танцорки, уже умѣвшія танцовать, или, по крайней мѣрѣ, увѣренныя въ этомъ, репетировали довольно небрежно, я старалась не терять ни одной минуты. Оставалось всего двѣ репетиціи, и я своимъ дѣтскимъ умомъ старалась обдумать все, чтобы какъ можно меньше уронить себя на своемъ первомъ выходѣ на свѣтское поприще. Я рѣшила нарисовать фигуру кадрили на полу у себя дома и танцовать, напѣвая мотивъ танца, который я запомнила. Это мнѣ прекрасно удалось, а когда наступилъ торжественный день, я снискала всеобщее одобреніе. Императрица была ко мнѣ очень милостива, великій князь показалъ ко мнѣ особое благоволеніе, которое продолжалось потомъ 16 лѣтъ, но, какъ и все, эта благосклонность измѣнилась, о чемъ я впослѣдствіи скажу подробно.

Императрица приказала дядѣ привезти меня въ собраніе маленькаго эрмитажа; я отправилась туда въ сопровожденіи дяди и матери. Общество, собравшееся тамъ, состояло только изъ старыхъ фельдмаршаловъ и генералъ-адъютантовъ, которые также почти всѣ были старики, графини Брюсъ, статсъ-дамы, бывшей подругою императрицы, фрейлинъ, дежурныхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ. Мы ужинали за столомъ съ механизмомъ (table à machine): тарелки спу-

---

[1]) Княгиня Наталья Ивановна, урожд. Куракина (род. 1737 г., ум. 1794 г.), жена знаменитаго дипломата и полководца Екатерининскаго вѣка, кн. Николая Васильевича (род. 1734 г., ум. 1801 г.). Вторая дочь Репниныхъ, княжна Прасковья Николаевна (ум. 1784 г.), вскорѣ затѣмъ вышла замужъ за брата гр. Головиной, князя Ѳедора Николаевича Голицына.

скались по шнурку, придѣланному къ столу, подъ тарелками лежала грифельная доска съ грифелемъ, на которой отмѣчали то кушанье, которое желали, тянули за шнурокъ, и черезъ нѣкоторое время тарелка возвращалась съ потребованнымъ блюдомъ. Я была въ восхищеніи отъ этой маленькой забавы, и шнурокъ не переставалъ дѣйствовать.

Я совершила два раза путешествіе въ Москву. Послѣ смерти моего отца, моя мать переѣхала на жительство въ Петербургъ и остановилась въ домѣ дяди; мнѣ тогда было четырнадцать лѣтъ. Именно въ это время я увидѣла и замѣтила графа Головина [1]). Я встрѣчала его въ домѣ его тетки фельдмаршальши Голицыной. Репутація почтительнаго сына и вѣрнаго подданнаго, благородство характера, которое онъ выказывалъ, произвели на меня впечатлѣніе; его красивая наружность, высокое происхожденіе, богатство, заставляли смотрѣть на него, какъ на завиднаго жениха. Онъ выдѣлялъ меня среди всѣхъ другихъ молодыхъ особъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ обществѣ, и, хотя онъ не рѣшался сказать мнѣ этого, я его понимала и поспѣшила, прежде всего, сообщить объ этомъ моей матери, которая сдѣлала видъ, что не придаетъ дѣлу серьезнаго значенія. Она не хотѣла смущать моего перваго чувства; мой черезчуръ юный возростъ—съ одной стороны, путешествіе, которое графъ Головинъ долженъ былъ совершить по Европѣ, съ другой—давали ей средства испытать его чувства. Во время его отсутствія моя мать выказывала мнѣ трогательную нѣжность. Его сестра, г-жа Нелединская, фельдмаршальша [2]), выражала мнѣ участіе и всѣ знаки дружбы; я была чрезвычайно этимъ тронута, такъ какъ эти отношенія соотвѣтствовали тому серьезному чувству, которое начинало наполнять мое сердце.

Мнѣ нѣсколько разъ дѣлали предложеніе, но каждую партію, которую мнѣ предлагала моя мать, я тотчасъ отвергала: образъ графа Головина немедленно представлялся моему воображенію. Въ то время молодые люди были гораздо благороднѣе; молодой человѣкъ придавалъ большую цѣну браку. Въ то время не узаконяли побочныхъ дѣтей: во все царствованіе Екатерины II былъ только одинъ подобный случай съ Чесменскимъ [3]), сыномъ графа Алексѣя

---

[1]) Графъ Николай Николаевичъ Головинъ, р. 1756 г., ум. въ 1820 г. Онъ правнукъ перваго по пожалованію графа въ Россіи, Петровскаго генералъ-адмирала, Ѳедора Алексѣевича Головина. Въ раннемъ дѣтствѣ Н. Н. Головинъ былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ цесаревича Павла Петровича, а вслѣдъ затѣмъ отправленъ былъ для довершенія образованія за границу. Умеръ въ 1820 г., въ званіи оберъ-шенка и члена государственнаго совѣта.

[2]) Анастасія Николаевна Нелединская-Мелецкая (р. въ 1754 г., ум. въ 1803 г.), урожд. Головина, жена дѣйств. тайнаго совѣтника (въ рангѣ фельдмаршала?) Александра Юрьевича Нелединскаго-Мелецкаго, во второмъ его бракѣ (р. въ 1729 г., ум. въ 1804 г.).

[3]) Александръ Алексѣевичъ, генералъ-майоръ.

Орлова. Императоръ же Павелъ болѣе чѣмъ злоупотреблялъ своей властью въ этомъ отношеніи, поощряя, такимъ образомъ, распущенность нравовъ, которая совершенно подрывала основныя начала (principes) священныхъ семейныхъ узъ [1].

Я продолжала бывать на малыхъ эрмитажныхъ собраніяхъ. Туда часто приходилъ великій князь Александръ, которому было тогда четыре года, и трехлѣтній братъ его, великій князь Константинъ; туда приводили скрипачей, и начинались танцы; я попреимуществу была дамой великаго князя Александра. Однажды, когда нашъ маленькій балъ былъ оживленъ болѣе обыкновеннаго, великій князь, шедшій со мною въ полонезѣ, объявилъ мнѣ вдругъ самымъ серьезнымъ тономъ, какимъ только можетъ говорить ребенокъ въ его возростѣ, что онъ хочетъ повести меня въ крайніе аппартаменты дворца, чтобы показать мнѣ нѣчто ужасное; это меня очень заняло и смутило. Дойдя до самой послѣдней комнаты, онъ повелъ меня въ углубленіе, гдѣ была помѣщена статуя Аполлона, которая своимъ античнымъ рѣзцомъ могла ласкать взоръ артиста, но видомъ своимъ могла легко смутить дѣвочку, которая, къ счастью, была слишкомъ наивной, чтобы любоваться выдающимся произведеніемъ искусства въ ущербъ стыдливости. Я позволила себѣ упомянуть объ этомъ маленькомъ событіи для того, чтобы легче возстановить въ своей памяти все видѣнное мной при дворѣ. Я справедливо не признаю въ себѣ никакого особаго таланта и не могу писать мемуаровъ: они были бы недостаточно интересны, а потому мои записки можно назвать просто воспоминаніями, которыя для меня очень дороги и часто занимаютъ мои мысли. Сравненіе прошлаго съ настоящимъ бываетъ для насъ иногда очень полезно; прошлое есть какъ бы счетная книжка, къ которой нужно часто обращаться для того, чтобы имѣть правильное понятіе о настоящемъ и увѣренность въ будущемъ. На своемъ жизненномъ пути мнѣ приходилось встрѣчать чаще цвѣты, чѣмъ шипы, въ полномъ ихъ разнообразіи и богатствѣ. Я была счастлива; настоящее же счастіе устраняетъ равнодушіе и располагаетъ насъ принимать живое участіе въ счастіи другихъ. Несчастія же покрываютъ окружающіе насъ предметы облакомъ печали и напоминаютъ намъ о нашихъ собственныхъ страданіяхъ, пока Богъ, по своей безконечной мило-

---

[1]) Графиня Головина главнымъ образомъ имѣетъ въ виду, конечно, слѣдующій указъ императора Павла, отъ 2-го января 1801 года, касавшійся ея мужа: «Воспитанникамъ д. т. с. графа Головина, Ѳедору Ловину, и д. ст. с. Растопчина, Степану Явленскому, всемилостивѣйше жалуемъ дворянское Россійской имперіи достоинство»... По господствовавшему въ XVIII в. обычаю, побочныя дѣти вельможъ получали часто фамиліи своихъ отцовъ, но съ убавленіемъ перваго ихъ слога или буквы. Такимъ образомъ появились Бецкіе (Трубецкіе), Лицыны (Голицыны), Пнины (Репнины), Уракины (Куракины), Умянцевы (Румянцевы), Ловины (Головины) и т. д., и т. д.

сти, не дастъ намъ новаго направленія нашимъ чувствамъ и тѣмъ уничтожитъ прежнюю горечь.

Въ 16 лѣтъ я получила фрейлинскій шифръ, который имѣли всего 12 дѣвицъ, и ходила каждый день ко двору [1]). По воскресеньямъ было большое собраніе въ эрмитажѣ, на которое допускался весь дипломатическій корпусъ и особы первыхъ двухъ классовъ. Государыня входила въ залъ, гдѣ было собрано все общество, и вела бесѣду съ окружающими; затѣмъ всѣ слѣдовали за ней въ театръ, послѣ чего ужинъ никогда не подавался. По понедѣльникамъ былъ балъ и ужинъ у великаго князя Павла Петровича. По вторникамъ я дежурила вмѣстѣ съ другой фрейлиной; мы почти весь вечеръ проводили въ брилліантовой комнатѣ, получившей свое названіе по множеству драгоцѣнныхъ вещей, находившихся въ ней; между прочимъ, здѣсь были корона, скипетръ и держава. Императрица играла въ карты со своими старыми придворными. Двѣ дежурныя фрейлины сидѣли у стола, дежурные молодые люди занимали ихъ разговоромъ. Въ четвергъ было малое собраніе въ эрмитажѣ, балъ, спектакль и ужинъ, на которое иностранные министры не были приглашаемы, но они допускались въ воскресенье вечеромъ, также какъ и нѣкоторыя дамы, пользовавшіяся благоволеніемъ государыни. Въ пятницу я опять дежурила, а въ субботу у наслѣдника устроивался прелестный праздникъ, который начинался прямо со спектакля; какъ только ихъ императорскія высочества входили, представленіе начиналось; балъ, всегда очень оживленный, продолжался до ужина, который подавался въ залѣ, гдѣ былъ спектакль; большой столъ находился посреди залы, маленькіе столы въ ложахъ. Великій князь и великая княгиня ужинали на ходу, принимая своихъ гостей въ высшей степени любезно. Послѣ ужина балъ возобновлялся и кончался очень поздно; гости разъѣзжались при свѣтѣ факеловъ, что производило очаровательный и своеобразный эффектъ на ледяной поверхности красавицы-Невы. Это время было самымъ блестящимъ для двора и для столицы; во всемъ была гармонія, великій князь видѣлся съ императрицей-матерью каждый день утромъ и вечеромъ. Онъ былъ допущенъ въ совѣтъ императрицы. Столица была мѣстомъ жительства всѣхъ знатнѣйшихъ фамилій. Общество отъ 30 до 40 человѣкъ ежедневно собиралось у фельмаршаловъ: Голицына [2]) и Разумовскаго [3]), у графа Панина, перваго министра [4]), котораго посѣщали часто

---

[1]) Княгиня Варвара Николаевна Голицына пожалована фрейлиною въ 1782 г. ради заслугъ дяди своего, И. И. Шувалова.

[2]) Князь Александръ Михайловичъ (р. 1718 г., ум. въ 1783 г.), генералъ-фельдмаршалъ, побѣдитель при Хотинѣ.

[3]) Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, генералъ-фельдмаршалъ, никогда не служившій въ войскахъ, простой баловень фортуны, стяжалъ себѣ репутацію добродушнаго, но хитраго острослова.

[4]) Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель великаго князя Павла Петровича, оберъ-гофмейстеръ, управлявшій коллегіею иностранныхъ дѣлъ † 31 марта 1783 года.

великій князь и великая княгиня, и у вице-канцлера Остермана [1]). Здѣсь можно было встрѣтить множество иностранцевъ, являвшихся лицезрѣть великую Екатерину; дипломатическій корпусъ состоялъ изъ людей очень любезныхъ, и вообще общество производило самое благопріятное впечатлѣніе.

Въ 1786 году, около Пасхи, графъ Головинъ возвратился въ Россію послѣ четырехлѣтняго отсутствія. Я отправилась во дворецъ, чтобы поздравить государыню съ Свѣтлымъ праздникомъ. Весь дворъ и вся городская знать собиралась въ этотъ день въ дворцовой церкви, которая была полна народомъ; дворцовая площадь была сплошь покрыта самыми изящными экипажами; дворецъ утопалъ въ великолѣпіи: недаромъ народъ въ то время представлялъ себѣ его раемъ. Послѣ baise-main, мы всѣ отправились въ залу, гдѣ находились великій князь и великая княгиня, чтобы принести императрицѣ поздравленія. Едва я вошла въ эту комнату, какъ замѣтила своего будущаго мужа у окна; боязнь выдать себя увеличивала мое смущеніе. Чистая и истинная любовь всегда соединяется со скромностью; истинная нѣжность, это — сладкій сонъ безъ волненій, его пробужденіе спокойно; сожалѣнія и укоры совѣсти ей незнакомы: она соединяется съ уваженіемъ и дружбой. Счастлива та, которая испытываетъ это чувство; достойная, добрая мать даетъ ему направленіе. Пустота сердца грозитъ величайшими опасностями, сладостная пища является для него спасеніемъ. Чувства являются источникомъ жизни; это — ручей, который течетъ между бурными потоками и плодоносными, улыбающимися равнинами до океана, исчезая въ его безбрежномъ пространствѣ.

Я стала невѣстой въ іюнѣ мѣсяцѣ. Великая княгиня, которая осыпала меня знаками дружбы и доброты, написала мнѣ слѣдующую записку:

«Поздравляю васъ, дорогая крошка, по поводу счастливаго событія, которое установитъ ваши чувства и сдѣлаетъ васъ, надѣюсь, счастливой, согласно моимъ желаніямъ. Пользуйтесь полнымъ счастіемъ и будьте такой же хорошей и доброй женой, какимъ вы были добрымъ ребенкомъ. Пусть ваше чувство къ вашему жениху не помѣшаетъ любить вашего добраго друга. Марія.

«P. S. Цѣлую вашу maman и искренно поздравляю ее также, какъ и вашего дядю. Мой мужъ принимаетъ живое участіе въ вашемъ счастіи».

Девятнадцати лѣтъ я вышла замужъ, моему мужу было 29 лѣтъ. Свадьба была отпразднована въ Зимнемъ дворцѣ, 4-го октября. Ея величество лично прикрѣпила брилліанты къ моему платью. Надзирательница за фрейлинами, баронесса Мальтицъ, подала ихъ на под-

---

[1]) Остерманъ, Иванъ Андреевичъ, вице-канцлеръ при Екатеринѣ, при Павлѣ уволенный отъ службы, р. въ 1725 г., † въ 1811 г.

носѣ, государыня прибавила къ обыкновеннымъ драгоцѣннымъ камнямъ рогъ изобилія; этотъ знакъ вниманія со стороны ея величества не ускользнулъ отъ надзирательницы, которая меня любила и обратила на это мое вниманіе. «Ея величество была такъ добра», сказала она, «что она сама носила это украшеніе, и она дѣлаетъ это отличіе невѣстамъ, которыя ей болѣе всѣхъ нравились». Это замѣчаніе заставило меня покраснѣть отъ удовольствія и благодарности; государыня замѣтила мою робость и, взявъ меня слегка за подбородокъ, изволила сказать: «посмотрите на меня, да вы, въ самомъ дѣлѣ, недурны». Когда я встала, ея величество повела меня въ свою спальню, подвела къ божницѣ, взяла икону, приказала мнѣ перекреститься и поцѣловать образъ. Я бросилась на колѣни, чтобы получить благословеніе отъ государыни, но ея величество обняла меня и съ взволнованнымъ видомъ и голосомъ сказала: «Будьте счастливы, я вамъ желаю этого отъ всего сердца, какъ мать и государыня, на которую вы можете всегда разсчитывать». И государыня сдержала свое слово: ея милость ко мнѣ безпрестанно возростала и продолжалась до самой ея кончины.

Двадцати лѣтъ я перенесла ужасные роды. На восьмомъ мѣсяцѣ беременности я заболѣла страшной корью, которая едва не свела меня въ могилу. Это случилось во время путешествія ея величества въ Крымъ: часть докторовъ находились въ свитѣ ея величества, остальные жили въ Гатчинѣ, во дворцѣ, въ которомъ великій князь Павелъ проводилъ часть лѣта, и такъ какъ маленькіе великіе князья и великія княжны, ихъ сестры, не болѣли еще совсѣмъ этой болѣзнью, то доктора, жившіе тамъ, не могли лѣчить меня.

Мнѣ оставалось обратиться къ полковому хирургу, который вогналъ болѣзнь внутрь; мое нездоровье отозвалось и на моемъ ребенкѣ. Я смертельно страдала. Графъ Строгановъ [1]), который былъ ко мнѣ очень привязанъ, отправился къ великой княгинѣ, чтобъ возбудить въ ней участіе къ моему положенію, и она тотчасъ послала ко мнѣ доктора и акушера. Мои страданія были такъ велики, что мнѣ дали опіуму, чтобы усыпить меня; пробудившись черезъ 12 часовъ послѣ этой летаргіи, я чувствовала себя слабой. Пришлось обратиться къ инструментамъ. Я терпѣливо перенесла эту жестокую операцію. Мой мужъ стоялъ возлѣ меня; я видѣла, что силы его покидаютъ, и боялась, что достаточно было одного моего крика, чтобы онъ лишился чувствъ. Ребенокъ умеръ черезъ 24 часа, но я узнала объ этомъ только спустя три недѣли. Сама я была при смерти, но я безпрестанно спрашивала о немъ; мнѣ постоянно отвѣчали, что волненіе, которое я испытывала бы при видѣ его, отозвалось бы вредно на моемъ

---

[1]) Графъ Александръ Сергѣевичъ, оберъ-камергеръ, впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта и президентъ академіи художествъ, р. 1738., † 1811 г.

здоровьѣ. Когда мнѣ стало лучше, великая княжна прислала ко мнѣ свою подругу г-жу Бенкендорфъ [1]) съ очень любезной запиской, которую я привожу здѣсь. «Поздравляю васъ, дорогая графиня, съ разрѣшеніемъ отъ бремени и молю Бога о скорѣйшемъ вашемъ выздоровленіи. Не теряйте надежды, моя крошка, и если Богу будетъ угодно, вы скоро будете только наслаждаться счастіемъ быть матерью и забудете о страданіяхъ, которыя вы перенесли. Г-жа Бенкендорфъ передастъ вамъ, какъ я васъ люблю.

«Вашъ добрый другъ

«Марія».

Во время моей болѣзни я получала очень лестныя и очень трогательныя выраженія сочувствія; безпрестанно заходили въ подъѣздъ нашего дома узнавать о моемъ здоровьѣ даже лица, которыхъ я не знала. Черезъ улицу отъ насъ жила г-жа Княжнина, которой я никогда не знала и не видѣла. Однажды вечеромъ у моего окна заигралъ шарманщикъ, она послала всю дворню, наконецъ сама побѣжала, чтобы заставить его замолчать, повторяя ему нѣсколько разъ, что нельзя играть такъ близко около молодой больной. Моя молодость, мое семейное счастье были причиной общаго ко мнѣ благоволенія. Моя свадьба, кажется, интересовала всѣхъ; всѣ любуются бракомъ по любви: старики принимаютъ въ этомъ участіе по воспоминаніямъ, а молодые люди по сравненію.

Я поправилась быстро, но тяжелое душевное настроеніе осталось у меня на продолжительное время: я долго не могла равнодушно слышать дѣтскаго крика; но заботы окружавшихъ меня друзей наконецъ успокоили меня.

Въ это время ея величество возвратилась изъ своего путешествія въ Крымъ; мой дядя, который сопровождалъ государыню, отнесся ко мнѣ съ чрезвычайною нѣжностью: онъ былъ такъ счастливъ видѣть меня воскресшей!

---

[1]) Извѣстная подруга дѣтства императрицы Маріи Өеодоровны, Юліана, урожденная Шиллингъ фонъ-Канштадтъ. По пріѣздѣ своемъ въ Россію выдана была замужъ за майора гатчинскихъ войскъ Христофора Бенкендорфа. Сынъ ея, Александръ Христофоровичъ, пожалованъ былъ графомъ и былъ первымъ шефомъ жандармовъ, а дочь, Дарья Христофоровна, въ замужествѣ княгиня Ливенъ, прославилась своимъ умомъ и дипломатическими способностями. † 1797 г.

II.

Путешествіе императрицы Екатерины въ Крымъ.—Война съ Турціей.—Отъѣздъ графа Головина въ дѣйствующую армію.—Путешествіе графини Головиной въ Молдавію.—Гатчина.—Графъ Ланжеронъ.—Зоричъ въ Шкловѣ.—Пассекъ.—Пребываніе въ Кременчугѣ.—Новороссійскія степи.—Встрѣча Головиной съ мужемъ.—Пріѣздъ въ Яссы.—Кн. Долгорукова, г-жа Виттъ.—Кн. Потемкинъ и окружавшее его общество.—Праздникъ у кн. Потемкина.—Отъѣздъ Головиныхъ въ Петербургъ.

Путешествіе императрицы въ Крымъ было весьма замѣчательно, и мнѣ кажется, что оно было недостаточно прославлено. Ея величество сопровождали, между прочими, слѣдующія лица: англійскій посолъ Фитцъ-Гербертъ, впослѣдствіи лордъ Сентъ-Эленъ, французскій посолъ графъ де-Сегюръ, германскій посолъ [1]), графъ Шуваловъ, мой дядя [2]), графиня Протасова и графиня Браницкая. Князь Потемкинъ, выѣхавшій впередъ, приготовилъ для ея встрѣчи многочисленную стражу; государыня отказалась отъ нея. Императоръ Іосифъ, который скоро присоединился къ государынѣ, казалось, былъ болѣе чѣмъ удивленъ, что принято такъ мало предосторожностей для безопасности императрицы. Государыня ничего не возразила на его замѣчаніе, но слѣдующее событіе оправдало ея образъ дѣйствій. Вновь присоединенные татары встрѣтили ее съ восторгомъ. Экипажъ ея величества поднимался на крутую гору, лошади закусили удила, государынѣ угрожала опасность быть выброшенной изъ экипажа. Но мѣстные жители, сбѣжавшіеся встрѣтить свою повелительницу, бросились къ лошадямъ и успѣли остановить ихъ. Нѣсколько человѣкъ было убито, другіе ранены, но воздухъ оглашался радостными криками. «Теперь я вижу,—сказалъ императоръ государынѣ,—что вы не нуждаетесь въ охранѣ».

Иностранные послы были въ восторгѣ отъ этого путешествія. Я вспомнила смѣшной анекдотъ, разсказанный мнѣ графомъ Кобенцелемъ. Государыня путешествовала въ шестимѣстномъ экипажѣ; съ ней вмѣстѣ находились императоръ, германскій посолъ и мой дядя. Другіе послы и двѣ дамы садились поперемѣнно. У государыни была прекрасная бархатная шуба, германскій посолъ восторгался этой шубой. «Моимъ гардеробомъ завѣдуетъ одинъ изъ моихъ лакеевъ», отвѣтила ему государыня: «онъ слишкомъ глупъ для другого занятія». Графъ Сегюръ по своей разсѣянности услышалъ только похвалу шубѣ и поспѣшилъ сказать: «каковъ господинъ, таковъ и слуга

---

[1]) Графъ Кобенцель.

[2]) И. И. Шуваловъ, по скромности своей, не принялъ отъ императрицы Елисаветы графскаго титула, которымъ пожалованы были дяди его Петръ Ивановичъ и Александръ Ивановичъ Шуваловы.

(tel maitre, tel valet)». Это вызвало общій смѣхъ. Въ тотъ же день за обѣдомъ государыня замѣтила шутя находившемуся постоянно при ней графу Кобенцелю, что ему, должно быть, утомительно находиться постоянно при ней. «On ne choisit pas ses voisins» (сосѣдей не выбираютъ), отвѣчалъ тотъ. Эта новая разсѣянность была принята съ такою же веселостью, какъ и первая. Послѣ ужина ея величество разсказывала этотъ анекдотъ. Лордъ Сентъ-Эленъ, выходившій на короткое время, вернулся, когда она кончала свой разсказъ. Присутствовавшіе выразили ему сожалѣніе, что онъ былъ лишенъ удовольствія его слышать. Государыня вызвалась разсказать снова анекдотъ. Но не успѣла она дойти до половины своего разсказа, какъ лордъ Сентъ-Эленъ заснулъ глубокимъ сномъ. «Недоставало только этого», сказала государыня, «для завершенія вашихъ любезностей: я совершенно удовлетворена».

Въ 1790 году, мой мужъ былъ пожалованъ въ полковники. Императрица дала ему полкъ, и онъ принужденъ былъ отправиться въ дѣйствующую армію [1]). Эта разлука для меня была очень тяжела: я едва оправилась послѣ родовъ и была очень слаба.

Отсутствіе моего мужа продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; возвратившись, онъ долженъ былъ снова покинуть меня. Онъ надѣялся вскорѣ вернуться ко мнѣ, но обстоятельства войны измѣнились. Не имѣя возможности вернуться въ Петербургъ и разсчитывая расположиться съ полкомъ на зимнія квартиры, онъ просилъ меня пріѣхать къ нему и прислалъ двухъ унтеръ-офицеровъ сопровождать меня. Это приказаніе было для меня очень пріятно, но радость была омрачена мыслію, что мой отъѣздъ причинитъ много горя моей матери.

Моя мать занялась приготовленіями къ отъѣзду, нашла врача, окружила меня всевозможными предосторожностями, прибавила къ моимъ двумъ спутникамъ еще третьяго, офицера, и заставила меня взять съ собой компаньонку, которая жила у нея въ домѣ. Это была прекраснѣйшая особа, но большая трусиха. Моя мать проводила меня до Царскаго Села; здѣсь я получила записку отъ брата, служившаго въ Гатчинѣ у великаго князя; онъ писалъ мнѣ, что великая княгиня требуетъ непремѣнно, чтобы я заѣхала проститься съ ней. Это было по дорогѣ, но я была въ дорожномъ костюмѣ; погода была холодная, а предстоявшее мнѣ путешествіе продолжительное и тяжелое. Такъ какъ ея императорское высочество желала непремѣнно видѣть меня въ дорожномъ платьѣ, то я должна была отбросить этикетъ въ сторону. Я пріѣхала, меня повели въ комнату г-жи Бенкендорфъ и чрезъ нѣсколько минутъ позвали къ великой княгинѣ; я вошла въ кабинетъ ея высочества, гдѣ она ждала

[1]) Вторая при Екатеринѣ война съ Турціей открылась тотчасъ по возвращеніи императрицы изъ ея путешествія въ Крымъ.

меня. Она обняла меня и сказала много теплыхъ словъ по поводу моей супружеской привязанности; затѣмъ усадила меня за свой письменный столъ, приказавъ написать письмо моей матери, долго бесѣдовала, послала за великимъ княземъ, заставила его поцѣловаться со мной и наконецъ очень нѣжно распростилась.

И вотъ, двадцати двухъ лѣтъ отъ роду, полная здоровья и отваги, ѣхала я во весь опоръ въ Бессарабію. Недалеко отъ Витебска я вышла изъ экипажа, пока перепрягали лошадей; я вошла въ постройку, похожую на баракъ, гдѣ усѣлась на столъ, такъ какъ всѣ стулья были поломаны. Я приказала распустить нѣсколько плитокъ бульона, чтобы подкрѣпить силы. Вдругъ въ комнату съ шумомъ входитъ какой-то военный и передаетъ мнѣ письмо и толстый пакетъ. Я была въ восторгѣ, узнавъ на письмѣ почеркъ моей матери, и въ радости не замѣтила, кто его принесъ; но, оправившись отъ охватившаго волненія, я узнала графа Ланжерона, французскаго эмигранта[1]), который въ качествѣ волонтера отправлялся въ дѣйствующую армію. Я встрѣчалась съ нимъ въ Петербургѣ у графа Кобенцеля и у принцессы Нассауской. Поблагодаривъ его, я опять сѣла на столъ, чтобы продолжать свой завтракъ, за которымъ онъ внимательно слѣдилъ; я старалась доѣсть его поскорѣе, чтобы показать ему, что я вовсе не намѣрена дѣлить его съ нимъ, что я совсѣмъ не хотѣла его визита, и что онъ могъ уходить. Онъ такъ и сдѣлалъ. Дверь въ сосѣднюю комнату была открыта, и я слышала, какъ онъ потребовалъ себѣ, какъ можно скорѣе, молока; какой-то еврей тотчасъ принесъ ему большой кувшинъ молока съ огромнымъ кускомъ хлѣба, но такъ какъ онъ ѣлъ не садясь и все смотрѣлъ въ мою сторону, то это мнѣ наскучило, и я возвратилась въ свой экипажъ, который скоро былъ готовъ.

Пріѣхавъ въ Шкловъ, я торопилась продолжать путешествіе: я знала, что мѣстный помѣщикъ Зоричъ[2]), человѣкъ очень любезный и склонный къ пышности, любилъ оказывать пріемъ маломальски извѣстнымъ путешественникамъ. Едва мы въѣхали во дворъ почтовой станціи, какъ я стала требовать лошадей, но въ это время неожиданно предъ дверцами моего экипажа появились графъ Ланжеронъ, который успѣлъ меня обогнать, и графъ Цукато[3]), оба завитые до ушей, въ пудермантеляхъ; они разсыпались въ извиненіяхъ, что явились въ такомъ смѣшномъ нарядѣ. Я не могла удержаться отъ смѣха, глядя на нихъ, но, чтобы сократить ихъ ви-

---

[1]) Графъ Александръ Ѳедоровичъ, впослѣдствіи генералъ-отъ-инфантеріи, р. 1753 г., ум. 1831 г. Оставилъ «Записки».

[2]) Семенъ Гавриловичъ, генералъ-адъютантъ Екатерины II, основатель кадетскаго корпуса въ Шкловѣ, переведеннаго потомъ въ Москву (нынѣ 1-й московскій кадетскій корпусъ), † 1799 г. Зоричъ былъ родомъ сербъ.

[3]) Графъ Евгеній Гавриловичъ, впослѣдствіи генералъ-майоръ, членъ военной коллегіи.

зить, пошла ожидать лошадей въ домъ въ глубинѣ двора, гдѣ, кромѣ меня, никого не было. Я только что сѣла къ окну, какъ услышала хлопанье кнута, и во дворъ въѣхалъ золоченый двухмѣстный экипажъ (vis-à-vis) въ роскошной упряжи; я содрогнулась, узнавъ въ немъ г-на Зорича, котораго я въ дѣтствѣ встрѣчала при дворѣ. Онъ на колѣняхъ сталъ умолять меня пріѣхать къ нему на обѣдъ; я употребляла все свое краснорѣчіе, чтобы отказаться отъ этого приглашенія, но ничто не могло поколебать его: пришлось сѣсть къ нему въ экипажъ и позволить везти себя къ его племянницамъ и оставаться у нихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заѣдетъ за мной. Это требовалось приличіемъ: г. Зоричъ не былъ женатъ, и потому не позволилъ себѣ быть со мной tête-à-tête въ продолженіе двухъ часовъ, остававшихся до обѣда. Его племянницы были для меня совершенно новымъ знакомствомъ: я ихъ никогда не видѣла и не знала даже, какъ ихъ зовутъ. Онѣ готовили себѣ костюмы на балъ, который предполагался на слѣдующій день; онѣ сдѣлали мнѣ честь, спрашивая моего совѣта. Чтобы имъ угодить, я нарисовла имъ модели шляпъ, токовъ, платьевъ и наколокъ; онѣ были въ восхищеніи отъ меня: я показалась имъ прелестной. Въ назначенный часъ для обѣда г. Зоричъ пріѣхалъ за мной и предложилъ помѣститься въ его элегантномъ vis-à-vis, сѣвъ противъ меня. Мой нарядъ былъ совершенной противоположностью его костюму: на мнѣ была надѣта маленькая черная касторовая шляпа съ однимъ перомъ и синее пальто съ краснымъ воротникомъ; это были цвѣта мундира моего мужа; г. Зоричъ былъ въ прическѣ en ailes de pigeon, въ вышитомъ кафтанѣ; въ рукахъ онъ держалъ шляпу и былъ надушенъ, какъ султанъ. Я кусала губы, чтобы не разсмѣяться. Мы пріѣхали, и онъ тотчасъ повелъ меня въ залу, гдѣ было по крайней мѣрѣ 60 человѣкъ, изъ которыхъ я знала только трехъ: графа Ланжерона, графа Цукато и г-жу Энгельгардтъ [1]), племянницу князя Потемкина, очень красивую особу. Я завела съ ней бесѣду. Обѣдъ былъ продолжительный и утомительный по обилію блюдъ; я думала съ удовольствіемъ о времени, когда можно будетъ вырваться отсюда, но пришлось провести тамъ цѣлый день и даже ужинать. Наконецъ я уѣхала въ сопровожденіи десяти курьеровъ г. Зорича, которые должны были провожать меня со всевозможною скоростью до Могилева.

Я пріѣхала туда очень скоро, утомленная почестями, которыя мнѣ были оказаны. Мы подъѣхали къ почтовой станціи, очень красивому каменному двухэтажному дому; я вбѣжала наверхъ, перескакивая черезъ двѣ ступени, пробѣжала черезъ всѣ комнаты и въ

---

[1]) Четыре племянницы Потемкина, урожденныя Энгельгардтъ, были въ это время уже замужемъ. Рѣчь идетъ, вѣроятно, о женѣ племянника Потемкина, В. В. Энгельгардта.

послѣдней бросилась на диванъ, тотчасъ заснувъ крѣпкимъ сномъ. Меня разбудили въ семь часовъ утра, благодаря пріѣзду ко мнѣ губернатора [1]), который явился предложить свои услуги и осыпалъ меня разспросами о политическихъ дѣлахъ и о дворѣ. Я отвѣчала на всѣ его разспросы несвязно. Едва прекратился его визитъ, и я только что успѣла окончить свой туалетъ, какъ мнѣ доложили объ адъютантѣ г. Пассека [2]), могилевскаго губернатора и нашего дальняго родственника, который просилъ меня къ себѣ на обѣдъ въ деревню, находившуюся въ пяти-шести верстахъ отъ города, и предлагалъ свой экипажъ. Я согласилась; за мной была прислана двухмѣстная золоченая карета съ пятью зеркальными стеклами, запряженная четверкой сѣрыхъ лошадей, съ двумя кучерами поанглійски. Я проѣхала черезъ весь городъ, возбуждая всеобщее вниманіе. Евреи, узнававшіе экипажъ губернатора, становились на колѣни; я кланялась на обѣ стороны, забавляясь этой шутовской сценой. По пріѣздѣ своемъ въ деревню, я встрѣтила прекрасный пріемъ; мнѣ показали роскошный садъ, прекрасные виды, угостили очень вкуснымъ обѣдомъ, послѣ котораго я сыграла партію въ шахматы съ господиномъ, котораго я никогда не видала, и затѣмъ простилась съ гостепріимнымъ хозяиномъ, чтобы вернуться къ своимъ экипажамъ и снова отправиться въ путь.

На третій день по моемъ выѣздѣ изъ Могилева я получила на одной изъ станцій, гдѣ остановилась, громадный пакетъ. Я была въ восторгѣ, думая, что онъ былъ отъ моей матери; но моя радость смѣнилась удивленіемъ, когда я увидѣла посланіе въ стихахъ и очень почтительное письмо отъ графа Ланжерона. Я была крайне недовольна, обманувшись въ ожиданіи, и рѣшила во что бы то ни стало отомстить за себя. За день до пріѣзда въ Кременчугъ, я наскоро закусывала въ маленькомъ городкѣ; въ то время, когда запрягали лошадей, появился графъ Ланжеронъ. «Никогда хорошо написанные стихи не имѣли худшаго успѣха, какъ ваши, — сказала я ему.—Вашъ пакетъ меня жестоко обманулъ, такъ какъ я приняла его за письмо отъ моей матери; эта печальная для меня ошибка лишила меня способности почувствовать всю прелесть вашей поэзіи». Онъ принялъ сокрушенный видъ и сказалъ мнѣ со вздохомъ, что онъ только что получилъ изъ Парижа печальное извѣстіе о томъ, что его жена при смерти. Онъ попросилъ меня написать рекомендательныя письма къ моему мужу и княгинѣ Долгорукой [3]), надѣясь пріѣхать раньше меня двумя днями. Я тотчасъ сѣла писать. Я ре-

---

[1]) Н. Б. Энгельгардтъ.

[2]) Пассекъ, Петръ Богдановичъ, въ то время генералъ-губернаторъ Бѣлоруссіи, одинъ изъ пособниковъ Екатерины при ея восшествіи на престолъ, р. 1736 г., † 1801 г.

[3]) Княгиня Екатерина Өедоровна, впослѣдствіи статсъ-дама, жена кн. Василія Васильевича Долгорукова, урожденная княжна Барятинская, р. 1761 г., † 1848 г.

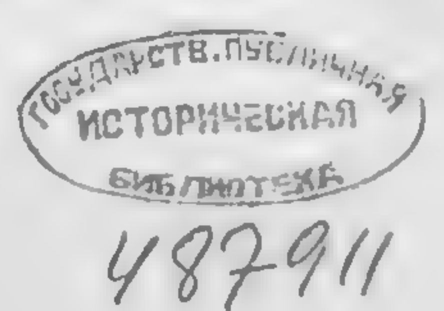
комендовала его, какъ поэта, рыцаря, ищущаго приключеній, но который не находитъ ихъ, какъ сентиментальнаго супруга, оплакивающаго предсмертныя страданія жены, сочиняя стихи. Затѣмъ я сложила оба письма и передала ихъ ему незапечатанными, и онъ простился со мной. Въ то время, какъ я садилась въ экипажъ, мнѣ принесли огромный арбузъ съ новыми стихами отъ графа Ланжерона; къ счастью, они были послѣднія.

Я пріѣхала въ Кременчугъ въ холодную и непріятную погоду. Такъ какъ часть моихъ экипажей нуждалась въ поправкѣ, то я отправилась въ деревянный дворецъ, построенный по случаю путешествія государыни въ Крымъ, и заказала себѣ небольшой обѣдъ. Въ то время, какъ я поправляла свой туалетъ, мнѣ доложили о пріѣздѣ начальника города, родомъ шведа; наговоривъ мнѣ множество изысканныхъ фразъ, онъ предложилъ мнѣ поѣхать къ нему на обѣдъ, говоря, что онъ былъ предувѣдомленъ о моемъ пріѣздѣ, и что онъ все приготовилъ для моего пріема, но извинялся заранѣе, что жена его, будучи серьезно больна, не могла принять меня съ подобающими мнѣ, какъ онъ думалъ, почестями. Пришлось ѣхать съ нимъ: мы сѣли въ двухмѣстную неопрятную карету съ плохой упряжью, запряженную плохими лошадьми. Мы подъѣхали къ одноэтажному деревянному дому. Онъ предложилъ мнѣ руку и повелъ меня въ маленькую гостиную, пригласивъ войти въ сосѣднюю комнату, гдѣ лежала его больная жена. Я согласилась, но каково было мое удивленіе, когда я увидѣла лежащее на диванѣ тѣло и ноги, покрытыя чѣмъ-то бѣлымъ. Въ комнатѣ было очень темно, всѣ занавѣси были спущены, ея цвѣтъ лица сливался съ тѣнью въ комнатѣ. Она слабымъ и тонкимъ голосомъ извинилась, что остается лежать; я усѣлась подлѣ нея, прося ее не безпокоиться, и поддерживала съ ней бесѣду до самаго обѣда, который былъ болѣе, чѣмъ легкій. Нестройный оркестръ рѣзалъ мнѣ ухо, ему вторилъ хоръ съ фальшивыми голосами. Мой хозяинъ восхищался мелодіей и безъ конца повторялъ мнѣ, что это была любимая музыка князя Потемкина. Когда мои экипажи были готовы, и обѣдъ былъ конченъ, господинъ шведъ проводилъ меня до лодки, на которой я должна была переѣхать Днѣпръ. Эта рѣка величественна по своей ширинѣ и довольно опасна для переправы; моя компаньонка дрожала отъ страха, я же любовалась разнообразіемъ волнъ, которыя пересѣкала наша лодка: погода была туманная, вѣтеръ довольно сильный, тучи сталкивались и измѣняли свой видъ съ замѣчательной быстротой, вмѣсто сѣрой массы вдругъ появлялся просвѣтъ, глазъ едва успѣвалъ слѣдить за ихъ движеніями. Я была въ восторгѣ отъ этой картины; въ природѣ все — неожиданности, ея богатство безмѣрно, какъ безконеченъ ея создатель.

Видъ новороссійскихъ степей былъ для меня совершенно новымъ зрѣлищемъ. Направо безпредѣльная равнина, вокругъ ни од-

ного дерева, ни одного жилища, кромѣ казачьихъ постовъ, почтовыхъ станцій, на выжженной отъ солнца землѣ кое-гдѣ виднѣются прекрасные полевые цвѣты; налѣво—довольно возвышенная мѣстность. Казачьи посты представляли собой землянки, соломенныя крыши которыхъ торчали изъ-подъ земли на подобіе сахарныхъ головъ; ихъ окружали воткнутыя въ землю пики, блестѣвшія на солнцѣ, какъ звѣзды. Ночью я остановилась у одной изъ такихъ землянокъ для смѣны лошадей: луна сіяла восхитительнымъ блескомъ, погода была отличная; я вышла изъ экипажа; въ это время я услышала звуки бандуры, выходившіе протяжными, какъ бы изъ земли, во всемъ было что-то магическое; кромѣ этихъ мелодичныхъ звуковъ, вокругъ—безусловная тишина. Я почти разсердилась, что нужно было ѣхать дальше, но все было готово для продолженія пути, и я волей-неволей должна была ѣхать. Преобладающее, не вполнѣ ясное для насъ, желаніе заставляетъ насъ забывать настоящее, все кажется ничтожнымъ передъ нимъ, душа наша стремится вырваться изъ круга обычной жизни. На другой день у меня не оказалось провизіи, пришлось взять обѣдъ у казаковъ; подойдя къ одной изъ землянокъ, я услышала чьи-то радостные крики: «Да здравствуетъ Екатерина Великая, да здравствуетъ мать наша, которая кормитъ и прославляетъ насъ. Да здравствуетъ Екатерина!» Эти слова приковали меня къ мѣсту: я не могла ихъ слышать безъ внутренняго волненія. Никогда я не испытывала восторга болѣе искренняго и болѣе сознательнаго. Это выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ въ степи, въ 2.000 верстахъ отъ столицы, было поистинѣ трогательно. Я спустилась въ землянку, гдѣ шелъ веселый свадебный пиръ. Мнѣ предложили выпить, но я попросила дать мнѣ поѣсть. Тотчасъ при мнѣ стали печь пироги особаго рода: они состояли изъ ржаной муки, смѣшанной съ водой; это тѣсто гладко раскатывалось, въ средину клали творогъ, завертывали края и затѣмъ клали въ кипящую воду, и черезъ 10 минутъ они были готовы. Я проглотила ихъ 6 штукъ, найдя ихъ превосходными; мои спутники сдѣлали то же самое, и мы отправились въ путь. Послѣ двухчасовой ѣзды я опять остановилась у другого поста, такъ какъ, несмотря на то, что я съѣла шесть пироговъ, я была еще очень голодна. Пріотворивъ каретную дверцу, я увидѣла у подножія горы, подъ маленькой палаткой, господина, сидящаго за столомъ и ѣвшаго съ большимъ аппетитомъ. Я послала узнать, кто это. Оказалось, что это былъ полковникъ Рибопьеръ [1]), котораго я знала и котораго я очень любила; я послала сказать ему, что умираю отъ голода и прошу его уступить мнѣ часть обѣда. Узнавъ меня, онъ сейчасъ же подбѣжалъ къ моему экипажу, принеся съ собой поло-

¹) Полковникъ Рибопьеръ, другъ любимца Екатерины, графа Мамонова, замѣшанъ былъ въ исторію брака его съ княжной Щербатовой и удаленъ отъ двора.

вину жаренаго гуся, вина и воды. Онъ былъ въ восторгѣ, что могъ оказать мнѣ эту маленькую услугу, а я была очень довольна быть у него въ долгу. Я была очень рада встрѣтить въ арміи этого прекраснаго человѣка. Онъ былъ несчастливъ, искалъ опасности и былъ убитъ при осадѣ Измаила.

На другой день, въ 70-ти верстахъ отъ Бендеръ, мы пріѣхали къ довольно высокой горѣ; было очень жарко; дорога была песчаная, лошади поднимались съ трудомъ. Я предложила своей компаньонкѣ и горничной выйти изъ экипажа, что онѣ и сдѣлали; экипажи свернули съ дороги, и мы поѣхали по мягкой травѣ. Я осталась одна въ экипажѣ, дверцы котораго были открыты на случай опасности. Черезъ четверть часа я услышала на большой дорогѣ звонъ колокольчика и увидѣла курьерскую телѣжку. Какой-то человѣкъ стоялъ въ ней и смотрѣлъ во всѣ стороны; я узнала моего мужа. Я выскочила изъ экипажа, онъ сдѣлалъ то же: я была болѣе чѣмъ счастлива; мои спутники прибѣжали къ намъ. Онъ оставилъ всѣ экипажи, взявъ только почтовую телѣжку, въ которой ѣхали сопровождавшій меня офицеръ и докторъ; мы поѣхали вдвоемъ. И вотъ мы покатили черезъ холмы и горы по каменистой дорогѣ. Въ 10 часовъ вечера, когда мы пріѣхали въ столицу Бессарабіи (т.-е. въ Бендеры), мы прошли пѣшкомъ мостъ черезъ Днѣстръ. Мой мужъ повелъ меня къ княгинѣ Долгорукой [1]). Она сидѣла въ небольшой гостиной, спиной къ дверямъ; возлѣ нея была г-жа Виттъ, теперь графиня Потоцкая [2]); въ глубинѣ комнаты находился игорный столъ, окруженный играющими игроками, очень занятыми своимъ дѣломъ. Я подкралась позади кресла, на которомъ сидѣла княгиня, и закрыла ей глаза обѣими руками; она вскрикнула отъ неожиданности, я отскочила назадъ. Г-жа Виттъ, видя незнакомое лицо, сидѣла молча, мужчины, не отворачивая головы, воскликнули: «Это, навѣрно, опять летучая мышь»: наканунѣ въ комнату влетѣла летучая мышь, испугавшая княгиню; я вышла изъ своей западни. Начались крики радости, восклицанія огласили маленькую турецкую гостиную. Послѣ ужина меня проводили домой; мое маленькое жилище было еще не совсѣмъ устроено, дивана еще не было, мои экипажи еще не прибыли. Мой мужъ разостлалъ на полу свой плащъ и устроилъ мнѣ подушку изъ своего мундира, поставилъ свѣчу на полъ и самъ помѣстился рядомъ возлѣ меня охранять меня. Я выспалась прекрасно; проснувшись, я побѣжала осматривать свое жилище, состоящее изъ 3-хъ комнатъ, расположенныхъ въ рядъ, изъ средней былъ выходъ. Стѣны комнаты, въ которой я спала,

---

[1]) Княгиня Екатерина Ѳедоровна.

[2]) Извѣстна была подъ именемъ «Красавицы Фанаріотки» (la belle Fanariote), родилась въ Константинополѣ въ 1766 г., была сначала замужемъ за генераломъ Виттомъ, а затѣмъ за графомъ Станиславомъ-Феликсомъ Потоцкимъ. Умерла въ 1822 г. Она была тещей графа П. Д. Киселева.

были деревянныя, двери ея были украшены полумѣсяцами; въ глубинѣ двѣ большія двери одного изъ тѣхъ алькововъ, куда турки заключаютъ своихъ женъ. Потолки были тоже обшиты досками, полъ земляной, хорошо убитый; окна съ деревянными рѣшетками, а вмѣсто стеколъ прозрачная бумага, которая могла только пропускать свѣтъ. Я открыла окно, чтобы посмотрѣть на дворъ. Противъ окна находились высохшія лозы винограда и большое вишневое дерево безъ вишенъ, такъ какъ ихъ время уже прошло. Я была печальна, такъ какъ мой мужъ получилъ приказаніе идти осаждать Килію; ему поручили командованіе пѣхотой, тогда какъ его полкъ составляла легкая кавалерія. Мысль о разлукѣ меня очень смущала, тѣмъ болѣе, что я оставалась одна съ перспективой пріѣзда князя Потемкина черезъ десять дней.

Послѣ отъѣзда моего мужа, я заперлась у себя, погруженная въ печальныя думы. Вокругъ меня всѣ были заняты пріѣздомъ князя; это ожиданіе мнѣ крайне не нравилось. Наконецъ онъ пріѣхалъ и просилъ меня прійти къ нему вечеромъ. Княгиня Долгорукая сказала мнѣ: «Будьте внимательны къ князю; онъ здѣсь пользуется властью государя».—«Я его знаю, княгиня»,—возразила я:—«я его встрѣчала при дворѣ; онъ обѣдалъ у моего дяди, и я не понимаю, почему я должна выдѣлять его изъ всѣхъ, которыхъ я встрѣчала». Я получила этотъ маленькій совѣтъ по дорогѣ къ князю. Этотъ послѣдній встрѣтилъ меня со всѣми выраженіями самой искренней дружбы. «Я очень рада видѣть васъ, князь», — сказала я ему,—«но я признаюсь, что цѣлью моего пріѣзда сюда вовсе не была честь видѣть васъ, но вы отняли у меня моего мужа, и теперь я ваша плѣнница». Я сѣла; большая зала была полна генералами, между которыми я увидѣла князя Репнина [1]), который велъ себя очень сдержанно, что̀ мнѣ крайне не понравилось и увеличило мою смѣлость. «Я здѣсь одна»,—думала я про себя:—«у меня нѣтъ руководителя; поэтому мнѣ слѣдуетъ держать себя гордо и съ твердостью». Это поведеніе удалось мнѣ отлично. Вечернія собранія у князя Потемкина становились все чаще. Волшебная азіатская роскошь доходила до крайней степени. Я скоро стала замѣчать его страстное ухаживаніе за княгиней Долгорукой; сначала она воздерживалась при мнѣ, но потомъ чувство тщеславія взяло верхъ, и она предалась самому возмутительному кокетству. Все окружавшее меня не нравилось мнѣ; атмосфера, которой я дышала, казалась мнѣ отравленной. Тѣ дни, когда не было бала, общество проводило вечера въ диванной гостиной. Мебель была покрыта турецкой розовой матеріей, вытканной серебромъ, на полу былъ разостланъ такой же коверъ съ золотомъ. На роскошномъ столѣ стояла филиграно-

---

[1]) Кн. Н. В. Репнинъ, на дочери котораго женатъ былъ первымъ бракомъ братъ гр. Головиной, кн. Ѳ. Н. Голицынъ.

вая курильница, распространявшая аравійскія благоуханія. Намъ разносили чай нѣсколькихъ сортовъ. Князь носилъ почти всегда кафтанъ, обшитый соболемъ, и звѣзды: Георгіевскую и Андреевскую, украшенную брилліантами. У княгини было платье, очень похожее на одежду султанской фаворитки: недоставало только шароваръ. Г-жа Виттъ бѣсилась и играла роль простушки, хотя она шла къ ней очень плохо. M-lle Пашкова, въ замужествѣ г-жа Ланская, проживавшая у княгини, держала себя въ сторонѣ, насколько возможно [1]). Я проводила большую часть вечера за шахматами съ принцемъ Карломъ Виртембергскимъ [2]) и княземъ Репнинымъ. Княгиня Долгорукая не покидала князя Потемкина. Ужинъ подавался въ роскошной залѣ; кушанья разносили кирасиры высокаго роста съ огромными воротниками; на головахъ у нихъ были черныя мѣховыя шапки, съ султаномъ; перевязи у нихъ были посеребренныя. Они шли подвое и напоминали гвардейцевъ, которыхъ я видѣла на театральной сценѣ. Во время ужина прекрасный оркестръ, изъ пятидесяти роговыхъ инструментовъ, исполнялъ самыя лучшія пьесы. Оркестромъ управлялъ Сарти [3]); все было великолѣпно и величественно, но все это не веселило и не занимало меня: невозможно спокойно наслаждаться, когда забываютъ правила нравственности. Я не буду касаться ежедневныхъ событій: это было самое непріятное время моей жизни. Эта неискренняя любовь, основанная на тщеславіи, это вынужденное знакомство съ г-жей Виттъ, которая могла внушить одно презрѣніе, но къ которой я питала одно только тягостное чувство жалости, вообще все окружающее не отвѣчало моимъ душевнымъ наклонностямъ. Я думала только о томъ, какъ бы вырваться отсюда.

Однажды вечеромъ я услышала пушечные выстрѣлы, возвѣщавшіе о взятіи Киліи [4]): у меня сердце содрогнулось. Но, узнавъ, что мой мужъ здоровъ, я была въ восторгѣ, внѣ себя отъ радости. На другой день я отправилась на молебенъ, послѣ котораго обратилась къ князю, прося его вызвать моего мужа. «Я тотчасъ отправлю приказъ», сказалъ онъ, «и пришлю вамъ съ него копію, чтобы вы имѣли о немъ понятіе». И, дѣйствительно, едва я успѣла вернуться къ себѣ, какъ получила бумагу, въ которой предписывалось отправить, какъ можно скорѣе, графа Головина къ его женѣ, даже въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ противъ этого. На другой день

---

[1]) Варвара Матвѣевна Пашкова (ум. 1831 г.), бывшая потомъ въ замужествѣ за Василіемъ Сергѣевичемъ Ланскимъ (род. 1751, ум. 1831), дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ государственнаго совѣта.

[2]) Принцъ Карлъ Виртембергскій, братъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны (ум. 1791 г.).

[3]) Извѣстный въ то время композиторъ, Іосифъ Сарти (род. 1730 г., ум. 1802 г.). Лучшей его оперой считается «Армида».

[4]) 18-го октября 1790 г.

мой мужъ пріѣхалъ верхомъ. Оказалось, что онъ находился въ 100 верстахъ отъ насъ. Теперь я вздохнула свободно. Мнѣ хотѣлось немедленно возвратиться въ Петербургъ, но вскорѣ должны были праздновать день святой Екатерины. Князь готовилъ роскошное празднество; я полагала, что съ моей стороны было бы большою любезностью по отношенію къ князю, если бы я присутствовала на этомъ праздникѣ, такъ какъ онъ все время осыпалъ меня знаками вниманія. Въ день празднества насъ провезли на линейкахъ мимо 200-тысячной (sic) арміи, расположенной по дорогѣ и отдававшей намъ честь. Мы подъѣхали къ обширной подземной залѣ, роскошно убранной. Противъ красиваго дивана было устроено нѣчто въ родѣ галлереи, наполненной музыкантами. Звуки инструментовъ, раздававшіеся въ подземельѣ, казались глухими, но отъ этого они только выигрывали. Вечеръ закончился блестящимъ ужиномъ; мы возвращались въ этихъ же экипажахъ, среди той же боевой арміи. Бочки съ зажженною смолой служили намъ фонарями; все это прекрасно и величественно, но я нисколько не сожалѣла, когда вечеръ кончился, и я вернулась домой. На другой день я послала за генераломъ Рахмановымъ [1]), который былъ ко мнѣ очень расположенъ; я просила его выхлопотать у князя, котораго онъ былъ любимцемъ, отпускъ для моего мужа. Онъ отвѣчалъ, что князю будетъ пріятнѣе, если я ему напишу сама, но я настаивала на томъ, чтобы онъ просто исполнилъ мое порученіе, прибавивъ, что потомъ я увижу по обстоятельствамъ, что предпринять. Онъ возвратился, передавъ, что князь умолялъ меня написать ему хотя бы два слова, чтобы доставить ему удовольствіе засвидѣтельствовать мнѣ письменно свои чувства дружбы и уваженія ко мнѣ. Я написала ему наскоро маленькую записку на сколько могла любезно, передала ее генералу Рахманову, который взялся тотчасъ отнести ее; онъ вскорѣ вернулся съ самымъ обязательнымъ отвѣтомъ, скажу даже трогательнымъ. Это письмо у меня хранится до сихъ поръ. Я дѣятельно принялась за приготовленія къ отъѣзду, который огорчалъ князя Потемкина. Княгиня Долгорукая была тоже въ отчаяніи: послѣ моего отъѣзда она оставалась единственной дамой въ арміи, и потому ей было неудобно оставаться тамъ послѣ меня.

Наканунѣ моего отъѣзда я отправилась проститься съ княземъ Потемкинымъ и поблагодарить его за его знаки вниманія ко мнѣ. Я уѣхала съ мужемъ въ восторгѣ отъ того, что избавилась отъ обстановки, которая мнѣ была совсѣмъ не по душѣ.

---

[1]) Гавріилъ Михайловичъ Рахмановъ. Въ описываемое время онъ былъ еще полковникомъ.

III.

Праздникъ въ Таврическомъ дворцѣ.—Смерть Потемкина и заключеніе мира съ Турціей.—Назначеніе графа Головина гофмаршаломъ при дворѣ великаго князя Александра Павловича.—Пріѣздъ въ Россію принцессы Баденской Луизы, невѣсты великаго князя.—Ея характеристика.—Польская депутація.—Пребываніе двора въ Царскомъ Селѣ.—Характеристика императрицы Екатерины.

Пріѣхала въ Петербургъ, въ январѣ, прямо къ моей матери, которая была счастлива, что могла обнять меня. Мой дядя и моя свекровь [1]) встрѣтили меня очень нѣжно; моя дочь была совершенно здорова, и я была несказанно рада.

Черезъ нѣсколько дней я отправилась ко двору. Государыня и великая княгиня встрѣтили меня съ большой добротой; я попрежнему сохранила право входа на эрмитажныя собранія; однимъ словомъ я снова повела свой обычный образъ жизни. Княгиня Долгорукая вернулась въ Петербургъ въ февралѣ, князь Потемкинъ въ мартѣ.

Крѣпость Измаилъ была взята приступомъ [2]); кампанія была кончена. Князь устроивалъ для двора и народа празднества, одно роскошнѣе другого, но ни одно изъ нихъ не было такъ оригинально и изящно, какъ балъ, данный имъ въ Таврическомъ дворцѣ. Балъ былъ устроенъ въ огромной молдавской залѣ, которая была окружена двумя рядами колоннъ. Два портика раздѣляли залу на двѣ части; между двумя портиками устроенъ зимній садъ, великолѣпно освѣщенный скрытыми фонариками. Цвѣтовъ и деревьевъ было изобиліе. Зала освѣщалась главнымъ образомъ изъ плафона въ ротондѣ, въ серединѣ помѣщенъ былъ вензель императрицы изъ стразовъ. Этотъ вензель, освѣщенный скрытымъ фонаремъ, горѣлъ ослѣпительнымъ свѣтомъ... Балъ открылся кадрилью, по крайней мѣрѣ, въ 50 паръ; эта кадриль была составлена изъ самыхъ выдающихся лицъ. Присутствіе государыни немало способствовало очарованію этого праздника [3]).

Пребываніе князя Потемкина въ столицѣ продолжалось только два мѣсяца. Онъ позволилъ моему мужу оставаться въ Петербургѣ до возобновленія военныхъ дѣйствій; надѣялись, что дѣло окончится миромъ. Наканунѣ его отъѣзда я вмѣстѣ съ нимъ ужинала у его племянницы, г-жи Потемкиной, теперь княгини Юсуповой [4]).

---

[1]) Графиня Анастасія Степановна Головина, урожденная Лопухина, вдова тайн. совѣтн. графа Николая Александровича Головина.

[2]) 11 декабря 1790 г.

[3]) Праздникъ данъ былъ 28-го апрѣля 1791 г.

[4]) Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова, урожденная Энгельгардтъ, любимая племянница Потемкина, въ первомъ бракѣ была за его родственникомъ Михаиломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ.

Онъ простился со мной самымъ трогательнымъ образомъ, повторяя мнѣ тысячу разъ, что онъ никогда не забудетъ меня, и убѣдительно просилъ помнить о немъ. Затѣмъ онъ просилъ меня немного пожалѣть о немъ, такъ какъ онъ уѣзжалъ умирать: у него было самое ясное предчувствіе о смерти. Дѣйствительно, онъ заболѣлъ въ Яссахъ и умеръ, спустя нѣсколько дней, въ степи, куда онъ приказалъ перенести себя [1]).

Мой мужъ въ то время находился въ арміи уже больше мѣсяца. Для переговоровъ о мирѣ послали князя Безбородко [2]). Ни одинъ офицеръ не имѣлъ права уѣхать изъ арміи, но я все-таки рѣшилась написать князю просьбу дать моему мужу отпускъ, который онъ и получилъ. Вскорѣ послѣ этого былъ заключенъ миръ [3]). Но, недолго спустя, началась война съ Польшей. Мой мужъ долженъ былъ отправляться въ армію, а я слѣдовать за нимъ. Моя мать и свекровь были очень огорчены этой новой предстоявшей разлукой, которая и меня немало смущала, какъ вдругъ однажды вечеромъ приходитъ ко мнѣ графъ Морковъ [4]) и сообщаетъ, что государыня занята составленіемъ двора для своего внука, великаго князя Александра, и что мой мужъ будетъ назначенъ гофмаршаломъ. Эта новость вызвала всеобщую радость въ нашей семьѣ тѣмъ болѣе, что государыня отзывалась о моемъ мужѣ самымъ лестнымъ образомъ. Былъ апрѣль мѣсяцъ. 21-го, праздновался день рожденія императрицы, а также назначеніе должностныхъ лицъ при дворѣ великаго князя Александра. Я ждала этого дня съ большимъ нетерпѣніемъ, наконецъ онъ насталъ. Другъ моего мужа, Растопчинъ [5]), зашелъ къ намъ передъ отправленіемъ ко двору, чтобы сказать мнѣ, что онъ непремѣнно первый увѣдомитъ меня объ этой новости. У него былъ горбатый жокей англичанинъ; онъ приказалъ ему ждать верхомъ около дворца у назначеннаго окна, и какъ только Растопчинъ махнетъ изъ окна платкомъ, чтобы онъ тотчасъ во всю прыть поскакалъ къ намъ со слѣдующей запиской:

Quand le petit bossu
Sera aperçu,
Qu'on entende un cri général:
Vive monsieur le maréchal!

---

[1]) Потемкинъ умеръ 5 октября 1791 г. въ степи, на дорогѣ изъ Яссъ въ Николаевъ, куда онъ ѣхалъ, чувствуя приближеніе смерти.

[2]) Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, р. 1747 г., ум. 1799 г. Княжеское достоинство Безбородко получилъ лишь въ царствованіе Павла.

[3]) 25-го декабря 1792 г. въ Яссахъ.

[4]) Графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ, конфидентъ Зубова.

[5]) Өедоръ Васильевичъ Растопчинъ, бывшій въ то время камергеромъ при дворѣ великаго князя Павла Петровича, род. 1763 г., умеръ 1826 года. Растопчинъ былъ любимцемъ Павла и графское достоинство получилъ въ его царствованіе.

Вскорѣ заговорили о женитьбѣ великаго князя Александра на принцессѣ Луизѣ Баденской [1]). Императрица отправила графиню Шувалову [2]) и г. Стрекалова [3]) къ двору маркграфа Баденскаго просить наслѣдныхъ принца и принцессу, чтобы ихъ дочь, принцесса Луиза, совершила путешествіе въ Россію.

31-го октября 1792 года, принцесса Луиза пріѣхала въ Россію въ сопровожденіи своей сестры, принцессы Фредерики, будущей шведской королевы. Принцессѣ Луизѣ было 13 съ половиной лѣтъ, ея сестра была годомъ моложе ея. Ихъ пріѣздъ произвелъ большую сенсацію. Дамы, имѣющія входъ во дворецъ и въ Эрмитажъ, были имъ представлены особо. Я не находилась въ ихъ числѣ; я только что оправилась отъ серьезной болѣзни, послѣ потери второй дочери, которая жила всего пять мѣсяцевъ, и увидѣла принцессъ двумя недѣлями позже, чѣмъ остальныя дамы. Я имѣла честь представиться имъ въ Шепелевскомъ дворцѣ, гдѣ имъ были отведены аппартаменты; дворецъ этотъ находился рядомъ съ Эрмитажемъ [4]). Мнѣ бросилась въ глаза прелесть и грація принцессы Луизы; такое впечатлѣніе произвела она и на всѣхъ, которые ее видѣли до меня. Я къ ней особенно привязалась; ея молодость и мягкость внушали мнѣ живое участіе къ ней и родъ страха, отъ котораго я не могла отдѣлаться: я знала графиню Шувалову, которая была моей родственницей, и ея безнравственность, а также склонный къ интригамъ характеръ, заставляли меня опасаться за будущее. Назначая меня къ особѣ принцессы, императрица, казалось, желала дать мнѣ право выражать ей искреннюю свою привязанность, которая не могла имѣть офиціальнаго характера.

Я передамъ здѣсь все, что принцесса Луиза, теперь императрица Елисавета, сообщила мнѣ сама о своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ.

«Мы пріѣхали съ сестрой Фредерикой», разсказывала она, «между восемью и девятью часами вечера. Въ Стрѣльнѣ, послѣдней станціи передъ Петербургомъ, насъ встрѣтилъ г. Салтыковъ [5]), камергеръ, котораго государыня назначила дежурить при насъ и прислала его намъ навстрѣчу, чтобы поздравить насъ съ пріѣздомъ. Графиня Шувалова и г. Стрекаловъ сѣли къ намъ въ экипажъ. Всѣ эти приготовленія для момента, самаго интереснаго въ моей жизни, всю важность котораго я уже чувствовала, возбудили во мнѣ большое

---

[1]) Принцеса Луиза, впослѣдствіи императрица Елизавета, род. 1779 г.

[2]) Екатерина Петровна, урожденная графиня Салтыкова (род. 1743 г., ум. 1816 г.), была въ это время уже вдовою послѣ мужа своего, дѣйств. тайнаго сов., графа Андрея Петровича Шувалова, извѣстнаго писателя (ум. 1789 г.), въ статсъ-дамы пожалована была въ 1792 г.

[3]) Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ (род. 1728 г., ум. 1805 г.), статсъ-секретарь Екатерины II, тайн. сов., сенаторъ.

[4]) На томъ мѣстѣ, гдѣ находится Новый Эрмитажъ.

[5]) Александръ Николаевичъ, впослѣдствіи (по отцу) князь, родился 1775 г., умеръ 1837 г.

волненіе, и когда, при въѣздѣ въ городскія ворота, мои спутники воскликнули: «вотъ мы въ Петербургѣ», то, пользуясь темнотой, я быстро взяла руку сестры, и, по мѣрѣ приближенія, мы все больше и больше сжимали свои руки: этимъ нѣмымъ языкомъ мы выражали чувства, волновавшія нашу душу.

«Мы остановились въ Шепелевскомъ дворцѣ. Я вбѣжала по ступенькамъ большой прекрасно освѣщенной лѣстницы. У графини Шуваловой и г. Стрекалова ноги были слабы, и потому они остались далеко позади. Г. Салтыковъ былъ со мной, но онъ остался въ передней; я пробѣгала всѣ комнаты, не останавливаясь, наконецъ я вошла въ спальню, убранную мебелью малиноваго цвѣта. Войдя я увидѣла двухъ дамъ съ господиномъ; быстрѣе молніи у меня промелькнуло соображеніе: «я въ Петербургѣ у императрицы; конечно, это она меня встрѣчаетъ, это навѣрно она», и я подошла поцѣловать руку той, которая болѣе другой была похожа на портретъ государыни, составившійся въ моемъ воображеніи; по самому распространенному портрету, который я видѣла нѣсколько лѣтъ спустя, я навѣрно не узнала бы ея такъ скоро. Она была съ княземъ Зубовымъ (въ то время онъ былъ просто г. Платонъ Зубовъ, [1]) и съ графиней Браницкой [2]), племянницей князя Потемкина. Императрица сказала мнѣ, что она была чрезвычайно рада со мною познакомиться. Я ей передала выраженія почтительной преданности отъ моей матери. Въ это время явились моя сестра и графиня Шувалова. Послѣ непродолжительнаго разговора она удалилась, и я вся отдалась волшебному впечатлѣнію, охватившему меня при видѣ всего, окружавшаго меня. Ничто не производило на меня такого впечатлѣнія, какъ дворъ Екатерины, когда я увидѣла его въ первый разъ.

«На третій день послѣ нашего пріѣзда, весь день былъ посвященъ уборкѣ нашихъ волосъ по модѣ двора и примѣркѣ русскаго платья: мы должны были быть представлены великому князю-отцу и великой княгинѣ. Я въ первый въ жизни была въ фижмахъ и съ напудренной прической.

«Вечеромъ, въ 6 или 7 часовъ, насъ повели къ великому князю-отцу, который принялъ насъ очень хорошо; великая княгиня осыпала меня ласками, говорила со мной о моей матери, о всей моей семьѣ, говорила, какъ мнѣ должно было быть тяжело разставаться съ ними. Этимъ обращеніемъ она вполнѣ покорила мое сердце, и не моя вина,

---

[1]) Платонъ Александровичъ Зубовъ (род. 1767 г., ум. 1822 г.), любимецъ Екатерины и ея генералъ-адъютантъ, княжеское достоинство получилъ отъ германскаго императора Франца II въ 1796 г.

[2]) Графиня Александра Васильевна, одна изъ четырехъ любимыхъ племянницъ всемогущаго Потемкина. Въ 1781 году вступила въ бракъ съ генераломъ-аншефомъ Ксаверіемъ Браницкимъ и тогда же пожалована была статсъ-дамой, а въ 1824 г.—оберъ-гофмейстериной, род. 1754 г., ум. 1838 г.

если эта моя привязанность къ великой княгинѣ не обратилась навсегда въ любовь дочери къ уважаемой матери. Насъ усадили, великій князь послалъ за молодыми великими князьями и великими княжнами. Я, какъ сейчасъ, вижу, какъ они входятъ. Я слѣдила за великимъ княземъ Александромъ со вниманіемъ настолько, насколько это позволяло приличіе. Онъ былъ очень красивъ, но не такъ однако, какъ мнѣ его описывали. Онъ не подходилъ ко мнѣ и смотрѣлъ на меня довольно непріязненно. Послѣ посѣщенія ихъ высочествъ, мы пошли къ императрицѣ, сидѣвшей уже за партіей бостона въ брилліантовой комнатѣ. Насъ усадили за круглый столъ съ графиней Шуваловой, съ дежурными фрейлинами и камеръ-юнкерами. Молодые великіе князья пришли вскорѣ за нами; великій князь Александръ до конца вечера не сказалъ мнѣ ни слова, не подошелъ ко мнѣ ни разу, даже избѣгалъ меня, но понемногу онъ сдѣлался по отношенію ко мнѣ обходительнѣе. Маленькія собранія въ Эрмитажѣ въ очень тѣсномъ кружкѣ, вечера, проводимые вмѣстѣ у круглаго стола въ брилліантовой комнатѣ, гдѣ мы играли въ секретари или разсматривали эстампы, все это привело понемногу къ сближенію. Однажды, вечеромъ, приблизительно черезъ 6 недѣль спустя послѣ моего пріѣзда (за круглымъ столомъ въ брилліантовой комнатѣ, гдѣ мы рисовали вмѣстѣ съ остальнымъ обществомъ), великій князь потихоньку отъ другихъ передалъ мнѣ письмо, въ видѣ объясненія, которое онъ только что написалъ; онъ писалъ, что, по приказанію родителей, онъ мнѣ сообщаетъ о томъ, что онъ меня любитъ, и спрашивалъ, могу ли я отвѣчать на его чувства, и можетъ ли онъ надѣяться, что я буду счастлива, выйдя за него замужъ. Я тоже на клочкѣ бумажки отвѣтила ему въ утвердительномъ смыслѣ, прибавивъ, что я исполню желаніе моихъ родителей, приславшихъ меня сюда. Съ этого момента на насъ уже смотрѣли, какъ на жениха и невѣсту, и мнѣ дали учителя русскаго языка и Закона Божія».

На другой день послѣ представленія принцессы великому князю-отцу, императрица принимала въ торжественной аудіенціи польскихъ депутатовъ: графа Браницкаго, Ржевусскаго, Потоцкаго, вожаковъ партіи, желавшей установленія наслѣдственности польской короны. Они просили государыню взять Польшу подъ свое покровительство. Это была первая публичная церемонія, на которой присутствовала принцесса Луиза. Императрица сидѣла на тронѣ, въ залѣ, называемой тронной. Публика наполняла залу, и народъ толпился у входа въ кавалергардской залѣ. Графъ Браницкій говорилъ рѣчь на польскомъ языкѣ, вице-канцлеръ отвѣчалъ ему порусски, стоя на ступеняхъ трона. Когда церемонія кончилась, государыня удалилась въ свои аппартаменты. Принцесса Луиза слѣдовала за нею, но въ то время, какъ она обходила тронъ, она задѣла ногой за нить и золотую бахрому бархатнаго ковра, разложеннаго вокругъ трона. Она пошатнулась и навѣрное бы упала, еслибъ г. Платонъ

Зубовъ ея не поддержалъ. Это смутило и привело въ отчаяніе принцессу тѣмъ болѣе, что она въ первый разъ появлялась въ публикѣ. Нашлись странные люди, которые объясняли это маленькое приключеніе, какъ дурное предзнаменованіе. У нихъ не явилось мысли одной августѣйшей особы, напомнившей, что подобному случаю Цезарь нашелъ счастливое объясненіе: высаживаясь на берегу Африки для преслѣдованія остатковъ республиканской арміи, онъ упалъ въ то время, какъ вступалъ на африканскую землю: «Африка, я овладѣваю тобой», воскликнулъ онъ, истолковавъ такимъ образомъ въ свою пользу то, что другіе могли бы объяснить въ дурную сторону.

Я приближаюсь къ самому интересному періоду моей жизни: новое и величественное зрѣлище открывалось передъ моими глазами; блестящій и величественный дворъ, великая государыня, которая меня видимо приближала къ той, которая внушала мнѣ привязанность, перенесшую всякія испытанія. Чѣмъ больше я имѣла честь видѣть принцессу Луизу, тѣмъ болѣе охватывало меня чувство безпредѣльной привязанности къ ней. Несмотря на ея молодость, мое къ ней участіе не ускользнуло отъ ея вниманія; я съ радостію это замѣтила. Въ началѣ мая, дворъ переѣхалъ въ Царское Село. На другой день, послѣ пріѣзда, ея величество приказала моему мужу, чтобы я также переѣхала въ Царское Село на все лѣто. Это приказаніе привело меня въ восторгъ; я тотчасъ выѣхала, чтобъ быть тамъ до вечерняго собранія, которое устроивала у себя императрица. Переодѣвшись, я сейчасъ же отправилась во дворецъ, чтобы представиться государынѣ. Она вышла въ 6 часовъ, обошлась со мной съ большой добротой и сказала: «я очень довольна, что вы теперь наша; будьте съ сегодняшняго дня madame la grosse maréchalle [1]), чтобы имѣть болѣе внушительный видъ». Я постараюсь дать нѣкоторое понятіе о лицахъ, которымъ императрица разрѣшила жить въ Царскомъ Селѣ и допускала въ свой домашній кружокъ, но, прежде чѣмъ набросать ихъ портреты, я желала бы нарисовать образъ этой государыни, которая впродолженіе тридцати слишкомъ лѣтъ составляла счастье всей Россіи.

Потомство судитъ и будетъ судить Екатерину Вторую со всѣми ея страстями, свойственными человѣчеству. Новая философія, подъ вліяніе которой она, къ сожалѣнію, подпала и которая въ сущности являлась причиной (le principe) всѣхъ ея недостатковъ, густой завѣсой покрывала всѣ ея прекрасныя, высокія качества. Но я думаю, что справедливость требуетъ обратиться къ зарѣ ея жизни, прежде чѣмъ осуждать ее и затемнять ея славу и свойства невыразимой ея доброты.

[1]) Прозваніе это дали мнѣ потому, что мужъ мой былъ немного толстъ. Примѣчаніе гр. В. Н. Головиной.

Императрица Екатерина воспитывалась при дворѣ своего отца, принца Ангальтскаго, невѣжественной и плохо воспитанной гувернанткой, которая едва могла научить ее читать. Родители не внушили ей прочныхъ основъ нравственности и не дали ей надлежащаго воспитанія. Въ Россію ее привезли 17 лѣтъ; она была красива, исполнена граціи, ума, съ душой и геніемъ, желаніемъ нравиться и обогатить себя знаніями. Ее выдаютъ за принца Голштинскаго, тогда бывшаго уже великимъ княземъ, назначеннымъ наслѣдовать императрицѣ Елисаветѣ, его теткѣ. Онъ былъ некрасивъ собой, слабаго характера, маленькаго роста, худой, развратный, пьяница. Дворъ Елисаветы представлялъ картину испорченности, которой сама императрица подавала примѣръ. Минихъ [1]), умный человѣкъ, былъ первый, разгадавшій Екатерину: онъ предложилъ ей заняться своимъ образованіемъ. Это предложеніе было ею принято съ радостью. На первый разъ онъ далъ ей для чтенія «Словарь» Бейля, сочиненіе опасное и соблазнительное, особенно для нея, такъ какъ она никогда не имѣла никакого понятія о Божественной истинѣ, уничтожающей ложь [2]). Екатерина прочитала этотъ трудъ три раза сряду въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; онъ возбудилъ ея воображеніе и впослѣдствіи побудилъ ее вступить въ сношенія со всѣми современными софистами. Таково было настроеніе ума этой принцессы, когда она стала супругой императора, все честолюбіе котораго ограничивалось желаніемъ стать капраломъ въ арміи Фридриха Великаго. Въ управленіи государствомъ замѣтна была слабость; Екатерина страдала; ея великія и благородныя идеи, казалось, преодолѣвали всѣ препятствія, возникавшія на пути къ ея возвышенію; все ея существо было возмущено развращенностью Петра III и презрѣніемъ, которое онъ выражалъ своимъ подданнымъ; всеобщее возстаніе было неминуемымъ, всѣ желали установленія регентства.

Такъ какъ императрица имѣла уже десятилѣтняго сына, впослѣдствіи императора Павла I, то было рѣшено отправить Петра III въ Голштинію; князю Орлову и его брату, графу Алексѣю, пользовавшемуся въ то время милостью императрицы, было поручено увезти его. Въ Кронштадтѣ было приготовлено нѣсколько кораблей; Петръ долженъ былъ отправиться съ баталіономъ, который онъ самъ вызвалъ изъ Голштиніи. Послѣднюю ночь передъ отъѣздомъ онъ долженъ былъ провести въ Ропшѣ, недалеко отъ Ораніенбаума. Я не стану входить въ подробности этого трагическаго событія, о немъ слишкомъ много говорили, не понимая его причинъ, но для возстановленія истины я приведу здѣсь достовѣрное свидѣтельство,

---

[1]) Сынъ знаменитаго фельдмаршала, Іоганнъ Эрнстъ, бывшій впослѣдствіи президентомъ коммерцъ-коллегіи, писатель, авторъ «Записокъ», р. 1707 г., ум. 1788 г.

[2]) Всѣ эти подробности я слышала отъ дяди, графа Шувалова, которому государыня сама разсказывала. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

слышанное мной отъ министра, графа Панина [1]). Его свидѣтельство тѣмъ болѣе неопровержимо, что всѣмъ извѣстно, что онъ не былъ особенно привязанъ къ императрицѣ: какъ воспитатель Павла, онъ надѣялся взять въ свои руки бразды правленія во время регентства женщины, но его ожиданія не сбылись. Энергія, съ которой Екатерина захватила власть, обманула его честолюбивые замыслы, и онъ всю свою жизнь не забывалъ ей этого. Однажды, вечеромъ, когда мы были у него вмѣстѣ съ его родственниками и друзьями, онъ разсказывалъ намъ множество интересныхъ анекдотовъ и незамѣтно дошелъ до кончины Петра III. «Я находился въ кабинетѣ у ея величества, когда князь Орловъ явился доложить ей, что все кончено. Она стояла въ срединѣ комнаты, слово: кончено, поразило ее. «Онъ уѣхалъ?»—спросила она сначала, но, услыхавъ печальную новость, она упала въ обморокъ. Охватившее ее затѣмъ волненіе было такъ сильно, что одно время мы опасались за ея жизнь. Придя въ себя послѣ этого тяжелаго состоянія, она залилась горькими слезами: «моя слава потеряна!»—воскликнула она. Надежда на милость императрицы заглушала въ Орловыхъ всякое чувство, кромѣ одного безмѣрнаго честолюбія; они думали, что, по кончинѣ Петра, князь Орловъ займетъ его мѣсто и заставитъ государыню короновать себя [2]).

Невозможно описать всѣхъ заботъ Екатерины о своемъ государствѣ. Она была честолюбива, но она покрыла Россію славой. Ея материнская заботливость распространялась на всѣхъ, до послѣдняго человѣка. Личные интересы каждаго изъ ея подданныхъ трогали ея сердце. Ничего не могло быть величественнѣе, внушительнѣе, снисходительнѣе Екатерины. Какъ только она показывалась, всякій страхъ исчезалъ въ ея присутствіи, уступая мѣсто почтительности и полной преданности. Всякій, казалось, говорилъ: «я вижу ее, и я счастливъ. Она—моя опора, моя мать». Садясь за карточную свою партію, она бросала взглядъ вокругъ, чтобы видѣть, всѣ ли заняты. Ея вниманіе къ окружающимъ простиралось до того, что она сама спускала стору, когда солнце безпокоило кого нибудь. Обыкновенно ея партія въ бостонъ состояла изъ дежурнаго генералъ-адъютанта, графа Строганова [3]), старика камергера Черткова, котораго она очень любила [4]); мой дядя, оберъ-камергеръ Шуваловъ, также участвовалъ иногда въ партіи, когда онъ присутствовалъ; Платонъ Зубовъ—также. Вечеръ этотъ продолжался до 9 или 9½ часовъ.

Я помню, какъ однажды Чертковъ, плохой игрокъ, вспылилъ на

---

[1]) Воспитатель царевича Павла Петровича, гр. Никита Ивановичъ Панинъ, одинъ изъ пособниковъ Етатерины при восшествіи ея на престолъ (р. 1718, ум. 1783 г.).

[2]) Въ общемъ разсказъ Головиной совпадаетъ съ разсказами очевидцевъ о переворотѣ, возведшемъ Екатерину на престолъ.

[3]) Гр. Александра Сергѣевича, см. выше.

[4]) Чертковъ, Евграфъ Александровичъ, д. т. с., одинъ изъ пособниковъ Екатерины при ея вступленіи на престолъ, ум. 1797 г.

императрицу, которая пропустила взятку. Онъ бросилъ карту на столъ, это оскорбило государыню; она ничего не сказала, но перестала играть. Это произошло къ концу вечера, она встала и простилась съ нами. Чертковъ стоялъ пораженный. Слѣдующій день было воскресенье; въ этотъ день былъ большой обѣдъ для всѣхъ, занимавшихъ высшія государственныя должности. Великій князь Павелъ и великая княгиня также пріѣзжали изъ Павловскаго дворца, въ 4 верстахъ отъ Царскаго Села, въ которомъ они жили. Когда они не пріѣзжали, то обѣдъ происходилъ въ колоннадѣ. Я имѣла честь присутствовать на этихъ обѣдахъ. Послѣ обѣдни и обычнаго пріема, когда императрица удалялась, гофмаршалъ, князь Барятинскій [1]), называлъ тѣ лица, которыя должны были обѣдать съ ней. Чертковъ, имѣвшій право входа во всѣ малыя собранія, стоялъ въ углу, внѣ себя отъ горести отъ вчерашней сцены. Онъ какъ будто не рѣшался поднять глазъ на того, кто долженъ былъ произнести его приговоръ, но каково было его удивленіе, когда онъ услышалъ свою фамилію! Онъ не шелъ, а бѣжалъ. Мы подходили къ колоннадѣ, ея величество сидитъ въ концѣ колоннады. Она встаетъ, беретъ Черткова за руку, чтобы идти къ столу, но онъ не могъ выговорить ни слова. Придя опять къ тому мѣсту, гдѣ она его взяла, она сказала ему порусски: «какъ вамъ не стыдно думать, что я буду сердиться на васъ. Развѣ вы забыли, что милые бранятся— только тѣшатся?» Никогда я не видѣла человѣка въ такомъ состояніи въ какомъ находился этотъ старикъ; онъ разрыдался и повторялъ безъ конца: «охъ, матушка моя, какъ мнѣ говорить съ тобой, какъ отвѣчать на твою доброту, все бы хотѣлъ умирать за тебя». Это обращеніе на «ты» очень выразительно на русскомъ языкѣ и вовсе не ослабляетъ почтительности въ разговорѣ.

Во время вечеровъ у государыни въ Царскомъ Селѣ, у стола императрицы стоялъ круглый столъ, за которымъ сидѣла принцесса Луиза, уже невѣста великаго князя, между своей сестрой и мной. Дѣвица Шувалова [2]), впослѣдствіи княгиня Дитрихштейнъ, и племянницы графини Протасовой [3]) замыкали кружокъ, образовавшійся около принцессы. Великіе князья то приходили, то уходили. Императрица приказывала принести намъ карандашей, бумаги и перьевъ.

---

[1]) Кн. Өедоръ Сергѣевичъ (р. 1742, ум. 1814), оберъ-гофмаршалъ.

[2]) Вторая дочь графини Шуваловой, Екатерины Петровны, статсъ-дамы, и гр. Андрея Петровича, графиня Александра Андреевна, р. 1775 г., вступила въ бракъ съ австрійскимъ посланникомъ, кн. Дитрихштейномъ, въ 1797 г.

[3]) Графиня Анна Степановна Протасова, любимая камеръ-фрейлина императрицы Екатерины (р. 1754, ум. 1801 г.). Она воспитывала жившихъ при ней въ Зимнемъ дворцѣ пять сиротъ, дочерей брата своего, д. т. с. Петра Степановича Протасова: 1) Александру Петровну (р. 1774 г., ум. 1842 г.), въ замужествѣ за т. с. княземъ Алексѣемъ Андр. Голицынымъ; 2) Екатерину Петровну (р. 1775 г., ум. 1826 г.), въ замужествѣ за гр. Өед. Вас. Растопчинымъ; 3) Варвару Петровну, умершую въ дѣвицахъ; 4) Вѣру Петровну (ум. 1814 г.), въ замужествѣ за Иларіономъ Вас. Васильчиковымъ, впослѣдствіи княземъ, и 5) Анну Петровну, бывшую потомъ за гр. Варѳ. Вас. Толстымъ.

Мы рисовали или играли въ секретаря; ея величество освѣдомлялась нѣсколько разъ о ходѣ нашей игры и очень забавлялась ею. Шувалова играла партію съ г-жей Протасовой, дежурными камеръюнкерами, иногда съ графиней Браницкой, пріѣзжавшей время отъ времени въ Царское Село.

Дворецъ въ Царскомъ Селѣ былъ выстроенъ государыней Елисаветой. Онъ обширенъ и очень красивъ, хотя построенъ въ готическомъ стилѣ. Императрица Екатерина прибавила для себя отдѣльную пристройку въ болѣе изящномъ вкусѣ. Она находится въ концѣ нѣсколькихъ зеркальныхъ и позолоченныхъ залъ, отдѣляющихъ ея аппартаменты отъ помѣщенія, гдѣ жилъ великій князь Павелъ, за ними находятся хоры, гдѣ государыня слушала обѣдню вмѣстѣ съ императорской фамиліей и придворными дамами. Первый залъ этого новаго строенія былъ украшенъ живописью; за нимъ слѣдуетъ другой, потолки и стѣны котораго были украшены ляписъ-лазурью, а полъ паркетный, наполовину изъ краснаго дерева, наполовину изъ перламутра. Затѣмъ идетъ большой кабинетъ, за которымъ слѣдуетъ залъ, отдѣланный китайскимъ лакомъ. Налѣво спальня, очень маленькая, но очень красивая, и кабинетъ въ зеркалахъ, отдѣленные другъ отъ друга пано изъ очень красиваго дерева. Этотъ маленькій кабинетъ служитъ входомъ въ колоннаду, которая видна въ перспективѣ въ дверяхъ кабинета. На террасѣ, отъ которой начинается колоннада, находится обитый зеленымъ сафьяномъ диванъ и столъ. Здѣсь рано утромъ ея величество занималась. Вся эта пристройка, очень просто отдѣланная, находится возлѣ небольшой стѣны, которая выдается впередъ. Обойдя ее, встрѣчаютъ слѣва прекрасный цвѣтникъ, усѣянный самыми красивыми и благоухающими цвѣтами. Съ этой стороны терраса оканчивается роскошными залами. Направо гранитная рѣшетка идетъ до самаго сада; она украшена бронзовыми статуями, вылитыми въ античномъ вкусѣ въ Императорской Академіи Художествъ. Колоннада представляетъ собою стеклянную галлерею съ мраморнымъ поломъ, вокругъ которой идетъ другая открытая галлерея съ колоннами, поддерживающими крышу, откуда открывается обширный видъ во всѣ стороны. Крыша эта возвышается надъ двумя садами: старымъ, обыкновеннымъ садомъ, старыя липы котораго осѣняютъ маленькія комнаты террасы, и англійскимъ садомъ, съ прелестнымъ озеромъ посрединѣ. Это прекрасное жилище, обитаемое той, которая обладала всѣмъ, чтобы нравиться и привязывать къ себѣ, представляло нѣчто волшебное. У императрицы былъ особенный даръ облагораживать все окружающее, она давала смыслъ всему, и самый ограниченный человѣкъ переставалъ быть такимъ возлѣ нея. Въ ея обществѣ всякій былъ доволенъ собой, потому что она умѣла говорить съ каждымъ такъ, чтобы не приводить его въ смущеніе и приноравливаться къ пониманію каждаго.

IV.

Характеристика великаго князя Александра Павловича и его невѣсты.—Великій князь Константинъ Павловичъ.—Приближенныя къ большому двору лица: графиня Шувалова, кн. Платонъ Зубовъ, гр. Строгановъ, И. И. Шуваловъ, Чертковъ, камеръ-фрейлина Протасова.—Бракосочетаніе великаго князя Александра Павловича.—Характеристика великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны.—Пріемъ турецкаго посла.—Свекровь гр. Головиной.—Переѣздъ двора весною 1794 г. въ Царское Село.—Гр. Эстергази, гр. Штакельбергъ, гр. Головкинъ.—Великая княгиня Елисавета Алексѣевна.

Императрица питала самую горячую привязанность къ своему внуку, великому князю Александру. Онъ былъ красивъ и добръ, но хорошія его качества, которыя тогда замѣчались въ немъ и которыя могли обратиться въ добродѣтели, никогда не развились вполнѣ. Его воспитатель, графъ Салтыковъ [1]), человѣкъ коварный, хитрый, склонный къ интригамъ, безпрестанно внушалъ ему поведеніе, которое естественно разрушало въ немъ всякую искренность въ характерѣ, заставляя его постоянно обдумывать каждое свое слово и дѣйствіе. Желая примирить императрицу съ ея сыномъ, графъ Салтыковъ вынуждалъ молодого великаго князя съ его добрымъ и прекраснымъ сердцемъ къ вѣчному притворству; иногда сердце великаго князя давало о себѣ знать, но воспитатель тотчасъ заботился о томъ, чтобы уничтожить эти порывы. Онъ внушалъ своему воспитаннику удаляться отъ императрицы и бояться отца; благодаря этому, великій князь испытывалъ постоянную борьбу съ своимъ сердцемъ. Великій князь Павелъ старался развить въ сынѣ вкусъ къ военному дѣлу; онъ заставлялъ Александра и его брата Константина присутствовать два раза въ недѣлю на военныхъ упражненіяхъ въ Павловскѣ, пріучая его къ мелочной и ничтожной тактикѣ, уничтожая въ немъ болѣе широкое пониманіе военнаго дѣла, такъ какъ пониманіе этого не было связано съ мундиромъ по прусскому образцу. Но, несмотря на всѣ эти обстоятельства, которыя легко могли дурно отозваться на человѣкѣ самаго твердаго характера, я должна отдать справедливость моему повелителю, что всепрощеніе такъ же близко его сердцу, какъ далека отъ него тираннія; его нравъ—кроткій и обходительный; въ его разговорѣ чувствуется мягкость и изящество, въ его стилѣ много краснорѣчія, а во всѣхъ прекрасныхъ поступкахъ замѣтна полная скромность.

---

[1]) Графъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь (1814 г.), Николай Ивановичъ Салтыковъ (р. 1736 г., ум. 1816 г.), фельдмаршалъ при Павлѣ. По отзывамъ современниковъ, Н. И. Салтыковъ зналъ придворную науку и до тонкости изучилъ главное свое занятіе—выпутываться изъ дворскихъ затрудненій. Умѣлъ одновременно угождать и Екатеринѣ, и Павлу, и Александру, что для обыкновенныхъ людей казалось рѣшительно невозможнымъ.

Принцесса Луиза, ставшая его супругой, соединяла вмѣстѣ съ невыразимою прелестью и граціей во всей фигурѣ замѣчательную для четырнадцатилѣтней дѣвушки выдержку и умѣренность. Во всѣхъ ея дѣйствіяхъ замѣтны были слѣды заботливости уважаемой и любимой матери. Ея тонкій умъ съ замѣчательной быстротой схватывалъ все, что могло служить къ ея украшенію, какъ пчела, собирающая медъ въ самыхъ ядовитыхъ растеніяхъ; ея разговоръ дышалъ всей свѣжестью молодости; но она не была лишена правильности пониманія. Я наслаждалась, слушая ее, изучая эту душу, столь мало похожую на другія: душа эта, совмѣщая въ себѣ всѣ добродѣтели, открыта была для всякихъ опасныхъ вліяній. Ея довѣріе ко мнѣ возростало съ каждымъ днемъ, но оно вполнѣ оправдывалось чувствами, которыя я питала къ ней. Добрая ея слава сдѣлалась для меня оттого еще дороже, еще ближе моему сердцу. Первое лѣто, которое мы провели вмѣстѣ, было только преддверіемъ дружбы, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ. Она мнѣ представлялась прекраснымъ молодымъ растеніемъ, стебли котораго могли бы дать, при хорошемъ за нимъ уходѣ, прекрасные отпрыски, но которому бури и ураганы угрожали пріостановить ихъ дальнѣйшее развитіе. Опасности, все увеличивавшіяся вокругъ нея, удвоили мои заботы о ней. Я часто вспоминала съ сожалѣніемъ о ея матери, единственномъ существѣ, способномъ докончить ея воспитаніе, начатое такъ хорошо, и бывшемъ живымъ примѣромъ добродѣтели, который могъ бы предохранить ее отъ иллюзій и увлеченій.

Необходимо сказать нѣсколько словъ о великомъ князѣ Константинѣ. Характера онъ вспыльчиваго, но не гордаго; душевныя его движенія — деспотичны, но непослѣдовательны; онъ дѣлаетъ дурные поступки по слабости характера, наказывая только тогда, когда чувствуетъ себя болѣе сильнымъ. Бесѣда съ нимъ была бы пріятна, если бы можно было забыть его сердце; но и у него бываютъ иногда благородныя побужденія: это цикута, служащая въ одно и то же время ядомъ и цѣлительнымъ средствомъ.

Графиня Шувалова, другъ Вольтера и д'Аламбера [1]), пользовалась ихъ доктринами, чтобы оправдывать свои слабости. Она была тонкая интриганка, готовая пожертвовать всѣмъ для Платона Зубова, который былъ въ то время ея идоломъ. Графиня, несмотря на всю изворотливость своего ума, не умѣла скрыть алчности своего характера: она утопала въ богатствѣ и жаловалась на бѣдность.

У Зубова былъ достаточно развитой умъ, хорошая память и музыкальныя способности. Его небрежный и томный видъ носилъ отпечатокъ его безпечнаго и лѣниваго характера.

Графъ Строгановъ былъ очень любезный человѣкъ и добръ до слабости; онъ страстно любилъ искусства. Весь его характеръ былъ

---

[1]) Мужъ ея, графъ Андрей Петровичъ, былъ въ сношеніяхъ съ ними и самъ писалъ прекрасные французскіе стихи.

построенъ на энтузіазмѣ и порывахъ; онъ поступалъ дурно, увлекаясь, но никогда не по собственному желанію; всегда ровнымъ настроеніемъ духа и веселостью онъ оживлялъ наше общество. Императоръ Павелъ сдѣлалъ его директоромъ Академіи Художествъ. Онъ способствовалъ ея улучшенію. Онъ глубоко любилъ свою родину, не обладая, однако, добродѣтелями, способными сдѣлать его ея опорой.

Мой дядя, оберъ-камергеръ Шуваловъ, былъ воплощенная доброта. Его прекрасная благородная фигура изобличала въ немъ благородную и безкорыстную душу; онъ жертвовалъ половину своихъ доходовъ въ пользу бѣдныхъ. Его привязанность къ императрицѣ доходила до слабости; несмотря на милости, которыми императрица его осыпала, онъ былъ всегда очень скроменъ. Однажды онъ вошелъ къ государынѣ въ то время, когда она играла на билліардѣ съ лицами, принадлежавшими къ ближайшему ея кругу. Государыня, шутя, сдѣлала ему глубокій реверансъ, онъ отвѣтилъ ей тѣмъ же; она улыбнулась, придворные захохотали. Такая неожиданная и дѣланная веселость со стороны ея придворныхъ поразила государыню.

— Господа,—обратилась она къ нимъ,—вѣдь мы съ оберъ-камергеромъ ужъ 40 лѣтъ, какъ друзья, и потому мнѣ можетъ быть дозволено шутить съ нимъ.

Всѣ замолчали.

Послѣ смерти своей повелительницы мой дядя цѣлый годъ скорбѣлъ о ней [1]).

Г. Чертковъ, прекрасный, добрый, русскій человѣкъ въ полномъ смыслѣ этого слова, былъ человѣкъ благородный и здравомыслящій. Государыню онъ обожалъ, онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея смерти, не будучи въ силахъ перенести этой потери [2]).

Г-жа Протасова, безобразная и черная, какъ королева острововъ Таити, постоянно жила при дворѣ. Она была родственницей князя Орлова [3]) и, благодаря его благосклонности, была пристроена ко двору. Когда она достигла болѣе чѣмъ зрѣлаго возроста и не составила себѣ партіи, ея величество подарила ей свой портретъ и пожаловала въ камеръ-фрейлины. Она принадлежала къ интимному кружку государыни не потому, чтобы она была другомъ императрицы или обладала высокими качествами, а потому, что была бѣдна и ворчлива. Въ ней развито было, однако, чувство благодарности. Императрица, сжалившись надъ ея бѣдностью, пожелала поддержать ее своимъ покровительствомъ: она разрѣшила ей вызвать къ себѣ своихъ пле-

---

[1]) И. И. Шуваловъ скончался чрезъ годъ по кончинѣ императрицы Екатерины, 14 ноября 1797 г.

[2]) † 23 декабря 1797 г.

[3]) Мать Анны Степановны Протасовой была двоюродной сестрой князя и графовъ Орловыхъ.

мянницъ и заняться ихъ образованіемъ. Она иногда шутила надъ ея воркотней. Однажды, когда Протасова была въ особенно ворчливомъ настроеніи, ея величество, замѣтивъ это, сказала ей:

— Я увѣрена, моя королева,—(она такъ называла ее въ шутку), — что вы сегодня утромъ били свою горничную, и потому вы какъ будто въ дурномъ расположеніи духа. Я, вставъ въ 5 часовъ утра и рѣшивъ дѣла въ пользу однимъ и во вредъ другимъ, оставила въ своемъ кабинетѣ всѣ дурныя впечатлѣнія, всѣ свои безпокойства, и прихожу сюда, моя прекрасная королева, съ самымъ лучшимъ настроеніемъ духа.

Дворъ великаго князя Александра состоялъ изъ оберъ-гофмаршала графа Головина, моего мужа, графа Толстого [1]), камергера Ададурова[2]), князя Хованскаго [3]) и камеръ-юнкера графа Потоцкаго [4]).

Дворъ проводилъ вечеръ у принцессы Луизы, которая со времени своего миропомазанія и помолвки получила титулъ великой княжны Елисаветы. Племянницы г-жи Протасовой приходили туда постоянно. Принцесса Фредерика немало способствовала оживленію общества. Она была очень умна и хитра и, несмотря на ея юный возрастъ, выказывала рѣшительность характера. Увы, ея судьба, хотя и блестящая, подвергла ее многимъ испытаніямъ, и корона, возложенная на ея голову, была покрыта шипами [5]). Она уѣхала въ концѣ пребыванія двора въ Царскомъ Селѣ, чтобы вернуться къ своей матери. Сцена разлуки двухъ сестеръ была очень трогательна. Наканунѣ ея отъѣзда, идя къ великой княжнѣ Елисаветѣ, я встрѣтила императрицу подъ сводами террасы, выходящую отъ принцессы Фредерики. Она возвращалась съ прощальнаго визита отъ нея...

На другой день, утромъ, когда все было готово къ отъѣзду, дворъ великаго князя собрался, мы прошли черезъ садъ и прелестный цвѣтникъ до лужка, гдѣ стоялъ ея экипажъ. Послѣ раздирающихъ душу прощаній, великая княжна вскочила въ карету къ сестрѣ въ то время, когда дверцы уже закрывались и, поцѣловавъ ее еще разъ, она поспѣшно вышла, схватила мою руку и побѣжала со мной до развалины въ концѣ сада; она сѣла подъ дерево, положила мнѣ голову, предавшись горю. Когда же графиня Шува-

---

[1]) Графъ Николай Александровичъ Толстой (род. 1761 г., † 1816 г.), камергеръ при вел. кн. Александрѣ Павловичѣ, впослѣдствіи оберъ-гофмаршалъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ.

[2]) Камергеръ Алексѣй Ададуровъ, кажется, сынъ д. т. с. Василія Евдокимовича Ададурова (р. 1709 г., ум. 1780 г.), куратора Московскаго университета и бывшаго наставника императрицы Екатерины.

[3]) Прапорщикъ Семеновскаго полка, князь Андрей.

[4]) Графъ Феликсъ Осиповичъ, съ 1795 г. генералъ-майоръ, камергеръ при вел. кн. Александрѣ Павловичѣ съ 1794—1796 г.

[5]) Она сдѣлалась впослѣдствіи супругой шведскаго короля Густава IV. Въ 1809 г. онъ былъ сверженъ съ престола.

лова вмѣстѣ съ остальнымъ дворомъ подошли къ намъ, то великая княжна Елисавета тотчасъ поднялась, подавила слезы и медленно, съ совершенно спокойнымъ видомъ, пошла по направленію къ дому, уже въ такіе ранніе годы умѣя скрывать свое горе [1]). Эта сила заставляла ошибаться въ ея характерѣ всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли понять ее или считали ее холодной и безчувственной; мнѣ говорили объ этомъ, но я всегда отвѣчала молчаніемъ: бываютъ въ сердцѣ такіе святые и дорогіе уголки, говорить о которыхъ значитъ профанировать ихъ, и есть такія низкія и презрѣнныя мнѣнія, что они не стоятъ того, чтобъ ихъ оспаривать.

Приготовленія къ свадьбѣ великаго князя Александра начались тотчасъ по пріѣздѣ двора въ городъ; всѣ ожидали этого момента съ живымъ интересомъ. Наконецъ настало 29 сентября 1793 года [2]). Въ церкви Зимняго дворца было устроено возвышеніе, на которомъ должна была совершиться брачная церемонія, для того, чтобы всѣмъ было видно. Какъ только молодые встали на него, всѣми овладѣло чувство умиленія; они были хороши, какъ ангелы. Оберъ-камергеръ Шуваловъ и князь Безбородко держали вѣнцы. Когда обрядъ вѣнчанія былъ конченъ, великій князь и великая княгиня сошли, держась за руку; великій князь сталъ затѣмъ на колѣни передъ императрицей, чтобы благодарить ее, но государыня подняла его, обняла и цѣловала, рыдая. Такую же нѣжность государыня выказала и по отношенію къ великой княгинѣ; затѣмъ молодые новобрачные поцѣловались съ великимъ княземъ-отцомъ и великой княгиней-матерью, которые тоже благодарили государыню. Великій князь Павелъ былъ глубоко тронутъ, что всѣхъ очень удивило. Въ то время онъ любилъ свою невѣстку, какъ настоящій отецъ.

Графъ Растопчинъ, долго пользовавшійся милостью великаго князя, разсказывалъ мнѣ, что однажды въ Гатчинѣ, въ разговорѣ о великой княгинѣ Елисаветѣ, великій князь Павелъ съ живостью замѣтилъ: «нужно отправиться въ Римъ, чтобы найти вторую Елисавету». Но все измѣнилось потомъ; нѣкоторыя несчастныя обстоятельства породили явленія, которыя могли возбудить сомнѣніе и придать видъ правды самымъ ужаснымъ клеветамъ. Такова судьба царственныхъ особъ: самыя законныя и естественныя изъ чувствъ постоянно подрываются людьми низкими, ловкими, льстивыми и жаждущими только того, чтобы сохранить царскую милость на счетъ истинно преданныхъ имъ людей.

---

[1]) «Je serai seule, seule, absolument seule sans avoir personne à qui mes petites penseés», писала Елисавета Алексѣевна матери въ это время.

[2]) Бракосочетаніе совершилось 28 сентября 1793 г. Великому князю Александру Павловичу не было еще 16 лѣтъ, а великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ шелъ всего 15-й годъ. «C'est Psyché unie à l'Amour», писала о нихъ Екатерина; на самомъ же дѣлѣ это были еще дѣти.

Императоръ Павелъ болѣе другихъ опасался быть обманутымъ; его характеръ, становившійся все болѣе недовѣрчивымъ, былъ очень удобенъ для тѣхъ, кто желалъ его гибели. Его супруга, великая княгиня, хотя любила его, но своими стараніями влiять на него только больше раздражала его. Она окружила его интригами, которыя льстили его самолюбію, уничтожали доброту его характера. Она думала, что, спасая несчастныхъ, она исчерпывала всѣ свои обязанности благотворенія, и то же тщеславіе, которое уже столько разъ вредило ей, отравляло тѣ дѣла ея благотворительности, главнымъ источникомъ которыхъ должно быть доброе сердце. Она стала завидовать красотѣ, граціи и изяществу великой княгини Елисаветы, дружбѣ къ ней императрицы и особенно воздаваемымъ ей почестямъ. Перемѣну ея по отношенію ко мнѣ я могу приписать лишь особенной моей привязанности къ ея невѣсткѣ; ея доброта, милости ко мнѣ, продолжавшіяся 16 лѣтъ, обратились въ ненависть; она старалась погубить меня во мнѣніи великой княгини Елисаветы, увѣренная, что ничто не могло быть для меня болѣе чувствительнымъ [1]).

Въ день свадьбы былъ большой обѣдъ, вечеромъ—большой балъ въ парадной залѣ великаго князя Александра. Императрица, великій князь Павелъ Петровичъ и великая княгиня Марія Ѳеодоровна проводили молодыхъ до ихъ аппартаментовъ. На другой день былъ другой балъ въ большой галлереѣ у императрицы, затѣмъ слѣдовало еще нѣсколько празднествъ.

Пріѣздъ турецкаго посланника въ октябрѣ того же года представилъ очень красивое зрѣлище. Аудіенція, данная ему императрицей, была очень торжественна; начиная отъ дверей залы, въ которой его принимали, до трона, на которомъ возсѣдала императрица, стояли въ 2 ряда солдаты гвардейскаго полка, всѣ высокаго роста, одѣтые въ красные колеты, съ одной золотой звѣздой, украшенной русскимъ гербомъ, на груди, и другой—на спинѣ. Они образовали изъ себя густую цѣпь; у нихъ былъ черный плюмажъ, серебряныя каски и карабины. На государынѣ была надѣта императорская мантія и малая корона. Два церемоніймейстера открывали шествіе, держа въ рукахъ золотыя булавы съ двуглавымъ орломъ, за ними двое церемоніймейстеровъ вели посланника, богато одѣтаго; болѣе 50-ти турокъ несли подарки на восточныхъ подушкахъ.

Въ то время, когда дворъ переѣхалъ изъ Царскаго Села въ Таврическій дворецъ, въ которомъ онъ всегда проводилъ часть весны и осени, на мою долю выпала большая радость: свекровь моя просила у императрицы позволенія поблагодарить ее лично за сына; но она была слишкомъ стара и глуха, чтобы быть принятой

[1]) Гр. Головина не знала о планахъ Екатерины лишить Павла Петровича престолонаслѣдія, а, между тѣмъ, Марія Ѳеодоровна боялась вліянія Головиной на великокняжескую чету, видя въ ней агента императрицы.

во время церемоніи въ Зимнемъ дворцѣ, когда онъ былъ назначенъ гофмаршаломъ двора великаго князя Александра. Ея величество охотно согласилась оказать ей эту милость и приказала мнѣ привести ее во дворецъ съ собой послѣ обѣда. Мы вошли въ залъ за нѣсолько минутъ до прихода императрицы. Моя свекровь была женщиной умной и по всей справедливости пользовавшейся безупречной репутаціей. Во время ссылки и несчастій, которыя ея семья терпѣла въ заключеніи при Елисаветѣ Петровнѣ, она выказала большое мужество и душевную теплоту [1]). Она уже давно не была въ обществѣ, благодаря своей глухотѣ. Какъ только она показалась въ залѣ, раздались привѣтственные крики, ей цѣловали руки, оказывали ей всякіе знаки уваженія. Признаюсь совершенно искренно, что я была польщена и тронута этими выраженіями уваженія. Императрица встрѣтила ее очень ласково, поцѣловала ее и приказала мнѣ быть ея толмачемъ, потому что было бы неловко, еслибъ государыня кричала ей на ухо. Я съ благодарностью повторяла всѣ милостивыя выраженія нашей государыни. Она повела насъ въ свои внутренніе покои, чтобы показать ихъ моей свекрови, которая воспользовалась отсутствіемъ публики, чтобъ броситься къ рукѣ ея величества, чтобъ выразить ей въ самыхъ трогательныхъ словахъ, какъ она была благодарна государынѣ за то, что она подумала о ея старости и объ ея сынѣ. Государыня была чрезвычайно тронута, я также: ничто не бываетъ такъ сладостно для нашего сердца, какъ чувство благодарности за любовь къ намъ и за участіе къ судьбѣ нашей. Возвратившись въ залъ, моя свекровь собралась уѣзжать, но ея величество задержала ее на весь вечеръ, составила ей партію въ бостонъ съ людьми, которые ей были наиболѣе пріятны, наслаждаясь веселостью, которую эта привѣтливая и уважаемая старушка распространяла вокругъ себя.

9-го мая дворъ переѣхалъ въ Царское Село. Этотъ отъѣздъ императрицы, хотя онъ совершался каждую весну, всегда производилъ большой эффектъ. Она ѣхала съ людьми, составлявшими ея интимный кружокъ, въ шестимѣстномъ экипажѣ, запряженномъ десятью красивыми конями, предшествуемая 6-ю курьерами, 12-ю гусарами, 12-ю лейбъ-казаками и въ сопровожденіи камеръ-пажей; пажи и конюхи были верхомъ. Какъ только экипажъ трогался съ мѣста, 100

---

[1]) Графиня Анастасія Степановна Головина была дочерью вице-адмирала Степана Васильевича Лопухина (ум. 1748 г.), двоюроднаго брата царицы Евдокіи, и жены его, извѣстной красавицы того времени, Натальи Ѳедоровны, урожденной Балкъ. Въ началѣ царствованія императрицы Елисаветы родители Анастасіи Степановны замѣшаны были въ дѣло о заговорѣ противъ императрицы, и хотя участіе ихъ въ немъ не было вовсе доказано, они понесли жестокое наказаніе и сосланы были въ Сибирь; съ ними были дѣти ихъ. Анастасія Степановна чрезъ нѣсколько лѣтъ вызвана была въ Россію и вышла замужъ за графа Николая Александровича Головина, но отецъ ея умеръ въ Сибири, а мать съ сыномъ своимъ получила прощеніе лишь въ царствованіе Петра III.

пушечныхъ выстрѣловъ изъ Петропавловской крѣпости возвѣщали городу объ отъѣздѣ государыни. Народъ сбѣгался, всѣ экипажи были въ движеніи, всѣмъ хотѣлось увидѣть ея проѣздъ, съ ея отъѣздомъ всѣ становились угрюмы и тревожны, всѣ чувствовали непріятную пустоту; несмотря на то, что на другой день я должна была нагнать ее, я, вмѣстѣ съ другими, раздѣляла это чувство. Я была неспокойна, пока сама не поѣхала. Я сожалѣю, что царскій блескъ отъѣзда служилъ для всѣхъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ; но для воображенія необходимы такія величественныя картины: онѣ такъ отвѣчаютъ почтительности, которую каждый питаетъ къ государынѣ въ глубинѣ своего сердца. Я также жалѣю о пушечномъ выстрѣлѣ, возвѣщавшемъ намъ восходъ и заходъ солнца: это было какъ воспоминаніе о томъ концѣ и о той надеждѣ, которые всегда соединяются съ нашими мыслями. Императоръ Павелъ вывелъ этотъ обычай изъ употребленія.

Лѣтомъ 1794 г., когда я во второй разъ жила въ Царскомъ Селѣ, при дворѣ прибавилось нѣсколько новыхъ лицъ. Графъ Эстергази, агентъ французскихъ принцевъ, былъ принятъ государыней очень милостиво [1]). За его грубымъ тономъ скрывался корыстный, склонный къ интригамъ характеръ. Всѣ считали его открытымъ и прямодушнымъ человѣкомъ, но государыня недолго ошибалась въ немъ и только по своей добротѣ терпѣла его. Онъ замѣтилъ это и сталъ слугой Зубова, который и поддержалъ его. Его жена была женщина добрая и благодарная къ своимъ прежнимъ повелителямъ, обхожденія прямого, ровнаго и свободнаго. Графъ Штакельбергъ [2]), нашъ прежній посолъ въ Варшавѣ, гдѣ онъ игралъ важную роль, отлично умѣлъ угадывать духъ общества; онъ былъ ловкій царедворецъ и преданъ Зубову. Графъ Ѳедоръ Головкинъ, хотя былъ ничтожной личностью, но нѣкоторое время игралъ извѣстную роль [3]). Это былъ злой и наглый лжецъ, не лишенный смѣлости; шутя и забавляя, онъ понемногу достигъ высшихъ чиновъ, но его вліяніе продолжалось недолго: насмѣшка и клевета были изгнаны въ кружкѣ императрицы, которая не терпѣла ихъ. Графъ Головкинъ сталъ чтецомъ и лакеемъ Зубова, другомъ сердца и довѣреннымъ лицомъ графини Шуваловой. Зубовъ выхлопоталъ ему мѣсто посланника въ Неаполѣ, но его дурное поведеніе заставило отозвать его оттуда; онъ былъ даже высланъ на нѣкоторое время. Три сестры,

---

[1]) Отъ французскихъ принцевъ, раззоренныхъ революціей, Эстергази не получалъ жалованья, и императрица пожаловала ему въ Волынской губерніи село Гродекъ; сынъ его Владиславъ наслѣдовалъ это имѣніе и затѣмъ остался въ русскомъ подданствѣ.

[2]) Графъ Оттонъ Магнусъ Штакельбергъ (р. 1736, ум. 1800), д. т. с.

[3]) Р. 1770 г., ум. 1820 г., камеръ-юнкеръ, затѣмъ посланникъ въ Неаполѣ въ 1794—1795 гг. Оставилъ послѣ себя записки.

княжны Голицыны [1]), назначенныя фрейлинами при великой княгинѣ Елисаветѣ незадолго до ея свадьбы, также послѣдовали за дворомъ въ Царское Село.

Природа была такъ оживлена, что придавала невыразимую прелесть обаянію весны. Это время года всегда какъ бы соединяетъ всѣ чувства, воспоминанія возвращаются съ новой силой; въ это время дышишь для того только, чтобы чувствовать благоуханія, еще съ большей любовью любить то, что долженъ любить, но, среди этого разнообразія чувствъ, появляется какая-то тревога, которая можетъ стать опасной для сердца, жаждущаго пищи.

Великая княгиня Елисавета выросла и похорошѣла. Она обращала на себя вниманіе всѣхъ: ея ангельское лицо, ея стройная, граціозная фигура, легкая поступь, заставляли всякій разъ восхищаться ею. Когда она входила къ императрицѣ, всѣ взоры устремлялись на нее. Я наслаждалась ея торжествомъ, но съ нѣкоторымъ опасеніемъ: я желала бы, чтобы на нее болѣе были обращены взгляды великаго князя Александра, чѣмъ кого либо другаго.

Каждый вечеръ мы совершали прогулки, все время продожалась чудная погода; государыня останавливалась около ограды или колоннады. Заходъ солнца, тишина въ воздухѣ, благоуханіе цвѣтовъ, все это ласкало чувства. Что за время—молодость! Въ ней столько меду, смѣшаннаго съ ядомъ!

V.

Супружеская жизнь великаго князя Александра Павловича и великой княгини Елисаветы Алексѣевны.—Отношенія ихъ къ гр. Головиной.—Графиня Толстая.—Прогулка къ колонистамъ.—Игры и развлеченія въ Царскомъ Селѣ.—Увлеченія Зубова и интриги при дворѣ.—Отношенія къ Головиной великой княгини Елисаветы Алексѣевны.—Графъ Штакельбергъ.

Ничто не могло быть интереснѣе и красивѣе прелестной пары: великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы. Ихъ можно было сравнить съ Амуромъ и Психеей. Окружающіе замѣчали, что по чувствамъ они вполнѣ отвѣчали другъ другу. Великій князь дѣлалъ тогда мнѣ честь удостоивать меня особеннаго своего довѣрія.

---

[1]) Княжны Марья (р. 1773, ум. 1826), Софья (р. 1776) и Елисавета (р. 1777, ум. 1835) Алексѣевны Голицыны, дочери кн. Алексѣя Борисовича, генералъ-майора, и жены его Анны Егоровны, урожд. княжны Грузинской. Княжны Голицыны были племянницами извѣстной княгини Натальи Петровны Голицыной, ур. Чернышевой, «princesse moustache», и вышли затѣмъ замужъ: княжна Марья—за графа Петра Александровича Толстого, генерала отъ кавалеріи, княжна Софья—за пэра Франціи, русскаго дѣйств. ст. сов., графа Карла Сенъ-При, и княжна Елисавета—за графа Александра Ивановича Остермана-Толстого, генералъ-адъютанта, героя 1812 года и Кульма.

Утромъ мы всегда гуляли втроемъ: и мужъ, и жена одинаково желали меня видѣть. Если супруги слегка ссорились между собой,— меня же звали быть судьей. Помню, что послѣ одной изъ ихъ размолвокъ они приказали мнѣ прійти на слѣдующее утро въ 7 часовъ въ нижній этажъ дворца, въ аппартаменты моего дяди, которые выходили въ паркъ. Я отправилась туда въ назначенный часъ. Оба они вышли на террасу. Великій князь вошелъ черезъ окно, велѣлъ передать стулъ, вышелъ, заставилъ меня выскочить; словомъ, сдѣлалъ все, чтобы придать видъ приключенія самому обыкновенному факту. Они взяли меня за руку, отвели въ бывшій эрмитажъ въ глубину сада, усадили на столъ, и засѣданіе было открыто. Оба говорили одновременно. Приговоръ состоялся въ пользу великой княгини, которая была совершенно права. Великому князю надо было признаться въ своей винѣ. Онъ это сдѣлалъ. Покончивъ съ серьезнымъ дѣломъ, мы очень весело пошли далѣе.

Въ продолженіе этого лѣта мы дѣлали прелестныя прогулки. Императрица желала только одного: видѣть своихъ внуковъ счастливыми и довольными. Она позволяла великому князю Александру и великой княгинѣ гулять вездѣ, гдѣ бы они ни пожелали, даже и послѣ обѣда. Какъ-то разъ велѣли приготовить охоту въ Красномъ Селѣ. Эта деревня приходится въ небольшомъ разстояніи отъ Дудергофа, трехъ очень возвышенныхъ пригорковъ, изъ которыхъ два покрыты густымъ лѣсомъ. На нихъ ростутъ прелестные цвѣты, гербаристы собираютъ тамъ очень интересныя коллекціи. Средній пригорокъ покрытъ менѣе густымъ лѣсомъ. На вершинѣ его построена финская деревня, а лютеранская церковь придаетъ ему отшельническій видъ и дѣлаетъ это мѣсто очень живописнымъ. Мы вернулись во дворецъ въ самый жаръ, пророчившій сильную грозу, и пообѣдали съ большимъ аппетитомъ. Едва только вышли мы изъ-за стола, какъ вдругъ раздался сильнѣйшій ударъ грома; блеснувшая молнія ослѣпила насъ. Сильный и хорошій дождь лилъ перпендикулярно. Пошелъ также градъ. Великая княгиня бѣгала за градинами, которыя катились въ комнату черезъ трубу камина. Вся эта суета, безпокойство охотниковъ, всѣ разнообразныя волненія очень забавляли великую княгиню и меня. Фрейлина княгиня Голицына скрылась въ спальнѣ: она сильно боялась грозы. Молодая графиня Шувалова отправилась съ ней вмѣстѣ, но мать послѣдней ходила то къ нимъ, то къ намъ. Великая княгиня и мы были проникнуты чувствами, составлявшими наше общее наслажденіе: гроза, громъ и молнія представляли намъ прекрасное зрѣлище. Облокотившись на окно, мы любовались явленіями природы. Обѣ мы были въ амазонкахъ и черныхъ касторовыхъ шляпахъ. Шляпа великой княгини была украшена стального цвѣта лентой, которую она приколола на мою, чтобы обмѣнить ихъ незамѣтнымъ образомъ. Ея высочество взяла мою шляпу, а мнѣ дала свою. Все это произошло молча. Въ

тотъ же день она дала мнѣ маленькую, предназначенную мнѣ записку, которая еще хранится у меня въ медальонѣ съ ея портретомъ и волосами.

Ничто не можетъ быть пріятнѣе перваго проявленія чувства дружбы, ничто не должно останавливать его хода. Довѣріе, это увлеченіе дружбы, эта чистая невинность юности, походитъ на цвѣтникъ съ постоянно возрождающимися цвѣтами. Любятъ безъ страха и угрызеній совѣсти. Какое счастіе, можно сказать даже болѣе, владѣть такимъ чувствительнымъ сердцемъ, дружба котораго внушаетъ спокойствіе и увѣренность.

Гроза прошла. За ней слѣдовала самая невозмутимая тишина. Воздухъ былъ мягкій и пріятный. Все содѣйствовало къ тому, чтобы сдѣлать нашу прогулку пріятною. Въ продолженіе нѣкотораго времени охотились, потомъ взобрались на первый пригорокъ. Съ вершины его мы открывали прелестные виды. Цвѣты и земляника, казалось, росли подъ нашими ногами. Мы пошли потомъ на самый лѣсистый пригорокъ. Въ сторонѣ находился птичникъ для фазановъ, окруженный очень густыми деревьями, около которыхъ мы увидали тропинку, ведущую до вершины. Великой княгинѣ хотѣлось туда взобраться, но эта тропинка была слишкомъ камениста и крута. Придумали совершенно новый способъ ее туда доставить: около птичника нашли мы финскую телѣжку, запряженную лошадью, и предложили этотъ экипажъ великой княгинѣ, которая приняла его съ радостію. Ее усадили въ него со мной, съ княжной Голицыной и съ молодой графиней Шуваловой. Камергеры и камеръ-юнкеры помогали лошади: одни тянули ее за узду, другіе толкали телѣжку. Великій князь и нѣкоторые придворные были верхомъ. Многочисленная толпа и финская телѣжка напоминали волшебныя сказки и, казалось, скрывали какую-то тайну: въ жизни все таинственно, даже финская телѣжка. Прогулка продолжалась долго. Мы вернулись въ открытыхъ экипажахъ. Вечеръ былъ восхитительный. Природа представляла совершенно особое зрѣлище: свѣтъ смѣнился сумерками; всѣ предметы, пригорки, деревья, колокольни, обрисовывались черной тѣнью на чистомъ и сѣроватомъ небѣ. Говорили мало, но каждый наслаждался по-своему.

Графиня Толстая [1]), жена камергера великаго князя, жила въ Царскомъ Селѣ. Она еще не была принята при дворѣ, но имѣла позволеніе бывать у великой княгини въ качествѣ приближенной къ ея двору. Я знала ее съ дѣтства, но мало. Она была мнѣ родственницей по мужу, а графъ Толстой въ это время былъ у ногъ моихъ.

---

[1]) Графиня Анна Ивановна, урожденная княжна Барятинская, дочь князя Ивана Сергѣевича отъ супружества его съ принцессой Екатериной Петровной Голштейнъ-Бекской. Она — родная тетка фельдмаршала Александра Ивановича Барятинскаго. Ум. 1825 г., въ Парижѣ и погребена на кладбищѣ le Calvoire du Mont-Valèrien».

Онъ привезъ ее ко мнѣ, сказавъ: «Дарю вамъ свою жену». Она была справедливо оскорблена его словами, поставившими меня въ неловкое положеніе и установившими между нами нѣкоторое стѣсненіе, къ счастію, недолго продолжавшееся. Она были красива и симпатична, но несчастныя обстоятельства ея жизни усилили ея чрезмѣрную природную застѣнчивость. Когда мы оставались однѣ, она обыкновенно хранила молчаніе; наконецъ, лаской и предупредительностію я достигла того, что она привыкла ко мнѣ, была со мной откровенна и полюбила меня всѣми силами своего сердца. Наше сближеніе перешло въ настоящее чувство; испытанія, черезъ которыя мы прошли обѣ вмѣстѣ, только укрѣпили дружбу, которая не должна и не можетъ прекратиться. Утромъ мы гуляли вмѣстѣ въ окрестностяхъ Царскаго Села. Какъ-то разъ ея высочество пригласила меня отправиться въ деревню колонистовъ, находившуюся въ двѣнадцати верстахъ отъ дворца. Мы нашли ее прелестной и описали великому князю и великой княгинѣ подробности этой прогулки. Ихъ императорскимъ высочествамъ хотѣлось также совершить ее, и они получили позволеніе императрицы. Рѣшено было, что они для большей свободы пойдутъ инкогнито подъ нашимъ покровительствомъ. Великая княгиня должна была выдавать себя за m-lle Herbil, свою горничную, а великій князь — за моего племянника. Въ восемь часовъ утра великая княгиня сѣла со мной и графиней Толстой въ маленькую почтовую телѣжку, принадлежавшую послѣдней. Мужъ мой помѣстился въ собственномъ англійскомъ кабріолетѣ вмѣстѣ съ великимъ княземъ. Пріѣхавъ къ m-me Vilbade (фамилія хозяйки дома, куда мы вошли), великая княгиня была погружена въ воспоминанія: это жилище и одежда напоминали крестьянъ ея родины. Семейство Вильбадъ состояло изъ мужа, жены, сына съ женой и ребенкомъ и молодой дѣвушки. Пригласили двухъ сосѣдей и играли вальсы съ береговъ Рейна. Музыка и вся обстановка сдѣлали большое впечатлѣніе на великую княгиню, но къ наслажденію ея примѣшивалась легкая грусть. Мужъ мой отвлекъ ее отъ этого чувства, сказавъ:

— M-lle Herbil, вы слишкомъ лѣнивы, пора готовить завтракъ. Пойдемте въ кухню, вы нарѣжете петрушки для яичницы, которую мы сейчасъ сготовимъ.

Великая княгиня послушалась и взяла свой первый кулинарный урокъ. На ней было бѣлое утреннее платье, маленькая соломенная шляпа прикрывала ея прекрасные бѣлокурые волосы. Принесли массу розъ; мы сдѣлали изъ нихъ гирлянду и украсили ею ея шляпу. Она была мила, какъ ангелъ. Великій князь Александръ съ трудомъ сдерживалъ свою серьезность при видѣ моего мужа, который былъ въ шляпѣ и имѣлъ очень смѣшной видъ. Мы попробовали превкусной яичницы. Масло и очень густыя сливки закончили завтракъ. Въ углу комнаты находилась люлька со спя-

щимъ ребенкомъ. Молодая мать изрѣдка ходила покачивать его. Великая княгиня, замѣтивъ это, встала на колѣна, покачала дитя, и глаза ея наполнились слезами. Она будто предчувствовала тяжелыя испытанія, которыя готовило ей будущее. Это смѣшеніе веселости и простоты придало много оживленія нашей утренней прогулкѣ. Возвратный путь былъ очень интересенъ. Сильный теплый дождь лилъ потоками. Мы посадили великаго князя въ коляску подъ кожу, прикрывавшую наши ноги. Болѣе трехъ лицъ не могло усѣсться внутри коляски, и, несмотря на всѣ наши старанія, онъ промокъ до костей. Это не уменьшило нашей веселости, и мы долго съ удовольствіемъ вспоминали про эту прогулку.

Г-жа Вильбадъ, пріѣзжая иногда въ городъ по своимъ дѣламъ, привозила мнѣ масло. Я попросила ее привезти его также моему такъ называемому племяннику. «Я не знаю, гдѣ онъ квартируетъ», сказала она. Я отвѣчала, что велю ее проводить. Одинъ изъ моихъ слугъ отвелъ ее во дворецъ. Когда она узнала истину, съ ней едва не сдѣлалось дурно отъ удивленія и счастія. Великій князь далъ ей сто рублей и одежду для ея мужа. Помнится, эта небольшая пенсія выдавалась ей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Удовольствіямъ и конца не было. Императрица старалась сдѣлать Царское Село какъ можно болѣе пріятнымъ. Придумали бѣгать въ запуски на лугу передъ дворцомъ. Было два лагеря: Александра и Константина. Розовый и голубой флаги съ серебряными, вышитыми на нихъ иниціалами, служили отличіемъ. Какъ и слѣдовало, я принадлежала къ лагерю Александра. Императрица и лица не игравшія сидѣли на скамейкѣ, противъ аллеи, окаймлявшей лугъ. Великая княгиня Елисавета вѣшала свою шляпу на флагъ, прежде чѣмъ пуститься бѣжать. Она едва касалась земли: до того была легка; воздухъ игралъ ея волосами, она опережала всѣхъ дамъ. Ею любовались и не могли достаточно наглядѣться на нее. Игры нравились всѣмъ: въ нихъ охотно принимали участіе. Императрица, которая была олицетворенная доброта, замѣтила, что камергеры и камеръ-юнкеры, дежурившіе при ней два раза въ недѣлю, съ сожалѣніемъ видѣли конецъ своей службы. Она позволила имъ остаться въ Царскомъ Селѣ, сколько они пожелаютъ. Ни одинъ изъ нихъ не оставилъ его въ продолженіе всего лѣта. Князь Платонъ Зубовъ принималъ участіе въ играхъ. Грація и прелесть великой княгини Елисаветы произвели на него въ скоромъ времени сильное впечатлѣніе. Какъ-то вечеромъ, во время игры, подошелъ къ намъ великій князь Александръ, взялъ за руку меня, также какъ и великую княгиню, и сказалъ: «Зубовъ влюбленъ въ мою жену». Эти слова, произнесенныя въ ея присутствіи, очень огорчили меня. Я выразилась, что эта мысль не можетъ имѣть никакихъ основаній, и прибавила, что если Зубовъ способенъ на подобное сумасшествіе, слѣдовало его презирать и не обращать на то ни малѣйшаго вниманія. Но это было слишкомъ поздно: эти

несчастныя слова уже нѣсколько смутили сердце великой княгини. Она была сконфужена, а я чувствовала себя несчастной и была въ безпокойствѣ: ничто не можетъ быть болѣе безполезно и опасно, какъ дать замѣтить молодой женщинѣ чувство, которое должно непремѣнно ее оскорбить. Чистота и благородство души не позволяютъ ей его замѣтить, но удивленіе смѣняется неловкостію, которую можно истолковать въ неблагопріятномъ для нея смыслѣ. Послѣ игръ я, по обыкновенію, ужинала у ихъ императорскихъ высочествъ. Открытіе великаго князя все бродило у меня въ головѣ. На другой день мы должны были обѣдать у великаго князя Константина въ его дворцѣ, въ Софіи. Я поѣхала къ великой княгинѣ съ цѣлію сопровождать ее. Ея высочество сказала мнѣ: «пойдемте скорѣе подальше отъ другихъ: мнѣ нужно вамъ кое-что сказать». Я повиновалась: она подала мнѣ руку. Когда мы были довольно далеко, и насъ не могли слышать, она сказала мнѣ: «Сегодня утромъ графъ Растопчинъ былъ у великаго князя съ цѣлію подтвердить ему все замѣченное относительно Зубова. Великій князь повторилъ мнѣ его разговоръ съ такой горячностью и безпокойствомъ, что со мной едва не сдѣлалось дурно. Я въ высшей степени смущена; не знаю, что мнѣ дѣлать; присутствіе Зубова будетъ стѣснять меня навѣрное».—«Ради Бога,—отвѣчала я ей,—успокойтесь. Все это такъ сильно дѣйствуетъ на васъ, благодаря вашей молодости; вамъ не надо испытывать ни стѣсненія, ни безпокойства. Имѣйте достаточно силы воли позабыть все сказанное, и это пройдетъ само собою». Великая княгиня немного успокоилась, и обѣдъ сошелъ довольно хорошо. Вечеромъ мы вошли къ императрицѣ. Я застала Зубова въ мечтательномъ настроеніи, безпрестанно бросавшаго на меня томные взоры, которые онъ переносилъ потомъ на великую княгиню. Вскорѣ несчастное сумасбродство Зубова стало извѣстно всему Царскому Селу. Тогда на меня старались подѣйствовать повѣренные Зубова и его шпіоны. Графиня Шувалова была первая, кому Зубовъ признался въ своихъ чувствахъ. Графъ Головкинъ, графъ Штакельбергъ, Колычевъ — камергеръ, а впослѣдствіи гофмейстеръ двора [1]), княжны Голицыны, фрейлины, и докторъ Бекъ [2]) сдѣлались моими надсмотрщиками. Они ежедневно давали отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ графу Салтыкову. Наши прогулки и разговоры съ великой княгиней, ея малѣйшее вниманіе ко мнѣ, все подвергалось наблюденію: объ этомъ толковали, видоизмѣняли и, черезъ Салтыкова, передавали императрицѣ Маріи. Я была окружена цѣлымъ легіономъ враговъ, но чистая совѣсть придавала мнѣ силу, и я такъ была проникнута своимъ чувствомъ

---

[1]) Колычевъ, Степанъ Степановичъ, камергеръ, въ 1796 г. вице-президентъ придворной конторы.

[2]) Иванъ Филипповичъ Бекъ, лейбъ-медикъ, т. е., докторъ медицины и хирургіи. Лейбъ-медики и прочіе придворные врачи не чуждались въ XVIII в. придворныхъ интригъ и даже играли въ нихъ главную роль.

къ великой княгинѣ Елисаветѣ, что, вмѣсто того, чтобы испытывать безпокойство, удвоила свои старанія и, если можно такъ выразиться, стала смѣлѣе. Покровительство императрицы, ея доброта ко мнѣ и довѣріе великаго князя устраняли всякое стѣсненіе. Эти обстоятельства только укрѣпили расположеніе великой княгини ко мнѣ: мы почти не разставались; сердце ея ввѣряло моему всѣ свои чувства. Я проникалась этимъ довѣріемъ, была имъ тронута, и ея репутація становилась цѣлью моего счастія. Ничто не можетъ быть увлекательнѣе перваго довѣрія души: оно подобно источнику чистой воды, который ищетъ проложить себѣ новое русло, пока не найдетъ мѣста, гдѣ можетъ распространиться, выйти наружу и освободиться отъ стѣсняющихъ его береговъ.

Вниманіе Зубова ко мнѣ увеличивалось и все болѣе и болѣе возстановляло меня противъ него. Онъ постоянно шептался съ графиней Шуваловой, что заставляло меня презирать ихъ обоихъ. Между другими повѣренными Зубова былъ итальянецъ Санти, артистъ на гитарѣ. Я его знала: онъ пріѣзжалъ играть ко мнѣ. Должность его заключалась въ томъ, чтобы наблюдать за моими прогулками въ саду съ великой княгиней и указывать ихъ направленіе своему влюбленному покровителю, чтобы онъ могъ насъ встрѣтить. Эта игра удавалась иногда. Г. Зубовъ подходилъ къ намъ съ низкимъ поклономъ, онъ застѣнчиво и томно подымалъ свои черные глаза и тѣмъ только смѣшилъ меня; поэтому, какъ только мы отходили отъ него, я давала волю всей моей веселости: сравнивала его съ волшебнымъ фонаремъ и старалась, въ особенности, выказать его въ смѣшномъ видѣ въ глазахъ великой княгини.

Какъ-то утромъ, гуляя одна въ саду, я встрѣтила графа Штакельберга. Онъ подошелъ и заговорилъ со мной поспѣшно и дружески, какъ дѣлалъ это всегда съ тѣми, кому хотѣлъ оказать расположеніе.—«Другъ мой, дорогая графиня, — сказалъ онъ мнѣ,—чѣмъ болѣе вижу эту восхитительную Психею, тѣмъ болѣе теряю голову! Она несравненна, но я замѣчаю у нея недостатокъ».—«Скажите, какой? прошу васъ». — «Сердце ея недостаточно чувствительно. Она дѣлаетъ такъ много несчастныхъ, а не цѣнитъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ, самаго почтительнаго вниманія». — «Вниманія кого?» — «Того, кто боготворитъ ее».—«Вы съ ума сошли, дорогой графъ, и вы меня худо знаете. Идите къ графинѣ Шуваловой: она васъ лучше пойметъ, и знайте разъ навсегда, что слабость такъ же далека отъ сердца Психеи, какъ ваши слова граничатъ съ низостью». Окончивъ эти слова, я подняла глаза на окна комнатъ Зубова и увидала его на балконѣ. Взявъ Штакельберга подъ руку, я подвела его къ нему: «Вотъ,—сказала я,—молодой человѣкъ, который съ ума сошелъ. Велите скорѣе пустить ему кровь. Въ ожиданіи этого, разрѣшаю вамъ разспросить у него всѣ подробности нашего разговора». Признаюсь, я ихъ оставила съ нѣкоторымъ чувствомъ самоудовлетворенія.

VI.

Забавы при дворѣ Екатерины. — Интриги графини Шуваловой и Колычева. — Княгиня Голицына. — Милости императрицы къ графинѣ Головиной. — Польская депутація. — Шутка Головиной съ Зубовымъ. — Болѣзнь великаго князя Александра.— Вечера у великокняжеской четы.— Шевалье де-Саксъ.— Графиня Салтыкова.—Кротость императрицы.—Г-жа Фитингофъ.—Графъ Петръ Панинъ.

Несмотря на наступившее грозное время, придворная жизнь текла весело: казалось, всѣ предавались столь пагубнымъ для юности иллюзіямъ. Этотъ величественный дворъ, этотъ дворецъ, эти сады, эти благоухающія цвѣтами террасы, внушали рыцарскія идеи и возбуждали воображеніе. Возвратившись съ прогулки въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ вечеровъ, императрица остановилась на террасѣ, гдѣ усѣлась на широкія ступени. Ея величество усадила меня между собою и великой княгиней, съ которой Зубовъ не спускалъ глазъ. Великая княгиня была смущена, что передавалось и мнѣ. Я съ большимъ трудомъ понимала то, что ея величество, дѣлая честь мнѣ, говорила; вдругъ мы услышали чудную музыку. Дицъ [1]), замѣчательный музыкантъ, игралъ тріо на скрипкѣ; ему аккомпанировалъ альтъ и віолончель. Этотъ оркестръ былъ помѣщенъ въ окнѣ у Зубова, недалеко отъ террасы; полные гармоніи звуки этого инструмента любви неслись по воздуху; тишина вечера способствовала ихъ продолжительности. Великая княгиня была растрогана. Безмолвный разговоръ сердца доступенъ дружбѣ: не нужно словъ, чтобы понять другъ друга. Я поняла великую княгиню, и этого было достаточно, чтобы ея замѣшательство смѣнилось тихой радостью, внушенною чарами минуты. Когда императрица удалилась, я проводила великую княгиню домой. Мы усѣлись на окно въ маленькой гостиной; остальное общество осталось въ большой гостиной рядомъ. Наше окно было открыто и выходило въ садъ; въ красивомъ озерѣ отражалась луна, все было тихо кругомъ, кромѣ сердца, жаждущаго впечатлѣній. Великій князь любилъ свою жену, какъ братъ, но она хотѣла быть любимой такъ, какъ бы она его любила, если бы онъ сумѣлъ ее понять. Недочеты въ чувствѣ очень тяжелы, особенно во время его первыхъ проявленій. Принципы, внушенные великой княгинѣ ея матерью съ дѣтства, вели ее къ добродѣтели, къ исполненію долга: она знала, она чувствовала, что ея мужъ долженъ быть главнымъ предметомъ ея привязанности, она стремилась къ этому, но, не будучи понятой, она

---

[1]) Генрихъ Дицъ, знаменитый скрипачъ того времени, учитель императора Александра I въ игрѣ на скрипкѣ.

все болѣе и болѣе нуждалась въ дружбѣ. Я была всегда съ нею, хваля ея доброту; непріятности, интриги, иллюзіи, еще болѣе усилили ея привязанность ко мнѣ; я боялась остановить ростъ этой привязанности, ей нужно было активное чувство. Чтобы сохранить чистоту ея сердца, я старалась вполнѣ слиться съ нею; моею преданностью ей была моя собственная вѣрность; я знала, что и дружба измѣняется съ годами, ея первые дни восторженны, какъ юность, она успокаивается, наученная опытомъ. Испытанія укрѣпляютъ ея узы.

Однажды вечеромъ, вмѣсто того, чтобы послѣдовать за великой княгиней послѣ вечера у императрицы, я отправилась на минуту въ покои моего дяди, чтобы перемѣнить кое-что въ моемъ тоалетѣ. Мое отсутствіе не было продолжительно, я возвращалась къ своему мѣсту, какъ кто-то, встрѣтившись со мной, сказалъ, что Зубовъ даетъ серенаду у своего окна, что услужливая Шувалова должна повести великую княгиню на лугъ, чтобы ея присутствіе послужило одобреніемъ чувства Зубова. Я страшно разсердилась и побѣжала со всѣхъ ногъ; къ счастью, я догнала великую княгиню до прихода на условленное мѣсто; Шувалова предлагаетъ ей руку.

— Куда вы идете, ваше высочество?—спросила я.

— На лугъ,—отвѣчала она.—Графиня только что мнѣ сказала, что тамъ можно услышать великолѣпную музыку.

Я ей сдѣлала знакъ глазами и прибавила:

— Повѣрьте мнѣ, ваше высочество, лучше будетъ намъ погулять въ такую прекрасную погоду.

Великая княгиня оставила руку своей почтенной путеводительницы, и мы пошли такимъ шагомъ, что она не могла за нами послѣдовать. Шувалова была страшно возбуждена противъ меня. По дорогѣ я разсказала великой княгинѣ подкладку этой исторіи. Она была мною довольна. На другой день графиня Шувалова пожаловалась на меня всѣмъ своимъ близкимъ; я смѣюсь надъ этимъ, ибо я нахожу, что настолько же хорошо заслужить ненависть тѣхъ, которые возбуждаютъ наше презрѣніе, какъ уваженіе тѣхъ, кого любишь. Я не знаю средствъ къ уничтоженію интригъ, ни ловкости въ нихъ, я не могу льстить наперекоръ моей совѣсти, и я не признаю политики высшаго свѣта.

Однажды, послѣ обѣда, Колычевъ отъ имени Зубова предложилъ мнѣ спѣть романсъ въ тотъ моментъ, когда императрица появится на вечерѣ. Это былъ новѣйшій романсъ. Я прочла куплеты и ясно увидѣла во второмъ намеки, которые не трудно было понять [1]). Я поблагодарила Колычева, попросивъ его передать Зу-

[1]) Судьба совершаетъ преступленіе,
Заставляя меня желать ее воспламенить,
Предоставляетъ своей жертвѣ
Роковое право любить.

бову, что я не хочу ни занимать собой, ни злоупотреблять добротой императрицы, которая не любитъ музыки. Онъ ушелъ, съ чѣмъ пришелъ, а я объ этомъ не разсказала великой княгинѣ. На другой день, въ воскресенье, былъ маленькій балъ, на которомъ присутствовали приближенныя лица. Танцуя англезъ съ Колычевымъ, я увидѣла свертокъ нотъ въ его карманѣ; онъ отъ времени до времени вынималъ его для того, чтобы его замѣтила великая княгиня, стоявшая возлѣ меня; не достигнувъ того, чтобы она его спросила, что̀ это, онъ рѣшился ей предложить эти ноты, но я его предупредила, шепнувъ великой княгинѣ:

— Не берите этихъ нотъ; вечеромъ вы узнаете, что это такое.

Она ихъ не взяла. Танцовали польскій; я увидѣла Зубова, графиню Шувалову и графа Головкина, совѣщавшихся вмѣстѣ; черезъ минуту послѣдній подошелъ меня пригласить на танецъ; я согласилась, онъ сталъ въ первой парѣ, графиня Шувалова и Зубовъ за нами. Я сказала графу, что не хочу начинать польскій.

— Почему же?—спросилъ онъ. — Вы сдѣлаете удовольствіе господину Зубову.

— Ему слѣдуетъ начинать польскій, — отвѣтила я и настояла на томъ, чтобы перемѣнить мѣсто. Зубовъ сказалъ мнѣ:

— Я умоляю васъ, графиня, начать польскій, я буду такъ счастливъ слѣдовать за вами, только вы можете повести меня къ счастью.

— Я не имѣю способности вести кого бы то ни было, я едва умѣю себя вести.

Я оставила мѣсто и стала въ послѣднюю пару. Графъ Голо̀вкинъ сказалъ мнѣ:

— Вы очень упрямы.

— Я признаюсь, что я не такъ податлива, какъ вы, — отвѣтила я.

Я забыла сказать о женѣ князя Михаила Голицына, — старшей дочери графини Шуваловой, — которая получила позволеніе пріѣзжать по воскресеньямъ въ Царское Село [1]). Это—женщина съ безпокойнымъ умомъ, съ полнымъ непослѣдовательности характеромъ. Она завидовала многочисленнымъ ко мнѣ милостямъ императрицы. Между обѣдней и обѣдомъ у императрицы собиралось общество [2]); княгиня Голицына знала, что императрица иногда занималась при-

---

[1]) Княгиня Прасковья Андреевна Голицына (род. 1767 г., ум. 1828 г.) была въ супружествѣ съ кн. Мих. Андреевичемъ, т. с. и камергеромъ (ум. 1812 г.). Она была прекрасная и лучшая танцовщица.

[2]) Тутъ же происходила смѣна дежурствъ генералъ-адъютантовъ. Тотъ, кто кончалъ дежурство, преклонялъ колѣно передъ императрицей и давалъ ей жезлъ, который она вручала его замѣстителю. Хотя эта церемонія повторялась еженедѣльно, но она всегда поражала тѣмъ величіемъ, которое императрица въ нее вкладывала—она какъ будто говорила: «довѣріе и преданность».

готовленіемъ камеевъ и горѣла желаніемъ получить одинъ для медальона, который она носила на шеѣ, и который заботливо выставляла на показъ, чтобы замѣтили, что онъ пустъ. Императрица это замѣтила и сказала ей:

— Мнѣ кажется, княгиня, что медальонъ, который я вижу нѣсколько воскресеній, о чемъ-то проситъ.

Княгиня покраснѣла отъ радости и отвѣчала, что будетъ страшно счастлива, если медальонъ заслужитъ работу императрицы.

— Нѣтъ, княгиня, я вамъ дамъ сибирскій камень, красивѣе моихъ оттисковъ.

Черезъ недѣлю она отослала графинѣ Шуваловой для ея дочери медальонъ изъ сибирскаго халцедона, окруженный брилліантами. Къ обѣднѣ явилась княгиня, сіяющая отъ подарка ея величества, показывая его всѣмъ и каждому, не владѣя собой. Вечеромъ на маленькомъ балѣ она ногъ подъ собой не чувствовала отъ радости. Императрица наблюдала за мной весь день, обращалась со мной холодно, но это меня не безпокоило. Я танцовала, по обыкновенію, съ тою же веселостью; мой ангелъ—великая княгиня занимала меня всецѣло; меня не коснулось зло двора. Ея величество это замѣтила. Къ концу вечера она подозвала меня къ себѣ.

— Ваша веселость меня очаровываетъ, — сказала она мнѣ, — ничто не смущаетъ ея.

— Что же могло бы смутить ее, ваше величество, — отвѣтила я, — когда я осыпана милостями вашего величества и великой княгини? Чего мнѣ теперь недостаетъ? Я счастлива, я вдвойнѣ счастлива тѣмъ, что этимъ я обязана вашему величеству.

Она положила свою руку на мою и сказала:

— Ступайте, вы мнѣ нравитесь.

По возвращеніи въ городъ, 30-го августа, въ день святого Александра Невскаго, ея величество послала за моимъ мужемъ и вручила ему для меня медальонъ гораздо красивѣе медальона княгини Голицыной, прибавивъ, что онъ долженъ мнѣ его цать только въ томъ случаѣ, если онъ мною доволенъ. Трощинскій, секретарь императрицы, сказалъ мнѣ впослѣдствіи, что онъ былъ у нея въ то время, когда ювелиръ принесъ мой медальонъ. Ея величество показала его ему, говоря:

— Я его назначила для одной женщины, которую очень люблю; я подарила подобный женѣ князя Михаила Голицына, но, сравнивая ихъ, можно будетъ понять разницу въ степени моей привязанности.

Какъ запечатлѣны ея милости въ моемъ сердцѣ! Чувство моей благодарности къ ней является для меня насущной потребностью. Сама смерть не истребитъ во мнѣ этого чувства: настолько оно вкоренилось въ моей душѣ, и сдѣлаетъ его священнымъ и благочестивымъ!

Этотъ годъ былъ отмѣченъ интересными событіями: присоединеніемъ Курляндіи, взятіемъ Варшавы и раздѣломъ Польши. Это политическое событіе было неминуемымъ слѣдствіемъ первыхъ двухъ. Ненависть поляковъ къ русскимъ увеличилась. Сознаніе зависимости крайне возбуждало ихъ гордость. Я была свидѣтельницей сцены, которую я никогда не могла забыть и которая мнѣ показала величіе императрицы.

Явилась польская депутація, которая должна была быть представленной въ Царскомъ Селѣ. Мы ожидали императрицу въ гостиной; насмѣшливый и непріязненный видъ этихъ господъ меня очень забавлялъ. Императрица появилась, они всѣ невольно вытянулись; ея величественный и благосклонный видъ вызвалъ ихъ глубокій поклонъ. Она сдѣлала два шага, ей представили этихъ господъ, каждый изъ нихъ сталъ на одно колѣно, чтобы поцѣловать ея руку; покорность рисовалась на ихъ лицахъ въ эту минуту. Императрица говорила имъ, ихъ лица засіяли; черезъ четверть часа она удалилась, тихо кивая, что невольно заставляло головы преклоняться. Поляки совершенно растерялись; уходя, они бѣгали и кричали: «Нѣтъ, это не женщина: это сирена, это волшебница, ей нельзя противиться».

Когда дворъ помѣщался въ Таврическомъ дворцѣ, я тамъ бывала ежедневно. Я часто обѣдала у ихъ императорскихъ высочествъ въ тѣсномъ кругу: великій князь, великая княгиня, мой мужъ и я. Въ 6 часовъ мы отправлялись къ императрицѣ, гдѣ собирались у круглаго стола, какъ въ Царскомъ Селѣ. Бывали концерты, оркестръ состоялъ изъ лучшихъ придворныхъ музыкантовъ и любителей, среди нихъ былъ Зубовъ. Первыми пѣвицами были мы — великая княгиня и я. Ея голосъ нѣженъ и гибокъ; ее слушали очарованные. Мы вмѣстѣ пѣли дуэты, наши голоса сливались въ аккордѣ. Однажды вечеромъ, послѣ симфоніи, Зубовъ отыскалъ меня, чтобы предложить мнѣ еще разъ спѣть тотъ знаменитый романсъ, отъ котораго я уже разъ отказалась. Я сидѣла за стуломъ императрицы; великая княгиня, сидѣвшая рядомъ съ ней, услышала эту просьбу и была ею такъ смущена, что не смѣла поднять глазъ на меня; великій князь былъ взволнованъ. Я встала и пошла за Зубовымъ къ клавесину: онъ мнѣ аккомпанировалъ на скрипкѣ. Я спѣла ничего незначащій первый куплетъ и остановилась. «Какъ уже, графиня? но это очень кратко». Я повторила первый куплетъ, онъ меня просилъ спѣть второй; я отказалась, говоря ему, что мы прервали концертъ изъ-за очень скучной музыки, и отошла отъ клавесина. Когда я проходила мимо императрицы, она меня спросила:

— Что это за іеремiада?

— Самая настоящая іеремiада, ваше величество: это самая скучная арія, которую я когда либо слышала.

Я сѣла на прежнее мѣсто. Взгляды великой княгини выражали удовольствіе; я была болѣе, чѣмъ счастлива, видя ее довольной. Концертъ кончился, я собиралась уѣзжать; когда я надѣвала плащъ, великій князь зашелъ за мной и, увлекши меня въ кабинетъ великой княгини, сталъ передъ мною на колѣни и засвидѣтельствовалъ мнѣ самымъ живымъ образомъ то удовольствіе, которое ему доставила моя продѣлка.

Я позволю себѣ разсказать настоящую шутку, которую я въ то время сыграла. Есть нѣкто Копьевъ — человѣкъ умный, но очень скверный, сущій паразитъ, увивавшійся около вельможъ. Онъ нѣсколько разъ, бывая у моей свекрови, прислуживался къ Зубову. Однажды, находясь у насъ, онъ сказалъ, что видѣлъ великую княгиню у ея окна вмѣстѣ съ графиней Шуваловой, что онъ на нихъ долго смотрѣлъ изъ окна Зубова, жившаго напротивъ и который весь обратился въ вниманіе. Онъ прибавилъ, что—это уловка графини, чтобы показать великую княгиню своему протеже. Эти подробности уязвили меня и очень не понравились. На другой день великая княгиня написала мнѣ, приказывая явиться къ ней въ 11 часовъ, желая репетировать со мной дуэтъ, который мы должны были спѣть на слѣдующемъ концертѣ. Я отправилась. Сарти намъ аккомпанировалъ [1]). Сарти удалился. Я спросила великую княгиню, правда ли, что графиня Шувалова подводила иногда ее къ окну, чтобы поговорить. Она отвѣтила, что да, но, замѣтивъ, что Зубовъ на нее смотритъ, она больше тамъ не останавливалась. Я попросила у нея разрѣшенія сдѣлать все то, что мнѣ придетъ въ голову; она согласилась. Я ее попросила сѣсть въ глубинѣ комнаты, чтобы видѣть зрѣлище, которое я ей собиралась доставить; сама отправилась въ ея уборную за булавками. Вернувшись, я подошла къ окну и замѣтила Зубова съ направленнымъ на насъ телескопомъ; я ему поклонилась, онъ мнѣ отвѣтилъ низкимъ поклономъ, я посмотрѣла на него минуту, потомъ повернула голову назадъ, какъ бы разговаривая съ кѣмъ-то; я взобралась на стулъ и заколола занавѣси такъ высоко, какъ только могла, оставивъ лишь отверстіе, въ которое могла пролѣзть моя голова, и еще разъ поклонилась ему. Онъ сразу удалился; мнѣ только это и нужно было, и я сошла со стула. Великая княгиня смѣялась отъ всего сердца. Къ обѣду я хотѣла уйти, но она не позволила мнѣ и удержала меня на весь день. Къ вечеру послали за графиней Толстой, и мы очень весело провели время въ шестеромъ: трое мужей и три жены.

Черезъ нѣсколько недѣль дворъ переѣхалъ въ Зимній дворецъ. Великій князь былъ нездоровъ въ теченіе 52 дней. Каждое утро я получала записку отъ великой княгини, приказывавшей мнѣ явиться

---

[1]) Мѣсто въ рукописи—неразборчивое, зачеркнутое.

къ ней вечеромъ. Графиня Толстая была также приглашаема, но она не всегда являлась. Лучшіе музыканты и во главѣ ихъ Дицъ исполняли симфоніи Гайдна и Моцарта. Великій князь игралъ на скрипкѣ, мы слушали эту прекрасную музыку изъ сосѣдней комнаты, гдѣ мы почти всегда бывали вдвоемъ съ великой княгиней. Нашъ разговоръ часто носилъ слѣды той гармоніи, которая сопутствуетъ словамъ, идущимъ прямо изъ сердца.

Музыка имѣетъ особенную силу надъ нашими душевными движеніями: она возбуждаетъ въ нашей памяти былыя впечатлѣнія, все окружающее перестаетъ существовать для насъ, могилы какъ бы разверзаются, мертвые воскресаютъ, отсутствующіе возвращаются, ощущенія и впечатлѣнія насъ осаждаютъ и какъ бы окутываютъ; наслаждаешься, страдаешь, сожалѣешь, чувствуешь болѣе сильно. Одно время и въ тяжелые моменты моей жизни хотѣлось бѣжать отъ моего клавесина. Невольно я возвращалась къ тѣмъ мѣстамъ музыки, которыя напоминали мнѣ прошлое. Я уходила отъ себя самой, но не могла уйти отъ воспоминаній; если бъ я испытывала чувство любви, оно бы окончилось побѣдой или отвращеніемъ, но это было просто непреодолимымъ чувствомъ, которое страдало неослабно и не находило опоры въ сердцѣ, внушившемъ и направившемъ его.

Когда болѣзнь великаго князя окончилась, эти вечера прекратились; великая княгиня столь же сожалѣла объ этомъ, какъ и я: они были интересны и навѣвали тихое настроеніе послѣ ужина; я уходила съ великой княгиней въ ея уборную, мы бесѣдовали, иногда читали. Великій князь оставался въ сосѣдней комнатѣ съ моимъ мужемъ, котораго онъ очень любилъ; они бесѣдовали, иногда спорили о тѣхъ либеральныхъ идеяхъ, которыя старался внушить ему одинъ изъ его воспитателей—Лагарпъ. Минута разставанія приближалась, великій князь удалялся съ моимъ мужемъ въ кабинетъ для совершенія своего ночного туалета. Великая княгиня принималась за свой, я расчесывала волосы, свертывала ихъ, заплетала въ косу. Первая камерфрау Геслеръ ее раздѣвала, затѣмъ она переходила въ свою спальню, чтобы лечь въ постель, куда она звала меня, чтобы попрощаться. Я становилась на колѣни на ступенькахъ ея кровати, цѣловала ея руку и удалялась.

Однажды вечеромъ, когда я пріѣхала къ великой княгинѣ, она открывала одну изъ дверей своего кабинета въ то время, какъ я входила въ другую. Какъ только она меня замѣтила, она порхнула ко мнѣ; признаюсь, я приняла ее за прекрасное видѣніе. Волосы ея были растрепаны, она была въ бѣломъ платьѣ, называемомъ греческою рубашкою, съ узкою золотою цѣпью на шеѣ, рукава ея были засучены, такъ какъ она только что оставила арфу. Я остановилась и сказала ей:

— Боже мой, ваше высочество, какъ вы хорошо выглядите!— вмѣсто того, чтобы сказать: Боже мой, какъ вы прекрасны.

— Что вы находите необыкновеннаго въ сегодняшнемъ состояніи моего здоровья?—спросила она.

— Я нахожу, что по вашему виду вы чудесно себя чувствуете.

Глупо не говорить того, что думаешь, тѣмъ, отъ которыхъ ничего никогда не хотѣлъ бы скрыть. Она увела меня въ свою уборную, приказала аккомпанировать ей на піанино, взялась снова за арфу и играла «Les folies d'Espagne»; я брала аккорды. Мы бесѣдовали потомъ вплоть до ужина. Въ этотъ вечеръ не было приглашенныхъ къ ужину.

Наши бесѣды никого не затрогивали. Мысли слѣдовали одна за другой безыскусно и безъ подготовки, чувства наши доставляли неиссякаемые предметы для бесѣды, душа ихъ облагораживала, а умъ уяснялъ намъ наши впечатлѣнія. Какъ я сожалѣю тѣхъ, кто желаетъ блистать на счетъ другихъ; какія ложные проблески, какое отсутствіе глубины, какая мелочность и сколько ненужныхъ стараній, чтобы разрисовать ложь, которая исчезаетъ, какъ фейерверкъ! Въ теченіе зимы 1794—1795 года часто бывали маленькіе балы и спектакли въ Эрмитажѣ, а также иной разъ и въ тронной залѣ. Новый кавалеръ появился на нихъ, — шевалье де Саксъ, побочный сынъ принца Ксаверія, дяди саксонскаго короля. Императрица приняла его очень хорошо, но его пребываніе въ столицѣ окончилось очень печально. Одинъ англичанинъ, Макартней, очень дурной человѣкъ, подстрекнулъ его нанести оскорбленіе князю Щербатову, по выходѣ изъ спектакля; онъ его оскорбилъ такимъ образомъ, что не оставалось никакого сомнѣнія въ его винѣ, и вслѣдствіе этого онъ былъ высланъ за границу. Князь Щербатовъ, не имѣя возможности получить отъ него удовлетвореніе, котораго требовала его честь, отправился за нимъ въ Германію, вызвалъ его на дуэль и убилъ. Я встрѣтилась съ его сестрой, герцогиней д'Есклиньякъ, во время моего путешествія во Францію; мы очутились въ одной и той же гостиницѣ въ Страсбургѣ, а по возвращеніи я еще разъ видѣла ее въ Дрезденѣ. Послѣ смерти шевалье де Саксъ она питала сильную ненависть къ русскимъ.

По мѣрѣ того, какъ я отыскиваю въ своемъ прошломъ эту массу воспоминаній, доставляющую мнѣ много удовольствія, невольныя сравненія представляются моему уму и прерываютъ нить моихъ мыслей. Что такое жизнь, какъ не продолжающееся сближеніе настоящаго съ прошедшимъ? Впечатлѣнія изглаживаются со временемъ, страсти утихаютъ, точка зрѣнія становится яснѣе, душа мало-помалу освобождается отъ своихъ узъ. Это—какъ бы прекрасная картина, потемнѣвшая отъ времени, ея тонкіе штрихи потеряли свой блескъ, но тѣмъ больше въ ней силы, и тѣмъ бóльшую цѣну пріобрѣтаетъ она въ глазахъ знатоковъ.

Обратимся ко двору, къ человѣческимъ слабостямъ и... къ повязкѣ. Графиня Салтыкова, невѣстка графини Шуваловой, страшно желала быть принятой на концерты въ Эрмитажѣ [1]). Императрица оказала эту милость ей и ея дочерямъ [2]) разъ или два. Однажды, когда она присутствовала, мы ожидали императрицу въ гостиной, гдѣ находился оркестръ. Графиня Салтыкова, хотя была женщина съ достоинствами, имѣла ту страшную зависть, которую вселяетъ дворъ и которую ничто не можетъ превозмочь; милости императрицы ко мнѣ причиняли ей въ нѣкоторомъ родѣ безпокойство и дѣлали ея тонъ иногда язвительнымъ по отношенію къ моей маленькой особѣ. Въ этотъ день у меня была очень красивая прическа, устроенная графиней Толстой, и повязка, проходившая подъ подбородкомъ; графиня Салтыкова подошла ко мнѣ съ холоднымъ и непріязненнымъ видомъ. Она была высока ростомъ, представительна и съ мужскими манерами. — «Что у васъ подъ подбородкомъ?» — спросила она, — «что это у васъ за повязка, придающая вамъ болѣзненный видъ?» «Графиня Толстая причесала меня, я предоставила ей поступать по ея фантазіи, у нея больше вкуса, чѣмъ у меня».—«Я не могу скрыть отъ васъ»,—сказала она,—«что это очень некрасиво».— «Что дѣлать, я не могу перемѣнить ее въ настоящее время».

Явилась императрица, началась симфонія. Великая княгиня спѣла свою арію, я также свою; послѣ этого меня позвала ея величество (графиня Салтыкова была рядомъ съ ней).—«Что у васъ подъ подбородкомъ?»—спросила меня императрица,—«знаете ли, что это очень красиво и очень вамъ идетъ?»—«Боже мой, какъ я счастлива»,—отвѣчала я,—«что эта прическа нравится вашему величеству: графиня Салтыкова нашла ее такой некрасивой, такой непріятной, что я впала въ уныніе». Императрица, взявъ за повязку, повернула мое лицо въ сторону графини Салтыковой и сказала: «Но посмотрите, графиня, какъ она хороша». Совершенно смущенная, Салтыкова отвѣтила:—«Правда, что это очень идетъ къ лицу». Императрица притянула меня къ себѣ и сдѣлала знакъ глазами. Мнѣ хотѣлось смѣяться, но я сдержалась, видя смущеніе графини, внушавшей мнѣ почти жалость. Я поцѣловала руку императрицы и вернулась на свое мѣсто.

Въ теченіе этой же зимы произошла одна ошибка, служившая доказательствомъ доброты императрицы. Она приказала гофмаршалу,

---

[1]) Графиня Дарья Петровна Салтыкова, жена фельдмаршала Ивана Петровича Салтыкова, урожд. Чернышева (род. 1739 г., ум. 1802). Въ статсъ-дамы была пожалована 2-го сентября 1793 г.

[2]) Дочери графини Салтыковой: 1) графиня Прасковья Ивановна (род. 1772 г.), бывшая затѣмъ въ замужествѣ за сенаторомъ Петромъ Васильевичемъ Мятлевымъ; 2) Екатерина Ивановна, умершая въ дѣвицахъ въ 1815 г., и 3) Анна Ивановна (род. 1777 г., ум. 1824 г.), въ замужествѣ за сенаторомъ, графомъ Григ. Влад. Орловымъ.

князю Барятинскому, пригласить въ Эрмитажъ графиню Панину, нынѣ госпожу Тутолмину [1]). Ея величество вошла и увидѣла графиню Фитингофъ, которая никогда не была ею принимаема. Она будто бы не обратила вниманія на это, разговаривала, и потомъ тихо спросила князя Барятинскаго, какъ случилось, что графиня Фитингофъ находится въ Эрмитажѣ. Гофмаршалъ извинился и сказалъ, что лакей, который долженъ былъ разнести приглашенія, ошибся и, вмѣсто того, чтобы снести графинѣ Паниной, отнесъ графинѣ Фитингофъ.

— «Сперва пошлите за графиней Паниной, пусть она пріѣдетъ, какъ она есть; что же касается до графини Фитингофъ, впишите ее въ списокъ приглашенныхъ на большіе балы; не надо дать ей замѣтить, что она здѣсь по ошибкѣ».

Графиня Панина пріѣхала и была принята, какъ дочь человѣка, котораго императрица всегда уважала. Я приведу здѣсь анекдотъ, равно дѣлающій честь и государынѣ, и ея подданному. Императрица предначертала законы, которые она повелѣла разсмотрѣть сенаторамъ. Въ то время императрица еще посѣщала сенатъ. Послѣ нѣсколькихъ засѣданій она спросила о результатѣ разсмотрѣнія ея работы. Всѣ сенаторы ее одобрили, одинъ графъ Петръ Панинъ хранилъ молчаніе; императрица спросила его мнѣніе.

— «Нужно ли отвѣтить вашему величеству въ качествѣ вѣрноподданнаго, или же въ качествѣ придворнаго?»—спросилъ онъ.

— «Безъ сомнѣнія, въ качествѣ перваго».

Графъ выразилъ желаніе поговорить съ императрицей особо. Она удалилась съ нимъ отъ окружавшихъ ее лицъ, взяла тетрадь и разрѣшила ему вычеркнуть все то, что онъ найдетъ неподходящимъ. Графъ Панинъ зачеркнулъ все. Императрица разорвала надвое бумагу, положила ее на столъ, окруженный сенаторами, и сказала имъ:

— «Графъ Панинъ только что самымъ положительнымъ образомъ доказалъ мнѣ свою преданность». И, обращаясь къ графу, сказала: «Прошу васъ поѣхать со мной ко мнѣ обѣдать».

Съ этихъ поръ императрица не переставала совѣтоваться съ нимъ о своихъ проектахъ, и даже тогда, когда онъ былъ въ Москвѣ, спрашивала его письменно о нихъ [2]).

---

[1]) Графиня Софія Петровна Панина, дочь «персональнаго врага и оскорбителя» Екатерины Великой, графа Петра Ивановича Панина, въ замужествѣ была за Иваномъ Васильевичемъ Тутолминымъ, камергеромъ при великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, впослѣдствіи почетнымъ опекуномъ и гофмейстеромъ, род. 1762 г., ум. 1815. г.

[2]) Графиня ошибается.

VII.

Переѣздъ двора въ Царское Село весною 1795 г.— Любовь императрицы Екатерины къ великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.—Нерасположеніе къ графинѣ Головиной великой княгини Маріи Θеодоровны.—Поѣздка въ Петергофъ.— Посѣщеніе Кронштадта.—Пожалованіе польскихъ имѣній.—Графъ Шуазель-Гуфье.— Случай съ кошкой императрицы.—Удаленіе отъ двора Растопчина.—Прогулка въ Царскосельскомъ саду.— Графиня Браницкая.— Уничтоженіе дневника великой княгини Елисаветы Алексѣевны.

Наступила весна. Каждый разъ съ новой радостью я думала объ отъѣздѣ въ Царское Село; независимо отъ наступленія прекраснаго времени года и здороваго воздуха, которымъ дышали на дачѣ, я имѣла счастіе видѣть великую княгиню почти съ утра до вечера. Въ городѣ я ее часто видѣла, но это было не то; также она писала мнѣ правильно черезъ моего мужа, имѣвшаго честь видѣть ихъ высочествъ ежедневно. Мы отправились 6 мая 1795 года въ Царское Село. Я была беременна и потому не принимала участія въ возобновившейся игрѣ въ горѣлки, а оставалась возлѣ ея величества, которая по своей добротѣ почти всегда усаживала меня возлѣ себя. Наши бесѣды касались обыкновенно только граціи и прелести великой княгини. Я помню, что однажды вечеромъ, въ то время, какъ приготовляли игры, императрица сидѣла между великой княгиней и мной; между нами находилась маленькая левретка императрицы, которую великая княгиня гладила рукой. Императрица, говорившая со мной въ это время, повернувши ко мнѣ свое лицо, желая также погладить собачку, положила свою руку на руку великой княгини, которая ее поцѣловала.

— «Боже мой», — сказала ея величество, — «я не думала, что здѣсь ваша рука».

Великая княгиня отвѣтила: «Если это не преднамѣренно, то я благословляю случай».

Эти слова, произнесенныя кстати и съ граціей, доставили императрицѣ новый случай говорить мнѣ о великой княгинѣ, которую она любила съ особенною нѣжностью. Молодая и скромная великая княгиня не имѣла въ сношеніяхъ съ ея величествомъ той непринужденности, которую могла бы имѣть. Происки и интриги графа Салтыкова увеличивали нѣкоторое смущеніе, испытываемое великой княгиней. Великая княгиня-мать все больше и больше завидовала дружбѣ между императрицей и молодой великой княгиней; это несчастное чувство увеличивало также ея нерасположеніе ко мнѣ. Съ этихъ поръ она пыталась погубить меня въ глазахъ великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы, рисуя имъ меня, какъ женщину опасную и интриганку. Увы, я слишкомъ мало

была къ этому способна: мое откровенное и непринужденное поведеніе такъ противорѣчило политикѣ двора, что, еслибы я хотя одну минуту руководилась разсчетомъ, я бы дѣйствовала съ бóльшей осторожностью и ловкостью. Мое особенное рвеніе и моя преданность позволяли мнѣ думать только о пользѣ той, которой я отдала всю свою жизнь; я не думала о тѣхъ опасностяхъ, которымъ ежедневно сама подвергалась. Богъ—великъ и справедливъ, время ослабляетъ оружіе клеветы и разрываетъ пелену, скрывающую отъ глазъ истину; совѣсть, внутреннее чувство, превозмогаетъ наши горести и даетъ успокоеніе, помощью котораго можно все перенести.

30 мая, мы устроили съ ихъ императорскими высочествами поѣздку въ Петергофъ; мы отправились очень рано и вернулись въ Царское Село только поздно ночью. Погода была благопріятная, утро употребили на прогулку по садамъ, обѣдали, потомъ великая княгиня и я прогуливались по террасѣ Монплезира [1]). Это мѣсто было красиво и величественно, въ немъ есть отпечатокъ чего-то рыцарскаго; прекрасные водопады, высокія деревья, крытыя аллеи и море представляютъ величественное и благородное зрѣлище. Я бесѣдовала съ великой княгиней, нашъ разговоръ прерывался прибоемъ волнъ, разбивавшихся о берегъ; опираясь, какъ и я, на баллюстраду, она мнѣ говорила отъ избытка сердца, я проникалась этимъ, слушала ее и дѣлалась еще болѣе чувствительной. Вдругъ она увела меня въ маленькій дворецъ, примыкавшій къ террасѣ, и раскрыла мнѣ всю свою душу. Эта минута была моимъ торжествомъ и предчувствіемъ будущей нашей дружбы, доказательствомъ ея довѣрія ко мнѣ и причиной той клятвы въ вѣрности, которую я ей принесла въ глубинѣ моей души и которая является источникомъ моей безконечной привязанности къ ней. Этотъ разговоръ придалъ нашей поѣздкѣ особенную прелесть; мы вернулись къ обществу и въ 10 часовъ оставили Петергофъ. Проѣзжая мимо дачи оберъ-шталмейстера Нарышкина [2]), мы увидѣли его со всѣмъ семействомъ у входа въ его садъ. Остановились изъ вѣжливости, но оберъ-шталмейстеръ умолялъ ихъ высочествъ зайти къ нему; многочисленное общество собралось у него, пять дочерей хозяина хлопотали, жеманились: это былъ настоящій балаганъ. Этотъ домъ отличался разнообразнымъ обществомъ, посѣщавшимъ его ежедневно. Нарышкинъ былъ доволенъ только тогда, когда его гостиная была

---

[1]) Маленькій деревянный дворецъ, построенный Петромъ I; императрица Екатерина II жила въ немъ иногда въ началѣ своего царствованія. Примѣчаніе гр. В. Н. Головиной.

[2]) Левъ Александровичъ, извѣстный «шпынь» и балагуръ, оберъ-шталмейстеръ Екатерины II, пользовавшійся ея расположеніемъ, изобрѣтатель роговой музыки, писатель-сатирикъ и сотрудникъ «Собесѣдника». Любилъ широко и весело пожить. Род. 1733, † 1799.

наполнена всякимъ сбродомъ: заслуги и качества личностей были ему безразличны.

Эта прогулка 30-го мая—одно изъ самыхъ дорогихъ моихъ воспоминаній. Есть минуты въ жизни, когда, кажется, рѣшается судьба; это — свѣтлая точка, ничѣмъ неизгладимая; тысяча вещей слѣдуетъ за ней, не уничтожая ея значенія; года, горести, проблески счастья, кажется, связаны съ этимъ центромъ, владѣющимъ нашимъ сердцемъ.

Нашъ флотъ отправлялся въ Англію. Императрица предложила ихъ императорскимъ высочествамъ отправиться въ Кронштадтъ, чтобы его увидѣть. Великій князь былъ доволенъ этимъ разрѣшеніемъ, великая княгиня также, но съ условіемъ, чтобы я и ѣхала съ ними. Графиня Шувалова была въ городѣ у своей дочери, для которой наступило время родовъ. Когда эта маленькая поѣздка была рѣшена, графъ Салтыковъ пришелъ наканунѣ съ утра, чтобы заявить, что я не должна ѣхать, потому что это особенно не нравится великой княгинѣ—матери. Я догадалась объ этой новой интригѣ еще ранѣе, когда мнѣ о ней сказали. Великій князь мнѣ ничего не говорилъ о поѣздкѣ, но великая княгиня ни на одну минуту не переставала высказывать желаніе взять меня съ собой, прибавляя милостиво, что она не сможетъ ничѣмъ наслаждаться, если я не буду съ ней. Послѣ обѣда я стояла у окна комнаты моего дяди, когда увидѣла подходившаго великаго князя. «Я васъ искалъ по всему саду»,—сказалъ онъ—«я хотѣлъ васъ видѣть». «Ваше высочество очень добры, еще недавно я имѣла честь васъ видѣть; эта поспѣшность, признаюсь, мнѣ немного подозрительна. Боюсь, не слѣдствіе ли она посѣщенія Салтыкова». Великій князь покраснѣлъ и сказалъ: «Что за выдумки, толстуха (онъ меня звалъ такъ тогда), мнѣ хотѣлось васъ видѣть».—«Сегодня вечеромъ, ваше высочество, я не знаю почему, но у меня есть предчувствіе, что что-то случится».

Въ 6 часовъ я поднялась къ императрицѣ; она пришла первая, ихъ императорскія высочества опоздали. Ея величество подошла ко мнѣ и сказала: «Надѣюсь, что завтра вы будете готовы къ поѣздкѣ?»—«Я еще не получила никакихъ приказаній»,—отвѣтила я.—«Какъ это хотятъ разлучить васъ съ вашимъ супругомъ, какъ это вы не будете сопровождать великую княгиню?» Я склонила голову вмѣсто отвѣта, ибо видѣла, что императрица раздражена. «Наконецъ, прибавила она, если о васъ не заботятся, то я позабочусь, чтобы вамъ оказано было вниманіе». Пришли ихъ высочества, императрица была серьезна и сѣла за свою партію въ бостонъ, а мы вокругъ круглаго стола. Я разсказала сперва великой княгинѣ о всемъ, что произошло. Она была страшно рада, предвидя, что я ей буду сопутствовать. Она позвала великаго князя и разсказала то, что я ей сообщила. Онъ разсыпался въ просьбахъ,

чтобы я поѣхала съ ними; я притворилась непреклонной, я представляла тѣ опасности, которымъ онъ подвергался при Салтыковѣ; я была немного зла, признаюсь. Послѣ вечера у императрицы я ужинала у ихъ высочествъ; тѣ же просьбы, тотъ же отказъ, потомъ я вернулась домой. Въ ту минуту, когда я ложилась спать, великій князь послалъ за моимъ мужемъ, который, вернувшись, объявилъ мнѣ, что я непремѣнно должна ѣхать. На другой день мы рано утромъ двинулись въ путь. Ихъ императорскихъ высочествъ сопровождали графъ Салтыковъ, мой мужъ, я, графъ и графиня Толстые, супруги Тутолмины, которые просили о позволеніи участвовать въ поѣздкѣ, и дежурные фрейлина и камеръ-юнкеръ. Погода была прекрасная, много гуляли передъ обѣдомъ, который былъ въ Монплезирѣ, гдѣ мы жили во время двухдневнаго пребыванія въ Петергофѣ. Въ этотъ вечеръ великая княгиня и я пошли къ морскому берегу. Море было спокойно и давало надежду на это назавтра. Закатывавшееся солнце чудесно сіяло; его золотые лучи освѣщали такія высокія, древнія деревья, продолговатыя тѣни которыхъ увеличивали случайные проблески свѣта. Эта минута въ природѣ дѣйствительно очень эффектна. Художникъ въ ней найдетъ вполнѣ готовыя краски, которыя напрасно ищетъ воображеніе. Такое же впечатлѣніе производитъ на насъ прекрасный характеръ, чистый и благородный, который поражаетъ, привязываетъ къ себѣ и разрушаетъ всякое сомнѣніе. Спокойная поверхность моря, зеркало природы, отражаетъ небо, какъ прекрасное лицо носитъ отпечатокъ души.

Широкая аллея посреди парка поднимается террасой до Большого дворца и пересѣкается только фонтанами, струи которыхъ очень высоко поднимаются и падаютъ затѣмъ въ мельчайшихъ брызгахъ. Паркъ оканчивается каналомъ, впадающимъ въ море; посреди этого канала находились тендеры и шлюпки, которыя должны были на другой день отвезти насъ въ Кронштадтъ. Перевозчики, усѣвшись въ кружокъ вокругъ котла на одномъ суднѣ, ѣли деревянными ложками похлебку. Великая княгиня остановилась на минуту, чтобы посмотрѣть на нихъ, спрашивая ихъ, что они ѣдятъ: «Похлебку, матушка» [1],—отвѣчали они разомъ. Она спустилась въ шлюпку и попросила ложку, чтобы попробовать. Восторгъ перевозчиковъ, вызванный этимъ знакомъ милости, былъ необычаенъ, ихъ крики повторялись эхомъ. Великая княгиня поднялась медленно, съ тѣмъ спокойствіемъ и съ тѣмъ ангельскимъ видомъ, которые дѣлали ея прекрасное лицо еще прекраснѣе, взяла меня молча подъ руку и вернулась на дорогу парка. Я ничего не говорила, крики лодочниковъ отзывались въ глубинѣ моей души. Красота природы, очарованіе граціи, красоты и доброты, представляютъ какъ бы

---

[1]) Наиболѣе почетное обращеніе въ народѣ. Прим. В. Н. Головиной.

аккордъ, взятый на хорошемъ органѣ. Эти звуки проникаютъ въ душу и заставляютъ забывать слова: слишкомъ чувствуешь, чтобы ихъ искать.

На другой день мы сѣли на суда, чтобы идти въ Кронштадтъ; держалась прекрасная и спокойная погода; мы прямо подошли къ флоту, стоявшему на рейдѣ и расцвѣченному флагами. На снастяхъ, укрѣпленныхъ гирляндами, стояли матросы, что̀ представляло чудное зрѣлище. Мы поднялись среди криковъ «ура» на судно адмирала Ханыкова [1]), командовавшаго флотомъ. Ихъ императорскимъ высочествамъ былъ поданъ превосходный морской завтракъ, каюты были прекрасны, мы гуляли по палубѣ: безбрежное море разстилалось предъ нами, и флотъ являлся доказательствомъ человѣческаго ума. Мы обѣдали въ Кронштадтѣ у адмирала Пушкина [2]); изобиліе плохо сервированныхъ блюдъ не было способно возбудить аппетитъ, но молодость, здоровье и движеніе служили приправой для блюдъ. Чревоугодіе— старческая слабость, остатокъ очень грустнаго и непріятнаго наслажденія; молодежь слишкомъ наслаждается, чтобы думать о желудкѣ: ея вкусъ нѣжнѣе. Послѣ обѣда мы сдѣлали живописное путешествіе по Кронштадту; къ вечеру мы снова усѣлись на суда для возвращенія въ Петергофъ. Правильное движеніе судна успокоиваетъ и убаюкиваетъ. Это его почти общее дѣйствіе на всѣхъ тѣхъ, кто не страдаетъ морскою болѣзнью. Великая княгиня оперлась головой о мое плечо и заснула. Великій князь стоялъ у руля, всѣ дамы немного ослабѣли, фрейлина княжна Голицына, теперь графиня Сенъ-При, старалась побѣдить свой сонъ, дѣлая смѣшныя гримасы, открывая то одинъ глазъ, то другой. Графъ Салтыковъ украдкой взглядывалъ съ принужденной улыбкой на великую княгиню, опиравшуюся на меня. Я была счастлива ношей, которую несла, и не промѣняла бы свое положеніе ни на чье. Рано поужинали, чтобы воспользоваться утромъ слѣдующаго дня. Только что проснувшись, великая княгиня пришла ко мнѣ и застала меня и графиню Толстую въ полномъ дезабилье. Эти минуты свободы причиняютъ самое большое удовольствіе высочайшимъ особамъ: онѣ рады покинуть на минуту свое величіе. Судьба великой княгини должна была привести ее къ трону, но въ 16 лѣтъ это можно забыть. Она далеко не предвидѣла, что черезъ немного лѣтъ она будетъ находиться на сценѣ, приковывающей всѣ взгляды, гдѣ мечты надо прикрывать величіемъ и достоинствомъ, оправдать уваженіе, не переступая черты, которая отдѣляла ее отъ подданныхъ. Великая княгиня велѣла мнѣ идти съ ней завтракать: госпожа Геслеръ сдѣлала намъ прекрасныя тартинки; великій князь пришелъ ихъ попробовать. Мы

---

[1]) Петръ Ивановичъ, адмиралъ, начальникъ балтійскаго корабельнаго флота, р. 1743 г., ум. 1812 г.

[2]) Алексѣй Васильевичъ Мусинъ-Пушкинъ, вице-адмиралъ въ 1788—1796 г.

читали нѣкоторое время, потомъ гуляли втроемъ, великая княгиня, графиня Толстая и я. Поздно послѣ обѣда мы покинули Петергофъ, всѣ восхищенные нашимъ маленькимъ путешествіемъ.

Новое пріобрѣтеніе Польши послѣ послѣдняго раздѣла привело въ движеніе алчность и корыстолюбіе придворныхъ: уста раскрывались для просьбъ, карманы для получекъ. Зубовъ скромно желалъ получить староство, которое императрица предполагала пожаловать принцу Конде; результатомъ этой нескромности былъ отказъ, придавшій ему сердитый видъ, хотя не надолго. Власть и справедливость принудили его подчиниться этому рѣшенію и смягчить свое недовольство. Это самое староство просилъ у императора Павла графъ Шуазель-Гуфье [1]); онъ бы его неминуемо получилъ, если бы государь не говорилъ объ этомъ съ княземъ Безбородко, который показалъ ему всю важность этого имѣнія. Шуазель-Гуфье удалился со своимъ благодушнымъ видомъ, получивъ менѣе значительную землю. Я никогда не видѣла человѣка, столь обладавшаго даромъ плакать, какъ Шуазель. Я помню еще его представленіе въ Царскомъ Селѣ; при каждомъ словѣ императрицы, обращенномъ къ нему, его глаза мигали и наполнялись слезами. Сидя за столомъ напротивъ императрицы, онъ не спускалъ съ нея глазъ; его умиленный, покорный и почтительный видъ не могъ скрыть вполнѣ сущность обмана такой мелкой души. Несмотря на свой умъ, Шуазель не могъ одурачить людей; даже его «Живописное путешествіе по Греціи»—есть пустой плодъ тщеславія, который можетъ только сдѣлать ничтожными, въ глазахъ читателя, памятники античнаго искусства.

Однажды вечеромъ, во время прогулки, ея величество повела насъ къ озеру, сѣла на скамейку и, приказавъ мнѣ помѣститься возлѣ нея, поручила ихъ императорскимъ высочествамъ бросать хлѣбъ лебедямъ, привыкшимъ къ этому обѣду. Весь дворъ вмѣшался въ это удовольствіе; въ это время императрица мнѣ разсказывала о тоахе—видъ американской кошки, которой всѣ боялись и которая была къ ней очень привязана. «Представьте себѣ,—сказала она,—несправедливость, которую вчера сдѣлали (я была больна наканунѣ и не была при дворѣ): когда были на колоннадѣ, бѣдная кошка вскочила на плечо великой княгини Елисаветы и хотѣла ее ласкать; она ее оттолкнула вѣеромъ, это движеніе вызвало неосмотрительное рвеніе, и бѣдное животное было позорно изгнано, я съ тѣхъ поръ ея не видѣла». Едва ея величество сказала эти слова, кошка появилась за нами на спинкѣ скамьи. Къ несчастью, на мнѣ была шляпа, похо-

---

[1]) Извѣстный французскій эмигрантъ, бывшій французскій посланникъ въ Константинополѣ, затѣмъ русскій тайн. сов., директоръ академіи художествъ, наконецъ перъ Франціи, графъ Огюстъ-Лоранъ (Гавріилъ Августовичъ) Шуазель-Гуфье (р. 1752 г., ум. 1817 г.), писатель. Живя въ Россіи, покровительствовалъ эмигрантамъ и іезуитамъ.

жая на ту, которую великая княгиня носила наканунѣ, она меня приняла за нее. Но, обнюхавъ мое лицо и замѣтивъ неудовольствіе, она вонзила свои когти къ мою верхнюю губу и схватила мою щеку своими зубами. Императрица вскрикнула, называя меня порусски самыми нѣжными именами, кровь текла изъ моей губы, что увеличивало ея ужасъ. Я умоляла ее ничего не бояться, одной рукой я схватила морду моего врага, другою взяла его за хвостъ и передала камеръ-пажу, позванному императрицей мнѣ на помощь. Она высказала безконечное удовольствіе за мое безстрашіе, сказала мнѣ очень много слишкомъ похвальнаго для такого маленькаго доказательства храбрости, вытерла мою кровь своимъ платкомъ, повторяя, какъ она любитъ видѣть меня безъ истерики и жеманства. Бѣдная кошка была посажена въ желѣзную клѣтку и отправлена въ городъ, въ Эрмитажъ, и больше ея не видѣли.

Въ то же лѣто случилась довольно оригинальная исторія. По разрѣшенію, данному императрицей камеръ-юнкерамъ оставаться въ Царскомъ Селѣ, сколько имъ хочется, они забросили свою службу въ Павловскѣ возлѣ великаго князя Павла, слѣдствіемъ чего было то, что г. Растопчинъ, который тамъ находился, не имѣя смѣны, долженъ былъ оставаться все время безъ смѣны. Выведенный изъ терпѣнія этимъ видомъ ссылки, онъ рѣшился написать циркулярное письмо, очень колкое и имѣвшее видъ вызова его товарищамъ. Это письмо было составлено такимъ образомъ, что дѣлало каждаго смѣшнымъ изъ-за подробностей причины ихъ нерадѣнія; оно разгнѣвало всѣхъ этихъ господъ, пожелавшихъ драться съ Растопчинымъ, принявшимъ ихъ вызовъ и просившимъ моего мужа быть его секундантомъ. Князь Михаилъ Голицынъ и графъ Шуваловъ [1]) должны были явиться первыми; имъ назначили мѣсто для свиданія; но они высказали такое философское отношеніе, что мой мужъ, воспользовавшись ихъ миролюбивымъ настроеніемъ, покончилъ дѣло полюбовно. Также пытались успокоить князя Барятинскаго, брата графини Толстой [2]). Эта исторія дошла до ушей императрицы, которая, чтобы показать примѣръ, выслала Растопчина съ женой въ его имѣніе; онъ женился за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ на второй племянницѣ Протасовой. Эта высылка причинила много огорченія великому князю Александру и великой княгинѣ Елисаветѣ, которые ее любили. Мы были смертельно опечалены и грустны; императрица проводила вечера внутри колоннады. Она замѣтила наши удлинившіяся лица и сказала графу Строганову, бывшему возлѣ нея. «У нихъ такой видъ, будто они думаютъ, что Растопчинъ потерянъ для жизни». Она отослала князя Барятинскаго въ Варшаву къ Суворову. Война

[1]) Гр. Павелъ Андреевичъ (р. 1777 г., ум. 1823 г.).

[2]) Кн. Иванъ Ивановичъ (ум. 1830 г.), впослѣдствіи посолъ въ Мюнхенѣ агрономъ.

еще продолжалась, онъ вернулся по окончаніи этой кампаніи, за которой слѣдовалъ миръ. Растопчинъ былъ возвращенъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Эта ссылка доставила ему милость великаго князя Павла, который съ этихъ поръ смотрѣлъ на него, какъ на человѣка, преслѣдуемаго за него.

Лѣто было особенно прекрасно въ этотъ годъ, но тѣмъ не менѣе моментъ переѣзда изъ Царскаго Села приближался. Я замѣчала его приближеніе съ сожалѣніемъ; уже наступило 10-е августа; ночи, хотя и немного темныя, были тихи и спокойны. Великая княгиня предложила мнѣ погулять послѣ вечера у императрицы. Я согласилась подъ условіемъ, что великій князь и мой мужъ будутъ съ нами. Мы условились, что я съ мужемъ буду ихъ ждать въ большой закрытой со всѣхъ сторонъ аллеѣ, и что, перемѣнивъ платье, она подойдетъ къ намъ съ великимъ княземъ. Она подошла черезъ четверть часа, подъ руку съ нимъ. На ней былъ синій казимировый рединготъ и черная касторовая шляпа. Мы обѣ усѣлись на скамейку. Великій князь пошелъ съ моимъ мужемъ до конца аллеи. Тишина окружала насъ и дѣлала болѣе ощутительной таинственную безпредѣльность ночного мрака. Даже при отсутствіи вѣтра, въ воздухѣ чувствуется нѣкоторое колебаніе, которое дѣлаетъ природу какъ бы внимающей нашимъ горестямъ и удовольствіямъ. Мы хранили молчаніе: оно было знакомъ взаимнаго довѣрія, основаннаго на дружескихъ чувствахъ и полнаго прелести. Ищешь другъ друга, желаешь быть вмѣстѣ, молчишь, чувствуешь себя счастливымъ, — это первое проявленіе сердечной жизни и, несмотря на всю ея пылкость, немногаго нужно, чтобы ее удовлетворить. Великая княгиня нарушила молчаніе, чтобы выразить съ живостью мнѣ то, что въ ней происходило; казалось, ей было недостаточно словъ, какъ вдругъ поднявшійся вѣтерокъ нагнулъ вѣтви деревьевъ къ нашимъ головамъ. «Боже мой, я благодарю природу за ея единеніе со мной»,—воскликнула она. Я ее взяла подъ руку и предложила пойти навстрѣчу возвращавшемуся великому князю. Онъ намъ сказалъ, чтобы мы пошли ожидать его въ ротондѣ, возлѣ розоваго цвѣтника, а онъ съ моимъ мужемъ пойдетъ къ развалинамъ [1]) посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ воровъ. Великая княгиня была очень довольна снова остаться со мной наединѣ, и мы вошли въ эту открытую со всѣхъ сторонъ ротонду. Куполъ поддерживается колоннами, кругомъ идетъ скамейка, на которую мы сѣли, великая княгиня прислонилась ко мнѣ и продолжала свой разсказъ. Моя душа съ жадностью воспринимала слова, выходившія изъ ея устъ. Пусть она узнаетъ, что устамъ такого чистаго и молодого сердца доступны такія прекрасныя и глубокія впечатлѣнія. Я никогда не замѣчала въ великой княгинѣ ни мелочности въ мысляхъ, ни обыденныхъ чувствъ, составляю-

[1]) Зданіе съ башней въ концѣ сада. Прим. гр. В. Н. Головиной.

щихъ болѣе или менѣе суть жизни, извѣстную всему свѣту и которую можно отгадать напередъ. Если бы ея душа и ея сердце могли дойти до того, кто долженъ бы былъ ее понять, сколько бы добродѣтелей и грацiи можно было узнать даже прежде, чѣмъ наступило для нея время бѣдствiй и скорбей. Но, никогда не понятая, всегда непризнанная и отталкиваемая, она съ самой благородной душей, съ чувствительнымъ сердцемъ, съ самымъ живымъ и возвышеннымъ воображенiемъ была обречена на самыя страшныя жертвы. Никто не испыталъ столькихъ опасностей, сколько она. Но, тѣмъ не менѣе, ея душа болѣе сильнѣе, чѣмъ ея страсти, разорвала темные покровы, скрывавшiе истину; она проявила тотъ чистый свѣтъ, который сiяетъ даже во мракѣ, тотъ факелъ, котораго ни бури, ни грозы, не въ силахъ затушить, и который находится въ глубинѣ насъ самихъ. Но вернемся въ ротонду: 11 часовъ пробило на часахъ, съ нѣкоторыхъ поръ ночь становилась темнѣе, было поздно. Великiй князь не возвращался за нами, и, несмотря на прелесть рѣчи моего божества и желанiе оставаться съ ней, я была удручена боязнью быть застигнутой какимъ либо пьяницей или нескромнымъ человѣкомъ. Наконецъ, великiй князь пришелъ, мы пошли домой, поужинали и разстались позже обыкновеннаго.

На другой день я пошла очень рано гулять въ англiйскiй садъ. Я приказала моему арабу принести камеръ-обскуру, подаренную мнѣ императрицей. Я поставила ее напротивъ колоннады по другую сторону озера, чтобы срисовать этотъ прекрасный видъ. Такъ какъ озеро было широко, то я находилась на очень выгодномъ для перспективы разстоянiи. Эта камеръ-обскура очень удобна и велика, въ нее можно войти до пояса и хорошо опереться руками. Я стала работать; въ это время графиня Браницкая прошла по другой сторонѣ озера. Она замѣтила мой приборъ; не отдавая себѣ отчета въ томъ, что она видитъ, она остановилась, чтобы разсмотрѣть эту четырехугольную массу и зеленую занавѣсь, падающую до земли, и спросила своего лакея, что, по его мнѣнiю, это можетъ быть; этотъ же, глупый и смѣлый, отвѣтилъ, не задумавшись: «Это госпожа Эстергази даетъ себя электризовать». Графиня обошла озеро, дошла до меня и разсказала мнѣ глупую выдумку своего лакея. Мы обѣ много смѣялись ей; она сообщила объ этомъ императрицѣ, которую это очень позабавило.

Однажды вечеромъ, великiй князь попросилъ разрѣшенiя у императрицы остаться дома. Позвали Дица и трехъ другихъ лучшихъ музыкантовъ для исполненiя квартетовъ. Когда этотъ маленькiй концертъ кончился, великая княгиня велѣла мнѣ сопровождать ее во внутреннiе покои. «Давно уже, — сказала она мнѣ,—я вамъ хотѣла показать тотъ дневникъ, который я хочу послать моей матери, при первой вѣрной оказiи. Я не хочу его от-

править, не показавъ вамъ и не подвергнувъ его вашей критикѣ. Останьтесь здѣсь (мы были въ ея спальнѣ), я вамъ его принесу, и вы будете судить съ вашей обычной искренностью». Она вернулась, мы сѣли возлѣ камина, я прочла тетрадь и бросила ее въ огонь. Первое движеніе великой княгини, полное живости, смѣнилось удивленіемъ. «Что вы дѣлаете?»—спросила она нетерпѣливо. «То, что я должна, ваше высочество; въ этой рукописи—полный граціи слогъ и непринужденное довѣріе дочери къ матери; но, прочтя ее въ 800 льє отъ васъ, принцесса ваша мать вынесетъ изъ нея только безпокойство, и какъ сможете вы ее успокоить? Вы бросите въ ея душу смятеніе, мученіе; большая разница говорить или писать. Одного слова достаточно, чтобы смутить любящее насъ сердце». Великая княгиня уступила съ трогательной граціей и сказала мнѣ многое, глубоко тронувшее мое сердце.

Эта тетрадь была отпечаткомъ души, которая жаждала вылиться цѣликомъ передъ любимой матерью, но въ то же время преувеличивала опасности, благодаря благородной скромности и недовѣрію къ себѣ самой; ея слогъ уже носилъ отпечатокъ ея занятій. Исторія всегда была ея любимымъ чтеніемъ, наука о человѣческой душѣ научила ее познавать себя и судить себя; благородство ея души вмѣстѣ съ ея принципами располагало ее къ снисходительности къ другимъ и къ большой строгости къ самой себѣ.

Одной изъ причинъ, побудившихъ меня къ уничтоженію этой рукописи, было желаніе, чтобы великая княгиня ея не перечитывала: она нуждалась въ поддержкѣ противъ этого трогательнаго недовѣрія къ своимъ силамъ, которое могло довести ее до унынія.

VIII.

Отъѣздъ двора изъ Царскаго Села лѣтомъ 1795 г.—Болѣзнь великой княгини Елисаветы.—Графиня Шенбургъ.—Болѣзнь графини Головиной.—Пріѣздъ принцессъ Кобургскихъ.—Принцесса Юлія.—Неудовольствіе императрицы великой княгиней Елисаветой Алексѣевной.—Помолвка великаго князя Константина Павловича съ принцесой Юліей и бракосочетаніе ихъ.—Великая княгиня Анна Θеодоровна.—Князья Адамъ и Константинъ Чарторижскіе.

Императрица никогда заранѣе не объявляла о своемъ отъѣздѣ изъ Царскаго Села и уѣзжала всегда тогда, когда этого ожидали меньше всего, и это вызывало недоразумѣнія, очень тѣшившія императрицу. Однажды, пришли сказать, что императрица выѣзжаетъ въ каретѣ; это причинило безпокойство всѣмъ, имѣвшимъ честь возвращаться въ ея каретѣ изъ Царскаго Села въ городъ. Графъ Штакельбергъ былъ особенно заинтересованъ этимъ извѣстіемъ; первымъ его дѣломъ было приказать своему камердинеру уложить его вещи. Ея величество сѣла въ шестимѣстную карету и пригласила сѣсть съ

собой меня, Протасову, Зубова, генералъ-адъютанта Пассека и графа Штакельберга. Императрица велѣла кучеру ѣхать, и онъ повезъ насъ сначала, какъ обыкновенно, на прогулку, а затѣмъ повернулъ по дорогѣ въ городъ. Графъ Штакельбергъ сдѣлалъ знакъ Пассеку, что онъ не ошибся, что онъ увѣренъ въ томъ, что догадался объ отъѣздѣ, но въ эту самую минуту кучеръ оставилъ большую дорогу и вернулся въ лѣсъ. Лѣсные аллеи и повороты совершенно сбили съ толку графа Штакельберга, онъ не зналъ, что и думать. Мое присутствіе должно бы было его разубѣдить, потому что я никогда не возвращалась въ городъ съ ея величествомъ. Спокойно вернулись во дворецъ, гдѣ графъ не засталъ своего камердинера, уѣхавшаго со всѣми вещами въ городъ. Пришлось за нимъ посылать, что̀ вызвало сильное смущеніе графа, очень позабавившее императрицу и все общество. Императрица удалилась. Такъ какъ было уже поздно, а я сопровождала ихъ высочества въ ихъ аппартаменты, гдѣ оставалась до 11 часовъ. Около полуночи я собиралась лечь, какъ мнѣ принесли записку отъ великой княгини, просившей меня отъ своего имени и отъ имени великаго князя какъ можно скорѣе явиться къ нимъ, такъ какъ имъ нужно мнѣ сообщить нѣчто. Я приказала своему арабу провожать меня съ фонаремъ: ночь была теплая и темная; я перешла черезъ большой дворъ и дворцовые коридоры—глубокое молчаніе царствовало повсюду. Только часовые кричали: кто идетъ? Я походила на странствующее привидѣніе. Проходя по террасѣ передъ маленькой лѣстницей ея величества, я увидѣла находившійся тамъ пикетъ. Офицеръ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Я подошла къ маленькому входу, какъ мнѣ было приказано, и встрѣтила тамъ камердинера великой княгини, проведшаго меня въ ея кабинетъ. Минуту спустя, она вошла съ великимъ княземъ; она была въ платьѣ и ночномъ чепчикѣ, великій князь въ сюртукѣ и туфляхъ. Они спросили моихъ совѣтовъ о неважныхъ вещахъ, что они могли бы отложить и на другой день. Они этимъ избавили бы меня отъ намековъ и догадокъ моихъ надсмотрщиковъ. Съ тѣхъ поръ больше, чѣмъ когда либо, я стала считаться интриганткой и скрытной, но великій князь настаивалъ тогда, что я одна могу разрѣшить ихъ споръ. Когда согласіе между ними было возстановлено, и я ихъ оставила, былъ уже часъ ночи.

Черезъ нѣсколько дней, утромъ, императрица оставила Царское Село; мы были на лугу за рѣшеткой и видѣли, какъ она проѣзжала. Ихъ императорскія высочества оставались еще сутки въ Царскомъ Селѣ, я сопровождала ихъ въ городъ. Этотъ отъѣздъ императрицы огорчилъ всѣхъ угольщиковъ, водоносовъ; всѣ жители Царскаго Села плакали и бѣжали за ея каретой.

Черезъ нѣкоторое время послѣ возвращенія въ городъ, великая княгиня захворала лихорадкой, и, къ увеличенію моего безпокойства,

мой мужъ очень серьозно заболѣлъ. Великій князь навѣщалъ его почти каждое утро. Въ 4 часа я ему давала завтракъ и отправлялась въ Таврическій дворецъ, чтобы оставаться тамъ до ночи съ великой княгиней. Однажды вечеромъ, я застала ее болѣе утомленной, чѣмъ обыкновенно, но она превозмогала себя, боясь, что я уйду, если она заснетъ. Я умоляла ее лечь на кушетку и заснуть, обѣщая ей не уходить. Она согласилась, но съ условіемъ, чтобъ я сѣла рядомъ съ ней, такъ что она могла бы проснуться, если я захотѣла бы встать. Я съ удовольствіемъ смотрѣла, какъ она спитъ; ея сонъ былъ спокоенъ, и я радовалась ея покою и отдыху. Я сожалѣю тѣхъ, которые не испытали столь чувствительныхъ и чистыхъ минутъ нѣжности, этого нѣжнаго чувства, которымъ наслаждаешься молча, и которымъ нельзя пресытиться. Оно призываетъ душу, а нѣжныя заботы и постоянное попеченіе увеличиваютъ его чувствительность. Я осмѣливаюсь сказать, что всегда чувствовала материнскую привязанность къ великой княгинѣ; постоянная ея дружба и милости ко мнѣ увеличивали эту привязанность. Я не испытывала ни сомнѣній, ни недовѣрія, не встрѣчала препятствій; наши постоянныя сношенія давали простое и естественное теченіе нашей дружбѣ.

Я невольно возвращаюсь къ этому предмету, когда пробую писать свои воспоминанія. Для меня самыми чувствительными и самыми глубокими являются тѣ, которыя касаются великой княгини. Это самое замѣчательное время моей жизни, и оно имѣло вліяніе на все мое послѣдующее существованіе. Сцена скоро измѣняется, новые актеры скоро появятся на ней, непредвидѣнныя обстоятельства и одно мрачное событіе переполнятъ чашу моихъ страданій. Я останусь одна съ моимъ сердцемъ, и я хотѣла бы быть одной въ моемъ описаніи.

Когда великая княгиня и мой мужъ поправились, я вернулась къ своему обычному образу жизни. Говорили о прибытіи герцогини Кобургской съ ея дочерьми-принцессами и о бракѣ великаго князя Константина. Было нѣсколько баловъ въ Таврическомъ дворцѣ.

Дворъ переѣхалъ въ Зимній дворецъ; несмотря на то, что мнѣ еще далеко было до разрѣшенія отъ бремени, я себя чувствовала нехорошо, и доктора приказали мнѣ не выходить изъ дому: это было необходимою предосторожностью. Графиня Толстая была также беременна и должна была родить раньше меня; у нея родился сынъ и, несмотря на свое нездоровье, я ухаживала за ней нѣкоторое время. Поправившись, она переѣхала ко мнѣ на три недѣли, чтобы присутствовать при моихъ родахъ, которые были очень счастливы и совершились 22-го ноября. Я родила дочь, которую имѣла счастье вырастить. Я не могу обойти молчаніемъ мою дружбу съ прелестной женщиной-графиней Шенбургъ, дочерью Сиверса. Годъ тому

назадъ она пріѣхала съ своей матерью изъ Дрездена. Графиня Толстая познакомилась съ ней во время своего путешествія. Я ее видѣла, когда ей было 14 лѣтъ, во время ея короткаго пребыванія въ Петербургѣ. Ея мать хорошо знала мою и привезла ко мнѣ свою дочь. Съ первой минуты нашего знакомства графиня Шенбургъ почувствовала ко мнѣ сильное влеченіе, о чемъ она мнѣ часто разсказывала впослѣдствіи. По своему уму, душѣ и чистотѣ сердца это было рѣдкое существо. Она прекрасно знала языки и музыку и артистически рисовала; была чувствительна, пламенна и обладала прямодушіемъ честнаго человѣка. Она дѣлила свою жизнь между мной и графиней Толстой, умѣряя дружбу, которую питала ко мнѣ, чтобы не огорчить графиню Толстую. Можно сказать о ней, что основой ея сердца была тонкая деликатность. Она ухаживала за мной во время моихъ родовъ. Я была счастлива, какъ только можно, въ это время: мой мужъ и обѣ подруги не оставляли меня, великая княгиня высказывала искреннее участіе и часто писала мнѣ. Моя маленькая дочка прекрасно себя чувствовала, и это спокойствіе и увѣренность въ счастьи укрѣпляли мои силы. Черезъ мѣсяцъ послѣ моихъ родовъ, графиня Толстая, будучи со мной наединѣ, сказала мнѣ: «Уже два дня, какъ великая княгиня посылала къ вамъ; я отправлюсь сейчасъ къ ней, чтобы разсказать ей, какъ вы себя чувствуете, о вашемъ здоровьи и узнать о ея здоровьи». Черезъ четверть часа мнѣ принесли отъ великой княгини записку, полную нѣжности и любви. Я отвѣтила со всей силой моей привязанности, и только что мой отвѣтъ былъ отосланъ, какъ вернулась крайне недовольная графиня Толстая. «Это невѣроятно»,—сказала она,—«если бы не я заговорила о васъ, великая княгиня даже не спросила бы меня, какъ вы себя чувствуете». Я улыбнулась и показала ей записку, ставшую для меня дороже всѣхъ сокровищъ. Графиня Толстая не могла оправиться отъ своего изумленія. Сильно чувствующій человѣкъ находитъ откликъ въ любящемъ его сердцѣ. Великой княгинѣ не нужно было говорить обо мнѣ: ей было достаточно подумать обо мнѣ, чтобы знать, что я ей отвѣчу. Такъ какъ я явилась ко двору только въ январѣ, то не была свидѣтельницей ни прибытія въ октябрѣ Кобургскихъ принцессъ, ни ихъ отъѣзда черезъ 5 недѣль, ни мvропомазанія и обрученія принцессы Юліи съ великимъ княземъ Константиномъ; но лицо, заслуживающее довѣрія и видѣвшее все это, мнѣ разсказало всѣ подробности, которыя я и помѣщаю здѣсь.

Герцогиня Кобургская прибыла въ Петербургъ съ тремя дочерьми: принцессой Софіей, принцессой Антуанеттой, вышедшей впослѣдствіи замужъ за принца Александра Виртембергскаго и большую часть своей жизни проведшей въ Россіи, и принцессой Юліей [1]). Онѣ появились впервые на концертѣ въ Эрмитажѣ. Импе-

[1]) Род. 23-го сентября 1781 г.

ратрица и дворъ собрались тамъ заранѣе, любопытство было такъ велико, что придворные столпились у дверей, въ которыя должны были войти иностранныя принцессы. Наконецъ, онѣ прибыли, и замѣшательство, испытанное бѣдной герцогиней, очутившейся при самомъ большомъ и блестящемъ изъ европейскихъ дворовъ, не могло сдѣлать болѣе благороднымъ ея мало изящный видъ. Ея три дочери были также сильно смущены, но все же болѣе или менѣе владѣли собой. Достаточно часто одной нѣжной молодости, чтобы внушить интересъ. Между тѣмъ, смущеніе скоро прошло, въ особенности у младшей, которая черезъ два дня послѣ перваго знакомства на балу въ Эрмитажѣ подошла къ великой княгинѣ Елисаветѣ, взяла ее за кончикъ уха и шепнула понѣмецки ласково «душенька». Эта наивность удивила и доставила удовольствіе великой княгинѣ; вообще пріѣздъ и пребываніе этихъ принцессъ доставили ей пріятныя минуты. Она слишкомъ недавно покинула свою родину и свою семью, чтобы не сильно скучать еще по ней, и, хотя въ новоприбывшихъ ничто ей не напоминало родныхъ, но тѣмъ не менѣе она могла говорить о массѣ мелочей, о которыхъ можно бесѣдовать только съ соотечественниками и услышать выраженія, напоминающія ея дѣтство. Во время пребыванія принцессъ Кобургскихъ было много праздниковъ и баловъ, между прочимъ большой маскарадный балъ при дворѣ, замѣчательный для великой княгини Елисаветы тѣмъ, что первый разъ далъ возможность императрицѣ высказать ей свое неудовольствіе. Извѣстная госпожа Лебренъ [1]) недавно только пріѣхала въ Петербургъ; ея платья и модныя картины произвели переворотъ въ модахъ; утвердился вкусъ къ античному; графиня Шувалова, способная на юношеское увлеченіе всѣмъ новымъ и заморскимъ, предложила великой княгини Елисаветѣ заказать себѣ у Лебренъ платье для маскараднаго бала. Великая княгиня необдуманно охотно согласилась, не думая, понравится или не понравится это императрицѣ, и разсчитывая, что графиня Шувалова не можетъ ей предложить то, что можетъ не нравиться ея величеству. Платье, задуманное и сшитое Лебренъ, было готово. Великая княгиня отправилась на балъ очень довольная, думая только о похвалахъ, которыя вызоветъ ея платье. Лица, не принадлежавшія къ большому двору, являлись на подобные балы, въ какое угодно было время; поэтому великій князь Александръ съ супругой долгое время уже тамъ находились, когда въ одной изъ залъ встрѣтились въ первый разъ съ императрицей. Великая княгиня Елисавета подошла къ

[1]) Лебренъ, Елисавета-Луиза, урожд. Виже, знаменитая французская портретистка (1755—1842)—провела въ Россіи шесть лѣтъ, съ 1795 г. по 1801 г. Въ это время она написала массу портретовъ, въ томъ числѣ портреты членовъ императорской фамиліи, и избрана была въ почетные вольные общники нашей академіи художествъ. О жизни своей и о пребываніи въ Россіи Лебренъ оставила любопытныя записки.

ней, чтобы поцѣловать ея руку, но императрица молча на нее посмотрѣла и не дала ей поцѣловать руку, что̀ поразило и огорчило великую княгиню. Она скоро догадалась о причинѣ этой суровости и очень сожалѣла о томъ легкомысліи, съ которымъ рѣшилась заплатить дань модному увлеченію. На другой день императрица сказала графу Салтыкову, что она была очень недовольна туалетомъ великой княгини Елисаветы, и два или три дня относилась къ ней холодно.

«Императрица чувствовала отвращеніе ко всему, что носило печать преувеличенія и претензіи, и высказывала это при всякомъ случаѣ; понятно, что ей было непріятно замѣтить признаки этихъ двухъ недостатковъ въ своей внучкѣ, которую она любила и которая должна была, по ея желанію, служить примѣромъ для всѣхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

«Герцогиня Кобургская не сумѣла пріобрѣсти расположенія императрицы; ея величество рѣдко видѣла ее въ своемъ близкомъ кругу; черезъ три недѣли принудили великаго князя Константина сдѣлать выборъ.

«Мнѣ кажется, что онъ предпочиталъ уклониться отъ выбора, ибо совершенно не желалъ жениться, но наконецъ остановился на принцессѣ Юліи. Эта бѣдная молодая принцесса не казалась очень польщенной предстоящей ей участью; едва сдѣлавшись невѣстой великаго князя Константина, она подверглась его грубостямъ и въ то же время нѣжностямъ, которыя одинаково были оскорбительны. Спустя 8 или 10 дней послѣ помолвки великаго князя Константина, герцогиня Кобургская уѣхала съ двумя старшими дочерьми, такъ что ея пребываніе въ общемъ длилось не больше 4—5 недѣль.

«Принцесса Юлія была отдана подъ опеку госпожѣ Ливенъ [1]), главной воспитательницѣ молодыхъ великихъ княженъ. Она брала часть уроковъ вмѣстѣ съ ними, съ ней обращались строго, къ чему она до сихъ поръ не привыкла. Она утѣшалась въ этомъ временномъ стѣсненіи въ обществѣ великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы. Послѣдняя проводила съ ней все время, которое она могла ей отдать, и между этими двумя молодыми принцессами образовалась вполнѣ естественная дружба. Великій князь Константинъ являлся завтракать къ своей невѣстѣ зимою въ 6 часовъ утра. Онъ приносилъ съ собой барабанъ, трубы, и заста-

---

[1]) Шарлотта Карловна Ливенъ, впослѣдствіи свѣтлѣйшая княгиня (р. 1742 г., † 1828 г.), воспитательница великихъ княженъ, дочерей императора Павла и императрицы Маріи Өеодоровны, держала себя, повидимому, всегда въ сторонѣ отъ дѣлъ, но въ дѣйствительности во многомъ руководила императрицей Маріей и была главной опорой нѣмецкой партіи при дворѣ. Написала записки о своей жизни, но сожгла ихъ предъ смертію. Шарлотта Карловна отличалась умомъ и твердымъ, послѣдовательнымъ образомъ дѣйствій, пользуясь въ теченіе долгой своей жизни неизмѣннымъ расположеніемъ и уваженіемъ четырехъ императрицъ и трехъ императоровъ.

влялъ ее играть на клавесинѣ военные марши, аккомпанируя этими двумя шумными инструментами. Это было единственнымъ выраженіемъ его любви къ ней. Онъ ей ломалъ иногда руки, кусалъ ее, но это было только предисловіе къ тому, что ожидало ее послѣ замужества.

Въ январѣ, я вернулась ко двору и была представлена принцессѣ Юліи. Ея свадьба съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ была въ февралѣ 1796 года. Ее назвали великой княгиней Анной Ѳеодоровной. Въ день свадьбы былъ парадный балъ и городъ былъ иллюминованъ [1]). Ее повезли въ Мраморный дворецъ, расположенный вблизи Зимняго дворца, на набережной Невы. Императрица дала этотъ дворецъ великому князю Константину. Ожидали, что для него устроятъ Шепелевскій дворецъ, примыкавшій къ Зимнему; но его поведеніе, когда онъ почувствовалъ себя хозяиномъ у себя дома, показало, какъ онъ еще нуждается въ суровомъ присмотрѣ. Между прочимъ, спустя нѣсколько времени послѣ своей женитьбы, онъ забавлялся въ манежѣ Мраморнаго дворца стрѣльбой изъ пушки, заряженной живыми крысами. Поэтому императрица, вернувшись въ Зимній дворецъ, помѣстила его въ аппартаментѣ со стороны Эрмитажа.

Великая княгиня Анна была довольно красива, но неграціозна, мало воспитана, романтична, что̀ было очень опасно при полномъ отсутствіи принциповъ и образованія. Несмотря на доброе сердце и природный умъ, она подвергалась опасностямъ, ибо не обладала ни одной изъ тѣхъ добродѣтелей, которыя побѣждаютъ слабости. Жестокое обращеніе великаго князя Константина способствовало ея заблужденіямъ. Она стала подругой великой княгини Елисаветы, которая была способна возвысить ея душу, но обстоятельства, все болѣе и болѣе тяжелыя, ежедневныя событія едва давали послѣдней возможность прійти въ себя.

Я должна была раньше сказать о пріѣздѣ друхъ братьевъ князей Чарторижскихъ [2]). Они, къ несчастью, играли слишкомъ за-

---

[1]) Свадьба совершилась 15-го февраля 1796 г.; великому князю Константину въ это время не было еще и 17 лѣтъ.

[2]) Князья Адамъ и Константинъ Чарторижскіе—сыновья князя Адама Чарторижскаго, бывшаго главою партіи въ Польшѣ, не сочувствовавшей Россіи. Послѣ третьяго раздѣла Польши, по повелѣнію императрицы Екатерины, имѣнія князя Адама были секвестрованы, и онъ тогда послалъ своихъ сыновей ко двору въ Петербургъ смягчить государыню и ходатайствовать о снятіи секвестра. Оба молодые Чарторижскіе были плодомъ связи матери ихъ Изабеллы съ кн. Н. В. Репнинымъ, который, будучи русскимъ посломъ въ Варшавѣ, въ началѣ царствованія Екатерины, повелѣвалъ Польшей и служилъ предметомъ заискиваній со стороны патріотовъ и патріотокъ. Старшій изъ братьевъ, кн. Адамъ, человѣкъ умный, образованный, но пронырливый и честолюбивый, вкрался въ довѣріе великаго князя Александра Павловича, обворожилъ его своими лицемѣрными рѣчами и принесъ затѣмъ много горя ему лично и вреда Россіи, преслѣдуя постоянно личные свои интересы и возрожденіе старой Польши, отъ моря до моря, не

мѣтную роль, чтобы не упомянуть о нихъ въ моихъ запискахъ. Они часто бывали у меня. Старшій—ограниченъ и молчаливъ; онъ выдѣляется своимъ серьезнымъ лицомъ и выразительными глазами: это—лицо, способное возбудить страсть. Младшій живой, оживленный, очень напоминаетъ француза. Великій князь Александръ сначала очень привязался къ нимъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ пріѣзда они были назначены камеръ-юнкерами. Императрица ихъ отличала ради ихъ отца, замѣтнаго человѣка въ его отечествѣ. Полякъ въ душѣ, онъ не могъ хорошо относиться къ намъ. Ея величество хотѣла покорить его, обходясь хорошо съ его дѣтьми.

Дворъ переѣхалъ въ Царское Село. Великія княгини сближались все больше и больше между собою. Ихъ дружба ничѣмъ еще не отражалась на отношеніяхъ великой княгини Елисаветы ко мнѣ; напротивъ, она даже желала, чтобы ея невѣстка подружилась со мной, но это было невозможно. Характеръ великаго князя Константина не позволялъ мнѣ сблизиться съ его женой, а полнѣйшая противоположность, которую я находила между ней и моимъ ангеломъ, великой княгиней Елисаветой, не могла меня поощрить къ этому.

Великій князь Александръ все тѣснѣе сближался съ князьями Чарторижскими и съ другомъ старшаго — молодымъ графомъ Строгоновымъ. Онъ не разставался съ ними. Общество окружавшихъ его молодыхъ людей привело его къ связямъ, достойнымъ осужденія. Князь Адамъ Чарторижскій, особенно поощренный дружбою великаго князя и приближенный къ великой княгинѣ Елисаветѣ, не могъ смотрѣть на нее, не испытывая чувства, которое начала нравственности, благодарность и уваженіе должны бы были погасить въ самомъ зародышѣ.

брезгая для этого никакими средствами; въ особенности вредна была его дѣятельность, какъ попечителя Виленскаго учебнаго округа. Графиня Головина рисуетъ его, какъ фальшиваго человѣка, и фальшь эта подтверждается оставленными имъ «Записками», завѣдомо во многихъ случаяхъ лживыми. Когда императоръ Александръ послѣ 1806 г. узналъ его поближе, то Чарторижскій долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга, и съ тѣхъ поръ довѣріе къ нему императора пошатнулось навсегда. Кн. Адамъ былъ старше Александра Павловича на семь лѣтъ, и оттого ему легко было сначала управлять молодымъ 16-ти-лѣтнимъ великимъ княземъ. Род. 1770 г., ум. 1861 г.

IX.

Устройство Александровскаго дворца въ Царскомъ Селѣ для великаго князя Александра Павловича. — Заботы о великомъ князѣ императрицы Екатерины.— Жизнь при дворѣ.—Посѣщеніе великокняжеской четы императрицей.—Немилость великаго князя Александра къ гр. Головиной. — Скорбь великой княгини.—Княгиня Радзивилъ.—Рожденіе великаго князя Николая Павловича.—Гнѣвъ Екатерины на великаго князя Константина Павловича.—Слабость здоровья императрицы, ея предчувствія близкой кончины.

Великій князь Александръ Павловичъ со своимъ дворомъ переѣхалъ 12-го іюня въ Александровскій дворецъ, выстроенный императрицей для своего внука. Онъ былъ очень красивъ и расположенъ передъ большимъ правильнымъ садомъ, примыкавшимъ къ англійскому саду. Подъ окнами великой княгини находился цвѣтникъ, окруженный желѣзной рѣшеткой съ калиткой, черезъ которую она входила въ свои аппартаменты. Нѣсколькими днями раньше переѣзда императрица подозвала меня (это было на одномъ изъ маленькихъ воскресныхъ баловъ) и сказала: «Будьте добры сказать вашему мужу, чтобы онъ размѣстилъ мебель въ Александровскомъ дворцѣ: онъ совершенно готовъ. Я желала бы уже видѣть великаго князя устроеннымъ со всѣмъ его дворомъ въ новомъ помѣщеніи. Выберите для себя аппартаментъ, который найдете наиболѣе пріятнымъ и наиболѣе близкимъ къ великой княгинѣ Елисаветѣ. Надѣюсь, что она мною довольна; я дѣлаю все возможное, чтобы ей понравиться; я ей отдала самаго красиваго молодого человѣка во всей имперіи». Ея величество остановилась на минуту и затѣмъ прибавила: «Вы видите ихъ постоянно; скажите мнѣ, дѣйствительно ли они любятъ другъ друга, и довольны ли они другъ другомъ». Я отвѣтила истинную правду, что они казались счастливыми: тогда они еще были счастливы, сколько могли. Императрица положила свою прекрасную руку на мою и сказала съ волненіемъ, растрогавшимъ меня: «Я знаю, графиня, что вы не созданы для разрушенія семейнаго счастія. Я все видѣла, я знаю больше, чѣмъ это думаютъ; поэтому мое благоволеніе къ вамъ неизмѣнно». «Ваше величество,—отвѣтила я,—то, что вы мнѣ сейчасъ сказали, дороже для меня всѣхъ драгоцѣнностей міра, и я клянусь всю свою жизнь употребить на то, чтобы заслужить это мнѣніе, которое для меня дороже жизни». Я поцѣловала ея руку, а она встала, говоря: «Я оставляю васъ, мы слишкомъ хорошо понимаемъ другъ друга, чтобы устраивать изъ этого зрѣлище». Князь Алексѣй Куракинъ [1]), стоявшій напротивъ насъ во

[1]) Кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ (род. 1759, † 1829), впослѣдствіи генералъ-прокуроръ при Павлѣ и министръ внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ I. Подобно брату своему, кн. Александру Борисовичу, онъ находился въ опалѣ, какъ племянникъ Никиты Ив. Панина, пользовавшійся расположеніемъ великаго князя Павла Петровича.

время этого разговора, подошелъ пригласить меня на польскій «Ясно, кузина, что къ вамъ милостиво относятся», сказалъ онъ. Я ничего не отвѣчала: я была такъ растрогана, что съ трудомъ понимала, что онъ мнѣ говорилъ. Я передала моему мужу приказъ ея величества, онъ сейчасъ же распорядился все устроить. Черезъ три дня мы уже были въ нашемъ новомъ жилищѣ.

Я позволяю себѣ помѣстить здѣсь одно размышленіе. Клеветникамъ удалось убѣдить нѣсколькихъ презрѣнныхъ людей, способныхъ повѣрить злу, что императрица Екатерина поощряла страсть Зубова къ великой княгинѣ Елисаветѣ... Разговоръ, приведенный мною и происходившій 9-го іюня 1796 года, мнѣ кажется достаточнымъ, чтобы опровергнуть эту ужасную ложь. Я скажу больше: императрица сама говорила съ Зубовымъ въ концѣ 1795 года по поводу его недостойнаго чувства къ великой княгинѣ и заставила его всецѣло измѣнить свое поведеніе. Когда мы вернулись въ Царское Село, не было и помину ни о прогулкахъ, ни о взглядахъ, ни о вздохахъ. Графиня Шувалова осталась на нѣкоторое время въ праздности. Мы ее называли тогда impressario in Augustino (директоръ въ замѣшательствѣ) — названіе одной комической оперы Чимарозы.

Великій князь и великая княгиня были очень довольны своимъ дворцомъ; мои аппартаменты были надъ аппартаментами великой княгини и, находясь посрединѣ зданія, выдавались полукругомъ. Она могла разговаривать со мной, стоя у послѣдняго окна передъ угломъ. Однажды послѣ обѣда мы забавлялись этимъ, она сидѣла у своего окна, а я у своего, и мы долго бесѣдовали. Въ это время великій князь и мой мужъ играли на скрипкѣ въ моей гостиной. Тогда между всѣми нами еще господствовала гармонія. Черезъ нѣсколько недѣль картина перемѣнилась: великій князь сталъ неразлученъ со своими новыми друзьями; великая княгиня Анна каждое утро приходила за великой княгиней Елисаветой, чтобы идти гулять въ садъ. Я гуляла съ графиней Толстой, аппартаменты которой были рядомъ съ моими; она получила въ этомъ году разрѣшеніе бывать на вечерахъ у императрицы. Великій князь становился съ каждымъ днемъ все холоднѣе ко мнѣ, князья Чарторыйскіе почти не посѣщали меня, чувства князя Адама занимали всѣхъ, но братъ Константинъ влюбился въ великую княгиню Анну, которой онъ нравился. Эта смѣсь кокетства, романовъ и заблужденій ставили великую княгиню Елисавету въ ужасное и затруднительное положеніе: она замѣчала перемѣну въ своемъ мужѣ, ей приходилось каждый вечеръ встрѣчать въ своемъ домѣ человѣка, повидимому, любившаго ее, что, казалось, поощрялъ великій князь, доставлявшій ему случай видѣть великую княгиню.

Императрица объявила ихъ императорскимъ высочествамъ, что она послѣ обѣда посѣтитъ ихъ въ новомъ жилищѣ. Прекрасный

дессертъ былъ приготовленъ въ колоннадѣ, представлявшей нѣчто въ родѣ открытой гостиной, со стороны сада ограниченной двумя рядами колоннъ. Съ этого мѣста открывается обширный и красивый видъ. Затѣмъ вошли во внутренніе аппартаменты, императрица сѣла между великой княгиней и мной и сказала: «Я прошу вашего разрѣшенія, ваше высочество, показать этимъ господамъ ваши комнаты». Такъ какъ это было въ воскресенье, то было много придворныхъ лицъ, между прочимъ, вицеканцлеръ, графъ Остерманъ, и графъ Морковъ. Великая княгиня кивнула головой и сдѣлала мнѣ знакъ, такъ что я поняла, что она чѣмъ-то смущена. Она наклонилась за спиной императрицы и сказала мнѣ: «Книга на туалетномъ столѣ». Я сразу поняла, что надо было скрыть отъ глазъ общества томъ «Новой Элоизы», который графиня Шувалова одолжила обѣимъ великимъ княгинямъ. Накануне этого дня великая княгиня призвала меня къ себѣ утромъ, у насъ былъ интересный разговоръ въ ея кабинетѣ, затѣмъ она меня повела въ свою уборную, гдѣ я нашла эту книгу, по поводу которой я осмѣлилась ей сдѣлать нѣсколько замѣчаній, выслушанныхъ ею съ обычной милостью. Я легко поняла, чего она желала, и не задумываясь попросила у ея величества разрѣшенія показать, какъ привратница, покои ея высочества этимъ господамъ. Императрица нашла это удобнымъ; я отправилась съ быстротой молніи, опередила общество и спрятала книгу. Въ этотъ вечеръ я получила большое удовлетвореніе. Великая княгиня за дессертомъ сообщила мнѣ отрывокъ изъ письма принцессы ея матери, которая говорила мнѣ самыя любезныя вещи.

Каждый день, казалось, влекъ за собой новыя опасности; я очень страдала изъ-за всего того, чему подвергалась великая княгиня. Помѣщаясь подъ нею, я видѣла, какъ она входила и выходила, такъ же, какъ и великаго князя, постоянно приводившаго съ собой къ ужину князя Чарторыйскаго. Одинъ Богъ читалъ въ моей душѣ. Однажды, болѣе обыкновеннаго мучимая всѣмъ тѣмъ, что происходило у меня на глазахъ, я вернулась послѣ вечера у императрицы, перемѣнила платье и сѣла у окна, находившагося надъ окномъ великой княгини. Высунувъ свою голову, насколько только могла, я замѣтила кусочекъ бѣлаго платья великой княгини, освѣщеннаго луной, лучи которой проникали въ наши комнаты. Я видѣла уже, какъ вернулся великій князь съ своимъ другомъ, и предположила, что великая княгиня одна въ своемъ кабинетѣ.—Я набросила косынку на плечи и спустилась въ садъ. Подойдя къ рѣшеткѣ цвѣтника, я увидѣла ее одну, погруженную въ грустныя размышленія. «Вы одни, ваше высочество?»—спросила я ее. «Я предпочитаю быть одной, — отвѣчала она,—чѣмъ ужинать наединѣ съ княземъ Чарторыйскимъ. Великій князь заснулъ на диванѣ, а я убѣжала къ себѣ и вотъ предаюсь своимъ невеселымъ мыслямъ». Я страдала отъ невозможности быть возлѣ нея съ правомъ не оставлять ея и

входить въ ея комнату. Мы бесѣдовали больше четверти часа, послѣ чего я вернулась къ своему окошку. Я начинала становиться настоящей помѣхой великому князю; онъ зналъ мои чувства и былъ убѣжденъ, что они не похожи на его собственныя. Князь Чарторыйскій съ удовольствіемъ видѣлъ, какъ великій князь ставилъ препятствія для моихъ сношеній съ великой княгиней. Онъ зналъ прекрасно, что я не способна ему служить, и потому очень старался меня поссорить съ великимъ княземъ.

Мой мужъ осмѣлился сдѣлать ему представленіе о его поведеніи и о томъ вредѣ, который онъ дѣлалъ для репутаціи своей жены. Это только еще болѣе раздражило противъ меня, и я приняла рѣшеніе молчать и страдать молча.

Однажды, утромъ, я сидѣла за клавесиномъ съ графиней Толстой, когда услышала, какъ тихо отворилась дверь, и вошла, или, лучше сказать, влетѣла въ комнату великая княгиня. Она взяла меня за руку, повела въ мою спальню, заперла дверь на ключъ и бросилась въ мои объятья, заливаясь слезами. Я не могу передать, что происходило со мной. Она собиралась сказать мнѣ, какъ постучали въ дверь, крича, что пріѣхала моя мать изъ деревни меня навѣстить. Великая княгиня была очень огорчена этой помѣхой и сказала мнѣ слово, котораго я никогда не забуду; затѣмъ она отерла свои слезы, вошла въ гостиную и была очень привѣтлива съ моей матерью, налила ей чай и сдѣлала видъ, что пришла нарочно, чтобы предложить ей завтракъ. Таковъ уже былъ тогда ангельскій характеръ этой государыни, несмотря на ея молодые годы; ея нѣжность скромно скрывала ея собственныя чувства, если они могли опечалить другихъ, ея доброта всегда брала верхъ.

Въ Царское Село пріѣхала полька, княгиня Радзивилъ. Она была представлена императрицѣ, принявшей ее очень хорошо, но не давшей ей ничего изъ того, что она просила. Между тѣмъ ея просьбы были скромны; она хотѣла быть опекуншею одного молодого князя Радзивила, на что она не имѣла никакого права, — для того, чтобы завладѣть его состояніемъ и желала получить портретъ, т. е. быть назначенной статсъ-дамой. Несмотря на свои 50 лѣтъ, она сохранила еще свою свѣжесть, любовь къ искусствамъ, о которыхъ она высказывала оригинальные взгляды; она была очень занимательна въ обществѣ, имѣла добродушный видъ, что повело къ тому, что всѣ были съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ. Пресмыкаясь и низкопоклонствуя при дворѣ, она приправляла свои манеры и рѣчи оригинальностью, дѣлающей ихъ менѣе непріятными, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ. Я не буду говорить о ея правахъ, слишкомъ хорошо извѣстныхъ: она пренебрегала всѣми приличіями по желанію и по влеченію и говорила, что ея мужъ, какъ страусъ, воспитываетъ чужихъ дѣтей. Императрица иногда забавлялась ея остротами и ея восторженностью, но ее часто утомляли ея низости. Я помню, что

однажды на собраніи въ колоннадѣ она зашла такъ далеко въ своей низости, что ея величеству было не пріятно, и она даже дала ей косвенно урокъ, обращаясь къ англійской левреткѣ, подаренной ей герцогиней Нассауской. Эта маленькая красивая собачка очень пресмыкалась, но ревновала другихъ собакъ. Ее звали Панья, что попольски значитъ госпожа. «Послушай, Панья,— сказала ей императрица,— ты знаешь, что я тебя всегда отталкивала, когда ты пресмыкаешься: вѣдь я не люблю низости». Княгиня Радзивилъ привезла съ собой одну изъ своихъ дочерей, прелестную личность, совсѣмъ на нее не походившую; это былъ воплощенный разумъ и кротость. Императрица дала ей фрейлинскій шифръ, а ея двухъ братьевъ назначила камеръ-юнкерами. Она была очень слабаго здоровья и умерла въ Петербургѣ послѣ короткой болѣзни, черезъ нѣсколько дней послѣ смерти ея величества. Въ бреду она безпрестанно говорила, что императрица ее зоветъ. Я пошла къ ея матери, думая найти ее въ отчаяніи, но она не высказала сожалѣнія, и состраданіе, которое я могла ей высказать, было напрасно; мнѣ осталось только пожалѣть, что я не увижу больше Христины, заслуживавшей лучшей матери.

25-го іюня, меня разбудили въ 5 часовъ утра пушечные выстрѣлы, объявлявшіе о разрѣшеніи отъ бремени великой княгини Маріи Θеодоровны сыномъ, названнымъ Николаемъ. Она разрѣшилась отъ бремени въ Царскомъ Селѣ; императрица ухаживала за ней всю ночь и была преисполнена радости отъ рожденія еще одного внука. Черезъ недѣлю было назначено крещеніе, и великій князь Александръ былъ воспріемникомъ своего брата.

Черезъ нѣкоторое время случилось происшествіе, очень огорчившее ея величество. На одномъ изъ воскресныхъ баловъ воспитательница молодыхъ великихъ княженъ, Ливенъ, попросила разрѣшенія у императрицы поговорить съ ней. Императрица усадила ее возлѣ себя, и Ливенъ сообщила ей о поступкѣ великаго князя Константина съ однимъ гусаромъ, съ которымъ онъ очень жестоко обошелся. Этотъ жестокій поступокъ былъ совершенною новостью для императрицы; она сейчасъ же призвала своего довѣреннаго камердинера и приказала ему собрать всевозможныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи. Онъ вернулся съ подтвержденіемъ доклада Ливенъ. Ея величество была такъ огорчена, что чуть не заболѣла; я узнала потомъ, что когда она вернулась въ свою комнату, съ ней сдѣлалось нѣчто въ родѣ удара. Она написала великому князю Павлу о всемъ случившемся, прося его наказать сына, что онъ и исполнилъ со всей строгостью, но не такъ, какъ бы слѣдовало. Затѣмъ императрица велѣла посадить его подъ арестъ.

Слѣдующее воскресенье, не чувствуя себя еще вполнѣ хорошо, императрица приказала великому князю Александру дать у себя балъ. Этотъ балъ мнѣ показался грустнымъ до невозможности. Не-

здоровье императрицы безпокоило меня въ глубинѣ души; у меня были тяжелыя предчувствія, которыя, къ несчастію, слишкомъ скоро оправдались. Пригласили великую княгиню Анну, которую ни за что не хотѣлъ пустить изъ дому великій князь Константинъ. Она не пробыла и получаса на балу, какъ онъ прислалъ за нею, и она уѣхала, едва сдерживая слезы.

Новые проекты и новыя надежды занимали общество: говорили о бракѣ великой княжны Александры со шведскимъ королемъ. Однажды вечеромъ императрица подошла ко мнѣ и сказала: «Знаете ли, что я занята устройствомъ судьбы моей внучки Александры и хочу ее выдать за графа Шереметева» [1]). «Я слышала объ этомъ, ваше величество, — отвѣтила я, — но говорятъ, что родные не согласны». Этотъ отвѣтъ ее очень позабавилъ.

Хотя казалось, что ея величество совершенно поправилась, она все же жаловалась на боль въ ногахъ. Однажды, въ воскресенье, въ промежутокъ времени между обѣдней и обѣдомъ, она взяла меня за руку и подвела къ окну, выходившему въ садъ. «Я хочу, — сказала она, — построить здѣсь арку, соединенную съ залами колоннады, и воздвигнуть на немъ часовню; это бы избавило меня отъ того длиннаго путешествія, которое мнѣ приходится дѣлать, чтобы выслушать обѣдню. Когда я подхожу къ амвону, у меня уже нѣтъ силъ держаться на ногахъ. Если я скоро умру, я увѣрена, васъ это очень опечалитъ». Эти слова императрицы произвели на меня непостижимое впечатлѣніе: слезы оросили мое лицо. Ея величество продолжала: «Я знаю, что вы меня любите. Я васъ тоже люблю, успокойтесь». Она меня быстро оставила: она была растрогана. Я стояла, прижавшись лицомъ къ стеклу и заглушая рыданія.

Мнѣ казалось, что дни летѣли; я испытывала бо̀льшую грусть чѣмъ всегда, покидая Царское Село. Въ глубинѣ души мнѣ чудился голосъ, говорившій: Ты провела здѣсь лѣто въ послѣдній разъ. За нѣсколько дней до отъѣзда, великая княгиня Елисавета попросила у меня прощальную записку. Я никогда не могла понять мотива этой просьбы, но это еще болѣе омрачило мои мысли. Все, казалось, готовилось къ грустному концу. Я повиновалась ей, а она дала мнѣ въ обмѣнъ тоже записку, которую я храню до сихъ поръ.

---

[1]) Шереметевъ, графъ Николай Петровичъ (р. 1751 г., † 1809 г.), впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ, оберъ-камергеръ, шефъ пажескаго корпуса, одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей того времени. Въ 1796 году Шереметеву было 45 лѣтъ. Впослѣдствіи онъ женился на крѣпостной своей артисткѣ, Прасковьѣ Ивановнѣ Ковалевской († 1803 г.), отличавшейся выдающимися душевными качествами, и бракъ этотъ былъ признанъ императоромъ Александромъ. Послѣ смерти Прасковьи Ивановны, Шереметевъ, въ память ея, основалъ шереметевскій странноприімный домъ въ Москвѣ.

X.

Прiѣздъ въ Петербургъ шведскаго короля Густава IV.— Герцогъ Зюдерманландскiй.— Деликатность императрицы.— Празднества въ Петербургѣ и переговоры о бракѣ Густава IV съ великой княжной Александрой Павловной.— Переписка императрицы съ Густавомъ и его поведенiе.— Настроенiе духа императрицы и ея нездоровье.— Мрачныя предчувствiя графини Головиной.— Кончина императрицы Екатерины.

По возвращенiи въ городъ, начали говорить вслухъ о прiѣздѣ шведскаго короля и готовились къ праздникамъ и удовольствiямъ, смѣнившимся похоронами и слезами.

Король прiѣхалъ черезъ нѣкоторое время послѣ возвращенiя двора въ городъ. Онъ носилъ имя графа Гага и жилъ у своего посла, барона Стединга. Его первое свиданiе съ императрицей было очень интереснымъ; она его нашла такимъ, какимъ желала найти. Мы были представлены королю въ Эрмитажѣ. Выходъ ихъ величествъ былъ замѣчателенъ: они держались за руку, и величественная осанка императрицы не затмила благороднаго вида молодого короля; его черный шведскiй костюмъ, волосы, спускающiеся до плечъ, придавали ему рыцарскiй видъ. Всѣ были поражены этимъ зрѣлищемъ.

Трудно себѣ представить что либо менѣе величественное, чѣмъ наружность дяди короля—герцога Зюдерманландскаго. Онъ—небольшого роста, съ косыми смѣющимися глазами, губы у него сердечкомъ, животъ выпяченъ, а ноги, какъ спички. Его движенiя быстры и суетливы. Я ему очень понравилась, и онъ настойчиво ухаживалъ за мной при всѣхъ нашихъ встрѣчахъ. Императрицу это очень забавляло. Однажды, вечеромъ, въ Эрмитажѣ онъ ухаживалъ за мною болѣе обыкновеннаго. Ея величество подозвала меня и сказала смѣясь: «Знаете пословицу: вѣрь на половину тому, что тебѣ говорятъ, но вѣрьте только на четверть вашему ухаживателю».

Дворъ находился въ Таврическомъ дворцѣ; чтобы разнообразить вечера, дали небольшой балъ, на который были приглашены лица, бывавшiя въ Эрмитажѣ. Мы собрались въ гостиной, императрица вошла и сѣла возлѣ меня. Мы бесѣдовали нѣкоторое время; ожидали короля, чтобы открыть балъ. «Мнѣ кажется,— сказала императрица,— что лучше начать танцы; когда явится король, онъ будетъ менѣе смущенъ, увидавъ всѣхъ танцующими, чѣмъ ожидающими его прихода. Я сейчасъ скажу, чтобы играли полонезъ». «Вы приказываете мнѣ сказать это?» — спросила я.— «Нѣтъ,— отвѣчала она,— я сейчасъ позову камеръ-пажа». Она сдѣлала знакъ рукой, не замѣченный камеръ-пажомъ, но принятый вице-канцлеромъ графомъ Остерманомъ на свой счетъ. Старецъ подбѣжалъ къ императрицѣ такъ быстро, какъ онъ только могъ съ помощью своей длинной

палки; она поднялась, отвела его къ окну и очень серіозно разговаривала съ нимъ около пяти минутъ. Затѣмъ она вернулась ко мнѣ и спросила, довольна ли я ею. «Мнѣ хотѣлось бы, — отвѣтила я, — чтобы всѣ петербургскія дамы пришли учиться у вашего величества тому, съ какой любезностью нужно принимать гостей». «Но какъ же я могла сдѣлать иначе, — возразила она: — я огорчила бы этого старичка, сказавъ, что онъ ошибся; вмѣсто этого я поговорила съ нимъ о томъ, о семъ, увѣрила его, что я его дѣйствительно звала, онъ доволенъ, вы довольны, а я въ особенности».

Король явился, и императрица была привѣтлива и любезна съ нимъ, но соблюдала мѣру и необходимое достоинство. Ихъ величества взаимно изучали другъ друга и пытались проникнуть намѣренія другъ друга. Прошло нѣсколько дней, и король заговорилъ о своемъ желаніи союза, императрица отвѣтила такимъ образомъ, что нужно устроить возможность переговоровъ о главныхъ пунктахъ, а потомъ уже давать обѣщаніе. Переговоры и пренія слѣдовали одни за другими, хлопоты министровъ и договаривающихся все увеличивались и возбуждали любопытстно двора и города.

Былъ парадный балъ въ большой галлереѣ Зимняго дворца. Король еще не зналъ о склонности къ нему великой княжны Александры, и его это очень тревожило. Черезъ день на большомъ праздникѣ въ Таврическомъ дворцѣ я сидѣла возлѣ императрицы, а король напротивъ насъ, когда княгиня Радзивилъ принесла императрицѣ медальонъ съ портретомъ короля изъ воска работы замѣчательнаго художника Тончи, сдѣлавшаго его на память послѣ того, какъ онъ всего одинъ разъ видѣлъ короля на балу въ галлереѣ. «Онъ очень похожъ, — сказала императрица, — но я нахожу, что графъ кажется на немъ очень грустнымъ». Король съ живостью отвѣтилъ: «Еще вчера я былъ очень несчастливъ». Благопріятный отвѣтъ великой княжны былъ ему сообщенъ только утромъ этого дня.

Когда дворъ переѣхалъ въ Зимній дворецъ, то было приказано всей придворной и городской знати давать балы. Первый балъ былъ у генералъ-прокурора графа Самойлова. Погода была еще хорошая; поэтому нѣсколько русскихъ и шведскихъ вельможъ ожидали пріѣзда императрицы на балконѣ. Въ ту минуту, когда показалась ея карета, замѣтили, какъ поднялась комета и погасла надъ крѣпостью. Это явленіе дало поводъ ко многимъ суевѣрнымъ предположеніямъ. Императрица вошла въ залъ, гдѣ уже находился король, и начался балъ. Послѣ первыхъ танцевъ императрица удалилась съ королемъ въ кабинетъ, гдѣ принимала нѣкоторыхъ своихъ приближенныхъ. Нѣкоторыя лица играли въ бостонъ. Въ это время ихъ величества впервые совѣщались по поводу брака. Императрица вручила королю бумагу, прося ее прочесть дома; я была въ бальной залѣ, и ея величество призвала меня и велѣла занимать тѣхъ, кто не игралъ. Вскорѣ она вернулась съ королемъ въ бальную залу. Былъ пред-

ложенъ очень хорошій ужинъ, но императрица не сѣла за столъ и уѣхала очень рано.

Графъ Строгановъ тоже далъ балъ, который почтила своимъ присутствіемъ императрица. Переговоры о свадьбѣ улаживались, и поэтому ея величество была весела и болѣе любезна, чѣмъ обыкновенно. Она велѣла мнѣ сѣсть за ужиномъ напротивъ влюбленныхъ, чтобы потомъ я могла разсказать ей о ихъ бесѣдѣ и ихъ манерѣ себя держать. Король былъ поглощенъ великой княжной, они разговаривали безъ умолку. Послѣ ужина императрица позвала меня и спросила о моихъ наблюденіяхъ. Я ей сказала, что заботы Ливенъ оказались безполезными, что великая княжна совершенно испорчена, такъ что больно смотрѣть, что король не ѣлъ и не пилъ, и что они пожирали другъ друга глазами. Всѣ эти шутки очень позабавили императрицу. У нея въ рукахъ былъ вѣеръ, чего я никогда не видала, и она его держала такъ странно, что я не могла удержаться, чтобы не посмотрѣть на нее. Она это замѣтила. «Мнѣ кажется, что вы надо мною смѣетесь», сказала она мнѣ. «Признаюсь, ваше величество, что мнѣ никогда не приходилось видѣть, чтобы держали такъ неловко вѣеръ». «Не правда ли,—сказала она,—я похожа на простушку попавшую во дворецъ, но на старую простушку». «Эта рука не создана для пустяковъ,—отвѣчала я,—она держитъ вѣеръ, какъ скипетръ». Были еще праздники у австрійскаго посла, графа Кобенцеля, и у вице-канцлера графа Остермана на дачѣ.

Я хочу помѣстить здѣсь копіи съ нѣсколькихъ бумагъ, написанныхъ собственною рукою императрицы и шведскаго короля. Онѣ были сообщены мнѣ вскорѣ послѣ смерти Екатерины Второй.

«24 августа, шведскій король, сидя со мной на скамейкѣ въ Таврическомъ дворцѣ, попросилъ у меня руки Александры. Я отвѣтила ему, что онъ не можетъ просить ее, а я его слушать, такъ какъ существуютъ переговоры о бракѣ его съ принцессой Мекленбургской. Онъ меня увѣрилъ, что они уже прерваны. Я сказала, что я объ этомъ подумаю. Онъ просилъ меня разузнать, не чувствуетъ ли моя внучка къ нему отвращенія, что я ему обѣщала и сказала, что черезъ три дня я ему дамъ отвѣтъ. Дѣйствительно, черезъ три дня, поговоривъ съ отцомъ, матерью и дѣвицей, я сказала на балу у Строгонова графу Гага, что я соглашусь на этотъ бракъ подъ условіемъ: во-первыхъ, чтобы Мекленбургскія связи были окончательно разорваны, и, во-вторыхъ, чтобы Александра осталась въ той вѣрѣ, въ которой родилась и воспитывалась. О первомъ условіи онъ сказалъ, что оно не подлежитъ сомнѣнію, а о второмъ онъ старался убѣдить меня всѣми силами, что оно невозможно. Мы разстались, оставаясь каждый при своемъ мнѣніи».

«Первое упрямство длилось 10 дней, и всѣ шведскіе вельможи были иного мнѣнія, чѣмъ король. Не знаю, какъ имъ удалось его

переубѣдить. На балѣ у посла онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ удалилъ всѣ сомнѣнія, возникшія у него по поводу вопроса о религіи. Вотъ когда, кажется, все устроилось! Въ ожиданіи я написала письмо № 1, и такъ какъ оно у меня было въ карманѣ, то я ему дала его, говоря: «Прошу васъ прочесть со вниманіемъ эту записку. Она утвердитъ васъ въ тѣхъ хорошихъ намѣреніяхъ, которыя вы высказываете». На другой день во время фейерверка онъ меня поблагодарилъ за записку, сказавъ, что былъ недоволенъ только тѣмъ, что я не понимаю его сердца. На балу въ Таврическомъ дворцѣ король шведскій самъ предложилъ матери обмѣняться кольцами и обѣщаніями. Она мнѣ это сказала, я переговорила съ регентомъ, и мы рѣшили совершить это въ четвергъ при закрытыхъ дверяхъ, по обряду греческой церкви.

«Между тѣмъ договоръ улаживался министрами; главную роль въ немъ игралъ пунктъ о свободномъ исповѣданіи православной религіи. Онъ долженъ былъ быть подписанъ съ остальною частью договора въ этотъ четвергъ. Когда его прочли уполномоченнымъ министрамъ, оказалось, что этого пункта нѣтъ. Наши спросили шведскихъ, что это означаетъ; они отвѣчали, что король взялъ его, чтобы переговорить о немъ со мной. Мнѣ доложили объ этомъ неожиданномъ обстоятельствѣ; было 5 часовъ вечера, а въ 6 должно было происходитъ обрученіе. Я тотчасъ же послала къ королю узнать, что̀ онъ мнѣ хочетъ сказать по этому поводу, такъ какъ до обрученія я его не увижу, а послѣ будетъ слишкомъ поздно отступать. Онъ мнѣ устно отвѣтилъ, что онъ поговоритъ со мной; совершенно неудовлетворенная этимъ отвѣтомъ, чтобы сократить переговоры, я продиктовала графу Моркову письмо № 2 съ тѣмъ, что если король подпишетъ этотъ проектъ удостовѣренія, я сдѣлаю сегодня вечеромъ обрученіе. Было 7 часовъ, когда былъ отправленъ этотъ проектъ, а въ 9 часовъ графъ Морковъ привезъ мнѣ № 3, написанный и подписанный рукой короля, но гдѣ вмѣсто точныхъ и ясныхъ опредѣленій, которыя я предложила, были пустыя и темныя. Тогда я велѣла сказать, что я захворала. То время, что они еще здѣсь оставались, проходило въ постоянныхъ пересылкахъ. Регентъ подписалъ и утвердилъ договоръ, какимъ онъ долженъ былъ быть. Король долженъ его утвердить черезъ два мѣсяца послѣ своего совершеннолѣтія. Онъ его отослалъ для совѣщанія въ свою консисторію» [1]).

---

[1]) Записка эта во многомъ сходится съ письмомъ императрицы Екатерины къ русскому посланнику въ Швеціи барону Будбергу отъ 19-го сентября ст. ст. 1796 г. («Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», IX, 316 и слѣд.), но въ то же время и разнится отъ него нѣкоторыми подробностями и большей краткостью, тогда какъ приложенныя къ запискѣ копіи переписки совершенно тождественны. Поэтому можно предположить съ полнымъ основаніемъ, что записка, приводимая Головиной, написана была Екатериной по какому либо осо-

№ 1 — копія записки ея императорскаго величества, переданная изъ рукъ въ руки шведскому королю.

«Не согласитесь ли вы со мной, братъ мой, что не только въ интересахъ вашего королевства, но и въ вашемъ личномъ интересѣ нужно условиться о бракѣ, который вы желаете?

«Если ваше величество согласны съ этимъ и увѣрены въ этомъ, то почему вопросъ о вѣрѣ порождаетъ препятствія вашимъ желаніямъ?

«Позвольте мнѣ сказать вамъ, что даже епископы не найдутъ, что возразить на ваши желанія, и выкажутъ готовность устранить всякое сомнѣніе по этому поводу.

«Дядя вашего величества, министры и всѣ тѣ, которымъ въ виду ихъ долголѣтней службы, преданности и вѣрности къ вашей особѣ вы можете больше всего вѣрить, всѣ согласны въ томъ, что этотъ пунктъ не содержитъ ничего противорѣчащаго ни вашей совѣсти, ни спокойствію вашего правленія.

«Вашъ народъ, далекій отъ того, чтобы порицать вашъ выборъ, съ восторгомъ одобритъ его и будетъ попрежнему благословлять и обожать васъ, потому что вамъ онъ будетъ обязанъ вѣрнымъ залогомъ своего благосостоянія и личнаго и общественнаго спокойствія.

«Этотъ же выборъ, смѣю сказать, докажетъ здравость вашего рѣшенія и сужденія и будетъ способствовать увеличенію молитвъ вашего народа за васъ.

«Отдавая вамъ руку моей внучки, я глубоко убѣждена, что даю вамъ самое драгоцѣнное, что могла бы вамъ отдать и чѣмъ могла бы лучше всего убѣдить васъ въ искренности и глубинѣ моего расположенія и дружбы къ вамъ. Но, ради Бога, не смущайте и вашего и ея счастья, примѣшивая къ нему предметы, совершенно посторонніе, о которыхъ благоразумнѣе всего и вамъ самимъ и другимъ хранить глубокое молчаніе; иначе вы подаете поводъ къ безконечнымъ огорченіямъ, интригамъ и сплетнямъ.

«По материнской нѣжности, съ которой, какъ вы знаете, я отношусь къ моей внучкѣ, вы можете судить о моей заботливости о ея счастіи. Я не могу не чувствовать, что таковымъ же будетъ и мое отношеніе къ вамъ, лишь только вы будете соединены съ нею узами брака. Могла ли я когда нибудь согласиться на него, если

бому поводу, а не является лишь копіей съ письма ея къ Будбергу, какъ склоненъ думать это г. Бильбасовъ («Исторія Екатерины Второй», XII, ч. 2-я, 498). Это предположеніе доказывается также послѣдующими словами гр. В. Н. Головиной, что разсказъ о послѣднихъ дняхъ жизни Екатерины сообщенъ ей очевидцемъ—тѣмъ же лицомъ, которое доставило ей и записку, между тѣмъ, какъ начало царствованія Павла застало Будберга въ Стокгольмѣ. Видно, что хорошо знавшая людей Екатерина заботилась о томъ, чтобы печальный эпизодъ со сватовствомъ короля не былъ отнесенъ къ недостатку ея предусмотрительности: Густавъ IV уже въ это время показалъ признаки психическаго разстройства.

бы видѣла малѣйшій поводъ къ опасности или къ затрудненію для вашего величества, или если бы я не видѣла напротивъ всего того, что способно упрочить счастье и ваше, и моей внучки?

«Къ столькимъ свидѣтельствамъ, которыя должны повліять на рѣшеніе вашего величества, я прибавлю еще одно, болѣе всего заслуживающее ваше вниманіе: проектъ этого брака былъ составленъ и поддерживаемъ блаженной памяти покойнымъ королемъ вашимъ отцомъ. Я не привожу свидѣтелей ни изъ вашего, ни изъ моего народа, хотя ихъ множество по этому доказанному дѣлу, я лишь назову французскихъ принцевъ и дворянъ изъ ихъ свиты, чье свидѣтельство тѣмъ менѣе подозрительно, что они совершенно безпристрастны въ этомъ дѣлѣ. Находясь въ Спа съ покойнымъ королемъ, они часто слышали, какъ онъ говорилъ объ этомъ проектѣ, какъ объ одномъ изъ наиболѣе безпокоившихъ его, исполненіе котораго могло лучше всего скрѣпить доброе согласіе и хорошія отношенія между двумя домами и двумя государствами.

«А если этотъ проектъ составленъ покойнымъ королемъ, вашимъ отцомъ, то какъ же могъ этотъ столь образованный государь, преисполненный нѣжностью къ своему сыну, измыслить то, что рано или поздно могло бы повредить вашему величеству во мнѣніи вашего народа и ослабить привязанность къ вамъ вашихъ подданныхъ. А что этотъ проектъ былъ слѣдствіемъ долгаго и глубокаго размышленія, слишкомъ хорошо доказываютъ всѣ его поступки. Едва укрѣпивъ власть въ своихъ рукахъ, онъ велѣлъ внести въ сеймъ законъ объ общей терпимости всѣхъ религій, чтобы такимъ образомъ разсѣять весь мракъ, порожденный вѣками фанатизма и невѣжества, возобновить которые въ настоящее время было бы и безразсудно, и постыдно. На сеймѣ въ Гетфле онъ еще болѣе высказалъ свои намѣренія, рѣшивъ съ своими наиболѣе вѣрными подданными, что въ бракѣ его сына и наслѣдника соображеніе о величіи того дома, съ которымъ онъ соединялся, должно было брать верхъ надъ всѣмъ прочимъ и что разница въ религіяхъ не могла служить никакимъ препятствіямъ. Я приведу здѣсь анекдотъ объ этомъ именно сеймѣ въ Гетфле, который дошелъ до моего свѣдѣнія и который всѣ могутъ подтвердить вашему величеству: когда былъ поднятъ вопросъ объ установленіи налога на его подданныхъ во время его свадьбы, въ актъ, составленный по этому поводу, вписали такъ: во время свадьбы королевскаго принца съ лютеранской принцессой. Епископы, выслушавъ проектъ этого акта, вычеркнули по своему собственному побужденію слова: съ лютеранской принцессой.

«Соблаговолите довѣриться опыту тридцатилѣтняго царствованія, во время котораго мнѣ удавалась большая часть моихъ предпріятій. По этому опыту и самый искренней дружбѣ, я осмѣливаюсь вамъ дать вѣрный и прямой совѣтъ съ единственной цѣлью доставить вамъ возможность пользоваться счастьемъ въ будущемъ.

«Вотъ мое последнее слово: не подобаетъ русской великой княжнѣ перемѣнить вѣру.

«Дочь императора Петра I вышла замужъ за герцога Карла-Фридриха Голштинскаго, сына старшей сестры короля Карла XII, и для этого не перемѣнила религіи. Права ея сына на наслѣдованіе шведскимъ королевствомъ не были изъ-за этого менѣе признаны сеймомъ, который послалъ торжественное посольство въ Россію, чтобы предложить ему корону. Но императрица Елисавета уже объявила этого сына своей сестры русскимъ великимъ княземъ и своимъ предполагаемымъ наслѣдникомъ. Условились по предварительнымъ статьямъ Абоскаго договора, что вашъ дѣдъ будетъ выбранъ наслѣдникомъ шведскаго престола, что̀ и было исполнено. Такимъ образомъ двѣ русскія государыни возвели на престолъ линію, изъ которой произошли вы, и открыли вашимъ блестящимъ способностямъ дорогу къ царствованію, которое никогда не будетъ болѣе благополучнымъ и прекраснымъ, какъ того бы хотѣлось мнѣ.

«Позвольте мнѣ прибавить откровенно, что необходимо нужно, чтобы ваше величество стало выше всякихъ преградъ и сомнѣній, пусть всякаго рода доказательства будутъ собраны, чтобы разсѣять ихъ, такъ какъ они могутъ только повредить и вашему счастью, и счастью вашего королевства.

«Я скажу больше: моя личная дружба къ вамъ, неизмѣнная съ самаго вашего рожденія, вамъ докажетъ, что время не терпитъ, и что если вы не рѣшитесь окончательно въ эти дорогія для меня минуты, то планъ этотъ можетъ совершенно исчезнуть изъ-за тысячи препятствій, которыя снова представятся, лишь только вы уѣдете. Если съ другой стороны, несмотря на серіозные и неоспоримые доводы, представленные мною и тѣмъ, которые наиболѣе заслуживаютъ вашего довѣрія, религія все же должна служить непобѣдимымъ препятствіемъ къ союзу, казалось, желаемому вами еще недѣлю тому назадъ, то вы можете быть увѣрены, что съ этой минуты не будетъ больше рѣчи объ этомъ бракѣ, который могъ быть столь дорогимъ для меня въ виду моей нѣжности къ вамъ и моей внучкѣ.

«Я приглашаю ваше величество внимательно отнестись ко всему, мною изложенному, моля Бога, управляющаго сердцами королей, просвѣтить вашъ разумъ и внушить вамъ рѣшеніе, сообразное съ благомъ вашего народа и съ вашимъ личнымъ счастіемъ.

«№ 2. Проектъ. Я торжественно обѣщаю предоставить ея императорскому высочеству государынѣ великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, моей будущей супругѣ и шведской королевѣ, свободу совѣсти и исповѣданія религіи, въ которой она родилась и воспитывалась, и прошу ваше величество смотрѣть на это обѣщаніе, какъ на самый обязательный актъ, который я могъ подписать.

«№ 3. Давъ уже мое честное слово ея императорскому величеству въ томъ, что великая княжна Александра никогда не будетъ

стѣснена въ вопросахъ совѣсти, касающихся религіи, и такъ какъ мнѣ казалось, что ея величество этимъ довольна, то я увѣренъ, что императрица нисколько не сомнѣвается въ томъ, что я достаточно знаю священные законы, которые предписываютъ мнѣ это обязательство, что всякая другая записка становится всецѣло излишней».

Подписано: «Густавъ Адольфъ. 11—22 сентября 1796 года».

Графъ Морковъ мнѣ сказалъ, что императрица была такъ огорчена поведеніемъ короля, что послѣ полученія его второго отвѣта она имѣла видъ, что ее постигъ ударъ паралича.

На другой день былъ праздникъ, приказано было дать парадный балъ въ бѣлой галлереѣ; на немъ присутствовалъ шведскій король, грустный и очень смущенный. Императрица была величественна и говорила съ нимъ съ возможною непринужденностью и благородствомъ. Великій князь Павелъ былъ разгнѣванъ и бросалъ грозные взгляды на короля, который уѣхалъ черезъ нѣсколько дней. Великій князь Александръ далъ балъ, на которомъ всѣ были въ трауре по случаю смерти королевы португальской. Императрица пріѣхала на этотъ праздникъ вся въ черномъ, что я видѣла въ первый разъ, такъ какъ она, за исключеніемъ лишь особыхъ случаевъ, носила всегда полутрауръ. Ея величество сѣла возлѣ меня; я ее нашла блѣдной и осунувшейся, и мое сердце забилось отъ крайняго безпокойства.

«Не находите ли вы,—спросила она меня,—что этотъ балъ похожъ не на праздникъ, а скорѣе на нѣмецкія похороны? Черныя платья и бѣлыя перчатки производятъ на меня такое впечатлѣніе».

Въ бальной залѣ два ряда оконъ на набережную. Мы стояли у окна, когда луна взошла; императрица ее замѣтила и сказала: «луна сегодня очень красива, стоитъ посмотрѣть ее въ телескопъ Гершеля. Я обѣщала шведскому королю показать его, когда онъ вернется».

Ея величество напомнила мнѣ по этому поводу отвѣтъ Кулибина; это былъ крестьянинъ, ученый, самоучка, который былъ принятъ въ академію, благодаря своему выдающемуся уму и замѣчательнымъ изобрѣтеннымъ имъ машинамъ. Когда англійскій король прислалъ императрицѣ телескопъ Гершеля, она велѣла одному нѣмецкому профессору изъ академіи и Кулибину привести его въ Царское Село. Его помѣстили въ гостиной и стали разсматривать луну. Я стояла за кресломъ императрицы, когда она спросила профессора, не сдѣлалъ ли онъ какія нибудь новыя открытія съ помощью этого телескопа: «Безъ сомнѣнія, луна обитаема, видна страна, прорѣзаная долинами, и цѣлые лѣса построекъ». Императрица выслушала его съ невозмутимой серіозностью, и когда онъ отошелъ, подозвала Кулибина и спросила его:

— А ты, Кулибинъ, открылъ ли что нибудь?

— Я не такъ ученъ, какъ господинъ профессоръ, государыня: я ничего не видѣлъ.—Императрица съ удовольствіемъ вспоминала объ этомъ отвѣтѣ.

Объявили, что ужинъ поданъ; императрица, никогда не ужинавшая, прогуливалась по комнатамъ и затѣмъ сѣла за нашими стульями. Я сидѣла рядомъ съ графиней Толстой, которая, кончивъ ѣсть, не поворачивая головы, отдала свою тарелку. Она была очень удивлена, увидавъ, что ее приняла прекраснѣйшая рука съ великолѣпнымъ брилліантомъ на пальцѣ. Она вскрикнула, узнавъ императрицу, которая ей сказала:

— Развѣ вы меня боитесь?

— Я смущена, — отвѣтила графиня, — тѣмъ, что отдала вамъ тарелку.

— Я пришла помочь вамъ,—отвѣчала императрица и стала шутить съ нами по поводу пудры, сыпавшейся съ нашихъ шиньоновъ на плечи. Она намъ разсказала, что графъ Матюшкинъ, личность очень нелѣпая, по возвращеніи изъ Парижа приказалъ пудрить себѣ спину, увѣряя, что эта мода принята всѣми наиболѣе элегантными людьми во Франціи. «Я васъ покидаю, мои красавицы,—прибавила императрица,—я очень устала». Она ушла послѣ того, какъ положила мнѣ на плечо свою руку, которую я поцѣловала въ послѣдній разъ съ непреодолимымъ чувствомъ безпокойства и грусти. Я слѣдила за ней глазами до самой двери, и когда я перестала ее видѣть, мое сердце билось, точно хотѣло оторваться. Я вернулась домой и не могла спать. На другое утро я пошла къ моей матери въ то время, когда она вставала, и разразилась слезами, говоря о моихъ наблюденіяхъ надъ здоровьемъ императрицы. Моя мать пыталась меня разувѣрить, но напрасно: я была, какъ приговоренная къ смертной казни, и какъ бы находилась въ ожиданіи своего смертнаго приговора.

Въ жизни бываютъ предчувствія, которыя сильнѣе нашего разума. Говоря себѣ, что нужно ихъ отбросить, удалить отъ нашей мысли, мы, тѣмъ не менѣе, смущены ими и недостаточно сильны, чтобы ихъ побѣдить. Въ бѣдахъ и несчастіяхъ, посылаемыхъ намъ, какъ испытанія, Богомъ, надо предаться волѣ Божіей, и достаточно уже этого желанія, чтобы занять душу и успокоить скорби, но предчувствіе—безпокойное чувство, которое, кажется, держится только нашей собственною слабостью, вызываемое внутреннимъ, чуждымъ намъ побужденіемъ. Оно преслѣдуетъ насъ, какъ тѣнь, пугающая насъ и безпрестанно представляющаяся нашимъ глазамъ.

Черезъ нѣсколько дней, когда я завтракала въ 10 часовъ утра у своей матери, вошелъ придворный лакей, служившій моему дядѣ, и попросилъ разрѣшенія у моей матери разбудить его: «Около часу, какъ императрицу постигъ ударъ!»—сказалъ онъ намъ. Я страшно вскрикнула и побѣжала къ моему мужу, который былъ внизу въ своей комнатѣ. Я съ трудомъ спустилась по лѣстницѣ, дрожь во всемъ тѣлѣ едва позволяла мнѣ ходить. Войдя къ мужу, я должна была сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы произнести эти страшныя

слова: императрица умираетъ. Мой мужъ былъ страшно пораженъ; онъ сейчасъ же потребовалъ одѣваться, чтобы поѣхать во дворецъ. Я не могла ни плакать, ни говорить, тѣмъ менѣе думать. Торсуковъ, племянникъ первой камеръ-фрау императрицы [1]), вошелъ и сказалъ намъ по-русски: «Все кончено: ея уже нѣтъ, а съ ней погибло и наше счастье!

Пріѣхали графъ и графиня Толстые; графиня осталась со мной, а графъ уѣхалъ во дворецъ съ моимъ мужемъ. Мы провели до 3-хъ часовъ дня самое страшное время моей жизни. Каждые два часа мой мужъ посылалъ мнѣ записочки; была минута, когда надежда озаряла всѣ сердца, какъ лучъ свѣта темноту, но она была очень непродолжительна и сдѣлала еще болѣе тяжелой увѣренность въ несчастіи. Императрица прожила 36 часовъ, пораженная ударомъ; ея тѣло продолжало жить, но голова была мертва: произошло кровоизліяніе на мозгъ. Она перестала жить 6-го ноября.

ПАВЛОВСКОЕ ВРЕМЯ.

XI.

Екатерина Великая предъ своей кончиной. — Пріѣздъ въ Петербургъ великаго князя Павла Петровича и его супруги.—Поведеніе великихъ князей Александра и Константина Павловичей.—Агонія и кончина императрицы.—Характеръ новаго государя.—Эпизодъ съ Турчаниновымъ. — Перенесеніе праха Петра III. — Погребальныя церемоніи.—Перемѣны въ гвардіи.—Погребеніе Екатерины II и Петра III.—Первый пріемъ Павла I и императрицы Маріи.—Княгиня Долгорукая.

Я хочу помѣстить здѣсь подробности о послѣднихъ дняхъ императрицы Екатерины II-ой и о событіяхъ, происшедшихъ внутри дворца въ первыя минуты послѣ ея смерти. Я ихъ привожу со словъ той особы, которую уже цитировала.

Печаль, которую испытывала императрица вслѣдствіе неудачи ея проектовъ относительно шведскаго короля, вліяла на нее замѣтно для всѣхъ окружающихъ. Она перемѣнила свой образъ жизни, появлялась только по воскресеньямъ у обѣдни и за обѣдомъ и очень рѣдко принимала въ брильянтовой комнатѣ или въ Эрмитажѣ. Она проводила почти всѣ вечера въ спальнѣ, куда допускались только нѣкоторыя лица, которыхъ она удостоивала особенной дружбой. Великій князь Александръ и его супруга, обыкновенно проводившіе всѣ вечера съ императрицей, видѣли ее не болѣе раза или двухъ въ теченіе недѣли, кромѣ воскресенья. Они часто получали приказъ

[1]) Марьи Савишны Перекусихиной.

сидѣть дома; часто она приказывала имъ идти въ городской театръ слушать новую итальянскую оперу.

Въ воскресенье, 2-го ноября 1796 г., императрица Екатерина въ послѣдній разъ появилась публично. Казалось, она вышла для того только, чтобы проститься съ своими подданными. Когда она скончалась, всѣ были поражены, вспоминая впечатлѣніе, которое она произвела въ тотъ день.

Хотя публика собирается обыкновенно каждое воскресенье въ кавалергардской залѣ, а дворъ—въ дежурной комнатѣ, императрица рѣдко проходила по кавалергардской залѣ: чаще всего она прямо выходила изъ дежурной комнаты, черезъ обѣденную залу въ дворцовую церковь, куда она приглашала также великаго князя, своего сына, или внука, когда великаго князя-отца не было тамъ, и слушала обѣдню съ антресолей внутреннихъ аппартаментовъ, одно окно которыхъ выходило въ алтарь церкви. 2 ноября, императрица пошла къ обѣднѣ черезъ кавалергардскую залу. Она была въ траурѣ по королевѣ португальской и выглядѣла лучше, чѣмъ все послѣднее время. Послѣ обѣдни императрица довольно долго оставалась въ тронной залѣ. Г-жа Лебренъ только что окончила портретъ во весь ростъ великой княгини Елисаветы, который она въ этотъ день представила императрицѣ. Ея величество велѣла помѣстить его въ тронной залѣ; она долго его разсматривала, изучала во всѣхъ подробностяхъ и высказывала о немъ свое мнѣніе въ бесѣдѣ съ лицами, приглашенными въ этотъ день къ ея столу. Затѣмъ состоялся большой обѣдъ, какъ это было принято по воскресеньямъ. Среди приглашенныхъ находились великіе князья Александръ и Константинъ, а также и ихъ супруги. Это былъ не только послѣдній день, когда великіе князья съ супругами обѣдали у ея величества, но и послѣдній разъ, когда она ихъ видѣла. Они получили приказъ не являться къ ней вечеромъ. Въ понедѣльникъ 3-го и во вторникъ 4-го числа, великій князь Александръ и великая княгиня Елисавета были въ оперѣ. Въ среду 5-го числа, въ 11 часовъ утра, когда великій князь отправился гулять съ однимъ изъ князей Чарторижскихъ, за нимъ, съ величайшей поспѣшностью, прислали отъ графа Салтыкова къ великой княгинѣ Елисаветѣ. Графъ Салтыковъ просилъ ее сообщить ему, не знаетъ ли она, гдѣ находится великій князь. Великая княгиня не знала этого. Немного спустя, великій князь явился къ ней крайне взволнованный извѣстіемъ, полученнымъ отъ графа Салтыкова, который посылалъ отыскивать его во всѣхъ уголкахъ Петербурга: онъ уже зналъ, что императрица почувствовала себя дурно, и что графъ Николай Зубовъ посланъ въ Гатчину. Великій князь Александръ такъ же, какъ и великая княгиня Елисавета, былъ подавленъ этой новостью; оба они провели день въ невыразимой тоскѣ. Въ 5 часовъ вечера великій князь Александръ, съ трудомъ сдерживавшій до тѣхъ поръ первое движеніе

сердца, получилъ позволеніе графа Салтыкова пойти въ комнату императрицы. Въ этомъ утѣшеніи ему сперва было отказано безъ всякой видимой причины, но о мотивахъ этого запрещенія легко догадаться, зная характеръ графа Салтыкова. При жизни государыни ходилъ весьма распространенный слухъ о томъ, что ея величество лишитъ своего сына права престолонаслѣдія и провозгласитъ своимъ наслѣдникомъ великаго князя Александра. Никогда я не была увѣрена въ томъ, чтобы императрица дѣйствительно имѣла эту мысль, но достаточно было однихъ этихъ слуховъ, чтобы графъ Салтыковъ вздумалъ запретить великому князю Александру входъ къ бабушкѣ до пріѣзда отца. Въ виду того, что великій князь-отецъ долженъ былъ вскорѣ пріѣхать, великій князь Александръ и великая княгиня Елисавета отправились къ императрицѣ въ 6-мъ часу вечера. Во внѣшнихъ аппартаментахъ встрѣчались только дежурные и прислуга съ грустными лицами.

Уборная, находившаяся передъ спальней, была переполнена лицами, предававшимися сдержанному отчаянію. Войдя въ слабо освѣщенную спальню, великій князь и великая княгиня увидали императрицу, лежавшую безъ сознанія на полу, на матрасѣ, огороженномъ ширмами. Въ ногахъ ея стояли г-жа Протасова, камеръ-фрейлина, и г-жа Алексѣева, одна изъ первыхъ камеръ-фрау; ихъ рыданія вторили страшному хрипѣнію государыни. Это были единственные звуки, нарушавшіе глубокое безмолвіе. Великій князь Александръ и его супруга оставались тамъ недолго. Они были глубоко тронуты. Ихъ высочества прошли черезъ аппартаменты императрицы, и по внушенію своего добраго сердца великій князь отправился къ князю Зубову, жившему рядомъ. Такъ какъ та же галлерея вела къ великому князю Константину, то великая княгиня Елисавета пошла къ своей невѣсткѣ. Имъ нельзя было оставаться долго вмѣстѣ: слѣдовало готовиться къ встрѣчѣ великаго князя-отца. Онъ пріѣхалъ къ семи часамъ и, не зайдя къ себѣ, остановился съ супругой своей въ аппартаментахъ императрицы. Павелъ видѣлся только съ своими сыновьями: невѣстки его получили приказаніе оставаться у себя. Комната императрицы наполнилась тотчасъ же лицами, преданными великому князю-отцу; то были, по большей части, люди, взятые изъ ничтожества, которымъ ни таланты, ни рожденіе не давали права претендовать на мѣста и на милости, о которыхъ они уже мечтали. Толпа увеличивалась въ пріемныхъ все болѣе и болѣе. Гатчинцы (такъ называли лицъ, о которыхъ я только что говорила) бѣгали, толкали придворныхъ, спрашивавшихъ себя съ удивленіемъ, что это за остготы, одни только имѣвшіе право входа во внутреніе покои, тогда какъ прежде ихъ не видывали даже въ пріемныхъ.

Великій князь Павелъ устроился въ кабинетѣ, рядомъ со спальней своей матери, такъ что всѣ, кому онъ отдавалъ приказанія, проходили, направляясь въ кабинетъ и обратно, мимо еще дышавшей

императрицы, какъ будто бы ея уже не существовало. Это крайнее неуваженіе къ особѣ государыни, это забвеніе священныхъ чувствъ, возмутительное по отношенію даже къ послѣднему изъ подданныхъ, взволновало всѣхъ и выставило въ дурномъ свѣтѣ великаго князя-отца, который допустилъ это.

Ночь прошла такимъ образомъ. Былъ моментъ, когда появилась надежда, что врачебныя средства произведутъ свое дѣйствіе, но скоро эта надежда была потеряна.

Великая княгиня Елисавета провела ночь одѣтой, ожидая съ минуты на минуту, что за ней пришлютъ. Графиня Шувалова приходила и уходила. Каждую минуту доставляемы были свѣдѣнія о состояніи, въ которомъ находилась императрица. Великій князь Александръ не возвращался домой со времени пріѣзда своего отца. Около трехъ часовъ утра онъ вошелъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ къ великой княгинѣ Елисаветѣ. Они уже облеклись въ форму батальоновъ великаго князя отца, служившихъ въ царствованіе Павла образцомъ, по которому преобразовали всю армію. Иногда ничтожныя обстоятельства имѣютъ болѣе важныя послѣдствія, чѣмъ другія, болѣе серьезныя. Видъ этихъ мундировъ, которые не допускались нигдѣ, внѣ предѣловъ Павловска и Гатчины, и которые великая княгиня до сихъ поръ видѣла на своемъ супругѣ только тогда, когда онъ надѣвалъ ихъ тайкомъ, — потому что императрица не любила, чтобы внуки ея учились прусскому капральству,—видъ этихъ мундировъ, надъ которыми великая княгиня тысячу разъ насмѣхалась, уничтожилъ въ эту минуту послѣднюю иллюзію, которую она старалась еще сохранить. Великая книгиня разразилась слезами: это были первыя слезы, которыя она могла наконецъ пролить. Ей казалось, что изъ тихаго, радостнаго, надежнаго убѣжища она была внезапно перенесена въ крѣпость. Появленіе великихъ князей было непродолжительно. Къ утру дамы получили приказаніе надѣть русское платье: это значило, что кончина государыни приближается. Однако весь день прошелъ еще въ ожиданіи. Императрица была въ жестокой и продолжительной агоніи, ни на минуту не приходя въ сознаніе. 6-го числа, въ 11 часовъ вечера, пришли за великой княгиней Елисаветой и ея невѣсткой, бывшей у нея: императрицы Екатерины уже не было въ живыхъ. Великія княгини прошли сквозь толпу, почти не замѣчая окружающаго. Великій князь Александръ встрѣтилъ ихъ и сказалъ, чтобъ онѣ стали на колѣна, цѣлуя руку новаго императора. У входа въ спальню онѣ нашли государя и императрицу Марію. Привѣтствовавъ ихъ, великіе князья съ супругами должны были пройти черезъ спальню мимо останковъ императрицы, не останавливаясь, и войти въ смежный кабинетъ, гдѣ застали молодыхъ великихъ княженъ въ слезахъ. Въ это время императрица Марія дѣятельно и съ полнымъ присутствіемъ духа занялась одѣваніемъ почившей императрицы и уборкой ея

комнаты. Усопшую положили на постель и одѣли въ домашнее платье. Императорское семейство присутствовало на панихидѣ, которая отслужена была въ самой спальнѣ, и, поцѣловавъ руку почившей, отправилось въ дворцовую церковь, гдѣ императоръ принималъ присягу въ вѣрности. Печальная церемонія окончилась только къ двумъ часамъ утра.

Рѣдко случается, чтобы перемѣна царствованія не возбудила бо́льшихъ или меньшихъ перемѣнъ въ участи частныхъ лицъ, но перемѣны, которыхъ ожидали при восшествіи императора Павла, внушали всѣмъ страхъ, такъ какъ всѣ хорошо знали его характеръ.

Хотя у Павла были всѣ данныя быть великимъ государемъ и однимъ изъ самыхъ обаятельныхъ людей въ имперіи, но онъ достигалъ только того, что возбуждалъ страхъ и заставлялъ всѣхъ себя чуждаться. Въ молодости путешествія, свѣтскія удовольствія, масса мелочей, въ которыхъ онъ находилъ себѣ удовлетвореніе, заставляли его забывать непріятную роль, которую онъ вынужденъ былъ играть, благодаря своему ничтожному политическому значенію, но, съ годами, онъ началъ чувствовать ее сильнѣе. Павелъ обладалъ пылкой душой, умомъ дѣятельнымъ, но его характеръ, отъ природы впечатлительный и вспыльчивый, вслѣдствіе бездѣятельности, мало-по-малу ожесточился, сдѣлался подозрительнымъ, суровымъ и мелочнымъ. Павелъ почти совершенно уединился, проводилъ только три зимніе мѣсяца при дворѣ своей матери, а остальное время находился въ Павловскѣ или въ Гатчинѣ, въ своихъ загородныхъ дворцахъ. Изъ морскихъ батальоновъ, которые находились подъ главнымъ его начальствомъ, какъ генералъ-адмирала, онъ образовалъ себѣ пѣхоту, которую обучалъ по прусскому образцу. Во всѣхъ мѣстахъ, находившихся въ его вѣдѣніи, Павелъ ввелъ не только среди военныхъ, но даже и при своемъ дворѣ, самую суровую дисциплину: опозданіе на одну минуту часто наказывалось арестомъ; большая или меньшая тщательность въ прическѣ мужчинъ часто служила поводомъ къ ихъ изгнанію или къ фавору; къ нему нужно было представляться не иначе, какъ въ костюмѣ временъ Петра III (de leurs ayeuls). Тѣ, къ которымъ императрица благоволила, не пользовались расположеніемъ великаго князя: вслѣдствіе этого Павла избѣгали, насколько то допускалъ его санъ. Тогда, впрочемъ, боялись только вспышекъ и выговоровъ, но, при его восшествіи на престолъ, всѣ, у кого не было особенной причины разсчитывать на его милость, ожидали для себя самаго худшаго, потому что онъ часто ко многимъ чувствовалъ отвращеніе безъ всякаго видимаго повода, но выказывалъ это лишь при случаѣ, такъ что такую немилость часто приписывали одному только капризу. Хотя онъ и выражалъ по отношенію къ своей матери, иногда неосновательно, чувство отчужденія, но когда увидалъ ее распростертую, безъ движенія, то выказалъ глубокую чувствительность. Однако его несчастный характеръ обнаружился уже черезъ

нѣсколько минутъ. Первыя должности при дворѣ были замѣщены новыми лицами, точно по мановенію волшебнаго жезла. Все, что въ теченіе 34 лѣтъ дѣлало царствованіе Екатерины II столь славнымъ, рухнуло безвозвратно. Князь Барятинскій, гофмаршалъ двора, былъ сосланъ, какъ одинъ изъ виновниковъ революціи 1762 г. Графъ Алексѣй Орловъ дрожалъ, какъ преступникъ, но опала его ограничилась лишь высылкой его спустя нѣкоторое время.

Посреди ссылокъ, всякаго рода метаморфозъ и новыхъ назначеній, состоявшихся въ то время, случались и смѣшные эпизоды. Г. Турчаниновъ былъ секретаремъ императрицы Екатерины, которому она поручила наблюдать надъ зданіями, находившимися въ ея личномъ владѣніи [1]). Этотъ человѣкъ, низенькаго роста, былъ такъ гибокъ и низкопоклоненъ, что казался оттого вдвое меньше. Когда императрица Екатерина давала ему приказанія, гуляя въ саду Царскаго Села, Турчаниновъ, желая выразить ей почтеніе, до того сгибался, что ея величество, которая сама была небольшого роста, вынуждена сама была наклоняться для разговора съ нимъ. Говорили, что Турчаниновъ набивалъ себѣ карманы. Я не знаю, правда ли это, но императоръ Павелъ, при вступленіи на престолъ, выказалъ къ нему нерасположеніе, котораго нельзя было ожидать, такъ какъ у него не было съ нимъ ранѣе никакихъ столкновеній. Государь велѣлъ Турчанинову оставить Петербургъ и никогда не появляться ему на глаза. Турчаниновъ исполнилъ это приказаніе такъ хорошо, что никто не зналъ, когда и какъ онъ выбылъ изъ города. Никто не видалъ его ни у одной заставы, никто не зналъ, куда онъ отправился, и, съ этой минуты, никто въ Петербургѣ не слышалъ о немъ.

Вступивъ на престолъ, императоръ Павелъ совершилъ нѣсколько актовъ справедливости и благотворительности. Повидимому, онъ желалъ только счастія своей имперіи: онъ обѣщалъ, что наборъ рекрутовъ будетъ отложенъ на нѣсколько лѣтъ, старался уничтожить злоупотребленія, допущенныя въ послѣдніе годы царствованія императрицы. Павелъ выказывалъ чувства возвышенныя и благородныя, но онъ самъ повредилъ себѣ, стараясь бросить тѣнь на добрую память императрицы, своей матери. Первымъ дѣйствіемъ императора было приказаніе совершить заупокойную службу въ Невской лаврѣ у гробницы своего отца, императора Петра III. Павелъ присутствовалъ на ней со всей своей семьей и всѣмъ дворомъ и пожелалъ, чтобы гробъ былъ открытъ въ его присутствіи. Въ немъ нашли только кости, которымъ императоръ приказалъ воздать поклоненіе. Затѣмъ Павелъ далъ повелѣніе устроить великолѣпныя похороны и, среди всевозможныхъ церемоній, религіозныхъ и военныхъ, велѣлъ

---

[1]) Турчаниновъ, Петръ Ивановичъ, генералъ-поручикъ, управлялъ конторою строеній послѣ И. И. Бецкаго, находясь при собственныхъ ея величества дѣлахъ, р. 1737, ум. 18...

перенести гробъ во дворецъ, а самъ пѣшкомъ слѣдовалъ за нимъ и заставилъ графа Алексѣя Орлова сопровождать его, возложивъ на него обязанности при этой церемоніи. Все это произошло въ теченіе трехъ недѣль послѣ кончины императрицы.

За двѣ недѣли до этого поступка, взволновавшаго всѣхъ, я назначена была на дежурство къ тѣлу моей государыни. Его должны были перенести въ тронную залу. Я вошла въ залу, находившуюся рядомъ съ дежурной комнатой. Мнѣ было бы невозможно выразить разнообразіе моихъ ощущеній и горе, поразившее мою душу. Я искала глазами нѣсколько лицъ, на выраженіи которыхъ сердце мое могло бы отдохнуть. Императрица Марія ходила взадъ и впередъ, отдавала приказанія и распоряжалась церемоніей.

Смерть имѣетъ нѣчто торжественное: это поражающая истина, которая должна бы погасить страсти; ея острая коса подкашиваетъ насъ; однихъ подкосила она вчера, другихъ подкоситъ сегодня или завтра. Это завтра иногда такъ отдаленно, а иногда такъ неожиданно!

Я пришла въ тронную залу и сѣла у стѣны, противъ трона. Въ трехъ шагахъ отъ меня находился каминъ, о который оперся камеръ-лакей Екатерины II; его горе и отчаяніе вызвали мои слезы: онѣ облегчили меня.

Все было обтянуто чернымъ: потолокъ, стѣны, полъ. Блестящій огонь въ каминѣ одинъ лишь освѣщалъ эту комнату скорби. Кавалергарды, съ ихъ красными колетами и серебряными касками, размѣстились группами, опираясь на свои ружья или отдыхая на стульяхъ. Тяжелое молчаніе царило повсюду, его нарушали лишь рыданія и вздохи. Нѣкоторое время я стояла у дверей. Подобное зрѣлище гармонировало съ моимъ душевнымъ настроеніемъ. Въ горѣ контрасты ужасны: они растравляютъ нашу скорбь, дѣлаютъ ее болѣе острой. Его горечь смягчается лишь тогда, когда встрѣчаешь что либо похожее на муку, которую самъ испытываешь. Минуту спустя, обѣ половинки двери открылись: появились всѣ придворные чины въ самомъ глубокомъ трауръ, медленно проходили черезъ залу и приблизились къ тѣлу почившей императрицы, которая положена была въ спальнѣ. Раздавшееся погребальное пѣніе вывело меня изъ задумчиваго состоянія, въ которое я была погружена при этомъ зрѣлищѣ смерти. Увидала я духовенство, свѣтильники, хоръ и императорскую фамилію, сопровождавшую тѣло государыни: его несли на великолѣпныхъ носилкахъ, прикрытыхъ императорской мантіей, концы которой поддерживали первые чины двора. Едва увидала я свою царицу, какъ сильная дрожь овладѣла мной, выступили на глазахъ слезы, и рыданія мои перешли въ невольные крики. Императорская фамилія стала впереди, меня и въ это время, несмотря на торжественность минуты, г. Аракчеевъ, приближенное лицо, взятое императоромъ изъ ничтожества и сдѣлавшееся выразителемъ его мелочной строгости, сильно толкнулъ меня, сказавъ, чтобъ я замолчала

Горе мое было слишкомъ велико, чтобы какое либо постороннее чувство могло овладѣть мною: этотъ поступокъ, по меньшей мѣрѣ невѣжливый, не сдѣлалъ на меня никакого впечатлѣнія. Господь въ своемъ милосердіи ниспослалъ мнѣ минуту кротости, глаза мои встрѣтились съ глазами великой княгини Елисаветы: въ ихъ выраженіи нашла я утѣшеніе для своей души. Ея высочество тихо подошла ко мнѣ, за спиной протянула мнѣ руку и пожала мою. Началась служба. Молитвы укрѣпили во мнѣ твердость духа, смягчивъ мое сердце. По окончаніи церемоніи вся императорская фамилія подходила поочередно къ усопшей, дѣлала земной поклонъ и цѣловала ея руку. Затѣмъ всѣ удалились. Священникъ сталъ противъ трона для чтенія Евангелія. Шесть кавалергардовъ были поставлены вокругъ. Я вернулась домой, проведя двадцать четыре часа на дежурствѣ, утомленная тѣломъ и духомъ.

Нѣсколькихъ дней достаточно было дать почувствовать всю глубину совершившейся перемѣны: справедливая свобода каждаго была скована терроромъ. Болѣе строгій этикетъ и лицемѣрные знаки уваженія не дозволяли даже вздохнуть свободно: при встрѣчѣ съ императоромъ на улицѣ (что̀ случалось ежедневно) надо было не только останавливаться, но и выходить изъ кареты въ какую бы то ни было погоду; на все, не исключая даже и шляпъ, наложенъ былъ родъ регламентаціи. Изъ 4 гвардейскихъ полковъ, не имѣвшихъ со времени Петра другого полковника, кромѣ своего государя, два пѣхотныхъ полка были поручены великимъ князьямъ Александру и Константину, которые были именованы ихъ полковниками; конногвардейцы считались полкомъ великаго князя Николая, находившагося еще въ колыбели; императоръ сохранилъ за собою одинъ только Преображенскій полкъ, котораго онъ былъ шефомъ. Съ этой минуты великіе князья должны были исполнять обязанность капраловъ. Надо было реорганизовать полки по образцу гатчинскихъ батальоновъ, которые вошли въ ихъ составъ, и трудъ этотъ былъ не маловажный. По обыкновенію, молодые люди аристократическихъ семействъ начинали свою карьеру въ гвардіи, потому что служба эта была номинальной; они даже рѣдко носили военный мундиръ, а между тѣмъ подвигались въ чинахъ, предаваясь развлеченіямъ петербургской жизни. Но съ восшествіемъ на престолъ Павла служба эта сдѣлалась дѣйствительной и даже очень строгой: дѣло оканчивалось ссылкой или крѣпостью, если не умѣли носить эспантона, не были по формѣ одѣты и причесаны. Можно представить себѣ, какъ много надо было приложить труда, чтобы переформировать по-новому цѣлый полкъ! Съ этой утомительной обязанностію князь Александръ соединялъ еще должность военнаго губернатора Петербурга, такъ что въ первое время у него едва было нѣсколько часовъ для отдыха, и то ночью, потому что, кромѣ того, въ теченіе дня часто приходилось удѣлять время на представительство. Императоръ послалъ фельд-

маршалу Суворову приказъ обмундировать всю армію по-новому; Суворовъ повиновался, доложивъ тѣмъ не менѣе, что букли не пушки, а коса не тесакъ. Въ этомъ смѣшеніи строгостей, мелочей и требованій у императора встрѣчались высокія и рыцарскія понятія. Въ Павлѣ были два совершенно различныя существа. Голова его представляла лабиринтъ, въ которомъ разсудокъ запутывался. Душа его была прекрасна и исполнена добродѣтелей, и, когда онѣ брали верхъ, дѣла его были достойны почтенія и восхищенія. Надо отдать ему справедливость: Павелъ былъ единственный государь, искренно желавшій возстановить престолы, потрясенные революціей; онъ одинъ также полагалъ, что законность должна быть основаніемъ порядка.

Недѣлю спустя послѣ только что упомянутаго дежурства у гроба въ тронной залѣ, я была снова назначена на дежурство въ большой залѣ, въ которой обыкновенно даются балы. Посреди ея воздвигнутъ былъ катафалкъ. Онъ имѣлъ форму ротонды съ приподнятымъ куполомъ. Императрица лежала въ открытомъ гробѣ съ золотой короной на головѣ. Императорская мантія покрывала ее до шеи. Вокругъ горѣло шесть большихъ паникадилъ; у гроба священникъ читалъ Евангеліе. За колоннами, на ступеняхъ, стояли кавалергарды, печально опершись на свое оружіе. Зрѣлище было прекрасно, религіозно, внушительно. Но гробъ съ останками Петра III, поставленный рядомъ, возмущалъ душу. Это оскорбленіе, которое даже и могила не могла устранить, это святотатство сына относительно матери дѣлало горе раздирающимъ. Къ счастію для меня, я дежурила съ госпожей Толстой, сердца наши были настроены на одинъ ладъ, и мы пили до дна изъ одной и той же чаши горести. Другія дамы, бывшія на дежурствѣ съ нами, смѣнялись каждые два часа, а мы просили позволенія не отлучаться отъ тѣла, и это было намъ разрѣшено безъ затрудненій. Темнота еще болѣе усиливала впечатлѣніе, производимое этимъ зрѣлищемъ, смыслъ котораго проявлялся во всей своей очевидности. Крышка отъ гроба императрицы лежала на столѣ у стѣны, параллельно катафалку. Графиня Толстая такъ же, какъ и я, была въ самомъ глубокомъ траурѣ. Наши креповые вуали ниспадали до земли. Мы облокотились на крышку этого послѣдняго жилища, къ которой я невольно прижималась: я ощущала желаніе смерти, какъ будто бы это была потребность любви. Божественныя слова Евангелія проникали мнѣ въ душу. Все вокругъ меня казалось ничтожествомъ. Въ душѣ моей былъ Богъ, а передъ глазами—смерть. Долгое время я оставалась почти въ безсознательномъ состояніи, закрывъ лицо руками. Поднявъ голову, я увидѣла графиню Толстую, ярко освѣщенную луной черезъ окна второго этажа. Этотъ свѣтъ, тихій и спокойный, составлялъ дивный контрастъ съ источникомъ свѣта, сосредоточеннымъ среди печальной обстановки, составлявшей какъ бы подобіе храма. Вся остальная часть этой роскошной галлереи была въ тѣни и въ потьмахъ. Въ восемь или въ девять ча-

совъ вечера, императорское семейство приблизилось къ гробу медленными шагами, поклонилось въ землю передъ гробомъ усопшей и удалилось въ томъ же порядкѣ и въ самомъ глубокомъ молчаніи. Часъ или два спустя, пришли горничныя покойной императрицы. Онѣ цѣловали ея руку и едва могли отъ нея оторваться. Крики, рыданія, обмороки прерывали временами торжественное спокойствіе, царствовавшее въ залѣ: всѣ приближенныя къ императрицѣ лица боготворили ее. Трогательныя молитвы признательности возносились за нее къ небесамъ. Когда стало разсвѣтать, я была тѣмъ опечалена. Съ горестью видѣла я приближеніе конца моего дежурства. Съ трудомъ отрываемся мы отъ останковъ тѣхъ, кто былъ для насъ дорогъ.

Тѣло императрицы и гробъ Петра III были перенесены въ крѣпость. Послѣ заупокойной обѣдни они были погребены въ усыпальницѣ своихъ предковъ.

Тотчасъ по окончаніи погребальнаго обряда, всѣ придворные чины получили приказаніе явиться ко двору. Всѣ собрались въ траурной залѣ кавалергардовъ. Трепетавшіе мужчины и дамы (trembleurs et trembleuses) рѣшили, что слѣдуетъ цѣловать руку императора, склоняясь до земли; это показалось мнѣ весьма страннымъ. Когда императоръ и императрица вошли, начались такія присѣданія, что императоръ не успѣвалъ поднимать этотъ новый родъ карточныхъ капуциновъ. Я была этимъ возмущена и, когда пришла моя очередь, поклонилась, какъ кланялась обыкновенно, и только сдѣлала видъ, будто взяла руку его величества, которую онъ поспѣшно отдернулъ. Въ быстротѣ этого движенія поцѣлуй его на моей щекѣ прозвучалъ такъ громко, что императоръ разсмѣялся; онъ меня сильно покололъ бородой, которой, вѣроятно, не брилъ въ тотъ день. Я была слишкомъ огорчена и не замѣтила смѣшной стороны этой сцены. Пожилыя дамы побранили меня, зачѣмъ я не подражала ихъ низкопоклонству. Я сказала имъ: «Никто не уважалъ Екатерины II такъ глубоко, какъ я: если я даже передъ ней не раболѣпствовала, то не могла и не должна была этого дѣлать передъ ея сыномъ». Не знаю, почувствовали ли онѣ, насколько слова мои были справедливы, но дѣло въ томъ, что вскорѣ затѣмъ присѣданія до земли были отмѣнены.

Вскорѣ по восшествіи императора Павла на престолъ мужъ мой просилъ у императора разрѣшенія путешествовать, но его величество отказалъ ему въ этомъ самымъ любезнымъ образомъ, поручивъ ему сказать, что государь желалъ бы сохранить при своемъ сынѣ такихъ честныхъ людей, какъ онъ. Его величество назначилъ моего мужа гофмейстеромъ при дворѣ великаго князя Александра, а графъ Толстой былъ произведенъ въ гофмаршалы. Я отправилась благодарить императора въ день куртага (во Франціи день этотъ назывался когда-то appartement). Придворные и городскіе чины уже были собраны въ георгіевскомъ залѣ. По прибытіи своемъ, ихъ императорскія величества, проходя по одной изъ залъ, бывшихъ

на ихъ пути, застали тамъ всѣхъ желавшихъ принести имъ свою благодарность. Старая графиня Матюшкина, оберъ-гофмейстерина и статсъ-дама [1]), должна была представлять и называть дамъ по фамиліи. По ошибкѣ она назвала меня m-me Козицкой. Я остановилась и сказала ей: «Вы ошибаетесь, графиня, я графиня Головина». Это случилось какъ разъ передъ императоромъ, и строгій видъ его пропалъ. Когда мы присоединились къ обществу, императрица подошла ко мнѣ и сказала: «Хотя васъ сейчасъ неправильно назвали, madame, я васъ тотчасъ узнала».—«Я всегда буду счастлива,—отвѣчала я,—когда вашему величеству угодно будетъ узнавать меня». Императрица повернулась ко мнѣ спиной и ушла. Г-жа Гурьева [2]), стоявшая около меня, сказала: «Боже мой, какъ это вы рѣшаетесь такъ отвѣчать, дорогая моя?»—«Потому что я не такъ боюсь, какъ вы».

На этомъ же самомъ куртагѣ я услыхала очень замѣчательный отвѣтъ императора. Княгиня Долгорукая [3]) еще ранѣе просила о помиловании своего отца, князя Барятинскаго, но его величество отказалъ ей въ томъ. Она попросила г-жу Нелидову [4]) принять въ ней участіе. M-lle Нелидова обѣщала ей свою протекцію. Я стояла позади ихъ обѣихъ, когда княгиня возобновила свои убѣдительныя просьбы, чтобы г-жа Нелидова походатайствовала за нее у императора. Его величество подошелъ вскорѣ къ m-lle Нелидовой, которая заговорила ему о княгинѣ Долгорукой, какъ о дочери, страдающей отъ несчастія своего отца. Императоръ отвѣчалъ: «Я также имѣлъ отца, сударыня».

---

[1]) Графиня Анна Алексѣевна, пожалованная въ статсъ-дамы въ 1762 году, 22 сентября, въ день коронованія императрицы Екатерины и чрезъ пять дней по восшествіи Павла на престолъ—въ оберъ-гофмейстерины, р. 1722 г., ум. 1804 г. Отъ супружества съ т. с. гр. Дм. Михайл. Матюшкинымъ имѣла дочь Софію (ум. 1796), въ замужествѣ за гр. Юр. Мих. Віельгорскимъ.

[2]) Прасковья Николаевна Гурьева, урожд. Салтыкова (ум: 1830 г.), въ замужествѣ за Дмитріемъ Александровичемъ Гурьевымъ, получившимъ впослѣдствіи графскій титулъ и бывшимъ министромъ финансовъ при Александрѣ I.

[3]) Кн. Екатерина Өеодоровна, дочь Өеодора Сергѣевича Барятинскаго, пособника при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины, находившагося въ Ропшѣ во время кончины Петра III.

[4]) Екатерина Ивановна Нелидова (1758—1839), фрейлина, другъ императора Павла.

XIII.

Образъ жизни великаго князя Александра.—Лица, приближенныя ко двору императора Павла.—Г-жа Нелидова.—Привязанность къ ней императора.—Сближеніе съ ней императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Значеніе Нелидовой при дворѣ.—Положеніе великой княгини Елисаветы Алексѣевны.—Король польскій Станиславъ.—Путешествіе двора въ Москву.—Приготовленія къ коронаціи.—Чувства великой княгини Елисаветы.

Я болѣе не видала великой княгини Елисаветы. Мои пожеланія, моя сильная привязанность къ ней,—все осталось неизмѣннымъ; но великій князь Александръ воспользовался нерасположеніемъ императрицы-матери ко мнѣ, чтобы отнять у меня всякую возможность видѣть великую княгиню и быть съ нею въ сношеніяхъ. Это было бы трудно для меня даже и при большемъ желаніи: сверхъ безчисленныхъ занятій, которыми великій князь былъ осажденъ, всѣ привычки его и великой княгини совершенно измѣнились впродолженіе этой первой зимы. Не было установленнаго порядка: день проводили насторожѣ и въ ожиданіи. Еще до разсвѣта великій князь былъ въ пріемной императора, и часто случалось, что ранѣе онъ пробылъ уже часъ въ казармахъ своего полка. Парадъ и ученіе занимали все утро. Онъ даже обѣдалъ одинъ съ великой княгиней, лишь иногда съ однимъ или двумя посторонними лицами. Послѣ обѣда слѣдовали вновь или посѣщенія казармъ, или осмотръ карауловъ, или исполненіе приказаній государя. Въ семь часовъ надо было отправляться въ пріемную его величества и дожидаться его тамъ, хотя онъ появлялся иногда только къ девяти часамъ, къ самому ужину. Послѣ ужина великій князь Александръ отправлялся представлять свой военный рапортъ императору. Въ ожиданіи его возвращенія великая княгиня Елисавета присутствовала при ночномъ туалетѣ императрицы, которая удерживала ее у себя, пока великій князь Александръ, выходя отъ императора, приходилъ къ матери пожелать ей покойной ночи и отвести великую княгиню къ себѣ. Измученный дневными занятіями, онъ былъ очень радъ возможности прилечь, и часто случалось, что великая княгиня оставалась одна печально сравнивать тихую свободу, простоту и увеселенія прошлаго царствованія съ стѣснительными порядками настоящаго.

Кромѣ императорскаго семейства, общество, наполнявшее дворъ ежедневно, состояло изъ нѣсколькихъ придворныхъ и лицъ, бывшихъ приближенными къ императору, въ бытность еще великимъ кня-

земъ, а именно гг. Плещеева [1]), Кушелева [2]), Донаурова [3]). Императоръ вызвалъ также изъ Москвы г. Измайлова, одного остававшагося изъ всѣхъ приближенныхъ къ Петру III [4]). Государь произвелъ его въ генералъ-адъютанты и пожаловалъ ему большія отличія. Дамы были слѣдующія: г-жа Протасова, сохранившая свое положеніе при дворѣ, г-жа Нелидова, г-жа Бенкендорфъ, вновь приглашенная въ Петербургъ со времени примиренія, происшедшаго между императрицей и г-жей Нелидовой, а также гофмейстерины великихъ княгинь и дежурныя фрейлины. При дворѣ ежедневно бывали также два иностранца: графъ Дитрихштейнъ, командированный вѣнскимъ дворомъ для поздравленія его величества съ восшествіемъ на престолъ, и г. Клингспоръ, явившійся съ тѣмъ же порученіемъ отъ шведскаго двора. Часто ужины внезапно прерывались извѣстіемъ о пожарѣ. Въ началѣ своего царствованія императоръ Павелъ, въ какомъ бы часу дня или ночи это ни было, никогда не пропускалъ случая присутствовать на всѣхъ городскихъ пожарахъ. Сыновья его и всѣ, носившіе мундиръ, слѣдовали за нимъ, а дамы съ остальнымъ обществомъ оканчивали ужинъ.

Императоръ строго придерживался этикета. Глубокій трауръ не допускалъ ни баловъ, ни спектаклей, никакихъ удовольствій, кромѣ малыхъ собраній, офиціальныхъ пріемовъ, небольшихъ игръ и ужиновъ. Дворъ часто ѣздилъ въ Смольный монастырь, сдѣлавшійся очень интереснымъ мѣстомъ, благодаря обстоятельствамъ, о которыхъ я упомяну далѣе. Это учрежденіе основано было императрицей Елисаветой, дочерью Петра I: говорятъ, будто она имѣла намѣреніе окончить дни свои въ этомъ монастырѣ. Императрица Екатерина образовала изъ него воспитательное общество для благородныхъ дѣвицъ и много имъ занималась въ первые годы своего царствованія, но впослѣдствіи она менѣе обращала на него вниманія; императоръ Павелъ, по восшествіи своемъ на престолъ, поручилъ управленіе имъ своей супругѣ. Тамъ, съ первыхъ дней этого царствованія, состоялось замѣчательное примиреніе двухъ достопамятныхъ лицъ. Имратрица Марія, будучи великой княгиней, имѣла въ своей свитѣ фрейлину, m-lle Нелидову. M-lle Нелидова была маленькаго роста, некрасива, съ темнымъ цвѣтомъ лица, съ маленькими, узенькими гла-

---

[1]) Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, другъ императора Павла и императрицы Маріи, вице-адмиралъ и почетный опекунъ, род. 1751, ум. 1802 г.

[2]) Григорій Григорьевичъ, впослѣдствіи графъ, адмиралъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, род. 1754, ум. 1833 г.

[3]) Михаилъ Ивановичъ Донауровъ, секретарь и библіотекарь при Павлѣ, управлялъ его кабинетомъ, впослѣдствіи сенаторъ, дѣствит. тайный совѣтн., род. 1754, ум. 1817 г.

[4]) Измайловъ, Петръ Ивановичъ, приверженецъ Петра III, при воцареніи Екатерины, уволенъ былъ въ отставку съ чиномъ полковника, 19 ноября 1796 года. Павелъ пожаловалъ его дѣйств. тайн. совѣтн., ум. 1807 г.

зами, съ широкимъ ртомъ и съ длинной таліей на короткихъ ножкахъ; все это, вмѣстѣ взятое, не представляло очень привлекательной внѣшности, но у нея было много ума и способностей, между прочимъ, большой сценическій талантъ. Великій князь Павелъ, долго смѣявшійся надъ ней, влюбился въ нее, увидавъ ее въ роли Зины въ «Сумасшествіи отъ любви». Это было въ то время, когда онъ еще любилъ свѣтъ, и у него часто бывали любительскіе спектакли.

Но надо изложить предшествовавшія обстоятельства, чтобы объяснить источникъ этой интриги. Это было въ 1783 или въ 1784 г. Великій князь Павелъ особенно благосклонно относился къ камергеру, князю Голицыну [1]), человѣку очень ловкому, который сдружился съ m-lle Нелидовой и старался убѣдить великаго князя, что пора ему свергнуть иго своей супруги, прибавивъ, что онъ съ грустью видитъ, какъ имъ управляетъ великая княгиня Марія и другъ ея, г-жа Бенкендорфъ. При этомъ онъ умышленно преувеличилъ ихъ маленькія интриги. Великій князь поддался обману, и г-жа Нелидова сдѣлалась предметомъ его особеннаго вниманія. Чувство это вскорѣ превратилось въ страсть. Великая княгиня Марія сильно тѣмъ огорчилась. Она нисколько не скрывала своей ревности и сильно противилась супругу во всемъ, что касалось г-жи Нелидовой, которая была къ ней не особенно почтительна. Великая княгиня рѣшилась жаловаться императрицѣ, которая уговаривала сына, но напрасно, и наконецъ пригрозила ему удалить г-жу Нелидову. Князь Голицынъ опять воспользовался этой угрозой, чтобы возстановить великаго князя противъ его матери. Павелъ уѣхалъ въ свой гатчинскій дворецъ и кончилъ тѣмъ, что остался въ немъ всю зиму, пріѣзжая въ городъ только на самые важные праздники. Своимъ непріязненнымъ для m-lle Нелидовой образомъ дѣйствій великая княгиня ничего не выиграла, а, напротивъ, всѣ преданные ей люди были удалены отъ двора. Госпожа Бенкендорфъ была также удалена потому, что великій князь справедливо предполагалъ, что великая княгиня слѣдовала совѣтамъ своихъ друзей, а, будучи изолирована, скорѣе уступитъ его желаніямъ. Онъ не ошибся въ этомъ, и великая княгиня, лишенная поддержки, подчинилась всѣмъ самымъ унизительнымъ для себя обстоятельствамъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ произошла легкая ссора между великимъ княземъ и г-жей Нелидовой. Причиной тому была ревность: когда великій князь слегка заинтересовался, повидимому, другой фрейлиной своей супруги, г-жа Нелидова оставила дворъ и поселилась въ Смольномъ, въ которомъ она получила воспитаніе.

Въ такомъ положеніи было дѣло при восшествіи императора на престолъ. Въ первый визитъ свой въ Смольный императоръ при-

---

[1]) Кн. Николай Алексѣевичъ Голицынъ, впослѣдствіи тайный сов., сенаторъ, родился 1751 г., 1809.

мирился съ Нелидовой и велъ себя такъ хорошо, что сама императрица вынуждена была смотрѣть на нее, какъ на лучшаго своего друга, и, сообразно съ этимъ, относиться къ ней. Съ этого момента единеніе самое полное видимо установилось между императрицей и г-жей Нелидовой. Этимъ союзомъ съ новою своею подругой императрица укрѣпила свое вліяніе, и обѣ онѣ вмѣшивались во всѣ дѣла и во всѣ назначенія и въ особенности поддерживали другъ друга. Единеніе это было бы для всѣхъ удивительнымъ, если бы вскорѣ не стало яснымъ, что оно основывалось на личномъ интересѣ: безъ г-жи Нелидовой императрица не могла разсчитывать имѣть какое либо вліяніе на своего супруга, какъ это и было потомъ доказано; точно также и Нелидова, безъ императрицы, въ стремленіи своемъ вести себя всегда прилично, не могла бы играть при дворѣ той роли, которою она пользовалась, и нуждалась поэтому въ расположеніи императрицы, бывшемъ какъ бы защитой для ея репутаціи. Посѣщенія Смольнаго дворомъ сдѣлались весьма часты. Императрица была чрезвычайно рада видѣть дворъ въ учрежденіи, которымъ она управляла, а г-жѣ Нелидовой пріятно было доказать публикѣ, что именно ея присутствіе влекло туда императора, и что онъ охотно являлся туда потому, что г-жа Нелидова въ особенности любила это мѣсто. Вслѣдствіе всего этого, всѣ три заинтересованныя лица находили свои вечернія собранія прелестными, проводя ихъ часто исключительно въ бесѣдѣ другъ съ другомъ. Но остальная часть двора присутствовала тамъ лишь потому, что императоръ пріѣзжалъ всегда въ Смольный не иначе, какъ съ большою свитою. Великіе князья и великія княгини проводили тамъ время смертельно скучно. Иногда молодыя воспитанницы давали концерты, иногда онѣ танцовали, но часто время проходило въ полномъ ничегонедѣланіи.

Можно представить себѣ, какъ тяжело отозвались на великой княгинѣ Елисаветѣ новыя условія жизни. Къ тому же она иногда подвергалась обращенію и вспышкамъ, которыхъ до того никогда и во снѣ не видала. Я приведу только два примѣра. Извѣстно, что одинъ изъ самыхъ важныхъ проступковъ въ глазахъ императора было опозданіе. Однажды вечеромъ, когда была назначена поѣздка въ Смольный, обѣ великія княгини, одѣтыя и совершенно готовыя сѣсть немедленно въ карету, дожидались въ комнатахъ великой княгини Елисаветы, когда за ними придутъ. Онѣ поспѣшили отправиться къ императору, какъ скоро получили отъ него приглашеніе. Какъ только государь вошелъ, онъ взглянулъ на нихъ пристально и гнѣвно и сказалъ императрицѣ, указывая на великихъ княгинь: «Вотъ поступки, которые не полагаются; это привычки прошлаго царствованія, но онѣ не изъ лучшихъ. Снимите, mesdames, ваши шубы и надѣвайте ихъ не иначе, какъ въ передней». Это было сказано сухимъ и обиднымъ тономъ, свойственнымъ императору, когда

онъ бывалъ не въ духѣ. Второй примѣръ въ томъ же родѣ случился въ Москвѣ, въ самый день коронаціи. Всѣ были въ полномъ парадѣ: въ первый разъ появились придворныя платья (замѣнившія національный костюмъ, принятый при Екатеринѣ II). Для пополненія своего костюма великая княгиня Елисавета артистически перемѣшала прелестныя свѣжія розы съ брильянтовымъ букетомъ, приколотымъ у нея сбоку. Когда она вошла къ императрицѣ, до начала церемоніи, государыня окинула ее взглядомъ съ головы до ногъ и, не сказавъ ей ни слова, грубо сорвала свѣжія розы изъ ея букета и бросила ихъ на землю: «это не годится при парадныхъ туалетахъ», сказала она; «cela ne convient pas», было обычною фразой, когда ей что не нравилось.

Великая княгиня стояла пораженной и была болѣе удивлена дѣйствительно не совсѣмъ приличными манерами, особенно въ данную минуту (въ моментъ помазанія и причастія), чѣмъ опечалена неудачей своего букета. Контрастъ обращенія постоянно спокойнаго, полнаго достоинства и величія прошлаго царствованія съ волненіемъ въ бездѣлицахъ и часто рѣзкимъ обращеніемъ, которое она имѣла теперь передъ глазами, поражалъ великую княгиню въ высшей степени. Чувство долга можно уподобить религіозному чувству вѣры, которое руководитъ нашимъ поведеніемъ: это узда, которая сдерживаетъ вспыльчивость, горячность нашихъ дѣйствій и желаній и установляетъ въ нихъ порядокъ; но обязанность, продиктованная, предписанная духомъ власти и высокомѣрія, должна непремѣнно уничтожить чувство. Благородная душа великой княгини Елисаветы, ея ясный умъ, возмущались подобными поступками: существованіе ея было продолжительнымъ и тяжелымъ сномъ, который она должна была бояться признать за дѣйствительность. Ежеминутно чувствовала она нравственную боль и обиду, а потому и гордость ея увеличилась. Она все болѣе и болѣе удалялась отъ установленнаго порядка, который ей вовсе не нравился. Ея высочество исполняла всѣ обязанности своего сана, но зато она создала себѣ внутреннее удовлетвореніе, въ которомъ воображеніе имѣло болѣе власти, чѣмъ разсудокъ. Она удалялась въ этотъ міръ и отдыхала въ немъ отъ скуки и непріятностей, которыя испытывала въ дѣйствительномъ мірѣ. Этотъ неутѣшительный исходъ повлекъ за собою печальныя и продолжительныя послѣдствія.

Возвратимся къ приготовленіямъ къ коронаціи и къ нѣсколькимъ предшествовавшимъ ей событіямъ. Когда императрица пріобрѣла опять нѣкоторую власть надъ своимъ супругомъ со времени своего примиренія съ г-жею Нелидовой, оба князя Куракины получили назначеніе: старшій [1]) вице-канцлера, а младшій генералъ-прокурора.

---

[1]) Кн. Александръ Борисовичъ, другъ императора Павла и императрицы Маріи, р. 1752, † 1818, былъ потомъ посломъ въ Парижѣ, д. т. с.

Князь Безбородко остался первымъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Несмотря на всѣ тяжелыя чувства императора относительно Панина [1]), онъ назначилъ его однимъ изъ первыхъ членовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Г. Нелединскій [2]), двоюродный братъ князя Куракина, былъ приближенъ по особенной протекціи императрицы, которая достигла такимъ образомъ того, что окружила императора исключительно только своими приверженцами. Возлѣ особы государя, по его личному выбору, былъ одинъ только графъ Ростопчинъ, котораго онъ пожаловалъ генералъ-адъютантомъ и которому ввѣрилъ управленіе военной части.

Февраль 1797 г. былъ ознаменованъ пріѣздомъ польскаго короля [3]). Одно изъ первыхъ дѣйствій императора Павла по восшествіи на престолъ было возвращеніе свободы всѣмъ заключеннымъ полякамъ, находившимся въ Петербургѣ послѣ послѣдняго раздѣла Польши. Несчастный Понятовскій, когда-то король Польши, находившійся въ Гродно на положеніи плѣнника, былъ приглашенъ императоромъ въ Петербургъ и отлично принятъ. Его пригласили слѣдовать за дворомъ въ Москву присутствовать на коронаціи. Дворъ выѣхалъ перваго марта, остановился въ Павловскѣ въ продолженіе двѣнадцати дней, а оттуда свита ихъ величествъ отправилась по отдѣленіямъ черезъ сутки одно послѣ другаго. Послѣ пятидневнаго путешествія каждое отдѣленіе являлось послѣдовательно одно за другимъ въ Петровскій дворецъ, расположенный у Московскихъ воротъ. Этотъ замокъ выстроенъ былъ императрицею Екатериною для временныхъ остановокъ, потому что обычай предписывалъ государямъ торжественный въѣздъ каждый разъ, какъ они пріѣзжаютъ въ Москву. Петровскій за́мокъ былъ отстроенъ въ то время, когда Императрица Екатерина предпочитала готическую архитектуру всякой другой, но архитектура Петровскаго придавала этому дворцу видъ безформенной массы. Онъ былъ мраченъ и въ дурномъ мѣстоположеніи: съ одной стороны онъ примыкалъ къ запущенному парку, а съ другой—фасадъ его выходилъ на большую дорогу, пересѣкавшую довольно безплодную равнину. Хотя городъ былъ только на разстояніи всего четверти часа пути, но изъ дворца его вовсе не было видно. За исключеніемъ ихъ величествъ всѣ были дурно размѣщены и отчасти въ дурномъ расположеніи духа. Несмотря на то, слѣдовало являться къ двору ежедневно, и московская публика пріѣзжала въ Петровскій дворецъ представляться императору. Тамъ императрица получила из-

---

[1]) Графъ Никита Петровичъ, сынъ генералъ-аншефа Петра Ивановича, былъ затѣмъ посломъ въ Берлинѣ и вице-канцлеромъ. Въ началѣ царствованія Александра уволенъ былъ отъ службы, а затѣмъ былъ ему воспрещенъ въѣздъ въ столицы, † 1837 г.

[2]) Юрій Александровичъ, статсъ-секретарь императора Павла, при Александрѣ почетный опекунъ, т. с., писатель, р. 1752, † 1829.

[3]) Станиславъ-Августъ, бывшій король польскій

вѣстіе о смерти m-me Бенкендорфъ, своего лучшаго друга; она оплакивала ее въ продолженіе сутокъ и появилась въ обществѣ лишь на другой день. Императоръ часто ѣздилъ въ Москву. Поѣздки его совершались будто инкогнито, но весь дворъ его сопровождалъ; цѣлью этихъ поѣздокъ было посѣщеніе госпиталей и другихъ заведеній. Какъ-то поздно вечеромъ, когда возвращались по дорогѣ, почти непроходимой вслѣдствіе оттепели, карета, въ которой были императоръ съ императрицей, оба великіе князя и великая княгиня Елисавета, каждую минуту угрожала паденіемъ. Императора это забавляло, и онъ спросилъ у великаго князя Александра: «Боится ли великая княгиня Елисавета?» Великій князь, думая сдѣлать похвалу своей супругѣ, отвѣчалъ, что нѣтъ, что она не трусиха и ничего не боится. «Вотъ именно то, чего я не люблю», сухо отвѣчалъ императоръ. Великій князь поправился, прибавивъ: «Она боится только того, чего слѣдуетъ». Но ошибка была сдѣлана: императоръ впалъ въ дурное расположеніе духа. Несмотря на величіе души Павла, характеръ его имѣлъ странныя стороны: государь всегда готовъ былъ видѣть врага въ человѣкѣ, котораго не увѣренъ былъ запугать. Нельзя сказать, чтобы въ другія минуты его величество не доказывалъ, что умѣетъ цѣнить возвышенность чувствъ и энергію. Слѣдуетъ приписать эту мелочность недовѣрію, которое сумѣли ему внушить.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ Петербургѣ устроилась свадьба, которая отпразднована была при дворѣ довольно торжественно. Графъ Дитрихштейнъ, чрезвычайный посолъ вѣнскаго двора, и о которомъ говорено было выше, былъ въ большой милости императора и послѣдовалъ въ Москву за дворомъ. Не живя въ Петровскомъ, онъ пріѣзжалъ ежедневно обѣдать къ императору, а въ ожиданіи обязательнаго ужина у его величества проводилъ послѣобѣденное время у графини Шуваловой, младшая дочь которой сильно влюбилась въ него. Дитрихштейнъ вовсе не отвѣчалъ ея чувствамъ, но въ дѣло вмѣшался графъ Шуазель и такъ искусно повелъ эту интригу, что шесть недѣль спустя, графъ оставилъ Москву съ графиней Шуваловой, въ качествѣ будущаго зятя. Дипломатическій характеръ графа Дитрихштейна и особенная благосклонность къ нему императора придали этой женитьбѣ нѣкоторый блескъ, который естественно отразился на графинѣ Шуваловой, къ которой императоръ, впрочемъ, не особенно благоволилъ.

Въ вербную субботу, 27 марта, состоялся торжественый въѣздъ императорской четы въ Москву. Поѣздъ былъ громадный, войска тянулись отъ Петровскаго до дворца Безбородко. Всѣ гвардейскіе полки прибыли изъ Петербурга, согласно обычаю въ подобномъ случаѣ. Императоръ и сыновья его были верхомъ; императрица, великая княгиня Елисавета и одна изъ молодыхъ великихъ княженъ—въ большой каретѣ, устроенной для помѣщенія всѣхъ великихъ княгинь съ императрицей, но за исключеніемъ только что названныхъ; остальныя

были больны [1]). Кортежъ остановился въ Кремлѣ, гдѣ императорская фамилія обошла всѣ соборы и поклонилась мощамъ. Оттуда кортежъ двинулся далѣе и въ 8 часовъ вечера прибылъ къ дворцу Безбородко, выбывъ изъ Петровскаго около полудня. Этотъ дворецъ принадлежалъ князю Безбородко, первому министру, который только что отдѣлалъ его для себя съ необыкновенной роскошью и изяществомъ; но князь предложилъ его императору на время коронаціи, потому что, за исключеніемъ кремлевскаго дворца, другого помѣщенія не было, и даже императрица Екатерина имѣла пребываніе въ частныхъ домахъ въ послѣдній разъ, когда была въ Москвѣ: императорскій дворецъ давно уже сгорѣлъ. Вскорѣ послѣ коронаціи государь купилъ дворецъ Безбородко. Онъ былъ построенъ въ концѣ города и въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ кварталовъ. При немъ находился небольшой садъ, отдѣленный отъ придворнаго только прудомъ, и садъ этотъ служилъ прекраснымъ мѣстомъ для публичнаго гулянья. Онъ не былъ сжатъ постройками, и изъ него разстилался довольно обширный видъ, почему и пребываніе въ немъ было настолько пріятно, насколько въ Петровскомъ, наоборотъ, было непріятно. Великій князь Александръ, его супруга и молодыя великія княжны жили въ немъ, но великій князь Константинъ помѣщался напротивъ, въ зданіи, называемомъ «Старымъ сенатомъ». Дворъ провелъ только нѣсколько дней въ дворцѣ Безбородко, а въ среду на Страстной недѣлѣ переѣхалъ съ большой церемоніей въ Кремль готовиться къ коронаціи. Надо владѣть талантомъ историка, чтобы выразить въ краткихъ словахъ все благоговѣніе, внушаемое Кремлемъ, и перомъ поэта, чтобы воспѣть впечатлѣнія, навѣваемыя этимъ древнимъ и прекраснымъ мѣстомъ, этимъ соборомъ, а также дворцомъ, готическій стиль котораго съ его террасами, оградами и сводами придаетъ ему нѣчто фантастическое, и который высотой своего положенія господствуетъ надъ всей Москвой. Такъ какъ дворецъ былъ недостаточно обширенъ, чтобы помѣстить все императорское семейство, великій князь Александръ и его супруга поселились въ архіерейскомъ домѣ, а великій князь Константинъ—въ арсеналѣ. Великая княгиня Елисавета сказала мнѣ, что никогда не забудетъ впечатлѣнія, произведеннаго на нее видомъ Кремля вечеромъ въ день

---

[1]) Великая княгиня Анна уѣхала больная изъ Петербурга, но такъ какъ въ глазахъ императора болѣзнь вмѣнялась въ вину, то она выносила свои страданія до тѣхъ поръ, пока едва не сдѣлалась жертвой воспаленія въ груди. Ее перевезли изъ Петербурга въ Москву, гдѣ пришлось пустить ей кровь. На другой день ея пріѣзда императоръ отправился къ ней и сказалъ: «Я теперь дѣйствительно вижу, что болѣзнь ваша серьезна, и жалѣю, что вы такъ страдаете. Признаюсь, что до сихъ поръ я приписывалъ ее вашимъ уловкамъ (petites manières), которыя были усвоены вами въ прошлое царствованіе и которыя я непремѣнно желалъ бы искоренить». Нельзя знать навѣрное, что именно Павелъ хотѣлъ сказать этимъ выраженіемъ: petites manières du règne passé, на что постоянно намекалъ. Примѣчаніе В. Н. Головиной.

пріѣзда. По выходѣ своемъ отъ императрицы она отправилась къ великой княгинѣ Аннѣ и оставила ее только въ сумерки. Она была печальна: ея пребываніе въ Москвѣ не имѣло до тѣхъ поръ ничего привлекательнаго для нея, а непріятнаго было достаточно. Все окружавшее не только не восхищало ея воображенія, но подавляло и щемило ей сердце. Однако, въ тотъ вечеръ, выходя отъ своей невѣстки и садясь въ карету, она взглянула на эту древнюю красу Кремля, выдѣлявшуюся еще болѣе при яркомъ свѣтѣ луны, восхитительно отражавшейся всѣми позолоченными куполами соборовъ и церквей. Великая княгиня невольно пришла въ энтузіазмъ, и никогда съ тѣхъ поръ воспоминаніе объ этой минутѣ не изглаживалось изъ ея памяти.

Два дня спустя была сцена такая же красивая, но еще болѣе внушительная. Императоръ со всей своей свитой присутствовалъ за вечерней въ пятницу на Страстной въ древней маленькой дворцовой церкви, построенной на одной изъ самыхъ возвышенныхъ террасъ, и слѣдовалъ за крестнымъ ходомъ и плащаницей по большой части стѣнъ Кремля. Вечеръ былъ великолѣпный и тихій, а солнце клонилось къ закату, освѣщая чудный видъ на городъ; звуки колоколовъ сливались съ печальнымъ, торжественнымъ пѣніемъ процессіи. Всѣ были въ восхищеніи, но подобныя впечатлѣнія бываютъ еще болѣе глубоки, когда они гармонируютъ съ настроеніемъ души.

XIII.

Коронація императора Павла.—Празднества коронаціи въ Москвѣ и Петербургѣ.—Опала Суворова.—Графъ Никита Панинъ.—Отъѣздъ императорской четы изъ Москвы.—Нездоровье великой княгини Елисаветы.—Пребываніе двора въ Павловскѣ.—Военныя тревоги.—Несчастный случай съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

Церемонія коронаціи совершилась 5-го апрѣля, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ Успенскомъ соборѣ. Посреди храма, противъ алтаря, устроили возвышеніе, на которое былъ поставленъ тронъ императора, а тронъ императрицы былъ въ сторонѣ, въ небольшомъ отъ него разстояніи. Направо устроено было возвышенное мѣсто для императорской фамиліи, а напротивъ другое; кругомъ церкви подымались ступени для публики. Императоръ самъ возложилъ на себя корону, потомъ короновалъ императрицу, снявъ корону съ своей головы и дотронувшись ею до головы своей супруги, на которую тотчасъ же надѣли малую корону. Послѣ обѣдни, причастія, миропомазанія и молебна, императоръ велѣлъ прочесть вслухъ, съ возвышенія, на которомъ находился его тронъ, учрежденіе объ импе-

раторской фамиліи, которое онъ велѣлъ составить. Этимъ актомъ государь установилъ порядокъ престолонаслѣдія, изъ котораго исключилъ лицъ женскаго пола, допуская ихъ къ престолонаслѣдію лишь по пресѣченіи мужской линіи. Онъ предвидѣлъ въ актѣ случай несовершеннолѣтія наслѣдника престола, опредѣлилъ положеніе вдовствующихъ императрицъ и великихъ княгинь, со всѣми преимуществами, приличествующими ихъ сану, но и съ нѣкоторыми ограниченіями. Этотъ актъ былъ положенъ на престолъ въ алтарѣ церкви, гдѣ былъ прочтенъ. Ихъ величества обѣдали на тронѣ въ большой дворцовой залѣ. Зала эта построена въ первомъ этажѣ, со сводами, и поддерживается готическими столбами; со стороны входа возвышается эстрада, откуда императорская фамилія видѣла обѣденный столъ; три остальныя стороны имѣютъ на извѣстномъ разстояніи небольшія окна, затянутыя, какъ и полъ, краснымъ сукномъ, что̀ придавало совершенно оригинальный видъ этой залѣ и сдѣлало очень непріятными послѣдующіе балы, которые въ ней давали. Рядомъ съ эстрадой была малая комната, гдѣ поданъ былъ обѣдъ императорской фамиліи и польскому королю, который присутствовалъ на всѣхъ церемоніяхъ коронаціи въ королевской мантіи. Послѣ обѣда ихъ величества, въ ожиданіи вечерни, отправились къ своимъ молоденькимъ невѣсткамъ, которыя помѣщены были во дворцѣ, но обстановка ихъ была такъ не комфортабельна, что великая княгиня Елисавета провела послѣобѣденное время, сидя на сундукѣ, хотя и была въ парадномъ платьѣ.

Пожалованія и производства, состоявшіяся во время коронаціи, были значительны. Императоръ высказалъ по этому поводу великому князю Александру, что ему пріятно видѣть его расположеніе къ князьямъ Чарторижскимъ, и спросилъ, что̀ бы имъ сдѣлать пріятнаго. Великій князь, зная расположеніе отца ко всему военному, полагалъ укрыть ихъ отъ будущей немилости и выказать князей въ хорошемъ свѣтѣ въ глазахъ императора, выразивъ отъ ихъ имени желаніе вступить въ военную службу. Дѣйствительно, государь очень хорошо принялъ эту просьбу и зачислилъ обоихъ князей въ качествѣ адъютантовъ: старшаго—къ великому князю Александру, а младшаго—къ великому князю Константину, и въ то же время очень благосклонно разрѣшилъ имъ отпускъ въ Галицію для свиданія съ родными. Отпускъ считался тогда знакомъ необычайнаго благоволенія, особенно въ это время года, такъ какъ онъ допускался только осенью. Это назначеніе, соединявшее, по служебной обязанности, князя Адама Чарторижскаго съ особой великаго князя Александра и допускавшее близость князя къ его императорскому высочеству, не понравилось большинству и было источникомъ многихъ дальнѣйшихъ событій. Князь Безбородко былъ осыпанъ безчисленнымъ богатствомъ.

Императоръ имѣлъ при себѣ своего камердинера-цирюльника, по фамиліи Кутайсова [1]), турка по происхожденію, привезеннаго въ Россію еще ребенкомъ и крещеннаго въ православіе. Императоръ былъ его крестнымъ отцомъ. Во время коронаціи государь создалъ для него мѣсто. Быстрое возвышеніе Кутайсова обратило на себя всеобщее вниманіе, особенно когда въ концѣ того же года онъ получилъ аннинскую ленту.

Дворъ присутствовалъ на обѣднѣ въ понедѣльникъ и во вторникъ на Святой въ различныхъ соборахъ Кремля, а начиная со среды, ихъ величества, въ продолженіе болѣе двухъ недѣль, проводили каждое утро на тронѣ въ большой залѣ, принимая поздравленія. Императоръ находилъ, что было слишкомъ мало представлявшихся лицъ. Императрица повторяла безпрестанно, будто слышала отъ императрицы Екатерины, что во время ея коронаціи толпа, цѣловавшая ея руку, была такъ велика, что рука ея величества даже распухла, и императрица Марія выражала неудовольствіе, что рука ея не пухнетъ. Оберъ-церемоніймейстеръ, г. Валуевъ, желая удовлетворить ихъ величества, заставлялъ однихъ и тѣхъ же лицъ появляться по нѣскольку разъ подъ разными наименованіями. Случалось, напримѣръ, что одно и то же лицо занимало различныя должности, и г. Валуевъ, который желалъ удвоить число представлявшихся, заставлялъ его являться въ одинъ и тотъ же день, то какъ сенатора, то какъ депутата отъ дворянства, то какъ члена того или другого учрежденія. Все императорское семейство и дворъ присутствовали съ самаго начала при этихъ поздравленіяхъ. Императоръ и императрица возсѣдали на своихъ тронахъ. Императорская фамилія находилась по ихъ правую руку, окруженная своей свитой, а различныя корпораціи, равно какъ и московскія дамы, которыхъ также заставляли возвращаться по нѣскольку разъ, торжественно подходили къ трону, кланялись, подымались по ступенямъ, цѣловали руку ихъ величествъ и удалялись въ другую сторону. Переворотъ, вслѣдствіе котораго послѣ самаго кроткаго царствованія послѣдовалъ терроръ, произвелъ неожиданное дѣйствіе, объяснимое только тѣмъ, что крайности сходятся: когда не дрожали, то впадали въ шумную веселость. Никогда такъ много не смѣялись, никогда такъ хорошо не схватывали и не развивали смѣшную сторону; нерѣдко случалось видѣть, какъ саркастическій смѣхъ смѣнялся на лицѣ выраженіемъ ужаса. Надо сознаться, что никогда торжественность въ обстановкѣ не подавала болѣе повода къ смѣшнымъ сопоставленіямъ, такъ какъ смѣшное, гдѣ бы оно ни было, не ускользаетъ безнаказаннымъ отъ тонкаго ума. Императоръ, согласно своему

---

[1]) Кутайсовъ, Иванъ Павловичъ (ум. 1834 г.) къ концу царствованія Павла сдѣланъ былъ графомъ, оберъ-шталмейстеромъ и Андреевскимъ кавалеромъ.

характеру, преувеличивалъ значеніе представительства [1]). Императоръ точно удовлетворялъ своей долгосдерживаемой страсти и впадалъ въ мелочность. Можно было бы сказать, что Павелъ похожъ былъ иногда на тщеславное частное лице, которому разрѣшили играть роль государя, такъ что онъ и спѣшилъ насладиться удовольствіемъ, пока у него его не отняли. Недостатокъ чувства собственнаго достоинства, проявлявшійся у императрицы въ ея новой роли, дѣтская радость, которую она испытывала по этому поводу и которую не могла скрыть,—то и другое не ускользало отъ публики, и она вознаграждала себя отъ постояннаго состоянія страха, въ которое приводилъ ее характеръ императора, шутками, часто самыми мѣткими. Въ шуткахъ этихъ упражнялись особенно во время поздравленій, о которыхъ я уже упоминала, и, сказать правду, онѣ помогали переносить скуку и усталость этой церемоніи. Придворные кавалеры, окружавшіе великихъ князей, особенно мужъ мой и князь Голицынъ [2]), дѣлали тонкія и забавныя замѣчанія на счетъ публики и всего происходившаго. Благодаря отдаленности ихъ отъ мѣста, которое занимали ихъ величества, можно было такимъ образомъ хотя немного оживить эти скучныя утреннія собранія.

Состоялось также нѣсколько парадныхъ баловъ, сдѣлавшихся источникомъ безпокойства для императрицы и г-жи Нелидовой. Среди громаднаго количества московскихъ дамъ, пріѣзжавшихъ ко двору, было нѣсколько хорошенькихъ, между прочими, княжны Щербатовы [3]) и дѣвицы Лопухины [4]). Послѣднія особенно привлекли на себя вниманіе императора. Онъ нѣсколько разъ заговаривалъ о нихъ. Утвер-

---

[1]) Не могу не сдѣлать здѣсь замѣчанія, что эта крайняя любовь императора Павла къ этикету имѣла непріятныя послѣдствія для царствованія его сына. Императоръ Александръ былъ, какъ и всѣ, смущенъ крайностями отца въ этомъ направленіи, и отъ его вниманія не ускользала ни одна шутка, ни одна жалоба. При вступленіи своемъ на престолъ онъ бросился въ противоположную крайность и создалъ много недовольныхъ, уничтоживъ, насколько возможно, всѣ мелочи этикета. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

[2]) Князь Александръ Николаевичъ, камеръ-юнкеръ, впослѣдствіи д. т. совѣтникъ, оберъ-прокуроръ синода, министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, мистикъ, р. 1778, † 1844 г.

[3]) Княжны Анна Андреевна и Марья Андреевна, дочери кн. Андрея Николаевича Щербатова (р. 1726, † 1816) и супруги его, урожд. Яворской. Княжна Анна Андреевна (р. 1778) была потомъ фрейлиной императрицы, полюбила незнатнаго, некрасиваго и бывшаго моложе ея Д. Н. Блудова и, несмотря на долгое сопротивленіе ея матери, вышла за него. Д. Н. Блудовъ былъ впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ, президентомъ академіи наукъ и предсѣдателемъ государственнаго совѣта, писатель. По разсказамъ современниковъ, кн. Анна Андреевна была очень похожа на императрицу Елисавету Алексѣевну.

[4]) Дочери д. т. с. Петра Васильевича Лопухина отъ перваго брака его съ Прасковьей Ивановной Левшиной, княжны Екатерина Петровна, въ замужествѣ съ 1797 г. съ гофм. Григоріемъ Петровичемъ Демидовымъ († 1830), и княжна Анна Петровна (р. 1777 г., † 1805 г.), въ замужествѣ съ 1800 г. съ генералъ-адъютантомъ, кн. Павломъ Гавр. Гагаринымъ.

ждаютъ даже, что императрица и m-lle Нелидова такъ этимъ обезпокоились, что ускорили отъѣздъ императора изъ Москвы. Императоръ жилъ попеременно или въ Кремлѣ, или въ домѣ Безбородко, и такъ какъ каждый переѣздъ изъ одного мѣста въ другое давалъ поводъ къ торжественному въѣзду, императоръ повторялъ свои переѣзды насколько возможно чаще. Дворъ нѣсколько разъ ѣздилъ также въ окрестности Москвы, въ монастыри Троицкій и Воскресенскій; этотъ послѣдній называется также Новымъ Іерусалимомъ. Ѣздили въ село Коломенское, мѣсто рожденія Петра Великаго, въ Царицыно, императорскій дворецъ съ прелестнымъ мѣстоположеніемъ, и въ село Архангельское, которымъ владѣлъ тогда князь Николай Голицынъ. Императоръ совершалъ всѣ эти поѣздки въ большихъ, шестимѣстныхъ, а иногда восьми-мѣстныхъ каретахъ. Дорогой секретари его стоя читали ему доклады о текущихъ дѣлахъ, а именно—военные рапорты и разнаго рода всеподданнѣйшія прошенія. Великая княгиня Елисавета, находившаяся въ каретѣ императора, говорила мнѣ, что она часто, при этихъ докладахъ, удивлялась раздражительности императора, когда что нибудь ему случайно не нравилось, и холодной жестокости, съ которой онъ подшучивалъ надъ помощью, за которой обращались къ нему несчастные. Возможно, что вслѣдствіе молодости и неопытности великая княгиня Елисавета могла ошибиться относительно дѣйствительныхъ мыслей императора, но подобныя шутки возмущали ее. Итальянская опера и дворянское собраніе, которымъ ихъ величества сдѣлали честь своимъ присутствіемъ, обѣдъ у польскаго короля, парадная прогулка въ придворномъ саду и другая перваго мая, на публичномъ гуляньѣ,—вотъ въ чемъ заключались послѣднія празднества коронаціи.

Я не присутствовала ни на одномъ изъ тѣхъ, которыя давались въ это время въ Петербургѣ. Я оставалась съ г-жей Толстой въ вѣчномъ сердечномъ траурѣ и не считала себя обязанной ѣздить на публичныя увеселенія, но все же вынуждена была поѣхать на костюмированный балъ, на который всѣ явились не столько по доброй волѣ, сколько по приказанію полиціи. Тѣ, которые отказывались бы повиноваться, были бы внесены въ извѣстный списокъ, и такимъ образомъ о нихъ доведено было бы до свѣдѣнія императора. Поэтому я отправилась на этотъ печальный праздникъ, такъ же какъ и г-жа Толстая. При открытіи бала съиграли полонезъ, который я привыкла слышать въ счастливыя времена. Музыка эта сдѣлала на меня ужасное впечатлѣніе: рыданія душили меня. Шумныя увеселенія и празднества тяжело дѣйствуютъ на горе, конвульсивная улыбка яснѣе выражаетъ страданія. Я бѣжала отъ свѣта, который былъ мнѣ противенъ; смерть была въ моемъ сердцѣ, глаза мои, повидимому, искали ея, какъ успокоенія. Мы вернулись, изнемогая отъ усталости, точно послѣ тяжелой и опасной поѣздки.

Во время коронаціи князь Репнинъ получилъ письмо отъ графа

Михаила Румянцева [1]), который служилъ тогда въ чинѣ генералъ-лейтенанта подъ командой фельдмаршала Суворова. Графъ Михаилъ былъ самый ограниченный, но очень гордый человѣкъ и, сверхъ того, сплетникъ, не лучше старой бабы. Фельдмаршалъ обращался съ нимъ по его заслугамъ; графъ оскорбился и рѣшилъ отомстить. Онъ написалъ кн. Репнину, будто фельдмаршалъ волновалъ умы, и далъ ему понять, что готовится бунтъ. Князь Репнинъ чувствовалъ всю лживость этого извѣстія, но не могъ отказать себѣ въ удовольствіи подслужиться и повредить фельдмаршалу, заслугамъ котораго онъ завидовалъ. Поэтому онъ сообщилъ письмо графа Румянцева гр. Растопчину. Этотъ послѣдній представилъ ему, насколько было опасно возбуждать рѣзкій характеръ императора. Доводы его не произвели, однако, никакого впечатлѣнія на кн. Репнина: онъ самъ доложилъ письмо Румянцева его величеству, и Суворовъ подвергся ссылкѣ.

Несчастный характеръ императора Павла заставилъ его сдѣлать такъ много несправедливостей, что съ трудомъ можно согласовать ихъ съ предположеніемъ, что онъ обладалъ прекрасной душею. Я позволю себѣ прервать на минуту мой разсказъ и привести малоизвѣстный, но вѣрный анекдотъ, въ доказательство величія и врожденной доброты, коренившейся въ глубинѣ души этого государя.

Графъ Панинъ, сынъ гр. Петра Панина, о которомъ я говорила выше, ни въ чемъ не похожъ на своего отца [2]). У него нѣтъ ни силы характера, ни благородства въ поступкахъ; умъ его способенъ только возбуждать смуты и интриги. Императоръ Павелъ, будучи еще великимъ княземъ, выказывалъ ему участіе, какъ къ племяннику гр. Никиты Панина, своего воспитателя. Графъ Панинъ воспользовался добрымъ расположеніемъ великаго князя, удвоилъ стараніе и угодливость и достигъ того, что заслужилъ его довѣріе. Замѣтивъ дурныя отношенія между императрицей и ея сыномъ, онъ захотѣлъ нанести имъ послѣдній ударъ, чтобы быть въ состояніи удовлетворить потомъ своимъ честолюбивымъ и даже преступнымъ замысламъ. Поужинавъ однажды въ городѣ, онъ вернулся въ Гатчину и испросилъ у великаго князя частную аудіенцію для сообщенія ему самыхъ важныхъ новостей. Великій князь назначилъ, въ какомъ часу онъ можетъ прійти къ нему въ кабинетъ. Графъ вошелъ съ смущеннымъ видомъ, очень ловко прикрылъ свое коварство маской прямодушія и сказалъ наконецъ великому князю съ притворной нерѣшительностью, будто пришелъ сообщить ему извѣстіе самое ужасное для его сердца: дѣло шло о заговорѣ, составленномъ противъ него императрицей матерью, думали даже посягнуть на его жизнь. Великій князь спросилъ у него, зналъ ли онъ заговорщиковъ, и, по-

[1]) Графъ Михаилъ Петровичъ Румянцевъ, сынъ фельдмаршала, д. т. с., оберъ-шенкъ, † 1806 г. Въ описываемое время онъ былъ генералъ-поручикомъ.

[2]) Графъ Никита Петровичъ Панинъ († 1837 г.) былъ еще живъ, когда В. Н. Головина писала свои «Записки».

лучивъ утвердительный отвѣтъ, велѣлъ ему написать ихъ имена. Графъ Панинъ составилъ длинный списокъ, который былъ плодомъ его воображенія. «Подпишитесь», сказалъ затѣмъ великій князь. Панинъ подписался. Тогда великій князь схватилъ бумагу и сказалъ: «ступайте отсюда, предатель, и никогда не попадайтесь мнѣ на глаза». Великій князь потомъ сообщилъ своей матери объ этой низкой клеветѣ. Императрица была такъ же возмущена ею, какъ и онъ. Списокъ, составленный Панинымъ, оставался у великаго князя Павла Петровича въ особомъ ящикѣ, который онъ всегда хранилъ въ своей спальнѣ.

Возвратимся къ тому, что происходило при дворѣ послѣ коронаціи. 3 мая, императоръ оставилъ Москву съ своими сыновьями, съ цѣлію объѣхать губерніи, только что пріобрѣтенныя по раздѣлу Польши, а оттуда вернуться прямо въ Петербургъ. Императрица уѣхала изъ Москвы въ одно время съ императоромъ, вмѣстѣ съ великими княгинями, своими невѣстками, и великой княжной Александрой, своей дочерью. Ея величество объявила имъ всѣмъ троимъ, что онѣ не будутъ разставаться съ нею ни днемъ, ни ночью, и дѣйствительно дорогой, какъ и по пріѣздѣ въ Павловскъ, она приказала имъ всѣмъ тремъ спать въ своей комнатѣ. У великихъ княгинь Елисаветы и Анны не было даже другого помѣщенія, какъ только аппартаменты государыни.

Здоровье великой княгини Елисаветы, которое устояло отъ различныхъ испытаній предшествовавшей зимы и отъ утомленія во время коронаціи, ослабѣло наконецъ къ тому времени. Великая княгиня впала въ изнурительную болѣзнь, сопровождавшуюся страданіями, которыя заставляли ее ожидать возвращенія императора съ крайнимъ нетерпѣніемъ, чтобы избавиться по крайней мѣрѣ отъ зависимости, въ которой она находилась. Наконецъ эта минута наступила. Въ послѣднихъ числахъ мая императрица выѣхала со свитой на встрѣчу императору въ Гатчину, гдѣ императорская чета провела только нѣсколько дней, послѣ чего дворъ вернулся въ Павловскъ. Старались всѣми средствами заставить позабыть прошлое царствованіе, и одинъ изъ способовъ, употребленныхъ для этой цѣли, заключался въ перемѣнѣ мѣстопребыванія двора. Императрица Марія питаетъ къ Царскому Селу чувство отчужденія, примѣнимое только къ какому—нибудь лицу: она чувствуетъ къ нему ревность за созданный ею Павловскъ. Вслѣдствіе этого, царскосельскій дворецъ, достойный царскаго мѣстопребыванія, гдѣ вся свита могла прилично размѣститься, былъ покинутъ и раззоренъ, такъ какъ самыя лучшія его вещи перевезены въ Павловскъ, мѣсто красивое, но нисколько не соотвѣтствовавшее двору, который, поневолѣ, долженъ былъ тамъ находиться, потому что Павловскъ сдѣлался мѣстопребываніемъ государя, склоннаго къ пышности и представительности. На скорую руку возведено было нѣсколько построекъ, но эти постройки

составляли, наравнѣ съ окружающимъ, самый поразительный контрастъ съ сооруженіями прошлаго царствованія. Екатерина II велѣла воздвигнуть великолѣпный дворецъ въ Царскомъ Селѣ для своего внука, а императрица Марія помѣстила наслѣдника престола въ хижинѣ, пока ему строили деревянный домъ по ея приказанію. Помѣщеніе великаго князя Александра было весьма тѣсно, но великая княгиня Елисавета чувствовала себя тамъ очень счастливой, сравнительно съ тремя недѣлями, проведенными ею во дворцѣ.

Однажды вечеромъ (это было 2-го августа), когда государь, окруженный дворомъ и своимъ обычнымъ обществомъ, прогуливался въ саду Павловска, услышали вдругъ звуки барабана, на которые обратили особое вниманіе, такъ какъ для вечерней зари было еще рано. Изумленный государь остановился. Звуки барабана раздавались уже повсюду. «Да это — тревога!» вскричалъ Павелъ и быстрыми шагами возвратился ко дворцу, сопровождаемый великими князьями и военными. Императрица, съ остальною частію общества, слѣдовала за нимъ издали. Приблизившись ко дворцу, нашли, что одна изъ ведшихъ къ нему дорогъ занята была частію гвардейскихъ полковъ; кромѣ того, со всѣхъ сторонъ и со всевозможною поспѣшностію стекались ко дворцу и кавалерія, и пѣхота. Спрашивали, куда нужно было идти, сталкивались, и на дорогѣ, недостаточно широкой для скопленія войскъ, кавалерія, пожарный обозъ, военныя повозки прокладывали себѣ путь съ ужасными криками. Императрица, опираясь на руку одного придворнаго, пробиралась чрезъ эту толпу, спрашивая объ императорѣ, котораго она потеряла изъ виду. Безпорядокъ, наконецъ, сдѣлался такъ великъ, что нѣкоторыя дамы, именно великія княгини, принуждены были перескочить черезъ заборъ, чтобы не быть раздавленными. Вскорѣ войскамъ данъ былъ приказъ раздѣлиться. Повернули ко дворцу. Императоръ былъ взволнованъ и въ дурномъ расположеніи духа. Аллей было много, и войска продолжали прибывать къ дворцу въ теченіе всего вечера. Подобное и безъ всякой уважительной причины скопленіе войскъ, имѣвшихъ репутацію безпокойныхъ, коими были гвардейцы, могло только встревожить такой подозрительный и недовѣрчивый характеръ, какимъ былъ характеръ императора. Послѣ долгихъ розысковъ открыли, что вся эта суматоха произведена была трубою, на которой играли въ конногвардейскихъ казармахъ. Въ ближайшихъ казармахъ вообразили, что это — сигналъ къ тревогѣ, повторили его, и такимъ образомъ тревога распространялась отъ одного полка къ другому. Войска думали, что это была дѣйствительно тревога, испытаніе, но дворъ и общество, которые, съ самаго начала царствованія, усвоили себѣ образъ мыслей, заставлявшій предугадывать о концѣ его, постарались объяснить совершенно иначе событіе этого дня и особенно то, которое случилось черезъ день. Ничто не способствуетъ такъ къ измѣнѣ, какъ постоянно высказываемая

боязнь ея. Павелъ I не умѣлъ скрывать, до какой степени этотъ страхъ отравлялъ его душу. Боязнь эта проявлялась во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и много допущенныхъ имъ жестокостей были слѣдствіемъ этого постояннаго чувства его души, и, раздражая умы, онѣ привели наконецъ къ тому, что дали полное основаніе къ оправданію его подозрительности.

Черезъ день, почти въ тотъ же часъ, когда дворъ прогуливался въ другой части сада, прилегающей къ большой дорогѣ и отдѣленной отъ нея лишь оградой, вдругъ услышали звукъ трубы, и нѣсколько кавалеристовъ во всю прыть проскакали по тропинкѣ, прилегавшей къ большой дорогѣ. Императоръ въ гнѣвѣ бросился на нихъ съ поднятою палкой и принудилъ возвратиться назадъ. Великіе князья и адъютанты торопились послѣдовать его примѣру. Всѣ были очень удивлены этой второй сценой. Императрица въ особенности потеряла голову. Она закричала, обратившись къ камергерамъ: «бѣгите, господа, спасайте вашего государя!» Затѣмъ, увидѣвъ возлѣ себя графа Феликса Потоцкаго [1]), добраго малаго, но довольно неуклюжаго толстяка, питавшаго смѣшную боязнь къ императору, она схватила его за руку и толкнула впередъ. Рѣдко можно видѣть смѣшнѣе фигуру, чѣмъ фигура, которую изображалъ собою въ это время бѣдный графъ Феликсъ, не понимавшій, чего отъ него хотѣли, и болѣе испуганный криками императрицы, чѣмъ опасностью, которой подвергался императоръ. На этотъ разъ войскамъ помѣшали собраться, но никогда не узнали достовѣрно истинной причины этой второй суматохи: никто не могъ или не хотѣлъ объяснить ее. Говорили, что, будучи убѣждены въ томъ, что суматоха, происшедшая за день до того, была тревогой, произведенной по приказанію императора, гвардейцы были ежеминутно наготовѣ ко второй, и что легкій шумъ показался имъ сигналомъ; другіе утверждали, что сигналъ данъ былъ дурнымъ шутникомъ съ цѣлію произвести смятеніе, подобное предыдущему. Въ концѣ концовъ нѣкоторые были наказаны, и затѣмъ ничего подобнаго болѣе не повторялось.

Нездоровье великой княгини Елисаветы все усиливалось. Она получила позволеніе не являться при дворѣ и провести нѣсколько недѣль въ полномъ уединеніи. Доктора предписали ей употребить это время на лѣченіе. Пока она вела эту уединенную жизнь, великій князь Александръ едва не погибъ и былъ спасенъ только чудомъ. Какъ-то утромъ онъ присутствовалъ съ императоромъ на ученіи. Онъ былъ верхомъ позади его величества на краю пригорка. Движеніе войска, вслѣдствіе котораго ружья блеснули на солнцѣ, испугало лошадь великаго князя; она стала на дыбы, заднія ноги ея оступились, и она покатилась съ своимъ всадникомъ подъ гору.

---

[1]) Графъ Феликсъ Францовичъ, генералъ отъ инфантеріи (р. 1752 г., † 1805 г.).

Не смѣли подойти къ великому князю: думали, что онъ убитъ, но онъ только очень расшибся и, лишь благодаря своей молодости, онъ отдѣлался небольшимъ поврежденіемъ ключицы: еслибъ онъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше, то она была бы сломана.

XIV.

Отношеніе графини Головиной къ графинѣ Толстой.— Чувства графини Головиной.—Принцесса Тарантъ.—Морскіе маневры у Кронштадта.—Помолвка короля шведскаго съ прицессой баденской.— Огорченіе великой княгини Елисаветы.—Отношенія принцессы Тарантъ къ графинѣ Головиной.— Жизнь при дворѣ.—Смерть герцога виртембергскаго и короля Станислава Понятовскаго.—Построеніе Михайловскаго замка.—Рожденіе великаго князя Михаила Павловича.—Прибытіе корпуса принца Конде въ Россію.—Смерть матери императрицы Маріи.—Начало интригъ при дворѣ противъ императрицы и Нелидовой.

Лѣто 1797 г. проводила я съ графиней Толстой, въ имѣніи ея матери, княгини Барятинской [1]), въ пяти верстахъ отъ петергофскаго дворца, куда въ іюлѣ переѣхалъ дворъ ко дню ангела государыни. Графъ Толстой и мужъ мой дѣлили время между нами и дворомъ. Имѣніе наше было счастливо расположено: домъ возвышался на небольшомъ пригоркѣ, прелестный видъ разстилался на заливъ, къ дому вела красивая аллея, со всѣхъ сторонъ были мѣста для прогулки, лѣса, сады, масса цвѣтовъ, плодовъ. Изъ окна моего кабинета виднѣлся направо городъ, а налѣво — безбрежное море. Жили мы дружно, счастливо, въ кругу дѣтей нашихъ; съ ними мы занимались по цѣлымъ днямъ и радовались ихъ развитію. Старшія дочери наши были однихъ лѣтъ и видимо старались быть вмѣстѣ; мы, матери, съ удовольствіемъ слѣдили за ихъ возникавшей дружбой; вторая дочь графини Толстой была замѣчательно умной дѣвочкой, тремя-четырьмя годами моложе своей сестры; моей же младшей дочери и сыну графини было около двухъ лѣтъ. Чрезвычайно отрадно было видѣть, какъ дѣти наши, точно ангелы, рвали цвѣты и, граціозно приподнявъ платьица, бѣжали показать ихъ намъ и подѣлиться своими впечатлѣніями. Какъ любила я сидѣть по вечерамъ на балконѣ и слѣдить за закатомъ солнца! Картины прошлаго вставали передо мной, но чаще всего останавливалась я на воспоминаніяхъ о великой княгинѣ Елисаветѣ, о которой память была для меня священна. Мысленно сравнивала я тихій, прекрасный вечеръ съ спокойнымъ состояніемъ духа, которое даетъ намъ возможность тонко подмѣчать все неуловимое, ускользающее отъ нашего вниманія, когда

[1]) Урожденной принцесы Голштейнъ-Бекской († 1811 г.). Имѣніе ея расположено было возлѣ нынѣшней Знаменки.

мы взволнованы и въ безпокойствѣ. Я вспоминала все прошлое величіе, всѣ малѣйшія подробности временъ моей близости къ великой княгинѣ, и горячія слезы текли неудержимо при воспоминаніи о той, которая осыпала меня своими благодѣяніями и которой я обязана счастіемъ познавать и любить то, что мнѣ всегда будетъ неизмѣримо дорого.

Чувство преданности къ любимому государю совершенно особенно и несравненно съ другимъ; чтобы понять, надо испытать его — не иначе. Мыслимо ли сравнивать это чувство съ гордостью? Нѣтъ, это глубокая, безпредѣльная преданность; гордость и тщеславіе — низкія и личныя побужденія души, тогда какъ преданность своему государю — чувство вполнѣ самоотверженное. Никто никогда не хочетъ оцѣнить, не хочетъ понять этого чистаго, идеальнаго чувства: ему всегда приписываютъ личныя искательства, основанныя на тщеславіи и экзальтаціи. Высокій санъ государя, повидимому, не допускаетъ малѣйшей близости между нимъ и подданнымъ, но позволю себѣ высказать, что, разсуждая такимъ образомъ, упускаютъ изъ виду сердце и душу, которыя уничтожаютъ разстояніе между государемъ и подданнымъ, не нарушая должнаго почтенія къ государю. Истинно вѣрноподданническое чувство побуждаетъ человѣка къ правдивому выраженію своихъ мнѣній, и эти мнѣнія должны быть выражены открыто. Трудно переносить слабости своихъ государей; скорѣе можно предпочесть въ нихъ жестокость: надо имѣть опору и въ томъ, что должно быть гарантіей нашей безопасности и нашей силы.

Теперь кстати упомянуть и о пріѣздѣ принцессы Тарантъ, урожденной герцогини де-Тремуйль [1]), въ то же время, когда дворъ находился еще въ Петергофѣ. Принцесса эта была дочь герцога Шатильона, пэра Франціи, послѣдняго въ своемъ родѣ; она была статсъ-дамой несчастной королевы французской и едва не сдѣлалась жертвой непоколебимой преданности своимъ государямъ. Императоръ Павелъ и императрица Марія познакомились съ ней во время своего путешествія въ Парижъ. Они часто видѣлись у ея бабушки, герцогини де-ла-Вальеръ. Твердость, съ которой принцесса переносила свои несчастія, возбудила уваженіе и участіе ихъ императорскихъ величествъ. По совѣту своего деверя, принцесса, во избѣжаніе казни, эмигрировала въ Лондонъ тотчасъ по выходѣ изъ тюрьмы. Король и королева были тогда уже заключены въ Тампль. Не имѣя возможности раздѣлить ихъ участь, принцесса Тарантъ согласилась временно оставить родину, но вскорѣ вышелъ декретъ, воспрещавшій эмигрантамъ возвращеніе во Францію. Принцесса была въ

---

[1]) Принцесса Луиза Эммануиловна, статсъ-дама, королевы Маріи-Антуанетты-извѣстная своею приверженностію къ французскому королевскому дому и дѣятельностію на пользу католической и іезуитской пропаганды въ Россіи, такъ какъ была ревностной католичкой, р. 1743 г., † 1814 г.

несчастіи и страдала отъ бѣдности. Ужасная участь короля и королевы переполнили чашу ея страданій. Послѣ пятилѣтняго пребыванія ея въ Лондонѣ, императоръ Павелъ и императрица Марія, по вступленіи своемъ на престолъ, послали ей чрезвычайно радушное и въ высшей степени деликатное приглашеніе пріѣхать къ нимъ, предлагая ей письменно помѣстье въ Россіи, гдѣ бы она могла жить спокойно съ своимъ семействомъ. Сначала принцесса Тарантъ думала отвергнуть это выгодное предложеніе, въ виду того, что ей трудно было разстаться съ трауромъ, столь гармонировавшимъ съ ея вѣчною скорбью, и она довольствовалась пенсіей въ двѣ тысячи рублей, которую въ продолженіе трехъ лѣтъ высылала ей королева неаполитанская. Но мысль о тѣхъ выгодахъ, которыя могли извлечь изъ этого радушнаго предложенія императора ея сестра и семейство, побудила принцессу на путешествіе въ Россію, хотя она не имѣла другого ручательства, какъ только письмо императрицы, и ни о чемъ болѣе не просила государыни. Семейство ея извѣстно было ихъ величествамъ, которые тайно помогали ей еще до вступленія своего на престолъ.

Принцесса Тарантъ, жившая въ Лондонѣ скромно, въ сторонѣ отъ большого свѣта, рѣшилась на эту новую жертву и, послѣ семнадцати-дневнаго плаванія, пріѣхала въ Кронштадтъ за нѣсколько дней до петергофскаго праздника. Пріѣздъ ея заинтересовалъ меня. Дядя мой [1]) зналъ хорошо ея бабушку и мать и часто говорилъ мнѣ о нихъ. Я поджидала ее съ сердечнымъ участіемъ, а не съ обычнымъ празднымъ любопытствомъ, возбуждаемымъ новою личностью.

Нѣкоторые изъ посѣщавшихъ насъ придворныхъ сообщили намъ подробности ея пріема при дворѣ, надѣлавшаго много шума. Пріѣхала она въ воскресенье, въ часъ по полудни, и послѣ обѣда была введена въ кабинетъ ихъ величествъ, которыя приняли ее съ особенною благосклонностію. Императрица приколола ей малую звѣзду установленнаго на новыхъ началахъ ордена св. Екатерины, котораго она была главою. Въ понедѣльникъ и во вторникъ ихъ величества осыпали вновь прибывшую своимъ высокимъ вниманіемъ, заботами, цѣнными подарками, предложенными въ деликатной формѣ. Принцесса Тарантъ сдѣлалась послѣ этого центромъ всеобщаго вниманія. Въ среду, въ день ангела императрицы [2]), всѣ придворныя дамы собрались еще до обѣдни въ залѣ, у галлереи, ведущей въ дворцовую церковь. Всѣ ожидали высочайшаго выхода тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ, что и принцесса Тарантъ должна была принять въ немъ участіе. Всѣ поражены были ея печальнымъ видомъ и осанкой, полной достоинства; я же была глубоко тронута, смотря на нее. Послѣ обѣдни принцесса была возведена въ званіе статсъ-дамы и получила портретъ. На другой день дворъ возвратился въ городъ, въ Таври-

---

[1]) И. И. Шуваловъ.
[2]) 22-го іюля 1797 г.

ческій дворецъ. За ужиномъ императоръ посадилъ принцессу около себя, былъ къ ней очень внимателенъ и съ видимымъ участіемъ и интересомъ говорилъ о Франціи. Интересъ и удовольствіе, которые государь показывалъ въ бесѣдѣ съ принцессой, возбудили подозрѣніе и безпокойство князя Александра Куракина, человѣка ограниченнаго и большого интригана. Онъ вообразилъ себѣ, что императоръ можетъ серіозно привязаться къ принцессѣ Тарантъ и удалить г-жу Нелидову; поэтому онъ услужливо поспѣшилъ сообщить этой послѣдней свои низкія предположенія. Г-жа Нелидова взволновалась при одной мысли о новой интригѣ и, въ свою очередь, поспѣшила поговорить о томъ съ императрицей, ревность которой легко было возбудить. Государыня и г-жа Нелидова возстановили государя противъ принцессы, которая, ничего не подозрѣвая, отправилась на другой день въ Таврическій дворецъ, чтобы слѣдовать за дворомъ въ Смольный институтъ. При выходѣ ихъ величествъ, государыня обратилась къ графинѣ Шуваловой, стоявшей рядомъ съ принцессой Тарантъ, поговорила съ ней, и затѣмъ, смѣривъ принцессу съ головы до ногъ, повернулась къ ней спиной въ тотъ моментъ, когда принцесса начала говорить ей привѣтствіе, съ которымъ она сочла нужнымъ обратиться къ ея величеству; государь же даже и не взглянулъ на нее. Эта внезапная перемѣна поразила и смутила принцессу. Г. Плещеевъ, въ которомъ она возбудила участіе, подошелъ къ ней, вскорѣ по пріѣздѣ въ Смольный монастырь, и предупредилъ, что она подверглась окончательной немилости, что она не получитъ приглашенія въ Павловскъ, куда дворъ долженъ былъ возвратиться въ тотъ же день, и что, изъ уваженія къ волѣ императора, онъ проситъ ее избѣжать встрѣчи съ государемъ на его обратномъ пути. Такъ окончился четырехдневный фаворъ принцессы! Результатомъ обѣщаній оказалась пенсія въ три тысячи рублей отъ императора и въ тысячу двѣсти отъ императрицы въ теченіе пребыванія принцессы въ Россіи.

Нѣсколько дней послѣ петергофскаго праздника императоръ отправился моремъ въ Ревель. Императрица, несмотря на то, что была въ тягости уже три мѣсяца, пожелала непремѣнно участвовать въ путешествіи. Г-жи Нелидова и Протасова сопровождали государыню. Великіе князья и довольно многолюдная свита слѣдовали за ихъ величествами. Императоръ и приближенные его отплыли на фрегатѣ «Эммануилъ», приспособленномъ для значительнаго количества пассажировъ и отдѣланномъ съ такимъ изяществомъ, какого трудно было ожидать на кораблѣ. Этотъ фрегатъ входилъ въ составъ эскадры, на судахъ которой расположилась свита. Штиль задержалъ императора на рейдѣ въ продолженіе четырехъ или пяти дней противъ Ораніенбаума [1]), гдѣ великія княгини Елисавета и Анна

[1]) Императоръ только что подарилъ эту императорскую дачу великому князю Александру, а великому князю Константину дачу въ Стрѣльнѣ.

должны были оставаться во время отсутствія ихъ величествъ. Всѣ эти дни великія княгини обѣдали на фрегатѣ и возвращались оттуда только вечеромъ. Онѣ пріѣзжали изъ Ораніенбаума, а остальная часть двора получила предписаніе ожидать возвращенія императора въ Петергофѣ. Государь принималъ въ бытность свою на рейдѣ многихъ, въ томъ числѣ г. Пюклера, виртембергскаго посланника, который очень смѣшилъ всѣхъ своимъ ломаннымъ французскимъ языкомъ. Какъ-то разъ послѣ обѣда m-lle Ренне, фрейлина великой княгини Анны [1]), прилегла на диванчикѣ, въ палаткѣ на рубкѣ, въ ожиданіи отъѣзда великихъ княгинь. Входитъ г. Пюклеръ. M-lle де-Ренне тотчасъ привстала, но г. Пюклеръ, замѣтивъ это, сказалъ: «О, очень жаль: поза была такая прелестная!»

Наконецъ, снялись съ якоря, но со слѣдующаго же дня и до выхода изъ залива разразилась такая сильная буря, что многія изъ судовъ эскадры оказались безъ мачтъ, и пришлось опять бросить якорь. Испытавъ качку въ теченіе сутокъ, ихъ величества почувствовали нерасположеніе къ морской прогулкѣ и поспѣшили, какъ можно скорѣе, возвратиться въ Петергофъ, гдѣ весь дворъ остался еще съ недѣлю.

Въ подтвержденіе оригинальности императора приведу здѣсь анекдотъ того времени. Княжна Шаховская, впослѣдствіи княгиня Голицына, фрейлина великой княгини Елисаветы, была дежурною въ продолженіе всего сезона и сопровождала дворъ во всѣхъ его путешествіяхъ. Она была красива. Императоръ замѣтилъ это. На одномъ изъ петергофскихъ парадовъ его величество велѣлъ внести въ приказъ благодарность великому князю Александру за то, что у него такая хорошенькая фрейлина при дворѣ. Полагаютъ, что эта шутка очень раздосадовала г-жу Нелидову, и что съ того времени она возненавидѣла княжну Шаховскую [2]).

Проведя дня два въ городѣ, въ Таврическомъ дворцѣ, дворъ вернулся въ Павловскъ, откуда, въ половинѣ августа, переѣхалъ въ Гатчину. Въ концѣ пребыванія въ Павловскѣ великая княгиня Елисавета получила письмо отъ принцессы, своей матери, въ которомъ говорилось, что принцесса-мать ѣдетъ въ Саксонію повидаться съ сестрой своей, герцогиней Саксенъ-Веймарской. Кромѣ того, на бѣломъ листкѣ бумаги, симпатическими чернилами были написаны слѣдующія слова: «Представьте себѣ мое удивленіе: г. Таубе, который въ данную минуту здѣсь, отъ имени шведскаго короля проситъ у меня руки одной изъ вашихъ младшихъ сестеръ. Я этимъ

---

[1]) Дочь гофмейстерины двора великой княгини Анны Ѳеодоровны, Маріи Андреевны фонъ-Ренне и генералъ-поручика Карла Ивановича фонъ-Ренне.

[2]) Княжна Наталія Ѳедоровна (род. 1779 г., ум. 1807 г.), любимая фрейлина императрицы Елисаветы Алексѣевны, была затѣмъ въ замужествѣ съ гофмейстеромъ кн. Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ (р. 1772 г., ум. 1821 г.).

такъ поражена, что не знаю, что и отвѣчать». Какъ только дворъ пріѣхалъ въ Гатчину и великія княгини вернулись въ свои аппартаменты, императрица тотчасъ велѣла просить къ себѣ великую княгиню Елисавету. Императрица сидѣла за столомъ, съ газетою въ рукахъ, а г-жа Нелидова стояла позади. Входитъ великая княгиня Елисавета, и императрица съ горячностію обращается къ ней: «Это что значитъ? Шведскій король женится на вашей сестрѣ?» — «Въ первый разъ слышу»,—отвѣчаетъ великая княгиня. — «Это напечатано въ газетахъ».—«Я ихъ не читала».—«Не можетъ быть. Вы знали. Мать ваша назначаетъ свиданіе шведскому королю въ Саксоніи и везетъ туда съ собой вашихъ сестеръ».—«Мнѣ писали, что мать моя собирается поѣхать въ Саксонію для свиданія съ тетушкой. Другой цѣли я у нея не знаю».—«Неправда. Не можетъ быть! Это недостойный поступокъ относительно меня съ вашей стороны. Вы не откровенны со мной. По вашей милости лишь изъ газетъ узнаю я объ обидѣ, которую наносятъ моей бѣдной Alexandrine. И, главное, это случилось какъ разъ въ то время, когда намъ подавали надежду, что свадьба состоится. Это ужасно! Это положительно низко!»—«Но я, право, не виновата». — «Вы знали и не предупредили меня. Вы не оказали мнѣ тѣмъ ни довѣрія, ни должнаго уваженія».—«Нѣтъ. Я не знала. Впрочемъ, письма мои вѣдь читаютъ на почтѣ. Потрудитесь справиться о томъ, что мнѣ пишетъ моя мать». Великая княгиня Елисавета произнесла это послѣднее слово въ сильномъ волненіи и даже раздраженіи, вслѣдствіе сдѣланной ей ея свекровью непріятной сцены. Выслушавъ еще цѣлый потокъ несдержанной рѣчи, великая княгиня удалилась. Съ этой минуты императрица не говорила съ ней болѣе и не только замѣтно относилась къ ней съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, но дѣлала на счетъ великой княгини намеки, которые, несмотря на желаніе государыни, выходили скорѣе жалкими, чѣмъ колкими. Какъ-то вечеромъ великія княгини отправились гулять вмѣстѣ съ ихъ величествами. Великая княгиня Елисавета приблизилась къ государынѣ съ намѣреніемъ поцѣловать ея руку. Императрица хотя и протянула ее, но сухо, не отъ души. Великая княгиня поцѣловала ее искренно; однако государыня, вмѣсто того, чтобы обнять свою невѣстку, сказала ей съ большой горечью: «Вы гордитесь и не хотите болѣе цѣловать мою руку, потому что сестра ваша — королева». Великая княгиня, вмѣсто отвѣта, пожала плечами и тѣмъ такъ раздражила императрицу, что она повторила то же и великой княгинѣ Аннѣ. Императоръ ничѣмъ не выражалъ своего неудовольствія великой княгинѣ и ни въ чемъ не измѣнилъ своего обращенія относительно ея. Какъ-то разъ государь сказалъ ей въ шутку: «Ваша сестра идетъ по слѣдамъ моей дочери». — «Очень, очень жалѣю», отвѣчала великая княгиня. «Впрочемъ, намъ это безразлично: мы всегда найдемъ, за кого выдать Alexandrine», возразилъ государь.

ГРАФИНЯ ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА ГОЛОВИНА (1767—1821 г.)

Съ портрета, принадлежащаго кн. Александру Михайловичу Голицыну.

дозв. ценз. 26 мая 1900 г. спб.

Немилость, въ которую впала принцесса Тарантъ, не удивила, а скорѣе огорчила меня. Выразить ей это я не могла: принцесса была совсѣмъ въ другомъ кругу: она сблизилась съ супругой князя Алексѣя Куракина [1]), а особенно съ княгиней Долгорукой [2]), которыя незамѣтнымъ образомъ дѣлали все возможное, чтобы она меня не посѣщала. Послѣ моего возвращенія въ городъ, принцесса сдѣлала однако визитъ моей матери и мнѣ. Я отдала ей его безъ особой поспѣшности. Нѣсколько дней спустя, мой дядя далъ въ честь ея ужинъ, на которомъ я принимала гостей. Отношенія наши съ принцессой были нѣсколько натянуты: ее увѣрили, что я—большая педантка, держу себя неестественно и съ большими претензіями. Принцесса сказала мнѣ впослѣдствіи, что она боялась меня, какъ женщины сухой и ученой. Мнѣ извѣстны были всѣ эти мелкія интриги, я знала, что цѣлью ихъ было удалить ее отъ меня, и я сказала графинѣ Толстой: «Въ скоромъ времени принцесса Тарантъ будетъ ежедневно моей гостьей: мнѣ это предвѣщаетъ сердце, а оно рѣдко меня обманывало». Послѣ одного или двухъ визитовъ ея ко мнѣ, я пригласила ее къ обѣду, но наканунѣ назначеннаго дня, вечеромъ, моя младшая дочь и дочь графини Толстой заболѣли оспой, и я написала вѣжливый отказъ принцессѣ Тарантъ, высказывая ей свое искреннее сожалѣніе, что не могу ее принять. Дочь моя была въ сильной опасности, а дочь графини Толстой, хотя и не такъ серьезно заболѣла, умерла въ конвульсіяхъ. Я присутствовала при ея кончинѣ. Несчастная мать ея была въ самомъ жалкомъ положеніи. Я отвела къ себѣ убитыхъ горемъ отца и мать. Графъ прожилъ недѣли двѣ на половинѣ моего мужа, а графиня—у меня, и я ухаживала и заботилась о ней не менѣе мѣсяца. По прошествіи шести недѣль принцесса Тарантъ написала мнѣ, прося увѣдомить, можетъ ли она навѣстить меня. Я отвѣчала утвердительно. Мы сидѣли вмѣстѣ съ графиней, когда она вошла. Принцесса была поражена горестнымъ выраженіемъ лица графини Толстой и невольно подалась назадъ, но я пошла ей на встрѣчу и пригласила ее сѣсть между нами. Принцесса не рѣшалась повернуть головы въ сторону графини, а еще менѣе заговорить съ ней, какъ вдругъ съ графиней Толстой сдѣлался сильный нервный припадокъ. Принцесса обняла и отвела ее въ глубь моего кабинета, гдѣ успокоивала и ухаживала за ней съ величайшей заботливостью, такъ какъ силы окончательно покинули. Когда графиня поуспокоилась, принцесса Тарантъ подошла ко мнѣ и сказала: «Теперь вы безпокоитесь и чувствуете себя несчастной, позвольте же мнѣ возвратиться къ вамъ завтра». И, дѣйствительно, она каждый день навѣщала меня. Мы легко подружились: насъ сблизило горе. Она оплакивала любимую государыню... Кому же, какъ не мнѣ, было понять ее!

---

[1]) Княгиня Наталія Ивановна, урожденная Головина (р. 1768 г., † 1831 г.).
[2]) Княгиня Екатерина Өеодоровна.

Дворъ оставался въ Гатчинѣ до 1-го ноября. Въ началѣ его пребыванія тамъ были маневры гвардейскихъ полковъ, которые вездѣ слѣдовали за императоромъ. Маневры повторялись ежегодно въ одно и то же время, за исключеніемъ 1799 г., когда состоялся походъ въ Италію. Въ концѣ сезона, по вечерамъ, бывали спектакли; по большей части давалась итальянская опера, не потому, чтобы государь не любилъ французскихъ комедій, но во время траура по императрицѣ, подходившаго уже къ концу, французская труппа выбыла изъ Петербурга, и составъ ея еще не былъ возобновленъ. Дворъ выѣхалъ изъ Гатчины 4-го, и 5-го ноября прибылъ въ Царское Село, годовщину дня, когда съ императрицей Екатериной II сдѣлался апоплексическій ударъ. Лицамъ, которыя еще искренно сожалѣли о почившей, отрадно было помолиться за нее въ томъ мѣстѣ, въ которомъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, все напоминало о ней; къ тому же и время года придавало этому прекрасному мѣсту грустный оттѣнокъ, вполнѣ подходящій къ случаю. Это былъ послѣдній день траура. По пріѣздѣ въ городъ, дворъ тотчасъ повелъ совсѣмъ другой образъ жизни, чѣмъ въ прошломъ году...

Аппартаменты, частные и офиціальные, предназначенные для представленія ихъ величествамъ, были отдѣланы заново. Театръ эрмитажа, куда Екатерина II приглашала только избранныхъ, былъ одинаково открытъ для всѣхъ, кто имѣлъ на то право по чину, а также и для гвардейскихъ офицеровъ. Блестящая свита слѣдовала за государемъ и его августѣйшимъ семействомъ въ то мѣсто, откуда Екатерина II всегда ее удаляла.

За четыре недѣли до разрѣшенія своего отъ бремени императрица получила извѣстіе о смерти отца своего, владѣтельнаго герцога виртембергскаго. Ея величество провела въ уединеніи эти послѣднія четыре недѣли, что не помѣшало императору и остальнымъ членамъ семьи попрежнему показываться въ обществѣ. Польскій король умеръ въ началѣ 1798 г. Для него это не было несчастіемъ, потому что жизнь для него была далеко непривлекательна. Хотя онъ уже не смѣлъ претендовать на тронъ, предоставленный ему Екатериной II, все же онъ былъ королемъ и имѣлъ время привыкнуть къ почету, который оказывали его сану. Роль, которую приходилось ему играть въ Петербургѣ, могла быть только тяжела для человѣка съ его умомъ и самолюбіемъ. Его содержаніе принято было на счетъ двора. Жилъ онъ въ императорскихъ дворцахъ: зимой въ Мраморномъ, а лѣтомъ въ Каменноостровскомъ. Вынужденный часто бывать при дворѣ, онъ, наравнѣ съ другими, страдалъ отъ неровностей характера императора Павла; но въ томъ возростѣ, въ которомъ находился король, и при его положеніи, ему, конечно, было еще труднѣе ихъ выносить. Онъ жилъ открыто, и кончина его была потерей для петербургскаго общества. Скончался онъ отъ удара, совершенно такъ же, какъ и Екатерина II, и былъ погребенъ въ

С.-Петербургѣ, въ католической церкви, со всѣми почестями, приличествующими его сану.

28 января, у императрицы родился сынъ, котораго назвали Михаиломъ, по обѣту, данному императоромъ. Не было никакого труда давать надлежащее направленіе живому воображенію государя, при его наклонности къ мистицизму, и нѣсколько лицъ, приближенныхъ къ государю, занялись этимъ дѣломъ. Ходила молва, будто съ перваго дня царствованія государя часовому Лѣтняго дворца было видѣніе Архангела Михаила; ему приписывали даже слова, значеніе которыхъ было, впрочемъ, не совсѣмъ опредѣленно. Какъ бы тамъ ни было, но въ скоромъ времени послѣ того велѣно было сломать старый Лѣтній дворецъ, и императоръ, по возвращеніи своемъ изъ Москвы, положилъ первый камень при закладкѣ Михайловскаго дворца, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ Лѣтній. Въ продолженіе всего своего царствованія онъ съ особеннымъ стараніемъ занимался возведеніемъ этого зданія. Государь разстроилъ даже свои финансы вслѣдствіе той поспѣшности и стремленія къ роскоши, которыя проявилъ онъ при постройкѣ дворца, но едва только дворецъ былъ оконченъ постройкой, и его величество думалъ насладиться въ немъ жизнію, какъ этотъ же дворецъ сдѣлался его могилой и поэтому былъ заброшенъ его наслѣдникомъ. При первомъ извѣстіи о чудесномъ видѣніи часовому, императоръ Павелъ далъ обѣтъ, въ случаѣ, если у него будетъ еще сынъ, назвать его Михаиломъ.

Въ скоромъ времени послѣ разрѣшенія императрицы отъ бремени, въ Петербургъ пріѣхалъ герцогъ Энгіенскій къ своему дѣдушкѣ, принцу Конде, который уже два мѣсяца какъ былъ тамъ. Герцогъ Энгіенскій представился ихъ величествамъ на придворномъ балу въ эрмитажѣ точно такъ же, какъ сдѣлалъ это и принцъ Конде при своемъ прибытіи. Лѣтомъ 1797 года, послѣ мира при Кампоформіо, заключеннаго между Австріей и Франціей, корпусъ принца Конде оказался безъ дѣла; тогда императоръ Павелъ предложилъ ему службу и помѣстья въ своемъ государствѣ. Предложеніе императора было принято съ горячей признательностью. Князь Горчаковъ отправился за корпусомъ принца Конде, находившимся на Дунаѣ, и привелъ его въ Волынь, куда онъ прибылъ въ концѣ того же года. Герцогъ Энгіенскій находился при корпусѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ лишь послѣ того, какъ корпусъ расположенъ былъ въ Дубно. Принцъ Конде уже ожидалъ его тамъ. Графъ Шуваловъ посланъ былъ на встрѣчу принца Конде черезъ границу съ шубами, которыя онъ долженъ былъ поднести принцу отъ имени императора при его пріѣздѣ въ Петербургъ. Его высочеству былъ отведенъ Таврическій дворецъ, такъ какъ домъ Чернышева, который былъ купленъ для принца императоромъ, и на которомъ виднѣлась уже надпись «Hôtel de Condé» (отель Конде), не былъ еще окончательно отдѣланъ; принцу доложили при этомъ, что для него при-

готовленъ ужинъ, къ которому ему предоставляется пригласить кого пожелаетъ. На другой день къ принцу пріѣхали съ визитомъ оба великіе князья и всѣ высокопоставленныя особы. Императоръ вручилъ ему орденъ Андрея Первозваннаго и большой крестъ Мальтійскаго ордена. Послѣ этого никто никогда не могъ понять, что было причиною того охлажденія, которое государь сталъ вскорѣ ему показывать. Принцъ Конде и герцогъ Энгіенскій оставили Петербургъ въ концѣ февраля, или въ началѣ марта, 1798 года и отправились въ Дубно. Въ продолженіе этого года маркизъ де-Монтессонъ осмотрѣлъ нѣсколько губерній, въ которыхъ предположено было учредить нѣсколько колоній для эмигрантовъ, но дѣло это не состоялось. Въ 1799 году, корпусъ принца Конде принималъ не безъ славы участіе въ блестящемъ походѣ фельдмаршала Суворова, но, послѣ этой кампаніи, намѣренія петербургскаго кабинета измѣнились, и принцъ Конде, увѣдомленный, что Россія готовится сблизиться съ Бонапартомъ, началъ вести переговоры съ Англіей, предлагая свой корпусъ этой державѣ, которая дѣйствительно и приняла его; но императоръ Павелъ, узнавъ объ этихъ переговорахъ и не желая, чтобы принцъ его предупредилъ, поспѣшилъ издать приказъ о распущеніи корпуса. Корпусъ былъ тогда въ Нижней Австріи. Англія, въ свою очередь, вскорѣ расформировала его, и это славное войско, въ былое время такое преданное, само собою распалось, такъ какъ многіе изъ солдатъ и офицеровъ его возвратились во Францію.

Роды императрицы были трудны, но не опасны. Такъ какъ она въ то время лишилась своего постояннаго акушера, то пригласила акушера изъ Берлина. Этотъ господинъ, подкупленный, вѣроятно, тѣми, кто желалъ подорвать кредитъ императрицы и Нелидовой, именно Кутайсовымъ, объявилъ государю, что онъ не отвѣчаетъ за жизнь императрицы въ случаѣ вторичныхъ родовъ. Это послужило источникомъ всевозможныхъ интригъ, происходившихъ въ теченіе года. Едва оправившись, императрица получила извѣстіе о смерти принцессы-матери въ то время, когда ожидала ее въ Россію. Ея величество была поражена этимъ несчастіемъ, и государь удвоилъ тогда вниманіе и нѣжность къ своей супругѣ.

XV.

Поѣздка императора Павла въ Москву.—Дѣвица Лопухина.—Отношенія великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы къ княгинѣ Тарантъ. — Лордъ Витвортъ и графиня Толстая.—Возвращеніе государя изъ путешествія.—Празднество въ Павловскѣ.—Переѣздъ двора въ Петергофъ.—Союзъ Россіи съ Австріей.— Немилость государя къ императрицѣ и Нелидовой.—Графъ Николай Румянцевъ.— Пребываніе двора въ Гатчинѣ и переѣздъ его въ Петербургъ. — Перемѣны при дворѣ.—Начало войны съ Франціей.—Суворовъ.—Характеристика Лопухиной.— Великая княгиня Анна Ѳеодоровна и отъѣздъ ея изъ Россіи.—Отношенія къ ней великой княгини Елисаветы.

Въ половинѣ апрѣля 1798 г. дворъ переселился въ Павловскъ, а въ началѣ мая императоръ и великіе князья Александръ и Константинъ поѣхали въ Москву, куда стягивались войска для маневровъ. Великіе князья должны были отправиться, вмѣстѣ съ императоромъ, еще далѣе, до Казани. Императоръ провелъ въ Москвѣ дней пять-шесть. Стеченіе публики на маневрахъ было громадное, тѣмъ болѣе, что этому благопріятствовала погода. Всѣ спѣшили праздновать пребываніе его величества балами и другими увеселеніями. M-lle Лопухина [2]), привлекшая вниманіе императора еще въ прошломъ году на коронаціи, обратила опять на себя его взоры своей вполнѣ расцвѣтшей красотой. Кутайсовъ поддерживалъ какъ нельзя болѣе впечатлѣніе, производимое ею на государя, который выѣхалъ изъ Москвы безумно влюбленный и съ твердымъ намѣреніемъ привлечь въ Петербургъ предметъ своей страсти.

Я не должна забывать здѣсь случая, важнаго для госпожи Тарантъ и происшедшаго именно въ то время. Мужъ мой расположилъ великаго князя Александра и великую княгиню Елисавету въ пользу принцессы Тарантъ, желая помочь ей въ ея затруднительномъ положеніи. Они были настолько добры, что пришли ей на помощь и дали принцессѣ двѣнадцать тысячъ рублей, требуя отъ нея только, чтобы она не разглашала объ этомъ благодѣяніи, которое чрезвычайно осчастливило ее, давая ей возможность быть полезной своей сестрѣ и семейству. Ея слезы признательности привели меня въ восторгъ. Нѣсколько дней спустя, она присутствовала на придворномъ обѣдѣ въ Таврическомъ дворцѣ. Случайно пришлось ей сидѣть противъ великой княгини Елисаветы, которая часто и съ большимъ участіемъ посматривала на нее: мы съ удовольствіемъ видимъ тѣхъ, кому доставляемъ счастіе. Благосклонность великой княгини Елисаветы поразила Плещеева, сидѣвшаго рядомъ съ принцессой; онъ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXVI, стр. 848.
[2]) Анна Петровна.

сказалъ о томъ принцессѣ де-Тарантъ, и она съ трудомъ могла скрыть признательность, наполнявшую ея душу. Она привезла мнѣ цвѣтокъ отъ великой княгини.

Лѣто 1798 г. проводила я въ деревнѣ по Петергофской дорогѣ съ графиней Толстой и принцессой Тарантъ. Чѣмъ болѣе я узнавала послѣднюю, тѣмъ болѣе къ ней привязывалась. Эта прекрасная и пылкая душа способна цѣнить дружбу. Я подмѣчала ежедневно ея увеличивающееся расположеніе ко мнѣ. Ея характеръ, гордый и твердый, дѣйствуетъ успокоительно, въ силу той нравственной опоры, которую онъ представляетъ. Лордъ Витвортъ, англійскій посланникъ[1]), жилъ по сосѣдству съ нами. Разсказъ о немъ долженъ войти въ число самыхъ тяжелыхъ моихъ воспоминаній. Давно уже питалъ онъ къ графинѣ Толстой воображаемую страсть, то-есть, желалъ ее погубить, но скрывалъ свои намѣренія подъ личиной самой привлекательной для честной женщины. Никогда не говорилъ онъ ни одного слова, способнаго возмутить ея достоинство, обращался съ ней всегда съ полнымъ уваженіемъ и вниманіемъ. Эго притворство продолжалось нѣсколько лѣтъ. Наконецъ она замѣтила внушаемое ею чувство, но недовѣріе къ себѣ и дружба, занимавшая тогда первое мѣсто въ ея сердцѣ, помогали ей легко избѣгать опасности. Однако сосѣдство это мнѣ не нравилось: я никогда не могла выносить нѣжныхъ чувствъ мужчины къ замужней женщинѣ; я нахожу ихъ даже преступными, въ особенности у человѣка подъ пятьдесятъ лѣтъ. Въ это время, хотя поведеніе лорда Витворта не было еще предосудительно, но легко можно было замѣтить, что онъ становился все менѣе и менѣе сдержаннымъ. Я остерегалась обратить на то вниманіе графини Толстой: было бы жестоко смутить ея спокойствіе, но послѣдствія вполнѣ оправдали мое безпокойство.

Императоръ вернулся въ концѣ іюня. Императрица и m-lle Нелидова выѣхали къ нему на встрѣчу до Тихвина. Обѣ онѣ были поражены его перемѣной относительно ихъ. Ихъ величества вмѣстѣ вернулись въ Павловскъ, гдѣ императрица приготовила празднество по случаю возвращенія императора. На этомъ праздникѣ въ первый разъ появилась m-me Шевалье, актриса, которая играла впослѣдствіи такую важную роль въ Петербургѣ. Въ части сада, называемой Сильвіей, гдѣ нѣсколько аллей сходятся, образуя огороженную площадку, играли различныя сцены у входа въ каждую аллею. Въ одной шла сцена изъ комедіи, въ другой — изъ балета, въ третьей — изъ оперы и т. д. Обойдя кругомъ всѣ аллеи, приходили къ послѣдней, къ концѣ которой находилась хижина,

---

[1]) Англійскій посланникъ въ Петербургѣ съ 1788 г., человѣкъ искательный, но умный и необыкновенно ловкій, по отзыву Наполеона. Род. 1760 г., ум. 1825 г. Знакомство съ Толстыми сближало Витворта съ дворомъ великаго князя Александра Павловича, что̀ было необходимо для Витворта для достиженія его политическихъ цѣлей.

вокругъ которой выросъ Павловскъ, вслѣдствіе этого сохранявшаяся въ полной неприкосновенности. При входѣ въ эту послѣднюю аллею графъ Віельгорскій, въ костюмѣ отшельника, вышелъ на встрѣчу императору и пригласилъ его войти въ Эрмитажъ, предварительно сказавъ ему нѣсколько привѣтствій. Императоръ послѣдовалъ за нимъ. Позади означеннаго домика онъ увидалъ оркестръ, акомпанировавшій хоръ Люсиль: «Гдѣ можетъ быть намъ лучше, чѣмъ у домашняго очага!». Исполнительницами были всѣ великія княгини и княжны. При другихъ условіяхъ это было бы, безъ сомнѣнія, кстати, но не въ данное время, потому что никогда государь не возвращался домой съ чувствами, такъ мало приличествующими отцу семейства. Ужинъ въ садикѣ императрицы, сопровождаемый музыкой, закончилъ это празднество. Погода была дивная, и праздникъ долженъ былъ казаться прелестнымъ тѣмъ, кому это возвращеніе обѣщало только счастливыя минуты, но тотъ, ради котораго онъ давался, хотя и присутствовалъ на немъ, но чувствовалъ крайнюю неловкость, и императрица ожидала неминуемую бурю.

Іюнь мѣсяцъ подходилъ къ концу, и императоръ высказывалъ сильное нетерпѣніе уѣхать въ Петергофъ. Большее или меньшее удовольствіе, испытываемое государемъ отъ пребыванія въ Павловскѣ, всегда служило мѣриломъ для придворныхъ, по которому узнавали благосклонность императора къ своей августѣйшей супругѣ. Къ несчастію, императрица заболѣла трехдневной лихорадкой почти въ ту минуту, какъ дворъ долженъ былъ отправиться въ Петергофъ. Эта помѣха очень раздражила императора, и въ досадѣ онъ подумалъ, что государыня притворяется больной, желая пойти ему наперекоръ. Онъ не потрудился скрыть отъ нея свое дурное расположеніе духа, и это послужило для императрицы источникомъ цѣлаго ряда непріятностей.

Къ этому времени пріѣхали въ Петербургъ два принца Виртембергскіе[1]), братья государыни, бывшіе въ австрійской службѣ. Австрія, объявивъ войну Франціи, предлагала императрицѣ, черезъ братьевъ ея, уговорить его величество присоединиться къ ней. Императрица, въ восторгѣ, что можетъ играть роль, поспѣшно взялась за дѣло и расположила въ его пользу князя Безбородко, который изъ вѣжливости поддерживалъ ея домогательство, но государь отвѣчалъ имъ, что, прежде чѣмъ вмѣшиваться въ дѣла своихъ сосѣдей, онъ желаетъ упрочить счастіе своей имперіи. Этотъ мудрый отвѣтъ не удовлетворилъ ихъ. Князь Безбородко воспользовался склонностію императора къ церемоніямъ и предложилъ ему сдѣлаться протекторомъ мальтійскаго ордена, а потомъ провозгласить себя его гроссмейстеромъ. Императоръ съ энтузіазмомъ принялъ эту мысль, а это поставило его въ необходимость отстаивать интересы Австріи. Послѣдствіемъ этого союза была блестящая кампанія слѣдующаго года, когда фельдмаршалъ

[1]) Принцы Фердинандъ и Александръ Виртембергскіе.

Суворовъ завоевалъ Италію, а также просьба со стороны австрійскаго двора руки великой княжны Александры для эрцъ-герцога Іосифа, венгерскаго палатина.

Какъ только императрица поправилась, дворъ поѣхалъ въ Петергофъ, и тамъ произошли большія перемѣны: удалены были тѣ, которыхъ поддерживала государыня, и которые, въ свою очередь, платили ей тѣмъ же. M-lle Нелидова оставила дворъ и удалилась въ Смольный. Другъ ея, которому она покровительствовала, Буксгевденъ [1]), военный губернаторъ Петербурга, лишился мѣста и вскорѣ былъ сосланъ въ свое имѣніе въ Ливоніи [2]). M-lle Нелидова, будучи очень дружна съ его женой [3]), послѣдовала за ними въ ссылку. Графъ Николай Румянцевъ [4]), въ то время церемоніймейстеръ двора, впослѣдствіи канцлеръ, на котораго императоръ смотрѣлъ, какъ на приверженца государыни, ожидалъ съ минуты на минуту высылки, но, по заступничеству великаго князя Александра, указъ о немъ былъ отмѣненъ, хотя только временно: нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ былъ приведенъ въ исполненіе. Это былъ тотъ самый графъ Николай Румянцевъ, который въ то время, когда былъ посланникомъ Россіи во Франкфуртѣ, былъ уполномоченъ императрицей Екатериной вести переговоры о супружествѣ великаго князя Александра съ принцессой Луизой Баденской.

Въ тотъ день, когда императоръ подвергъ его опалѣ, великій князь Александръ подошелъ къ великой княгинѣ Елисаветѣ въ ту минуту, когда спускались съ лѣстницы для вечерней прогулки, и поспѣшно сказалъ ей: «поблагодари отца моего, когда поравняешься съ нимъ: изъ уваженія къ тебѣ онъ отмѣнилъ ссылку графа Румянцева; болѣе не могу сказать тебѣ теперь». Великая княгиня, не вмѣшивавшаяся ни въ какія интриги и узнававшая о нихъ только при гласно совершившихся фактахъ, быта очень удивлена, однако исполнила порученіе своего супруга. Императоръ благосклонно выслушалъ ея признательность и сказалъ ей много любезнаго по этому поводу. У Монплезира вышли изъ экипажа, и пока прогуливались по террасѣ, императрица отвела въ сторону великую княгиню Елисавету и спросила ее: «гдѣ графъ Румянцевъ? говорятъ, онъ сосланъ, такъ ли?» Великая княгиня Елисавета сказала ей простодушно все, что знала. Въ ту минуту подходилъ великій князь Александръ, которому хотѣлось бы избавить мать свою отъ огорченія узнать, что императоръ недоволенъ графомъ Румянцевымъ. Услыхавъ, въ чемъ

---

[1]) Графъ Өедоръ Өедоровичъ Буксгевденъ, генералъ-отъ-инфантеріи (род. 1750, ум. 1811 г.).

[2]) Замокъ Лоде, въ Эстляндской губерніи.

[3]) Графиня Наталія Александровна Буксгевденъ, воспитанница Смольнаго монастыря. По преданію, она была дочерью князя Гр. Гр. Орлова, у котораго Буксгевденъ былъ адъютантомъ.

[4]) Графъ Николай Петровичъ (род. 1754, ум. 1826), впослѣдствіи канцлеръ, извѣстный меценатъ.

дѣло, онъ сдѣлалъ серьезное замѣчаніе великой княгинѣ, зачѣмъ она говорила о томъ императрицѣ. Ея величество живо возразила: «теперь, когда всѣ меня оставляютъ, неужели и ты недоволенъ, что только жена твоя откровенна со мной?» Упрекъ былъ несправедливъ, но этотъ отзывъ глубоко тронулъ великую княгиню, желавшую тѣмъ болѣе утѣшить императрицу, что со времени несчастія государыни обращеніе ея съ великой княгиней утратило уже все прежнее высокомѣріе.

Въ этомъ году дворъ прожилъ въ Петергофѣ до начала августа. Я отправилась туда на праздникъ съ моими двумя подругами и съ племянницей барона Бломъ, датскаго посланника. Великая княгиня Елисавета позволила мнѣ прійти къ ней утромъ въ англійскій паркъ, куда она прибыла съ великой княгиней Анной, а я съ своимъ обществомъ. Великая княгиня Елисавета поговорила со мной въ сторонѣ отъ другихъ, что напомнило мнѣ прежнія, счастливыя времена, но эта аудіенція была послѣдняя въ такомъ родѣ. Дворъ прожилъ еще двѣ недѣли въ Павловскѣ, а оттуда переѣхалъ въ Гатчину. Несмотря на предпочтеніе государя къ этому загородному мѣсту, гдѣ онъ всегда затягивалъ свое пребываніе до поздней осени, на этотъ разъ онъ оставилъ его черезъ шесть недѣль въ виду приближавшагося пріѣзда m-lle Лопухиной. Экзальтированное состояніе его духа внушило ему, вѣроятно, мысль придать своему возвращенію въ городъ болѣе торжественности, чѣмъ обыкновенно. Государь оставилъ Гатчину во главѣ гвардейскихъ и другихъ полковъ, всегда собиравшихся тамъ осенью для маневровъ. Этотъ переходъ сдѣланъ былъ ими и дворомъ въ продолженіе двухъ дней. Ночь провели въ Красномъ Селѣ. Полки расположились лагеремъ, а дворъ занялъ старинный деревянный дворецъ. Погода была прекрасная, и избранная на этотъ разъ дорога, пролегая по болѣе красивой мѣстности, чѣмъ обыкновенная изъ Гатчины въ Петербургъ, придавала всему шествію праздничный видъ. Великая княгиня Елисавета очень стра дала въ первое время своей беременности, тѣмъ болѣе, что дурная дорога внушала ей опасенія, которыя ей приходилось скрывать, потому что она считала объявленіе своего состоянія преждевременнымъ. Она даже боялась одно время какого нибудь осложненія своей болѣзни, но все сошло благополучно, и вечеромъ, въ день пріѣзда въ Петербургъ, въ Эрмитажѣ состоялся спектакль.

Недѣли двѣ спустя по возвращеніи въ городъ, пріѣхало семейство Лопухиныхъ. Отецъ тотчасъ же былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ на мѣсто князя Алексѣя Куракина, жена его была возведена въ статсъ-дамы, а дочь Анна во фрейлины. Ничему болѣе не удивлялись уже, въ противномъ же случаѣ возведеніе г-жи Лопухиной въ званіе статсъ-дамы вызвало бы справедливое недовольство [1]). Роду она была незнатнаго, и маперы ея доказы-

[1]) Екатерина Николаевна Лопухина, вторая жена Петра Вас. Лопухина, урожд. Шетнева, мачиха Анны Петровны.

вали полное отсутствіе воспитанія; къ тому же извѣстно было, что прошлое ея далеко небезукоризненно. Она была мачихой m-lle Лопухиной, которая, вмѣстѣ съ своими двумя младшими сестрами, лишилась еще въ дѣтствѣ своей родной матери. Изъ этихъ двухъ сестеръ одна была замужемъ за г. Демидовымъ. Такая же хорошенькая, какъ m-lle Анна Лопухина, она появилась при дворѣ со всѣмъ семействомъ и даже друзьями и притворялась, будто она страстно влюблена въ великаго князя Александра. Великій князь тщательно избѣгалъ ея, тогда какъ она искала съ нимъ встрѣчи. Императоръ придавалъ выраженію своей склонности рыцарскій характеръ, что̀ могло отчасти облагородить ее, если бы къ ней не примѣшивались разныя причуды. Государь только что сталъ во главѣ гроссмейстерства, роздалъ ордена его членамъ своего семейства; сохранивъ за собой достоинство гроссмейстера ордена, онъ учредилъ въ немъ новыя должности и командорства и, сообразно съ этимъ, увеличилъ число офиціальныхъ торжествъ при дворѣ. M-lle Лопухина получила Мальтійскій крестъ; она была единственная женщина, которой даровано было это отличіе, за исключеніемъ членовъ императорскаго семейства и графини Скавронской, вышедшей замужъ за графа Литта [1]), бывшаго посланникомъ гроссмейстера при русскомъ дворѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и являвшагося главнымъ виновникомъ перехода Мальтійскаго ордена подъ покровительство императора

Имя Анны, которому приписывали мистическій смыслъ божественной благодати, стало девизомъ государя. Онъ поставилъ его на знаменахъ своего перваго гвардейскаго полка. Красный цвѣтъ, любимый m-lle Лопухиной, сталъ любимымъ цвѣтомъ и императора Павла; слѣдовательно и дворъ отдавалъ ему предпочтеніе. Офицеры и всѣ придворные, за исключеніемъ прислуги, носили этотъ цвѣтъ. Императоръ подарилъ прекрасный домъ m-lle Лопухиной на Дворцовой набережной. Онъ ежедневно ѣздилъ къ ней въ каретѣ, запряженной парой лошадей, съ Мальтійскимъ гербомъ и въ сопровожденіи лакея въ красной ливреѣ. Государь полагалъ, что ѣдетъ инкогнито въ этомъ экипажѣ, но въ дѣйствительности его узнавали и при этомъ случаѣ, точно такъ же, какъ тогда, когда онъ ѣздилъ въ обыкновенной своей каретѣ. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе производили на петербургскую публику всѣ эти комедіи! Народъ былъ пораженъ, что государь его болѣе высоко цѣнитъ честь быть гроссмейстеромъ Мальтійскаго ордена, чѣмъ русскимъ самодержцемъ. Этотъ орденъ, присоединенный къ государственнымъ регаліямъ, возбуждалъ общія насмѣшки, наравнѣ съ почти театральными сценами выполненія всѣхъ обрядовъ ордена. Нравственный безпорядокъ водворился при дворѣ въ замѣнъ той строгости нравовъ,

[1]) Графъ Юлій Помпеевичъ.

которую до сихъ поръ самъ императоръ старался установить повсюду. Государь подавалъ теперь примѣръ забвенія своихъ обязанностей, поощряя къ этому и своихъ сыновей. Несмотря на эту распущенность, строгость ко всему, относившемуся къ службѣ, была доведена до высочайшей степени, и нетрудно было предвидѣть могущія произойти отъ того послѣдствія.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, великая княгиня Елисавета объявила о своемъ положеніи. Императоръ, повидимому, былъ тѣмъ очень доволенъ такъ же, какъ и всѣ. Замужество двухъ старшихъ великихъ княженъ Александры и Елены улаживалось. Ожидали пріѣзда въ Петербургъ эрцъ-герцога Іосифа, палатина венгерскаго, который былъ женихомъ первой, и наслѣднаго принца Мекленбургъ-Шверинскаго, искавшаго руки второй. Оба принца пріѣхали, наконецъ, и ихъ пребываніе подало поводъ къ многочисленнымъ баламъ и праздникамъ при дворѣ и въ обществѣ. Балы и безъ того давались часто, чтобы удовлетворить страсть къ танцамъ m-lle Лопухиной. Она любила вальсъ, и этотъ танецъ, въ сущности невинный, хотя прежде запрещенный при дворѣ, благодаря ей, былъ снова введенъ при дворѣ. Обычный придворный костюмъ стѣснялъ m-lle Лопухину въ танцахъ: она находила его недостаточно элегантнымъ, вслѣдствіе чего вышло повелѣніе, отмѣнившее его, и этому повелѣнію вся молодежь, не исключая и великихъ княгинь, подчинилась съ большой радостью и замѣчательнымъ стараніемъ, которое, однако, огорчило императрицу. Въ виду того, что до тѣхъ поръ она относилась строго къ туалету и даже какъ бы преслѣдовала уклоненія отъ правилъ, что причиняло немало огорченія молодымъ особамъ, нѣкоторыя изъ нихъ торжествовали теперь, когда ея величество вынуждена была, наравнѣ съ другими, подчиниться нововведенію. Однако, въ виду того, что причина этой перемѣны могла серьезно огорчить ея величество, многіе дѣйствительно сожалѣли ее.

Эрцъ-герцогъ не могъ надолго продлить свое пребываніе, а потому обрученіе состоялось въ январѣ 1799 г., послѣ чего онъ вскорѣ уѣхалъ.

Въ то же время готовилась война противъ французскихъ революціонеровъ. Императоръ послалъ на помощь Австріи 12.000 войска подъ командой генерала Розенберга, но скупость и мелочность австрійцевъ вывели его изъ терпѣнія, такъ что онъ далъ приказъ вернуть полки къ границѣ. Принцъ Фердинандъ Виртембергскій былъ тогда посланъ вѣнскимъ кабинетомъ къ императору съ просьбой отмѣнить этотъ приказъ. Наконецъ все устроилось согласно желанію австрійскаго двора. Русскій отрядъ былъ подкрѣпленъ 24.000 человѣкъ, 30.000 посланы были въ Швейцарію, подъ командой генерала Корсакова, 12 линейныхъ кораблей и 24 фрегата ушли въ Голландію. Императоръ вызвалъ изъ ссылки фельдмаршала Суворова и назначилъ его главнокомандующимъ. Суворовъ отправился въ походъ

противъ Франціи во главѣ 60.000 человѣкъ, предназначенныхъ Екатериной II для той же цѣли.

Прежде чѣмъ присоединиться къ арміи, фельдмаршалъ Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ императоромъ съ большими почестями, согласно своимъ заслугамъ, и вынужденъ былъ присутствовать на частыхъ празднествахъ, устраиваемыхъ въ то время. Ничто не представляло болѣе сильнаго контраста, какъ присутствіе этого суроваго солдата, одно имя котораго внушало довѣріе въ арміи и уваженіе въ Европѣ, среди безумства и слабостей, рѣзко характеризовавшихъ дворъ. Странно было видѣть среди бальнаго шума Суворова, убѣленнаго сѣдинами, съ худощавымъ лицомъ, которое, повидимому, носило еще слѣды только что испытанной тяжелой ссылки, а также императора, любезно разговаривавшаго то съ нимъ, то съ молодой дѣвушкой, вовсе ничѣмъ особенно не выдающейся, личико которой едва даже было бы замѣчено, если бы оно не обратило на себя вниманія императора. Лопухина имѣла красивую голову, но была невысокаго роста, дурно сложена и безъ граціи въ манерахъ; красивые глаза, черныя брови и волосы того же цвѣта, прекрасные зубы и пріятный ротъ были ея единственными прелестями; небольшой вздернутый носъ не придавалъ изящества ея фигурѣ. Выраженіе лица было мягкое и доброе, и дѣйствительно Лопухина была добра и неспособна ни желать, ни дѣлать чего либо злого, но въ то же время она была недалекаго ума и не получила должнаго воспитанія. Ея вліяніе проявлялось только въ раздачѣ милостей; у нея не было данныхъ, чтобы распространить его на дѣла, хотя любовь государя и низость людей давали ей возможность вмѣшиваться во все. Часто она испрашивала прощеніе невинныхъ, съ которыми императоръ поступалъ очень строго въ минуты гнѣва: тогда она плакала или дулась и такимъ образомъ достигала желаемаго. Императрица относилась къ ней всегда очень хорошо, чтобы угодить своему супругу. Великія княжны, дочери императора, заискивали въ ней черезчуръ, выказывая ей свое вниманіе; однѣ только великія княгини Елисавета и Анна были съ ней любезны, не переступая границъ должнаго, и то только послѣ приказанія императора, который обратилъ вниманіе на то, что на первомъ балу онѣ не говорили съ m-lle Лопухиной; вообще онѣ болѣе избѣгали, чѣмъ искали ея общества. Примѣры низости людской, которые великая княгиня Елисавета видѣла кругомъ себя, увеличили только гордость ея, и одна мысль дать подумать, что она заискиваетъ въ фавориткѣ, возмущала ее до того, что она готова была поступать наперекоръ; можно было иногда справедливо обвинить ее въ нелюбезности. Великая княгиня Анна, имѣвшая въ то время безграничное довѣріе къ невѣсткѣ, держала себя съ ней одинаково и по той же причинѣ.

Къ дурному обращенію, которое великая княгиня Анна должна была выносить отъ великаго князя Константина съ перваго дня замужества, примѣшивалась еще его невѣрность и своеволіе. Не страшась болѣе гнѣва своего отца, онъ имѣлъ связи, недостойныя его сана, и задавалъ ужины въ своихъ аппартаментахъ актерамъ и актрисамъ. Доктора объявили, что великая княгиня Анна не можетъ вполнѣ выздоровѣть, если она не поѣдетъ на воды въ Богемію. Рѣшено было, что она предприметъ это путешествіе въ мартѣ мѣсяцѣ. Къ тому времени великій князь Константинъ уѣхалъ въ Вѣну, откуда отправился къ русской арміи въ Италію. Справедливость требуетъ сказать, что когда великій князь Константинъ узналъ о состояніи здоровья своей жены, то очень сожалѣлъ о томъ и всѣми силами старался заставить забыть о своемъ поведеніи, но великая княгиня Анна, справедливо раздраженная поступками своего супруга и знавшая, какъ мало можно было полагаться на его характеръ, рѣшила развестись съ нимъ, считая, что предпринимаемое ею путешествіе будетъ удобнымъ случаемъ для приведенія этого плана въ исполненіе. Она мечтала свидѣться съ своимъ семействомъ и легко получить его на то согласіе. Устроиться такимъ образомъ съ великимъ княземъ, думалось ей, было тѣмъ легче, что его не будетъ въ Россіи, и въ концѣ концовъ она объявитъ ихъ величествамъ, что никакая сила человѣческая не заставитъ ее вернуться въ Россію. Этотъ планъ, начертанный 17-ти лѣтней головкой и основанный единственно только на сильномъ желаніи успѣха, былъ сообщенъ великой княгинѣ Елисаветѣ, которая, хотя и предвидѣла болѣе затрудненій, чѣмъ предполагала ея подруга, но все же старалась увѣрить себя въ возможности успѣха, потому что та, которую она любила съ нѣжностію сестры, считала, будто счастье ея зависитъ только отъ успѣха этого плана. Великому князю Александру, питавшему тѣ же чувства къ своей невѣсткѣ, тяжело было видѣть ее жертвой поведенія своего брата. Онъ вошелъ въ ея положеніе, совѣтовалъ, помогалъ, ободрялъ, и это дѣло, такое серіозное само по себѣ, было рѣшено въ принципѣ безъ всякихъ колебаній, съ легкомысліемъ двухъ великихъ княгинь 17 и 19 лѣтъ и великаго князя 20 лѣтъ. Великая княгиня Анна уѣхала 15-го марта въ сопровожденіи m-me де-Ренне, своей статсъ-дамы, г. Тутолмина и своихъ двухъ фрейлинъ: m-lle Ренне и графини Екатерины Воронцовой [1]), молодой особы, чрезвычайно вѣтреной и безразсудной.

Разлука обѣихъ великихъ княгинь была очень трогательна. Въ виду задуманнаго ими плана разлука эта должна была быть долговременной и, можетъ быть, вѣчной; но тѣ, которые присутствовали при ихъ разставаніи и знали, что великой княгинѣ Аннѣ назначено вернуться осенью, приписывали горе обѣихъ великихъ кня-

---

[1]) Графиня Екатерина Артемьевна Воронцова, дѣвица, р. 1780 г., † 1836 г.

гинь безпокойству, внушаемому положеніемъ великой княгини Елисаветы, которая ожидала наступленія первыхъ родовъ. Между тѣмъ беременность великой княгини Елисаветы шла прежнимъ, нормальнымъ, обычнымъ путемъ. Я получала свѣдѣнія о великой княгинѣ отъ моего мужа, который имѣлъ честь видать ее часто. Я встрѣтила ее какъ-то весною въ Лѣтнемъ саду, гдѣ мы гуляли съ графиней Толстой и принцессой Тарантъ. Великую княгиню сопровождала княжна Волконская, одна изъ ея фрейлинъ. Я осмѣливалась говорить съ великой княгиней объ ужасномъ предчувствіи, наполнявшемъ мое сердце, и просила ее передать мнѣ обратно всѣ бумаги, полученныя ею отъ меня. Великая княгиня сказала, что уже сожгла ихъ, и приказала мнѣ возвратить также и ея бумаги. Я отказалась исполнить ея требованіе, прибавивъ, что всѣ ея бумаги будутъ ей навѣрное возвращены послѣ моей смерти.

Строжайшій приказъ отданъ былъ на почтѣ Растопчинымъ не отправлять невскрытымъ ни одного изъ писемъ великихъ княгинь, которыя онѣ могутъ писать другъ другу. За нѣсколько времени до отъѣзда великой княгини Анны, чиновникъ, котораго великая княгиня знала только по фамиліи, нашелъ средство дать имъ знать о томъ, прибавивъ, что онъ умоляетъ ихъ не употреблять ни симпатическихъ чернилъ и никакихъ другихъ средствъ, принятыхъ во избѣжаніе почтоваго контроля: всѣ эти средства были извѣстны, и противъ нихъ принимались мѣры. Обѣ великія княгини, тронутыя поступкомъ чиновника и признательныя за это предупрежденіе, тѣмъ болѣе, что онѣ надѣялись вести откровенную переписку условнымъ порядкомъ, ограничились самой незначительной корреспонденціей.

Великая княгиня Елисавета огорчена была разлукой, которая не должна была, повидимому, продолжаться болѣе семи мѣсяцевъ, но которую она въ душѣ считала, быть можетъ, вѣчной; она съ большимъ основаніемъ могла бы сокрушаться о горестяхъ, ожидавшихъ ее самое въ продолженіе этого короткаго времени, еслибъ она имѣла возможность ихъ предвидѣть.

XVI.

Удаленіе отъ двора друзей великаго князя Александра.—Князь Голицынъ.—Обрученіе великой княжны Елены Павловны и рожденіе великой княжны Маріи Александровны.—Увольненіе графа Головина отъ двора.—Неудовольствіе на Головиныхъ великаго князя Александра и великой княгини Елисаветы.—Князь Адамъ Чарторижскій.— Помолвка княжны Лопухиной съ кн. Гагаринымъ.—Тягостное положеніе Головиной.—Шутка Огара.—Пріѣздъ въ Россію великой княгини Анны Ѳеодоровны.—Бракосочетаніе великихъ княженъ Елены Павловны и Александры Павловны.—Отъѣздъ великой княжны Александры Павловны въ Австрію.

Князь Безбородко умеръ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и вслѣдъ затѣмъ графъ Растопчинъ получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Уже управляя почтою, графъ занималъ важныя должности и пользовался полнымъ довѣріемъ императора. По волѣ судьбы, именно въ это время всѣ лица, которымъ великій князь Александръ высказывалъ дружбу и довѣріе, были одинъ за другимъ удалены отъ него. Я приписываю этотъ фактъ судьбѣ, потому что графъ Ростопчинъ оправдался впослѣдствіи, что не онъ былъ виновникомъ этого, но въ то время всѣ приближенные великаго князя старались увѣрить его, что графъ не ограждалъ его или даже старался ему повредить. Нельзя потому удивляться, что все, вмѣстѣ взятое, должно было заставить великаго князя убѣдиться въ томъ, что онъ справедливо могъ обвинять графа, какъ виновника его горя, вызваннаго удаленіемъ отъ него всѣхъ его друзей. Князь Александръ Голицынъ первый подвергся этой участи. Онъ былъ внезапно высланъ изъ Петербурга съ приказаніемъ отправиться въ Москву и съ запрещеніемъ губернатору этого города дозволять ему выѣздъ оттуда. Было также предписано держать подъ строжайшимъ надзоромъ князя Голицына, а также слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что имѣетъ къ нему отношеніе.

Князь Александръ Голицынъ былъ камеръ-пажемъ въ царствованіе императрицы Екатерины. Она всегда была къ нему очень благосклонна, потому что у него былъ салонный умъ, а онъ выказывалъ ей безграничную привязанность, можно сказать, боготворилъ ее. Вскорѣ по выходѣ изъ пажей, императрица Екатерина сдѣлала его камеръ-юнкеромъ при дворѣ великаго князя Александра. Умъ Голицына и качества пріятнаго собесѣдника пріобрѣли ему въ скоромъ времени особенную благосклонность и даже довѣріе великаго князя. Такъ какъ Голицынъ былъ небольшого роста, то его обыкновенно называли: «petit Galitzin». Характера очень веселаго, склада ума сатирическаго, но вовсе не склоннаго къ интригамъ, онъ, какъ и все общество того времени, не вмѣшивался въ дѣла. Желая объяснить строгость, съ какою императоръ поступилъ съ княземъ Го-

лицынымъ, распространили слухъ, будто онъ содѣйствовалъ интригѣ между великимъ княземъ и г-жею Шевалье. Эта актриса, фаворитка Кутайсова, чрезвычайно ухаживала за великимъ княземъ, такъ что онъ, прельщенный ея красотой и граціей, склонялся ко взаимности. Предполагали, будто князю Голицыну поручено было вести эту интригу, и что Кутайсовъ, изъ ревности, будучи не въ состояніи отмстить самому великому князю, отплатилъ за все его коммиссіонеру. Какъ бы то ни было, но великій князь былъ очень огорченъ строгостью, проявленной по отношенію къ князю Голицыну, и его удаленіемъ.

Въ первыхъ числахъ мая дворъ переѣхалъ въ Павловскъ, и обрученіе великой княжны Елены было тамъ торжественно отпраздновано [1]). 18-го мая, у великой княгини Елисаветы родилась дочь [2]). Императоръ, повидимому, былъ очень доволенъ рожденіемъ великой княжны, о чемъ ему было доложено въ ту самую минуту, когда курьеръ изъ арміи привезъ ему непріятельскія знамена и извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Суворовымъ въ Италіи [3]). Государю пріятно было сопоставлять эти оба случая, и онъ, шутя, объявилъ себя покровителемъ новорожденной, появленіе на свѣтъ которой никого не радуетъ, потому что она не мальчикъ.

Рожденіе маленькой великой княжны очень обрадовало меня. Я поѣхала въ Павловскъ на крестины [4]). Утромъ того дня императоръ позволилъ великому князю Александру просить у него какой угодно милости для чиновъ его двора. Великій князь испросилъ орденъ св. Александра Невскаго для графа Толстого, орденъ св. Анны для г. Ададурова, своего камергера, и орденъ св. Екатерины I-го класса для графини Шуваловой. Какъ скоро указы о томъ были подписаны и дошли до свѣдѣнія графа Ростопчина, онъ поѣхалъ сказать императору, что несправедливо было бы съ его стороны не дать ордена св. Александра и моему мужу, который былъ гофмейстеромъ при дворѣ его сына и служилъ ему всегда вѣрой и правдой. Императоръ уступилъ представленіямъ Ростопчина и приказалъ напомнить ему про орденъ послѣ церемоніи крещенія. Мы ничего про то не знали. Я провела ночь въ Царскомъ Селѣ и прибыла въ Павловскъ, какъ разъ къ выходу двора въ церковь. Церемонія крещенія очень тронула меня, особенно въ ту минуту, когда императоръ самъ поднесъ дитя къ причастію. Онъ сдѣлалъ это съ чувствомъ, не ускользнувшимъ отъ общаго вниманія. Когда я вернулась въ гостиную, въ ожиданіи обѣда, мужъ мой подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Толстому дадутъ сейчасъ орденъ св. Александра

---

[1]) Обрученіе великой княжны Елены Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ совершено было 5 мая 1799 г.

[2]) Великая княжна Марія Александровна, † 27 іюля 1800 г.

[3]) О пораженіи французовъ на рѣкѣ Аддѣ.

[4]) 29 мая 1799 г.

по желанію великой княгини. Если у тебя спросятъ, долженъ ли и я его получить,—отвѣчай, что тебѣ это неизвѣстно».

Императоръ, войдя въ свой кабинетъ, позвалъ Кутайсова и сказалъ ему: «Растопчинъ говорилъ мнѣ сегодня утромъ о чемъ-то, что я долженъ сдѣлать, а я забылъ о чемъ. А, помню! Позовите ко мнѣ Головина и принесите орденъ св. Александра». Какъ только мужъ мой вошелъ въ кабинетъ, какъ императоръ пошелъ ему на встрѣчу. «Я едва было не сдѣлалъ самой большой несправедливости,—сказалъ онъ ему,—спѣшу загладить разсѣянность моего сына: никто болѣе васъ не заслуживаетъ его участія и благосклонности». Его величество приказываетъ Кутайсову скорѣе сообщить великому князю, что онъ только что вручилъ орденъ св. Александра лицу, наиболѣе достойному получить этотъ знакъ отличія. Въ ту минуту вошла въ кабинетъ императрица Марія. Императоръ сдѣлалъ знакъ моему мужу, чтобы онъ не благодарилъ ея. Она была удивлена аудіенціей, которою удостоенъ былъ мой мужъ, а въ особенности орденскою лентой, которую она увидала на немъ. Насъ увѣряли, будто она тому противилась. По выходѣ ея изъ кабинета, императоръ сказалъ моему мужу: «Я вамъ сдѣлалъ знакъ не благодарить ее. Увѣряю васъ, что не за что». Мужъ мой явился затѣмъ къ великому князю, который принялъ его съ замѣшательствомъ. Мужъ мой высказалъ, какъ ему тяжело было не имѣть возможности приписать полученіе этого ордена участію его высочества: великій князь достаточно зналъ его, говорилъ онъ, и могъ быть увѣренъ, что онъ цѣнилъ не орденъ, а его мнѣніе. Затѣмъ, увлекшись живостью своего характера, онъ позволилъ себѣ высказать ему суровую истину, чего подданный не долженъ допускать, разговаривая съ своимъ государемъ, изъ какого бы чистаго источника ни проистекало его намѣреніе; въ концѣ концовъ, онъ попросилъ у великаго князя позволенія оставить его дворъ. Великій князь хотя и противился этому намѣренію, но слабо. Прямо отъ великаго князя мужъ мой пошелъ благодарить великую княгиню Елисавету. Она вовсе не догадывалась о происшедшемъ и поручила ему передать мнѣ, чтобы я навѣстила ее. Я застала ее лежащей на кушеткѣ. Княжна Четвертинская сидѣла возлѣ нея. Визитъ мой былъ кратокъ: я стѣснялась присутствіемъ княжны. Простившись съ великой княгиней, я пошла въ комнаты графини Толстой. Мужъ мой вскорѣ пришелъ туда и разсказалъ мнѣ все, только что переданное мною. Я очень этимъ огорчилась. Мужъ мой признался, что ему труднѣе всего было скрыть все, происходившее въ его сердцѣ, во время своей аудіенціи великой княгини, вниманіемъ которой онъ болѣе всего дорожилъ. Онъ прибавилъ, что все, готовившееся противъ нея въ средѣ окружавшихъ великаго князя, было одною изъ главныхъ причинъ, побуждавшихъ его оставить дворъ, такъ какъ онъ не сомнѣвался въ невозможности помочь горю. Сначала

онъ просилъ даже уволить его въ отставку, однако императоръ позволилъ ему оставить дворъ, но не службу. Его величество положительно требовалъ, чтобы онъ принялъ какое либо мѣсто. Мужъ мой, не желая ослушаться, рѣшился просить себѣ мѣсто президента почтоваго департамента, главнымъ директоромъ котораго былъ графъ Ростопчинъ. Императоръ согласился и заставилъ его, кромѣ того, принять мѣсто сенатора [1]).

Я не могу выразить, насколько эта перемѣна въ моемъ положеніи была для меня тягостна. Она подала поводъ къ тысячѣ предположеній, одно другого обиднѣе. Враги наши съ гнуснымъ злорадствомъ имѣли теперь возможность вести свои интриги, прикрывая свою клевету кажущимся видомъ истины. Удаленіе моего мужа отъ двора великаго князя былъ первымъ предметомъ ихъ недоброжелательныхъ толковъ. Вотъ какъ они представили его великой княгинѣ. Всѣ эти подробности узнала я, много времени спустя.

На другой день послѣ крестинъ своей дочери великій князь Александръ сообщилъ своей супругѣ, что императоръ предоставилъ на его усмотрѣніе дать орденъ Александра Невскаго или моему мужу, гофмейстеру его двора, или графу Толстому—гофмаршалу. Такъ какъ графъ Толстой всегда находился при немъ, дѣятельно и неутомимо исполняя самыя тяжелыя обязанности своей должности, то онъ считалъ вполнѣ справедливымъ представить къ ордену графа Толстого, а не мужа моего, который удалялся отъ великаго князя; но графъ Говинъ обидѣлся этимъ предпочтеніемъ и тотчасъ же испросилъ свое увольненіе, промѣнявъ свое положеніе при дворѣ великаго князя на президентство почты въ вѣдѣніи графа Ростопчина. Великій князь въ свою очередь, казалось, былъ очень оскорбленъ поведеніемъ моего мужа и, въ особенности, этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ. Переходя поспѣшно въ департаментъ, зависящій отъ графа Ростопчина, тогда перваго министра и, повидимому, всемогущаго, мужъ мой какъ бы пренебрегалъ вниманіемъ великаго князя и дѣйствовалъ по заранѣе подготовленному плану. Такъ смотрѣлъ на дѣло великій князь. Онъ повторялъ съ большимъ сожалѣніемъ: «Могъ ли я когда нибудь думать, что Головинъ, котораго я считалъ истинно мнѣ преданнымъ, оставитъ меня подъ предлогомъ обиды изъ-за ордена! Его соблазняетъ фаворъ. Онъ справедливо полагаетъ, что ему будетъ лучше быть подъ начальствомъ Ростопчина: такимъ образомъ онъ укрывается отъ всякихъ случайностей; но я не ожидалъ отъ него такого поступка». Великій князь, судившій только по приведеннымъ мною фактамъ, съ той же точки зрѣнія представилъ это

---

[1]) Графъ Ростопчинъ назначенъ былъ главнымъ директоромъ почтоваго правленія 31 мая 1799 года; вслѣдъ затѣмъ 6-го іюня того же года гофмейстеръ двора великаго князя Александра Павловича графъ Головинъ назначенъ былъ президентомъ почтоваго департамента и присутствующимъ въ первомъ департаментѣ сената.

дѣло и великой княгинѣ. Всѣ, кому ихъ высочества говорили о немъ, судили въ томъ же духѣ, и великая княгиня горячо раздѣляла неудовольствіе великаго князя противъ моего мужа. Она не обвиняла меня, будучи увѣрена, что я страдаю отъ всего происшедшаго: она жалѣла меня и вѣрила еще въ мою неизмѣнную преданность. Однако старались и меня очернить въ ея глазахъ; притомъ печально сложившіяся обстоятельства ввели ее въ заблужденіе на мой счетъ. Возвратимся теперь къ болѣе отдаленному прошлому, подготовившему событія, о которыхъ теперь будетъ идти рѣчь.

Съ начала прошлой зимы (1798 г.) великій князь Александръ заставилъ князя Адама Чарторижскаго оставить военную службу. Бывшій адъютантъ великаго князя сталъ гофмейстеромъ двора великой княгини Елены Павловны. У князя Чарторижскаго не было ни расположенія, ни влеченія къ мелочамъ службы, а, между тѣмъ, въ глазахъ императора, онѣ и вмѣнялись въ наибольшую заслугу каждому. Его величество поговаривалъ, не дать ли ему команды надъ баталіономъ или даже полкомъ, но великій князь, содрогаясь при мысли, что государь можетъ открыть неспособность князя къ капральной службѣ, предупредилъ немилость, которой онъ бы, навѣрное, подвергся въ такомъ случаѣ, и предоставилъ ему мѣсто, о которомъ я говорила. Эта перемѣна, въ сущности, не измѣнила ничего. Великій князь сохранялъ ту же привычку къ князю и то же фамильярное съ нимъ обращеніе. Новая должность требовала присутствія Чарторижскаго при дворѣ, за которымъ онъ слѣдовалъ всюду, и, кромѣ того, императоръ предоставилъ ему должность по Мальтійскому ордену. Несмотря на это, великій князь и самъ князь Чарторижскій были тайно убѣждены, что этотъ послѣдній вскорѣ впадетъ въ немилость у императора. Неспособный по своему характеру ко всѣмъ придворнымъ интригамъ, къ низости и заискиванію, свойственному обыкновеннымъ придворнымъ (таково было мнѣніе, которое онъ сумѣлъ въ то время внушить о себѣ ихъ императорскимъ высочествамъ), онъ дѣйствительно дорожилъ только великимъ княземъ, не имѣлъ и не думалъ искать никакой другой опоры. Однако ея одной недостаточно было въ то бурное и перемѣнчивое время. Великій князь заранѣе предвидѣлъ катастрофу, которая должна была удалить его отъ друга, и уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ предложилъ князю Чарторижскому оставить у него бумаги, которыя опасно было бы князю держать при себѣ [1]).

Немедленно по выздоровленіи великой княгини Елисаветы дворъ отправился въ Петергофъ. Я проводила лѣто противъ Каменнаго острова, въ деревнѣ, принадлежавшей моей свекрови [2]). Эта уважа-

---

[1]) Князь Адамъ Чарторижскій удаленъ былъ отъ великаго князя Александра и 12-го августа назначенъ министромъ къ королю Сардинскому.

[2]) Головинская дача, у Черной рѣчки, нынѣ принадлежащая Воспитательному Дому.

емая женщина съ годъ уже какъ умерла. Графиня Толстая жила со мной. Мы нѣсколько разъ ѣздили въ Петергофъ на благодарственные молебены, по случаю побѣдъ нашей арміи.

Суворовъ покрылъ себя безсмертными лаврами. Имя его возбуждало благоговѣніе и уваженіе. Императоръ далъ ему титулъ генералиссимуса и пожелалъ, чтобы его поминали на эктеніи за обѣдней наравнѣ съ императорской фамиліей.

Въ Петергофѣ произошло, между тѣмъ, довольно интересное событіе. Императоръ былъ однажды у m-lle Лопухиной и получилъ при ней извѣстіе изъ арміи о новой побѣдѣ. Въ донесеніи Суворовъ прибавлялъ, что въ скоромъ времени отправитъ полковника князя Гагарина съ непріятельскими знаменами и съ болѣе точными подробностями объ этой побѣдѣ. Это извѣстіе произвело на m-lle Лопухину сильное впечатлѣніе, которое она напрасно старалась скрыть отъ императора. Не будучи въ состояніи устоять противъ его просьбъ и, наконецъ, противъ его повелѣнія, она бросилась на колѣна передъ нимъ и призналась, что знала князя Гагарина въ Москвѣ, что онъ былъ влюбленъ въ нее, и что изъ всѣхъ ухаживателей онъ одинъ заинтересовалъ ее. Она прибавила, что не могла оставаться равнодушной къ извѣстію о предстоявшемъ свиданіи съ нимъ, и что она полагается на великодушіе императора относительно ихъ обоихъ. Императоръ съ большимъ волненіемъ выслушалъ это признаніе и съ внезапнымъ порывомъ принялъ рѣшеніе устроить замужество m-lle Лопухиной съ княземъ Гагаринымъ, который пріѣхалъ нѣсколько дней спустя [1]. Онъ былъ прекрасно принятъ императомъ, опредѣленъ въ 1-й гвардейскій полкъ, и въ скоромъ времени объявлена была предстоящая свадьба его и назначеніе генералъ-адъютантомъ его величества [2].

Возвращаюсь къ тому, что происходило вокругъ меня. Не могу пройти молчаніемъ нѣкоторыхъ событій, послужившихъ подготовленіемъ къ моимъ горестямъ. Я чрезвычайно была поражена кончиной графини Шёнбургъ, послѣдовавшей около того времени. Принцесса Тарантъ была въ этомъ случаѣ моимъ ангеломъ хранителемъ, вслѣдствіе глубокаго участія, съ которымъ она раздѣляла мое горе. Графиня Толстая часто оставляла меня и уѣзжала въ Петергофъ. Мужъ

---

[1]) 7-го іюля 1799 года при дворѣ было молебствіе по случаю побѣды Суворова надъ французами при рѣкѣ Треббіи. Извѣстіе о ней привезъ наканунѣ, какъ курьеръ отъ Суворова, майоръ, князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ, который тотчасъ же пожалованъ былъ командорскимъ крестомъ ордена свят. Іоанна Іерусалимскаго.

[2]) Князь П. Г. Гагаринъ, майоръ и адъютантъ Суворова, 19 іюля 1799 года пожалованъ былъ въ полковники, съ опредѣленіемъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, въ баталіонъ его величества. 11-го января 1800 года княжна Анна Петровна Лопухина благодарила императрицу за дозволеніе вступить въ бракъ съ Гагаринымъ, которому уже было пожаловано званіе генералъ-адъютанта, а 8-го февраля совершено было ихъ бракосочетаніе.

ея сбросилъ маску, втерся въ милость у императора и императрицы и началъ разыгрывать роль ревниваго мужа. Лордъ Витвортъ все болѣе и болѣе ухаживалъ за его женой. Графъ Толстой готовъ былъ очернить меня, приписывая мнѣ такую роль, которую я не только исполнить, но и понять не могла. Съ невыразимой горестью видѣла я, что графиня Толстая удаляется отъ меня. Я указывала ей на опасность, которой она, повидимому, подвергалась, но голосъ мой не доходилъ болѣе до ея сердца, которое становилось слабымъ и ненормальнымъ. Она сошлась съ m-lle де-Бломъ, которая сопровождала ее въ поѣздкахъ и прогулкахъ. Это была очень хорошая дѣвушка, но слабая и уступчивая, тогда какъ надо было сдерживать нѣкоторыя неосторожныя дѣйствія графини. Приближался петергофскій праздникъ, и я думала, что мнѣ слѣдуетъ поѣхать на него изъ приличія, хотя я къ тому вовсе не была расположена, но прежде чѣмъ рѣшиться на это, я написала великой княгинѣ, спрашивая, не будетъ ли ей непріятно мое присутствіе, и могу ли я еще разсчитывать на ея расположеніе ко мнѣ. Я высказала ей, что все происходившее дѣлаетъ меня очень несчастной, что я не виновата во всѣхъ этихъ перемѣнахъ, и умоляла ее отвѣтить мнѣ совершенно искренно. Графиня Толстая взялась передать мое письмо. Великая княгиня отвѣтила мнѣ ласково и успокоительно. Я поѣхала на балъ. Съ безпокойствомъ ловила я взглядъ великой княгини. Видъ ея, холодный и равнодушный, очень огорчилъ меня, и я съ трудомъ удержалась отъ слезъ. Принцесса Тарантъ была почти такъ же огорчена, какъ и я, и не оставляла меня: ей легче другихъ было судить о моихъ чувствахъ. На другое утро я отправилась гулять въ Монплезиръ, гдѣ я надѣялась встрѣтить великую княгиню Елисавету. Дѣйствительно, она была тамъ. Я умоляла ее объяснить мнѣ причину ея холодности со мной. Я сказала ей, что если бы могла это предвидѣть, то ни за что на свѣтѣ не пріѣхала бы на этотъ праздникъ, что строки ея, дышавшія добротой, какъ и она сама, заставили меня принять это рѣшеніе. Великая княгиня сдѣлала все возможное, чтобы избѣжать объясненія, и я ясно видѣла, что ея ангельская душа страдала отъ огорченія, которое она мнѣ причиняла. Я замолчала. Мы разстались, и я дала себѣ слово молча страдать и никогда не жаловаться. Однако сердечное горе разстроило мое здоровье. Я чувствовала, что жизнь моя зависѣла отъ той, которая теперь отталкивала меня. Опасныя и тяжелыя чувства, наполнявшія сердце графини Толстой, усиливали мое горе. Болѣе чѣмъ когда либо я оцѣнила дружбу принцессы Тарантъ; она стала моимъ утѣшеніемъ, моей силой и опорой. Жалѣю тѣхъ, которые незнакомы съ этимъ чувствомъ, посланнымъ Провидѣніемъ: оно, какъ чистый источникъ, смягчаетъ черствость души. Несмотря на печаль, въ которую я была погружена, бывали минуты, когда невозможно было не раздѣлить любезнаго и веселаго настроенія духа, характеризовавшаго хорошаго знакомаго нашего, шевалье д'Огаръ.

При дочери графини Толстой была англичанка, до страсти любившая рѣчныя купанья. Мы устроили плавучую купальню, и она въ нее часто ходила. Мужъ мой велѣлъ пустить туда пискарей, наловленныхъ въ пруду, чтобы ихъ очистить. M-lle Эмри, ничего не подозрѣвая, спокойно вошла въ купальню и была тамъ вся покрыта рыбой. Удивленіе ея было чрезвычайно, и это приключеніе подало поводъ къ разнаго рода шуткамъ. Шевалье д'Огаръ, жившій тогда у насъ, написалъ пародію на проклятіе Камиллы. Въ этихъ стихахъ онъ заставлялъ ее говорить противъ моего мужа. Вотъ эта невинная шутка, которая можетъ быть вездѣ помѣщена:

Golovin, fier objet de mon juste dédain,
Toi qui détruis ma joie en salissant ton bain,
Golovin, que je haïs parce que l'on t'adore,
Toi, que je veux blâmer parce que l'on t'honore.
Puissent tous les voisins ensemble conjurés
Sapper de Nicolsky [1]) les murs mal assurés!
Et si ce n'est assez de toute ton Ingrie
Que l'ouest au midi et au nord se rallie!
Que cent hommes venus des champs de Sabakine
Entraînent Stroganof, Zagriaski, Narichkine!
Que ton château sur toi renverse ses murailles
Puisses-tu, Président, Sénateur des enfers
Y rôtir sur un tas de fagots toujours verts!
Puissent tes vieux moulins te broyer sous leurs meules,
Ton fumier t'étouffer et te pommer la gueulle,
Que tes ruisseaux, desséchés à ma voix
Deviennent des étangs de bitume et d'empois.
Puisse je de mes yeux dans un champs toujours maigre
Voir croître des chardons et pleuvoir du vinaigre,
A mon dernier repas voir ton dernier saumon,
Le manger et mourir d'une indigestion [2]).

Въ началѣ августа дворъ вернулся въ Павловскъ. Здѣсь я сдѣлалась предметомъ самой гнусной интриги... Я искренно принимала

---

[1]) Никольское, названіе нашего имѣнія противъ Каменнаго острова. Примѣчаніе графини Головиной. — Нынѣ Головинская дача Воспитательнаго Дома у Черной рѣчки.

[2]) Головинъ, ты который уничтожаешь мое удовольствіе, засоряя свою купальню, Головинъ, котораго я ненавижу, потому что всѣ тебя обожаютъ, ты, котораго я одна хочу осудить, потому что всѣ тебя почитаютъ, пускай всѣ твои сосѣди, сговорившись вмѣстѣ, подведутъ подкопы подъ некрѣпкія стѣны Никольскаго и, если недостаточно всей твоей Ингріи, пускай западъ присоединится къ югу и къ сѣверу на подмогу. Пускай сотня людей, пришедшихъ съ полей Собакина, увлекутъ въ плѣнъ Строганова, Загряжскаго, Нарышкина! Пускай ты, президентъ, сенаторъ ада, могъ бы жариться тамъ на грудѣ всегда свѣжаго хворосту! Пускай твои старыя мельницы сотрутъ тебя подъ своими жерновами! Пускай твоя грязь задушитъ тебя, а ручьи твои съ дурнымъ запахомъ, засохшіе при звукѣ моего голоса, станутъ прудами съ горной смолой и иломъ! Ахъ, еслибъ на твоемъ всегда тощемъ полѣ я могла видѣть, какъ растутъ терніи, и льется уксусъ подобно дождю! Еслибъ я могла за моимъ послѣднимъ обѣдомъ видѣть вою послѣднюю семгу, затѣмъ съѣсть ее и умереть отъ несваренія желудка!

къ сердцу горести великой княгини и была далека отъ мысли, что меня обвиняли въ какихъ бы то ни было интригахъ. Ея высочество считала, между тѣмъ, несомнѣннымъ, что я была причиной испытываемыхъ ею непріятностей. Въ ранней молодости всѣ крайнія мнѣнія кажутся наиболѣе правдоподобными. Легко вѣрится тогда самымъ увлекательнымъ добродѣтелямъ, но когда бываютъ случайно вынуждены видѣть дурную сторону человѣческаго сердца, скорѣе повѣрятъ самому гнусному преступленію, чѣмъ тонко веденной интригѣ. Первая ошибка въ жизни великой княгини относилась къ предметамъ, имѣвшимъ большія послѣдствія и слишкомъ близкимъ къ ея сердцу; оттого ошибка эта и причинила ей сильное горе. Она полагала, что ей самымъ ужаснымъ образомъ измѣнила та, которую она нѣжно любила, и привязанность которой считала неизмѣнною. Вскорѣ, однако, ея негодованіе придало ей достаточно силы и рѣшимости не выказывать тѣмъ, которые ее огорчали (кто бы то ни были), что они въ томъ успѣли. Это поведеніе возвратило ей ея достоинство въ свѣтѣ и дома. Великая княгиня старалась, однако, отогнать отъ себя мысль о моемъ мужѣ и обо мнѣ. Съ тѣхъ поръ она смотрѣла на насъ, какъ на своихъ открытыхъ враговъ.

За нѣсколько дней до отъѣзда двора изъ Гатчины императрица изъявила желаніе устроить праздникъ для императора по случаю приближавшихся свадебъ великихъ княженъ Александры и Елены, въ послѣдній разъ покидавшихъ Павловскъ. Императрица высказала великой княгинѣ Елисаветѣ свое желаніе, чтобы она приняла участіе въ прощальной кантатѣ, которую молодыя великія княгини должны были пропѣть императору. Великая княгиня Елисавета, оскорбленная подобнымъ предложеніемъ при обстоятельствахъ, въ которыхъ она находилась, испросила объясненія у императрицы по этому поводу и почтительно объявила, что ей невозможно обращаться къ императору съ нѣжными и любезными фразами въ то время, какъ онъ глубоко огорчилъ великаго князя и обращается съ нею съ обиднымъ пренебреженіемъ Императрица притворилась удивленной и увѣряла, будто ничего и не слыхала подобнаго. Однако она ничего не возразила, когда великая княгиня категорически высказала, что не возьметъ на себя никакой роли въ приготовляемомъ празднествѣ.

Въ то время, какъ дворъ ожидалъ въ Гатчинѣ пріѣзда эрцгерцога палатина и двухъ свадебъ—великихъ княженъ Александры и Елены, великая княгиня Елисавета получила отъ великой княгини Анны извѣстіе о ея скоромъ возвращеніи безъ всякихъ подробностей. Наканунѣ дня свадьбы великой княжны Елены, въ началѣ октября, императоръ самъ привезъ великую княгиню Анну въ ея аппартаменты, смежные съ комнатами великой княгини Елисаветы. Обѣ выказали радость при свиданіи, въ присутствіи его величества, и въ ту минуту государь сказалъ нѣсколько словъ великой

княгинѣ Елисаветѣ, забывъ, повидимому, свою строгость относительно ея [1]).

— «Вотъ и она!—сказалъ его величество очень довольнымъ тономъ, представляя великую княгиню Анну великой княгинѣ Елисаветѣ.—Все-таки она къ намъ вернулась,—прибавилъ онъ,—и съ очень добрымъ лицомъ»...

Но съ слѣдующаго же дня государь опять упорно не обращалъ ни слова къ великой княгинѣ Елисаветѣ въ продолженіе шести недѣль. Какъ только великія княгини остались однѣ, великая княгиня Елисавета высказала своей невѣсткѣ удивленіе по случаю ея внезапнаго, неожиданнаго пріѣзда и спросила, что сталось съ ея планами, составленными передъ отъѣздомъ. Тогда она узнала отъ великой княгини Анны, что императоръ былъ, вѣроятно, увѣдомленъ о ея намѣреніи, потому что ранѣе, чѣмъ она успѣла подготовить все для его исполненія, г. Растопчинъ написалъ г. Тутолмину, сопровождавшему великую княгиню, самыя угрожающія письма, предвидя возможность, что великая княгиня будетъ просить у императора позволенія продлить свое пребываніе въ Германіи. Письма эти повторились, и наконецъ пришло письмо, назначавшее безотлагательно возвращеніе великой княгини къ предполагавшимся свадьбамъ. Испуганная угрозами Растопчина и страшась навлечь весь гнѣвъ императора на сопровождавшихъ ее особъ, она рѣшилась повиноваться [2]).

Свадьба великой княгини Елены съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ была отпразднована 6-го октября [3]). Свадьба великой княгини Александры съ эрцгерцогомъ-палатиномъ состоялась 8 или 10 дней спустя [4]). Государю было угодно, чтобы послѣдующіе праздники, церемоніи и представленія состоялись со всей приличествующей помпой и великолѣпіемъ, но гатчинскій дворецъ былъ для того неудобенъ: онъ былъ слишкомъ малъ и не могъ достойнымъ образомъ вмѣстить въ своихъ стѣнахъ все петербургское общество, такъ что особы, которыя, по положенію и по рангу, должны были непремѣнно присутствовать на этихъ церемоніяхъ, едва могли размѣститься въ Гатчинѣ. Отдѣльное помѣщеніе во дворцѣ, гдѣ давались домашніе спектакли, крайне мизерныя квартиры первыхъ чиновъ двора и лицъ, принадлежавшихъ къ высшему петербургскому обществу, грязь и осеннее небо, покрытое туманами, придавали этому торжеству печальный видъ для жертвъ, обреченныхъ

---

[1]) Великая княгиня Анна Ѳеодоровна возвратилась въ Гатчину изъ-за границы 11 октября 1799 г.

[2]) Эти извѣстія графини Головиной съ изумительною точностію подтверждаются дневникомъ гр. Растопчина.

[3]) Вѣнчаніе великой княжны Елены Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ происходило 12 октября 1799 г.

[4]) 21 октября.

жить въ этихъ квартирахъ, и смѣшной—для актеровъ и зрителей, поставленныхъ въ самое лучшее положеніе. Я не прочь причислить къ числу жертвъ наслѣдника престола съ его супругой, вспоминая, что изъ повиновенія къ волѣ императора, желавшаго, чтобы великимъ княземъ устроенъ былъ балъ, пришлось выселить маленькую великую княжну, для которой не было другого убѣжища, кромѣ комнаты ея матери. Праздники продолжались до ноября. Они безпрерывно возобновлялись и должны были получать главный интересъ вслѣдствіе благопріятныхъ извѣстій изъ арміи. Суворову пожалованъ былъ титулъ князя италійскаго, а великій князь Константинъ, бывшій зрителемъ побѣдъ Суворова, получилъ титулъ цесаревича, до того времени исключительно принадлежавшій наслѣднику престола. Императоръ объявилъ, что проведетъ всю зиму въ Гатчинѣ. Всѣ чувствовали невозможность осуществить это рѣшеніе, такъ какъ Гатчина была неудобна для помѣщенія такого большого двора въ продолженіе суровой зимы. Но государь не привыкъ слушать возраженія, всѣ молчали, и его величество полагалъ, что всѣ затрудненія имъ устранены.

Великая княгиня Александра, сдѣлавшись эрцгерцогиней, уѣхала съ супругомъ въ концѣ ноября[1]). Императоръ разстался съ ней съ чрезвычайнымъ волненіемъ. Прощаніе было очень трогательно. Онъ безпрестанно повторялъ, что не увидитъ ея болѣе, что ее приносятъ въ жертву. Мысли эти приписывали тому, что, будучи съ тѣхъ поръ справедливо недоволенъ политикой Австріи относительно себя, государь полагалъ, что вручаетъ дочь своимъ врагамъ. Впослѣдствіи часто вспоминали это прощаніе и приписывали его предчувствію.

XVII.

Кружокъ лицъ, собиравшихся у графини Головиной. — Увольненіе графини Шуваловой. — Графиня Паленъ. — Переѣздъ двора изъ Гатчины въ Петербургъ. — Отъѣздъ изъ Россіи великой княгини Елены Павловны. — Разладъ съ Австріей. — Опала Суворова и смерть его. — Жизнь великаго князя Константина въ Царскомъ Селѣ. — Великій князь Александръ Павловичъ. — Графиня Толстая и лордъ Витвортъ. — Графъ де-Крюссоль. — Отношенія великой княгини Елисаветы къ графинѣ Паленъ, къ княжнѣ Шаховской и къ графинѣ Головиной. — Странныя распоряженія императора Павла. — Нелады его съ императрицей. — Кончина великой княжны Маріи Александровны.

Всю эту зиму (1799 — 1800 года) я прожила очень уединенно. Мой маленькій кружокъ состоялъ изъ барона Блома, датскаго министра, любезнаго и почтеннаго старца, его племянника, племян-

---

[1]) 21 ноября императрица провожала новобрачныхъ д Ропши, первой станціи отъ Петербурга по варшавской дорогѣ.

ницы, двухъ моихъ подругъ, командора Мезоннёвъ [1]), человѣка хорошаго общества, достойнаго кавалера д'Огаръ [2]), князя Барятинскаго [3]), брата графини Толстой, и графа Ростопчина, который приходилъ къ намъ ежедневно и сообщалъ намъ о всѣхъ текущихъ событіяхъ. Я старалась развлечься, пока имѣла достаточно силъ. Посѣщенія лорда Витворта нарушали это однообразіе, которое я всегда искала и предпочитала. Въ это время графиня Шувалова, которой поручено было когда-то привезти изъ Германіи великую княгиню Елисавету и которая съ того времени всегда занимала при ней должность гофмейстерины, была устранена, и графиня Паленъ замѣнила ее. Эта перемѣна, которую нельзя было приписать никакой видимой причинѣ, казалось, происходила отъ рѣшимости удалять отъ ихъ императорскихъ высочествъ всѣхъ, къ кому они могли бы привязаться по привычкѣ или по влеченію. Великій князь Александръ и его супруга никогда не выказывали ни довѣрія, ни дружбы графинѣ Шуваловой, но она была замѣнена совершенно чуждой имъ особой, которой, какъ полагали, поручено было наблюдать и отдавать отчетъ во всемъ, происходившемъ у нихъ, которая поэтому внушала недовѣріе, тѣмъ болѣе, что она была женою петербургскаго военнаго губернатора, пользовавшагося, повидимому, большимъ довѣріемъ у императора [4]). У графини Паленъ видъ былъ холодный, строгій и не очень привѣтливый. Несмотря на свои новыя обязанности, она получила порученіе сопровождать эрцъ-герцогиню въ Вѣну, и такимъ образомъ великая княгиня избавлена была отъ непріятности видѣть около себя особу, которая ей не нравилась.

Начало зимы было очень сурово, и въ декабрѣ въ Гатчинѣ и въ Петербургѣ появился гриппъ,—болѣзнь катарральнаго и эпидемическаго характера, имѣвшая обыкновенно опасныя послѣдствія. Почти весь дворъ переболѣлъ ею. Наконецъ и императоръ схватилъ ее, и тогда только онъ замѣтилъ, что въ аппартаментахъ царскихъ не было комнаты, гдѣ бы онъ могъ быть защищенъ отъ холода. Вынужденный оставаться въ постели, государь долженъ былъ велѣть поставить ее въ маленькой комнаткѣ безъ оконъ, единственной сохранявшей тепло отъ топки печей. Это усиливало дурное настроеніе духа государя, тѣмъ болѣе, что виновникомъ непріятнаго поло-

---

[1]) Изъ французскихъ эмигрантовъ.

[2]) Извѣстный дѣятель по іезуитской пропагандѣ въ Петербургѣ. Служилъ при Императорской публичной библіотекѣ подъ начальствомъ графа Шуазель-Гуфье и способствовалъ ея расхищенію въ то время.

[3]) Князь Иванъ Ивановичъ, тайный совѣтникъ, агрономъ, былъ впослѣдствіи посланникомъ въ Мюнхенѣ. Одинъ изъ сыновей его — фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Князь Иванъ Ивановичъ умеръ въ 1830 г.

[4]) Графиня Юліана Ивановна фонъ-деръ-Паленъ, урожденная фонъ-Шеппингъ, жена генералъ-отъ-кавалеріи гр. Петра Алексѣевича фонъ-деръ-Палена, р. 1753 г. † 1814 г. Въ статсъ-дамы была пожалована 17 апрѣля 1799 года.

женія, въ которомъ находился, былъ онъ самъ. Тотчасъ же отдано было повелѣніе, чтобы весь дворъ отправился въ Петербургъ, и самъ императоръ, какъ только поправился, оставилъ Гатчину со всѣмъ своимъ августѣйшимъ семействомъ.

Около того же времени наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій выѣхалъ изъ Россіи съ своею супругой, и вскорѣ великій князь Константинъ возвратился изъ арміи. Быстрое и побѣдоносное шествіе нашихъ войскъ, повидимому, достигало своей цѣли и предуготовляло спасеніе Европы, но вѣнскій кабинетъ парализовалъ послѣдствія этого славнаго похода. Австрійская армія, подъ предводительствомъ эрцгерцога Карла, не присоединилась къ генералиссимусу князю Суворову, согласно установленному плану военныхъ дѣйствій. Императоръ не могъ перенести этого уклоненія отъ принятыхъ обязательствъ и велѣлъ нашей арміи возвратиться къ русской границѣ. Князь Суворовъ заболѣлъ на обратномъ походѣ и, благодаря несчастному характеру императора, подвергся его немилости. Суворовъ привезенъ былъ въ Петербургъ и, согласно приказанію, помѣстился въ самой отдаленной части города, а не въ приготовленныхъ для него аппартаментахъ во дворцѣ. Гнѣвъ императора усилилъ болѣзнь Суворова и свелъ его въ могилу. Онъ умеръ весной 1800 г. и былъ погребенъ въ Невской лаврѣ со всѣми воинскими почестями. Погребальное шествіе прошло мимо моего дома. Никогда зрѣлище не было для меня болѣе трогательно. На лицахъ всѣхъ военныхъ запечатлѣно было выраженіе самой глубокой горести. По тротуарамъ улицъ толпились люди всѣхъ слоевъ общества, и многіе изъ нихъ становились на колѣна. Императоръ слѣдовалъ за церемоніей въ продолженіе нѣкотораго времени. По окончаніи обычныхъ молитвъ надо было нести гробъ въ церковь, куда вела очень узкая лѣстница. Придумывали, какъ бы устранить это неудобство. Тогда гренадеры, служившіе подъ командой Суворова, подняли гробъ, поставили его себѣ на головы и, при возгласѣ: «Суворовъ долженъ вездѣ пройти!» снесли его до мѣста назначенія.

Въ январѣ того же 1800 года, мужъ мой представилъ смѣту почтовыхъ доходовъ. Императоръ былъ имъ очень доволенъ и пожаловалъ его чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, соотвѣтствовавшимъ чину генералъ-аншефа [1]). Этотъ чинъ мужа открывалъ мнѣ двери Эрмитажа. Я бывала почти на каждомъ спектаклѣ, для того только, чтобы, хотя издали, видѣть великую княгиню Елисавету; правда, что, при видѣ ея, я чувствовала себя еще болѣе несчастной; но такова слабость человѣческая: сердце теряетъ бодрость, когда ему слѣдуетъ вырвать оживляющее его чувство, какимъ бы отравленнымъ оно ни представлялось. Самолюбіе и тще-

[1]) Именной указъ сенату о пожалованіи гр. Головина чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника данъ былъ 26 декабря 1799 года.

славіе, властныя страсти, одни только могутъ потушить наши оскорбленныя чувства, но я ихъ никогда не знала. Я хотѣла прибѣгнуть къ здравому смыслу, но и онъ былъ заодно съ моимъ сердцемъ. Итакъ, надо было страдать и покоряться.

Великій князь Константинъ не долго оставался въ Петербургѣ. Императоръ прогнѣвался на конно-гвардейскій полкъ, сослалъ его въ Царское Село и, чтобы увеличить наказаніе, поручилъ обучать его великому князю Константину. Его высочество поселился тамъ съ великой княгиней Анной, своей супругой, которая послѣдовала за нимъ.

Образъ жизни его высочества, въ которомъ и великая княгиня должна была принимать участіе, совершенно не согласовался съ достоинствомъ, присущимъ его сану. Желая сдѣлать удовольствіе своему супругу, обращеніе котораго съ ней во всемъ остальномъ измѣнилось къ лучшему, великая княгиня ѣздила въ манежъ присутствовать на происходившихъ тамъ военныхъ упражненіяхъ. Великій князь, безразлично и во всякое время, приводилъ въ аппартаменты великой княгини офицеровъ ввѣреннаго ему полка. Танцовали подъ звуки рояля, и въ обществѣ ихъ высочествъ царила фамильярная непринужденность, предосудительная даже и на болѣе низкихъ ступеняхъ общества. Въ мартѣ великая княгиня Анна опасно заболѣла и была перевезена въ Петербургъ для болѣе удобнаго за ней ухода въ продолженіе медленнаго выздоровленія.

Между тѣмъ зимній сезонъ при дворѣ прошелъ безъ особыхъ событій и даже безъ удовольствій. Тамъ еще, повидимому, не отдохнули отъ свадебныхъ празднествъ. Императоръ, который особенно старался поставить на видъ, что расположеніе его къ m-lle Лопухиной не переходитъ границъ чистаго, возвышеннаго чувства, продолжалъ за ней ухаживать, хотя она была объявлена невѣстой князя Гагарина, котораго онъ осыпалъ милостями. Императрица, конечно, волновалась во всѣхъ отношеніяхъ, но по поводу такихъ мелочей и до такой степени безуспѣшно, что изъ этого не выходило ничего достойнаго упоминанія. Великій князь Александръ, исполняя съ пунктуальною точностію возложенныя на него тяжелыя служебныя обязанности, угождалъ своему отцу, но въ то же время съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе любовь общества. Въ качествѣ командира полка и петербургскаго генералъ-губернатора, онъ могъ часто спасать несчастныхъ или, по крайней мѣрѣ, облегчать ихъ участь. Доброта и снисходительность его характера составляли слишкомъ большой контрастъ съ характеромъ императора, такъ что великій князь Александръ расположилъ въ свою пользу всѣ сердца, и чѣмъ болѣе чувствовали себя несчастными въ царствованіе императора, тѣмъ болѣе увеличивалась надежда относительно будущаго, и тайно желали, чтобы оно скорѣе настало.

Видя изъ приведенныхъ нами примѣровъ, въ особенности на молодомъ графѣ Строгановѣ [1]), къ которому онъ благоволилъ болѣе, чѣмъ къ другимъ придворнымъ, а императоръ осыпалъ непріятностями и униженіями, что благосклонность его къ тѣмъ или другимъ лицамъ ничего не значитъ въ глазахъ императора, великій князь имѣлъ намѣреніе принимать только необходимыхъ по службѣ особъ. Онъ не допускалъ даже къ себѣ лицъ собственнаго двора, боясь скомпрометировать ихъ, и это поведеніе, настоящую причину котораго знали всѣ, служило только къ увеличенію внушаемаго имъ уже довѣрія. Только одинъ графъ Толстой, хотя и находился постоянно при дворѣ великаго князя и выказывалъ ему привязанность, удержался однако и при дворѣ, и въ фаворѣ у императора. Великая княгиня Елисавета жила только для своего ребенка: огорченія, перенесенныя ею недавно, заставляли ее считать за особое преимущество уединеніе, въ которомъ она жила. Она видѣла только лицъ, оставленныхъ при великомъ князѣ Александрѣ, и нѣсколько фрейлинъ.

Графиня Толстая все болѣе и болѣе предавалась своему увлеченію. Я перестала гулять съ нею утромъ, не желая присутствовать при встрѣчахъ ея съ Витвортомъ [2]). Я говорила ей, что мнѣ невозможно одобрять ея слабость. Она плакала, ничего мнѣ не возражала, но мои замѣчанія возбуждали только нервные припадки. Въ домѣ ея была француженка, бывшая бонной ея умершей дочери. Эго была настоящая мегера, къ которой графъ Толстой питалъ особенное уваженіе и расположеніе. Эта отвратительная женщина дѣлала постоянныя сцены графинѣ Толстой, которая часто на то жаловалась мужу, но онъ никогда не обращалъ вниманія на слова жены. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, она объявила, что рѣшилась оставить домъ, если онъ не прогонитъ Терезу. Графъ вспылилъ до того, что схватилъ ножъ, лежавшій на столѣ за завтракомъ, и побѣжалъ за ней. Десятилѣтняя дочь ихъ, присутствовавшая при этой тяжелой сценѣ, бросилась на колѣна и удержала отца за ноги. Взволнованная графиня позвонила и сдѣлала лакея свидѣтелемъ этой драмы. Потомъ она прибѣжала ко мнѣ. Я была въ уборной. Ея лицо блѣдное, растерянное, чрезвычайно напугало меня. Она сказала мнѣ о своемъ

---

[1]) Графъ Павелъ Александровичъ, воспитанный республиканцемъ Роммомъ и находившійся во время террора въ Парижѣ, гдѣ онъ носилъ тогда красную, якобинскую шапочку. Онъ былъ одинмъ изъ тѣхъ объевропеившихся русскихъ аристократовъ, которые умѣли какъ-то связывать въ своемъ умѣ теоретическіе принципы равенства и свободы со стремленіями къ политическому преобладанію высшаго дворянства. По восшествіи на престолъ Александра онъ былъ одинмъ изъ членовъ знаменитаго тріумвирата, составлявшаго тайный совѣтъ императора, и получилъ затѣмъ чинъ генералъ-лейтенанта и званіе генералъ-адъютанта. Род. въ 1774 г., ум. въ 1817 г.

[2]) Въ этой кажущейся любви своей къ гр. Толстой англійскій дипломатъ преслѣдовалъ особыя цѣли, ведя тонко задуманную политическую интригу. Для успѣха ея Витвортъ считалъ всѣ средства дозволенными.

намѣреніи ѣхать къ матери своей, въ Берлинъ, и прибавила, что никакая сила не можетъ заставить ее жить подъ одной кровлей съ своимъ мужемъ. Я успокоила ее, насколько могла, умоляла ее не слишкомъ торопиться, потому что всякое рѣшеніе, принятое ею сгоряча, какъ бы невинно оно ни было, неминуемо отразится на ней. Я уговаривала ее все перенести, тѣмъ болѣе, что ей самой было ясно все, происходившее въ ея сердцѣ. Она осталась у меня. Графъ пріѣхалъ къ обѣду. Онъ былъ мраченъ и смущенъ. Я притворилась, будто ничего не замѣчаю, и не измѣнила своего обращенія съ нимъ.

Я заболѣла. Графиня Толстая, принцесса де-Тарантъ и m-lle де-Бломъ были около меня. Графиня Толстая предложила прочитать намъ новый романъ. Мы согласились. При чтеніи первой чувствительной сцены она разрыдалась и бѣжала въ смежную комнату. M-lle де-Бломъ послѣдовала за ней. Видя, что онѣ не возвращаются, я пошла къ нимъ узнать, въ чемъ дѣло. Я застала m-lle де-Бломъ умолявшею графиню Толстую со сложенными руками сознаться мнѣ во всемъ. Она взяла меня за руку: «я приду завтра рано утромъ»,— сказала она мнѣ. Я пожала ей руку отъ чистаго сердца. Дѣйствительно, на другой день, въ десять часовъ утра, она вошла въ мою комнату и заперла дверь на ключъ; затѣмъ бросилась на колѣна передо мной, проливая горячія слезы, и призналась мнѣ въ тяжеломъ чувствѣ, съ которымъ не могла болѣе бороться: къ тому же поведеніе ея мужа, повидимому, служило для нея извиненіемъ: «Вы, вѣроятно, меня осудите», прибавила она: «я заслуживаю вашихъ упрековъ, потому что не была откровенна съ вами и не обращала вниманія на ваши совѣты». Обнявъ отъ души свою подругу, я умоляла вырвать изъ своего сердца источникъ безчисленныхъ горестей и страданій въ будущемъ. Я поставила ей на видъ, что, какъ бы ни было возмутительно поведеніе ея мужа, оно не должно было влiять на ея чувство собственнаго достоинства. Она успокоилась, и довольная улыбка освѣтила ея прекрасное лицо. Никогда не забуду этой минуты ея побѣды надъ собственнымъ ея сердцемъ. Я же съ трудомъ могла сдерживать чистую и искреннюю радость. Я просила у нея позволенія написать Витворту, сказать ему, что она мнѣ только что призналась въ своихъ чувствахъ, что я считала его за самаго виновнаго человѣка и не могла болѣе ни уважать, ни принимать его у себя. Онъ отвѣтилъ мнѣ такъ пошло, что сама графиня Толстая не могла удержаться отъ смѣха. Въ скоромъ времени послѣ того графъ Толстой пересталъ бывать у насъ, потому что мужъ мой оставилъ дворъ; но, чтобы скрыть низость своего поступка, онъ выставилъ меня причиной его охлажденія, разсказывая вездѣ, что я поддерживаю страсть его жены и хотѣла ее у него похитить. Графиня Толстая получила согласіе своей матери, у которой она просила позволенія поѣхать къ ней. Она просила меня повліять на Ростопчина и испросить ей согласіе императора на эту поѣздку. Я

отказалась отъ этого порученія, не желая вмѣшиваться въ подобное дѣло. Тогда она обратилась къ своему брату и къ племяннику барона Бломъ. Этотъ послѣдній былъ хорошо знакомъ съ фавориткой Кутайсова, актрисой Шевалье, о которой я уже говорила. Князь Барятинскій выпросилъ отъ опекуна своей матери брильянтовое кольцо, стоимостью въ 6-ть тысячъ для поднесенія m-lle Шевалье, съ цѣлью заинтересовать ее въ пользу графини Толстой. Къ моему искреннему сожалѣнію, все устроилось согласно ея желанію. Полученное ею разрѣшеніе на отъѣздъ свой доставило графу Толстому новыя основанія къ жалобамъ на меня. Я могла только молчать: слишкомъ унизительно оправдываться, тѣмъ болѣе, когда не въ чемъ упрекнуть себя. Я не могла говорить, не выдавъ чувствъ графини Толстой: одна эта мысль должна была заставить меня молчать. Время ея отъѣзда уже приближалось, когда лордъ Витвортъ былъ отозванъ своимъ дворомъ изъ Петербурга [1]). Это извѣстіе очень огорчило меня. Я умоляла графиню отмѣнить путешествіе, имѣвшее видъ, будто они сговорились между собой, отложить, по крайней мѣрѣ, поѣздку на нѣсколько мѣсяцевъ. Ничто не могло поколебать ея рѣшенія: она, повидимому, дорожила имъ болѣе, чѣмъ жизнію, и уѣхала въ апрѣлѣ.

Принцесса Тарантъ гостила у меня. Она выписала изъ Англіи графа де-Крюссоль, младшаго сына своей сестры. Императоръ приблизилъ его къ своей особѣ въ качествѣ адъютанта и всегда обращался съ нимъ кротко и обходительно, чего не всегда можно было ожидать отъ этого государя. Графъ Крюссоль, находясь въ Гатчинѣ съ его величествомъ, заболѣлъ отъ нарыва въ груди. Бѣдная тетка его вызвала племянника въ городъ для болѣе удобнаго за нимъ ухода и уступила ему свое помѣщеніе.

Великая княгиня Елисавета принимала иногда у себя графиню Шувалову поздно вечеромъ, скорѣе изъ уваженія къ ней, чѣмъ для собственнаго удовольствія. Въ скоромъ времени она имѣла случай оцѣнить въ новой своей гофмейстеринѣ госпожѣ Паленъ характеръ, вызывавшій уваженіе, а также замѣтить въ ней привязанность къ себѣ, на которую она отвѣчала тѣмъ же чувствомъ. Исполнивъ возложенное на нее порученіе отвезти въ Австрію эрцгерцогиню, великую княгиню Александру Павловну, графиня Паленъ поспѣшила возвратиться въ Петербургъ и опять вступила при великой княгинѣ Елисаветѣ въ исправленіе своей должности, обязанности которой она едва имѣла время себѣ усвоить.

Къ веснѣ великому князю Михаилу, младшему сыну императора, привили оспу. Принято было въ подобныхъ случаяхъ удалять изъ дворца царскихъ дѣтей, не имѣвшихъ еще оспы; поэтому объявлено

---

[1]) Лордъ Витвортъ, по требованію императора Павла, долженъ былъ оставить Россію 27 мая 1800 г.

было великой княгинѣ Елисаветѣ, что она должна на время разстаться съ дочерью, которую на шесть недѣль желали перевезти на жительство въ Мраморный дворецъ. Великой княгинѣ казалось невозможнымъ подчиниться этому рѣшенію. Отнять у нея дитя значило отнять у нея все ея счастіе. Она высказала свое горе въ присутствіи графини Паленъ, которая, будучи сама матерью, и къ тому нѣжною матерью многочисленаго семейства, приняла въ ней, повидимому, живѣйшее участіе. «Почему бы вамъ», говорила она великой княгинѣ, «не переѣхать самой съ вашей дочкой въ Мраморный дворецъ? Я объявила бы на вашемъ мѣстѣ, что ничто не можетъ разлучить меня съ ней, и испросила бы у императора позволеніе поселиться въ Мраморномъ дворцѣ». Великая княгиня, зная непреклонность императрицы относительно всего, касавшагося этикета, и не разсчитывая никогда слишкомъ на снисхожденіе къ ея желаніямъ, не рѣшалась переговорить съ ней о случаѣ, небываломъ въ лѣтописяхъ двора. Однако, ободренная графиней Паленъ и чувствуя въ ней поддержку, она рискнула высказать свою мысль, которую дѣйствительно сочли за сумасбродство. Императрица долго не соглашалась, но наконецъ уступила доводамъ и настоятельнымъ просьбамъ графини Паленъ, говорившей съ ней съ бо́льшей смѣлостью, чѣмъ могла это сдѣлать великая княгиня, и обѣщала переговорить о томъ съ императоромъ, «который, вѣроятно», сказала она, «откажетъ мнѣ въ моей безразсудной просьбѣ». Несмотря на это, императоръ очень охотно согласился на эту просьбу. Графиня Паленъ торжествовала и радовалась счастію великой княгини, которая съ этой минуты привязалась къ ней и сохранила неизгладимое воспоминаніе объ оказанной ею услугѣ.

Въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія великой княгини въ Мраморномъ дворцѣ кружокъ ея приближенныхъ ограничивался графиней Паленъ, фрейлиной ея высочества княжной Шаховской и графомъ Толстымъ, который бывалъ и при дворѣ, и у великой княгини и, повидимому, выказывалъ ей безграничную преданность и довѣріе. Онъ разсказывалъ ея высочеству, сколько горя причиняла ему его жена, и все это приписывалъ только мнѣ, такъ какъ я, будто бы, изъ ненависти и мщенія ему, хотѣла удалить отъ него графиню и устроила ея отъѣздъ въ Берлинъ. Онъ такъ трогательно и правдоподобно описывалъ свои домашнія горести великой княгинѣ, и безъ того уже сильно противъ меня предубѣжденной, что она стала смотрѣть на меня не иначе, какъ на самую вѣроломную и лукавую женщину, и оплакивала дружбу и довѣріе, которыя такъ долго оказывала мнѣ. Великій князь Александръ и великая княгиня Анна были единственныя лица при дворѣ, которыхъ великая княгиня Елисавета видѣла въ Мраморномъ дворцѣ и дѣйствительно имѣла желаніе видѣть. Именно въ это время воз-

никла ея дружба съ княжной Шаховской [1]). Эта молодая дѣвушка, только что разстроившая свою предстоявшую свадьбу, не ожидая найти счастія въ этомъ бракѣ, на который дала слишкомъ поспѣшное согласіе, была рада удалиться на нѣкоторое время отъ двора, чтобы избѣжать непріятной для себя огласки, которой всегда подвергается молодая дѣвушка въ подобномъ случаѣ. Потому она испросила у великой княгини позволеніе послѣдовать за ней. Княжна была хорошая музыкантша, а великая княгиня любила музыку и сама занималась ею. Такъ какъ у нея было много свободнаго времени, то ей пришла въ голову мысль употребить съ пользой талантъ княжны Шаховской. Она пѣла съ ней почти ежедневно, и такимъ образомъ возникла дружба, продолжавшаяся до преждевременной смерти княжны Шаховской, впослѣдствіи вышедшей замужъ за князя Голицына. Каждый разъ, когда мнѣ приходилось встрѣчать великую княгиню, я пріобрѣтала новое доказательство перемѣны ея отношеній ко мнѣ. Случилось какъ-то весной, что я гуляла въ придворномъ саду съ моей маленькой четырехлѣтней дочкой и съ графомъ Алексѣемъ Разумовскимъ [2]). Увидавъ великую княгиню, мы любовались ея походкой, и графъ сказалъ мнѣ: «Боже мой, какой у нея трогательный видъ!» Онъ подошелъ къ ней. Великая княгиня нѣкоторое время поговорила съ графомъ, а я оставалась во все продолженіе разговора въ почтительномъ разстояніи. Дочка моя, привыкшая слышать свое имя, подбѣжала къ ея высочеству съ дѣтскимъ довѣріемъ. Великая княгиня тихо отстранила ее и поспѣшила къ своей каретѣ. Это движеніе великой княгини очень огорчило меня: глаза мои наполнились слезами, которыя я не разъ глотала ради нея.

Лѣто это такъ же, какъ и предшествовавшее, провела я на своей дачѣ на Каменномъ островѣ. Сосѣдки мои обращались со мною, сообразуясь съ барометромъ двора, за исключеніемъ одной госпожи Свѣчиной [3]), дружба которой ко мнѣ была всегда неизмѣнна.

Дворъ былъ, по обыкновенію, въ Павловскѣ, затѣмъ въ Петергофѣ. Характеръ императора становился все болѣе и болѣе вспыльчивымъ, а его поведеніе—болѣе деспотическимъ и причудливымъ. Какъ-то весной (это было до отъѣзда на дачу, послѣ обѣда его величества, въ 1 часъ по полудни), онъ гулялъ въ Эрмитажѣ и

---

[1]) Фрейлина княжна Наталья Өедоровна Шаховская, род. 25 ноября 1779 г., † 9 августа 1807 г.

[2]) Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія, членъ государственнаго совѣта, р. 1748 г., † 1822 г.

[3]) Свѣчина, Софья Петровна (р. 1782 г., † 1857 г.), урожденная Соймонова, жена генерала-отъ-инфантеріи Н. С. Свѣчина. Въ обществѣ Головиной Свѣчина постоянно встрѣчалась съ католическими патерами, іезуитами и французскими эмигрантами и совращена была ими въ католичество. Извѣстна, какъ писательница. Подобно Головиной, она въ Александровское время жила большею частію за границей и умерла въ Парижѣ.

остановился на одномъ изъ балконовъ, выходившихъ на набережную. Государь услыхалъ въ это время ударъ колокола, только не церковнаго, и велѣлъ справиться, въ чемъ дѣло. Ему доложили, что это звонили къ обѣду графини Строгановой, жившей возлѣ Эрмитажа. Его величество очень прогнѣвался, что графиня Строганова обѣдала только въ три часа, и тотчасъ же послалъ къ ней полицейскаго чиновника съ повелѣніемъ ей обѣдать впередъ въ 1 часъ дня. У нея были гости, когда доложили о полицейскомъ чиновникѣ. Всѣ перемѣнились въ лицѣ при докладѣ о его приходѣ; но когда полицейскій исполнилъ свое порученіе съ большимъ замѣшательствомъ и съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха, удивленіе и страхъ хозяйки помѣшали всему обществу предаться порыву веселости по поводу этого своеобразнаго приказа. Этотъ анекдотъ разнесся вскорѣ по городу. Подобнаго рода случаи подавали недоброжелателямъ предлогъ обвинить императора въ умственномъ разстройствѣ, и въ то же время свойственная ему тираннія въ домашнихъ распорядкахъ каждаго возстановляла всѣхъ противъ него.

Велѣвъ отобрать у книгопродавцевъ произведенія Вольтера и Руссо, императоръ Павелъ запретилъ ввозъ всѣхъ книгъ безъ исключенія. Точность, съ которою исполняли это приказаніе, дала поводъ къ очень непріятной сценѣ, происшедшей въ Павловскѣ. Великіе князья, великія княгини и весь дворъ ожидали вечеромъ ихъ величествъ въ собственномъ саду императрицы, откуда отправлялись обыкновенно на прогулку верхомъ, бывшую въ большомъ употребленіи при дворѣ въ этомъ и въ предыдущемъ году. Всѣ собрались подъ окнами перваго этажа, гдѣ находились аппартаменты ихъ величествъ. Слышно было, какъ императоръ прошелъ изъ своихъ аппартаментовъ къ императрицѣ, и вскорѣ голоса ихъ возвысились. Императрица говорила со слезами, въ тонѣ ея слышался упрекъ; императоръ сухо отвѣчалъ ей. Интонація слышалась ясно, но словъ разобрать было нельзя. Сцена эта продолжалась. Присутствовавшіе въ садикѣ погружены были въ глубокое молчаніе. Всѣ какъ-то сконфуженно смотрѣли другъ на друга, не зная, что будетъ дальше, какъ вдругъ вышелъ императоръ очень не въ духѣ и сказалъ великимъ княгинямъ и остальной свитѣ: «пойдемте, mesdames, лошади готовы». Надо было дожидаться императрицы, которая, минуту спустя, вышла съ заплаканными глазами и послѣдовала за императоромъ съ печальнымъ видомъ. На другой день извѣстна была причина этой сцены. Императрица выписала себѣ книги. Таможня, не получивъ предписанія объ исключеніи ея величества изъ общаго правила, задержала книги, адресованныя на ея имя. Императрица это узнала и увидѣла въ этомъ обиду для себя. Она выбрала для жалобы какъ разъ то время, когда императоръ вошелъ къ ней, высказывая ему, что съ ней поступаютъ неуважительно, и что государь, повидимому, одобряетъ такой

образъ дѣйствій. Хотя жалобы императрицы надоѣли императору и выводили его изъ себя, все же онъ отдалъ приказъ исправить эту ошибку. Справедливо удивляются, что съ своимъ вспыльчивымъ и гнѣвнымъ характеромъ Павелъ такъ долго переносилъ мелочность императрицы и ея частое забвеніе такта и мѣры.

Послѣ пребыванія въ Петергофѣ дворъ провелъ въ Царскомъ Селѣ, вмѣсто Павловска, конецъ іюля и начало августа. Въ Царскомъ Селѣ великая княгиня Елисавета лишилась дочери [1]). Императоръ, повидимому, былъ огорченъ этой смертью и испуганъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ сильнымъ горемъ на великую княгиню Елисавету: она почти не плакала, что очень обезпокоило императора. Государь выказалъ при этомъ случаѣ теплое участіе къ своей невѣсткѣ.

Кончина маленькой великой княжны произвела на меня ужасное впечатлѣніе: сердце мое было растерзано и отъ испытываемой мною горести и отъ необходимости скрывать мои чувства. Графиня Строганова [2]) застала меня однажды всю въ слезахъ. Она не могла прійти въ себя отъ удивленія при видѣ моего горя, зная, что великая княгиня Елисавета совершенно удалила меня отъ себя и вычеркнула изъ своего сердца. Тѣло малютки было затѣмъ набальзамировано и перевезено въ Невскій монастырь. Я предложила принцессѣ Тарантъ поѣхать поклониться усопшей. Она согласилась. Пріѣхавъ въ монастырь, мы вошли въ придѣлъ, въ которомъ стоялъ гробъ, сплошь обтянутый чернымъ. Паникадила горѣли вокругъ праха маленькаго ангела. Я подошла поцѣловать ея руку, но едва только дотронулась до нея губами, какъ рыданія начали душить меня. Моя глубокая привязанность къ великой княгинѣ дала себя почувствовать съ такою силой, что я сама себя не помнила. Она забыла меня, бросила, отнеслась несправедливо,—всѣ эти горькія истины разрывали мое сердце, какъ вдругъ новое чувство успокоило его. Я говорила себѣ: «она больше не любитъ тебя, но въ эту минуту сердце ея заодно съ твоимъ: и то, и другое движимы однимъ и тѣмъ же чувствомъ». Мысли ли мои прояснились, но горестная отрада послѣдовала послѣ тяжелаго смѣшенія моихъ чувствъ и ощущеній. Графъ Толстой, бывшій тамъ для наблюденій за погребальной церемоніей, подошелъ покропить спиртомъ тѣло малютки. Онъ поглядѣлъ на меня съ торжествующей улыбкой: вѣроятно, графъ наслаждался мыслію, что погубилъ меня во мнѣніи ихъ высочествъ. Сознаюсь, что видъ и выраженіе его лица влили новую отраву въ мое сердце.

---

[1]) Великая княжна Марія Александровна скончалась 27 іюля 1800 г.

[2]) Софья Владиміровна, урожд. княжна Голицына, дочь кн. Владиміра Борисовича и знаменитой Натальи Петровны, дочери гр. Петра Гр. Чернышева, извѣстной подъ именемъ princesse-moustache. Графиня Софья Владиміровна (р. 1774 г.- † 1845 г.) пользовалась особымъ расположеніемъ великой княгини, впослѣдствіи, императрицы, Елисаветы Алексѣевны, отличалась своими нравственными качествами и разностороннимъ образованіемъ.

XVIII.

Пріѣздъ въ Петербургъ шведскаго короля Густава IV.—Марія Антоновна Нарышкина, урожденная княжна Четвертинская.—Михайловскій замокъ.—Интриги при дворѣ графа Палена и графа Кутайсова. — Увольненіе графа Ростопчина отъ службы.—Пріѣздъ въ Петербургъ генерала Бенигсена.—Внезапная кончина императора Павла.—Скорбь императорской фамиліи.—Положеніе, занятое вдовствующей императрицей Маріей Ѳеодоровной.—Погребеніе императора Павла Петровича.

Въ октябрѣ, шведскій король совершилъ свое второе путешествіе въ Петербургъ [1]). Онъ пріѣзжалъ заключить договоръ съ императоромъ противъ Англіи. Съ присоединеніемъ къ этому договору Даніи образовался тройственный союзъ. Государь, повидимому, позабылъ все происшедшее во время послѣдняго пребыванія короля. Оба государя вели переговоры вмѣстѣ, и политическія дѣла устроились къ лучшему, какъ вдругъ это доброе согласіе разстроилось по капризу императора. Каждый вечеръ бывали спектакли въ Эрмитажѣ во время пребыванія короля. Давали какъ-то «La belle arsine», и угольщики, появляющіеся въ 3-мъ актѣ, были въ красныхъ колпакахъ. Король, мнѣніе котораго о французской революціи и обо всѣхъ, игравшихъ въ ней роль, было тождественно съ мнѣніемъ императора, счталъ возможнымъ пошутить на этотъ счетъ и сказалъ государю: «Мнѣ сдается, что у васъ есть якобинцы». Императоръ, бывшій, вѣроятно, въ этотъ день въ худшемъ расположеніи духа, чѣмъ въ остальное время, принялъ эту шутку довольно дурно и очень сухо отвѣтилъ королю, что якобинцевъ при его дворѣ нѣтъ, и что онъ не потерпитъ ихъ въ своей имперіи. Съ этой минуты государь такъ дурно и невѣжливо обращался съ королемъ, что его величество счелъ за лучшее сократить пребываніе въ Петербургѣ. Императоръ далъ волю своему дурному расположенію до того, что послалъ приказъ о возвращеніи назадъ, въ Петербургъ, придворной кухни, которая, по обычаю, предшествовала королю до шведской границы. Король оказался настолько находчивъ, что обратилъ все въ смѣшную сторону, когда ему донесли о томъ, и забавлялся, поторапливая свое путешествіе съ цѣлію опередить на нѣсколько станцій приказъ о лишеніи его пищи, слѣдовавшій за нимъ.—«Скорѣе», говорилъ король своей свитѣ на станціяхъ, гдѣ останавливался перемѣнять лошадей: «быть можетъ, мы сегодня и пообѣдаемъ» [2]).

---

[1]) Король шведскій Густавъ IV прибылъ въ Петербургъ 29 ноября 1800 г.

[2]) О пребываніи Густава IV въ Петербургѣ см. «Сборникъ И. Р. И. О.», IX, 392—398. Король, по отзыву иностранцевъ, велъ себя легкомысленно и надменно, раздражая императора.

Масленица была очень оживлена въ этомъ году (1801-мъ). Императоръ приказалъ великому князю Александру давать у себя балы, а въ эрмитажномъ театрѣ бывали маскарады, для входа въ которые было только незначительное количество билетовъ, вслѣдствіе чего тамъ собиралось общество болѣе избранное, чѣмъ это случается обыкновенно въ подобнаго рода увеселеніяхъ. На этихъ балахъ великій князь Александръ началъ обращать вниманіе на красавицу Нарышкину [1]). У него уже завязывалась интрига, и онъ разсчитывалъ на успѣхъ, когда князь Зубовъ, выказывавшій ему большую привязанность, пошутилъ надъ великимъ княземъ относительно его ухаживаній за госпожею Нарышкиной и, выслушавъ отъ него откровенное признаніе въ подаваемой ему надеждѣ, сообщилъ ему въ свою очередь, что и онъ могъ быть доволенъ ея обращеніемъ. Взаимное признаніе произвело новаго рода условіе. Великій князь и кн. Зубовъ обѣщали давать другъ другу полный отчетъ въ успѣшномъ ходѣ своихъ дѣлъ и подтвердили честнымъ словомъ, что имѣющій менѣе успѣха уступитъ тому, кто представитъ доказательства бóльшаго расположенія. Соперники соблюдали условія договора съ самой добросовѣстной точностью, пока наконецъ, нѣсколько времени спустя, князь Зубовъ показалъ великому князю записочки, которыя были ему вручены Нарышкиной во время полонеза. Великій князь, которому приходилось повѣрять только одни еще слова, удалился безъ сожалѣнія. Онъ даже выразился съ презрѣніемъ относительно этой женщины и обо всѣхъ, способныхъ на подобнаго рода поступки.

Построеніе Михайловскаго замка быстро подходило къ концу. Легко себѣ представить, въ какомъ положеніи былъ въ это время замокъ, если вспомнить, что первый камень этого зданія былъ положенъ въ ноябрѣ 1797 г., и что императоръ предполагалъ переселиться въ него со всѣмъ дворомъ уже въ февралѣ 1801. Императоръ какъ будто предчувствовалъ, что недолго будетъ въ немъ жить, и спѣшилъ воспользоваться нѣсколькими остающимися днями. 1-го февраля, императоръ, императрица и самыя приближенныя къ нимъ особы, переѣхали въ Михайловскій дворецъ [2]). Великіе князья Александръ и Константинъ, аппартаменты которыхъ не были еще готовы въ замкѣ, помѣщались вмѣстѣ въ пріемной, а супруги ихъ должны были оставаться въ Зимнемъ дворцѣ. Каждый боялся вреднаго, сырого

---

[1]) Извѣстная Марія Антоновна, урожденная княжна Четвертинская (р. 1779 г., † 1854 г.). Она была замужемъ за Дмитріемъ Львовичемъ Нарышкинымъ, оберъ-егермейстеромъ. Изъ дочерей ея Зинаида Дмитріевна ум. въ 1810 г. въ младенчествѣ, а Софья Дмитріевна (р. 1808 г., † 1824 г.) умерла отъ чахотки. Послѣ смерти Дмитрія Львовича Нарышкина въ 1838 г. Марья Антоновна вступила во второй бракъ съ нѣкіимъ Брозинымъ.

[2]) Какъ только всѣ аппартаменты были готовы, великія княгини и дѣти императора также переѣхали жить въ Михайловскій дворецъ, и ко дню смерти государя тамъ пребывало все императорское семейство.

воздуха въ замкѣ за себя или за своихъ, но всѣ далеки были отъ мысли, что дворецъ этотъ станетъ гробницей только одного, а именно того, кто одинъ былъ въ восторгѣ отъ этого жилища. Государь былъ такъ доволенъ, что превозмогъ препятствія, почти непреодолимыя, для удовлетворенія своей фантазіи, что поспѣшилъ воспользоваться послѣдними днями масленицы и задать балъ въ новомъ помѣщеніи. Спектакли предшествовали и слѣдовали за нимъ въ остальные дни [1]). Постройка и меблировка этого дворца много содѣйствовала разстройству финансовъ, которое обнаружилось при восшествіи на престолъ императора Александра. Дворецъ былъ меблированъ съ замѣчательнымъ великолѣпіемъ. Императоръ Павелъ наслаждался пребываніемъ въ немъ всего лишь въ теченіе шести недѣль, а послѣдовавшая вслѣдъ затѣмъ его кончина сдѣлала этотъ дворецъ столь непріятнымъ для его наслѣдника, что всѣ украшенія дворца были сняты, а часть даже разрушена [2]).

Въ продолженіе послѣдняго года царствованія Павла I старались уничтожить фаворъ Ростопчина и навлечь на него опалу. Онъ почти уже не ходилъ съ докладомъ въ кабинетъ его величества, поручая это г. Энгелю, первому члену своей коллегіи [3]). Графъ Паленъ и г. Нарышкинъ, оберъ-гофмаршалъ [4]), употребили все свое вліяніе, чтобы поссорить его съ Кутайсовымъ. Вице-адмиралъ Рибасъ [5]) участвовалъ въ заговорѣ графа Панина. Онъ получилъ позволеніе путешествовать [6]). Когда онъ возвратился, то адмиралъ Кушелевъ [7]) заболѣлъ, и Рибасу пришлось докладывать бумаги императору. Заговорщики рѣшили, что онъ воспользуется однимъ изъ этихъ докладовъ для совершенія преступленія, но въ тотъ же день Рибасъ заболѣлъ и умеръ нѣсколько времени спустя. Въ бреду онъ говорилъ только о своихъ ужасныхъ намѣреніяхъ и объ испытываемыхъ имъ угрызеніяхъ совѣсти.

Фаворъ Кутайсова возрасталъ. Онъ былъ возведенъ въ достоинство оберъ-шталмейстера, получилъ графскій титулъ и орденъ

---

[1]) 1-го февраля, въ день пріѣзда въ замокъ императорской фамиліи, въ замкѣ былъ спектакль, 2-го числа—маскарадъ, на которомъ дворянъ было 2092, а купечества—745, а 3-го февраля было уже воскресенье, канунъ великаго поста.

[2]) Уничтожены были рвы, окружавшіе замокъ, и подъемные чрезъ нихъ мосты, измѣнились къ худшему внутренняя отдѣлка и расположеніе нѣкоторыхъ комнатъ, но самое зданіе осталось неповрежденнымъ.

[3]) Энгель, Өедоръ Ивановичъ, † 1837 г. членомъ государственнаго совѣта.

[4]) Александръ Львовичъ, оберъ-гофмаршалъ въ 1798 г., оберъ-камергеръ въ 1801 г., р. 1760 г., † 1826 г.

[5]) Рибасъ, Осипъ Михайловичъ, извѣстный своимъ хитрымъ и пронырливымъ умомъ, р. 1750, † 1800 г., 1 декабря. Женатъ онъ былъ на побочной дочери Бецкаго и унаслѣдовалъ его состояніе.

[6]) Рибасъ незадолго предъ тѣмъ уволенъ былъ за хищенія отъ управленія лѣснымъ департаментомъ, находившимся въ вѣдѣніи адмиралтействъ-коллегіи.

[7]) Кушелевъ, графъ Григорій Григорьевичъ, адмиралъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, одинъ изъ любимцевъ императора Павла, р. 1754 г., † 1833 г.

Св. Андрея Первозваннаго [1]). Съ искусствомъ предателя Паленъ подготавливалъ свое дѣло... Отчаиваясь достигнуть удаленія Ростопчина, который былъ непреодолимымъ препятствіемъ для совершенія задуманнаго имъ преступленія, онъ рѣшился однако сдѣлать послѣднюю пробу на самомъ императорѣ съ цѣлію возстановить его противъ Ростопчина. Онъ испросилъ у его величества позволеніе переговорить съ нимъ наединѣ. Получивъ разрѣшеніе, онъ сказалъ: «государь, хотя я могу и навлечь вашъ гнѣвъ на себя, рѣшаюсь говорить съ вами о человѣкѣ, который, вмѣсто того, чтобы заслуживать ваше довѣріе и милости, старается удалить отъ вашей священной особы истинно-вѣрноподданныхъ. Графъ Панинъ самымъ несправедливымъ образомъ очерненъ въ глазахъ вашего величества. Графъ Ростопчинъ самый жестокій врагъ его».—«Все ли сказали, милостивый государь?» — спросилъ государь.—«Все, ваше величество».— «Уходите вонъ! Вы будете арестованы по моему приказанію». Дѣйствительно приказъ о домашнемъ арестѣ графа Палена отданъ былъ въ ту же минуту. Императоръ послалъ за Ростопчинымъ, сообщилъ ему о случившемся, приказалъ арестовать графа Палена и отвезти въ крѣпость. Ростопчинъ умолялъ и убѣждалъ его величество измѣнить такой строгій приказъ; единственное, чего онъ могъ достичь, было позволеніе, что Паленъ будетъ только сосланъ въ свои помѣстья. Нѣсколько дней спустя, Паленъ возвратился опять ко двору. Кутайсовъ добился его освобожденія изъ ненависти къ Ростопчину; затѣмъ Паленъ, съ помощію Кутайсова, опять дѣятельно взялся за окончаніе своего дѣла. Онъ снова испросилъ позволеніе говорить съ императоромъ, повинился передъ нимъ относительно Ростопчина, притворился, будто раздѣляетъ мнѣніе, что Панинъ былъ подозрителенъ, и что онъ принималъ у себя иностранныхъ министровъ для тайныхъ переговоровъ [2]). Паленъ особенно осуждалъ виконта де-Караманъ, агента Людовика XVIII: Караманъ былъ тогда высланъ изъ Петербурга, а Людовикъ XVIII—изъ Митавы. Паленъ торжествовалъ. Для удовлетворенія его злобы необходимо было возбудить всѣ умы противъ своего государя: это былъ лишній путь для достиженія его цѣли. Графъ Ростопчинъ самъ облегчилъ свою ссылку. Въ Петербургѣ находился пьемонтецъ, котораго имѣли основаніе заподозрѣть въ дурныхъ намѣреніяхъ противъ императора. На него донесли Ростопчину, который старался выслать его за границу, но г. и г-жа Шевалье предупредили его, воспользовавшись покрови-

---

[1]) Графскій титулъ Кутайсовъ получилъ 5 мая 1799 г., званіе оберъ-шталмейстера 9 января 1800 г., а орденъ Св. Андрея Первозваннаго—17 декабря, послѣ того какъ король шведскій отказалъ ему въ орденѣ Серафимовъ.

[2]) Это подозрѣніе императора Павла было вполнѣ основательно: въ особенно дружескихъ отношеніяхъ графъ Никита Панинъ былъ съ англійскимъ посломъ Витвортомъ.

тельствомъ Кутайсова. Обвиненный имѣлъ неосторожность сказать, что это семейство пользовалось его полной довѣренностію. Боясь быть скомпрометированными, эти низкіе интриганы донесли на него, какъ на настоящаго преступника. Они достигли того, что его подвергли наказанію кнутомъ, наложили на него клейма и скованнаго сослали въ Сибирь [1]). Онъ умеръ въ дорогѣ. Этотъ ужасный случай возмутилъ Ростопчина. Онъ пошелъ къ Кутайсову, упрекнулъ его въ недостойной слабости и забвеніи благодѣяній своего государя и сказалъ ему, что «въ угоду своей фавориткѣ онъ помрачаетъ славу своего императора». Кутайсовъ пришелъ въ ярость и съ этой минуты съ еще большей жаждой мести помогалъ графу Палену въ его стараніяхъ добиться высылки Ростопчина. Наконецъ цѣль эта была ими достигнута [2]), но, давая на то свое согласіе, императоръ страдалъ, теряя человѣка, котораго дѣйствительно любилъ. Императоръ написалъ ему объяснительную записку, которою давалъ возможность оправдаться. Ростопчинъ отвѣтилъ, какъ и слѣдовало отвѣчать невинному вѣрноподданному; но отвѣтъ его не былъ врученъ императору; напротивъ, ему донесли, будто Ростопчинъ такъ сердитъ, что и отвѣчать не хочетъ. Ростопчинъ не зналъ этого послѣдняго темнаго поступка своихъ враговъ и, судя по тому, что написалъ ему императоръ, полагалъ, что имѣетъ право проститься съ его величествомъ. Онъ велѣлъ просить оберъ-гофмейстера Нарышкина записать его въ списокъ представляющихся императору. Нарышкинъ, достойный соучастникъ графа Палена, не записалъ его. Ростопчинъ, пріѣхавшій ко двору, не могъ видѣть его величество, и полагалъ, что такова была его воля, а императоръ, обманутый уже доставленнымъ отвѣтомъ, думалъ, что Ростопчинъ дѣйствуетъ по досадѣ [3])...

Прежде чѣмъ говорить о смерти императора Павла, приведу нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся насъ. Генералъ Бенигсенъ [4]), хорошо знакомый въ нашемъ домѣ, вслѣдствіе нѣсколькихъ походовъ съ моимъ мужемъ во время турецкой войны, часто пріѣзжалъ къ намъ. Мы интересовались его разсказами о персидскомъ походѣ въ царствованіе Екатерины II, о ея планахъ относительно завоеванія Константинополя и о многихъ другихъ подробностяхъ, свидѣтельствовавшихъ о мудрости и величіи этой государыни. 6-го марта

---

[1]) Рѣчь идетъ, вѣроятно, о французѣ Мершѣ, который, по журналу с.-петербургскаго губернскаго правленія 14 декабря 1800 г., былъ наказанъ на Александро-Невской площади кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и наложеніемъ знаковъ, а затѣмъ отосланъ въ Нерчинскъ въ каторжную работу.

[2]) Графъ Ростопчинъ уволенъ былъ «отъ всѣхъ дѣлъ» 20 февраля 1801 года.

[3]) 24-го февраля гр. Ростопчинъ пріѣзжалъ ко двору, чтобы откланяться государю, но ему приказано было уѣхать изъ дворца и въ тотъ же день выѣхать изъ Петербурга.

[4]) Генералъ, впослѣдствіи графъ, Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ, р. 1745 г., † 1826 г. Оставилъ записки о своей жизни.

Бенигсенъ пріѣхалъ утромъ къ моему мужу поговорить съ нимъ о важномъ, по его мнѣнію, дѣлѣ, но засталъ его въ постели настолько больнымъ, что не счелъ его въ состояніи выслушать себя. Бенигсенъ выразилъ мужу свое сожалѣніе горячо и даже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ. Не будь этой помѣхи, можно считать болѣе чѣмъ достовѣрнымъ, что генералъ Бенигсенъ имѣлъ намѣреніе открыть весь заговоръ моему мужу, который выслушалъ бы его, какъ честный человѣкъ и вѣрный подданный. Это довѣріе имѣло бы безчисленныя послѣдствія. Вечеромъ, 11 марта, Бенигсенъ вернулся къ намъ сказать, что уѣзжаетъ въ ту же ночь, что дѣла его были окончены, и онъ спѣшитъ оставить городъ. Николай Зубовъ [1]) также считался уѣхавшимъ по порученію. Мы ничего не догадывались. Мужъ мой, хотя и выздоравливалъ, былъ внизу въ своихъ аппартаментахъ. Госпожа Тарантъ спала въ комнатѣ рядомъ съ моей, когда рано утромъ на другой день я услыхала мужскіе шаги въ моей спальнѣ. Я отдернула занавѣски передъ моей кроватью и, увидавъ мужа, спросила, что ему надо. «Во-первыхъ, — сказалъ онъ, — я пойду, поговорю съ г-жей Тарантъ». Посмотрѣвъ на часы, я увидала, что было только 6 часовъ. Мною овладѣло безпокойство: я думала, что случилось какое нибудь несчастіе или данъ приказъ о ссылкѣ г-жи Тарантъ, особенно, когда услыхала ея испуганный крикъ; но мужъ пришелъ сказать мнѣ, что императоръ умеръ наканунѣ отъ апоплексическаго удара, въ 11 часовъ вечера... [2]). Я поспѣшно встала. Г-жа Тарантъ одѣлась съ цѣлію ѣхать ко двору для присяги. Мужъ мой, хотя еще слабый, также туда отправился. Въ то время, когда г-жа Тарантъ одѣвалась въ придворный костюмъ, пріѣхали ко мнѣ моя невѣстка, Нелединская, и г-жа Колычева, одна изъ моихъ кузинъ. Мы всѣ терялись въ предположеніяхъ о внезапной кончинѣ государя, когда графъ Крюссоль, племянникъ г-жи Тарантъ и адъютантъ императора Павла, вошелъ въ комнату. Его лицо, блѣдное и печальное, поразило насъ до нѣкоторой степени. Императоръ всегда очень хорошо обращался съ этимъ молодымъ человѣкомъ: совершенно естественно, что онъ скорбѣлъ о Павлѣ I. Тетка его спросила о нѣкоторыхъ подробностяхъ кончины императора. Де-Крюссоль смутился, и глаза его наполнились слезами...

Мужъ мой возвратился внѣ себя и въ отчаяніи отъ всего слышаннаго.

Утромъ 11 марта, когда Кутайсовъ, во дворѣ дворца, ожидалъ императора, чтобы сопровождать его верхомъ, крестьянинъ или человѣкъ, переодѣтый въ крестьянское платье, подошелъ къ нему

---

[1]) Графъ Николай Зубовъ, братъ князя Платона Зубова, женатый на дочери Суворова, Наталіи Александровнѣ, оберъ-шталмейстеръ, р. 1763 г., † 1805 г.

[2]) Императоръ Павелъ Петровичъ скончался въ ночь съ 11-го на 12-е марта, въ 1-мъ часу ночи.

и горячо умолялъ принять отъ него бумагу, содержаніе которой должно было имѣть большія послѣдствія, о чемъ слѣдовало въ тотъ же день доложить императору. Кутайсовъ держалъ правой рукой лошадь его величества за узду: онъ взялъ бумагу лѣвой рукой и положилъ ее въ свой лѣвый карманъ. Послѣ прогулки онъ перемѣнилъ мундиръ, чтобы идти къ императору. Забывъ про бумагу крестьянина, Кутайсовъ опорожнилъ только свой правый карманъ, по обыкновенію, и вспомнилъ объ этой бумагѣ только на слѣдующій день.

Къ утру 12-го марта императрица-мать пожелала видѣть своихъ дѣтей, и въ скоромъ времени ее проводили къ нимъ. Въ сопровожденіи императрицы Елисаветы и поддерживаемая ею, ея величество возвратилась въ свои аппартаменты, гдѣ высказала желаніе поговорить съ графомъ Паленомъ. Во время этого разговора она заперла императрицу Елисавету въ небольшой кабинетъ, смежный со спальней покойнаго императора. Молчаніе и смерть, царствовавшія въ этой комнатѣ, погрузили новую государыню въ размышленія, которыя никогда не дозволятъ ей забыть эту минуту. Ея величество говорила мнѣ, что она съ неизъяснимымъ нетерпѣніемъ ожидала возможности оставить свое убѣжище, но ей это удалось сдѣлать не ранѣе, какъ проводивъ императрицу-мать къ тѣлу ея супруга и поддержавъ ее въ эту тяжелую минуту. Императрица-мать отправилась туда въ сопровожденіи всѣхъ дѣтей своихъ и, войдя въ комнату, гдѣ государь лежалъ еще на своей походной кровати, одѣтый въ свой обыкновенный мундиръ и съ шляпой на головѣ, испускала пронзительные крики. Наконецъ, между 6 и 7 часами утра, императрица Елисавета, въ сопровожденіи своей старшей камеръ-фрау, г-жи Геслеръ, оставила это мѣсто и отправилась въ Зимній дворецъ. Прибывъ въ свои аппартаменты, ея величество увидала императора Александра, лежавшаго на диванѣ, блѣднаго, разстроеннаго, подавленнаго горестью. Графъ Паленъ находился въ комнатѣ и, вмѣсто того, чтобы уйти, какъ предписывало ему уваженіе, только удалился въ амбразуру окна. Императоръ сказалъ императрицѣ Елисаветѣ: «Я не могу исполнять обязанности, которыя на меня возлагаютъ. Могу ли я имѣть силу царствовать? Не могу. Предоставляю мою власть тому, кто ее пожелаетъ». Императрица хотя и была глубоко тронута состояніемъ, въ которомъ видѣла своего супруга, но представила ему, какія ужасныя послѣдствія могутъ произойти отъ подобнаго рѣшенія и тотъ безпорядокъ, въ который онъ чрезъ то повергнетъ всю имперію. Она умоляла его быть энергичнымъ, посвятить себя всецѣло счастію своего народа и въ данную минуту смотрѣть на свою власть, какъ на искупленіе. Ей хотѣлось говорить съ нимъ несравненно болѣе, но досадливое присутствіе графа Палена сдерживало ея изліянія. Между тѣмъ, въ отсутствіе ихъ величествъ, въ большихъ залахъ собирали

публику и приводили ее къ присягѣ. Императрица-мать прибыла въ Зимній дворецъ нѣсколькими часами позже своихъ дѣтей. Ея свиданіе съ императоромъ было раздирающимъ душу. Повидимому, государь гораздо болѣе отчаивался, чѣмъ его мать. Невозможно было смотрѣть на него безъ содроганія.

Восемь или десять дней спустя по смерти императора Павла, получили извѣстіе о кончинѣ эрцъ-герцогини, великой княгини Александры, умершей отъ первыхъ родовъ [1]).

Столько несчастій должны были бы сразить императрицу-мать или, по крайней мѣрѣ, заставить ее позабыть въ это время обо всемъ, не относящемся къ ея горю. Вмѣсто того, императоръ Павелъ не былъ еще погребенъ, какъ она предвидѣла уже все необходимое въ подобныхъ случаяхъ, о чемъ изъ состраданія къ ней сынъ ея избѣгалъ пока съ ней разговаривать. Императрица Марія объявила, что не желаетъ отдѣльнаго штата, и получила согласіе своего сына, что придворные чины будутъ одинаково служить ей и ему. Нѣсколько дней спустя, по своемъ восшествіи на престолъ, императоръ произвелъ во фрейлины княжну Варвару Волконскую, первую фрейлину въ царствованіе императора Александра. По обычаю она получила шифръ его супруги, и въ то же время всѣ фрейлины, числившіяся при императрицѣ Елисаветѣ, получили также тотъ же шифръ. Какъ только императрица-мать узнала объ этомъ обстоятельствѣ, простомъ и обычномъ въ подобныхъ случаяхъ, она потребовала отъ императора, чтобы съ этого времени статсъ-дамы и фрейлины получали шифры съ изображеніемъ обѣихъ императрицъ, т. е. по два шифра заразъ. Это былъ примѣръ неслыханный, но въ то время императрица-мать могла всего достигнуть отъ своего сына, и она дала себѣ слово не упускать случая. Едва только закончились первыя 6 недѣль, какъ она снова стала присутствовать на придворныхъ пріемахъ. Императрица Марія велѣла нарисовать свой портретъ въ глубокомъ траурѣ и раздала его всѣмъ, кому только могла [2]). Въ маѣ она поѣхала на жительство въ Павловскъ, принадлежавшій ей лично, такъ же, какъ и Гатчина, которую императоръ Павелъ оставилъ ей по духовному завѣщанію. Въ первомъ она вела образъ жизни болѣе разсѣянный и блестящій, чѣмъ при Павлѣ I. У нея были большіе пріемы; тамъ происходили прогулки верхомъ, въ которыхъ она всегда участвовала; обѣдали, завтракали, ужинали въ различныхъ уголкахъ сада. Она сажала деревья, строила, вмѣшивалась въ государственныя дѣла, насколько это ей было возможно, словомъ, казалась довольной и увлекающейся наслажденіями жизни [3]).

---

[1]) Великая княгиня Александра Павловна, † 4-го марта н. ст. 1801 г.

[2]) Портретъ этотъ принадлежитъ кисти Кюгельхена.

[3]) Въ этомъ отзывѣ гр. Головиной нельзя не видѣть доли пристрастія: въ императрицѣ Маріи она видѣла причину нѣкоторыхъ несчастій своего ангела, императрицы Елисаветы.

Надо было упомянуть обо всѣхъ этихъ подробностяхъ, чтобы дать понять, какое положеніе заняла вдовствующая императрица немедленно по кончинѣ своего супруга. Теперь вернемся опять къ тѣлу этого несчастнаго государя.

Оно выставлено было, согласно церемоніалу, въ Михайловскомъ замкѣ. Черезъ двѣ недѣли въ крѣпости состоялось погребеніе [1]). Павла I похоронили возлѣ его предковъ. Весь дворъ слѣдовалъ пѣшкомъ за погребальнымъ шествіемъ такъ же, какъ и царская фамилія, за исключеніемъ двухъ императрицъ. Императрица Елисавета была больна [2]). Регаліи несли на подушкахъ. На графа Румянцева, впослѣдствіи канцлера, а въ то время гофмейстера, возложена была обязанность нести скипетръ. Онъ уронилъ его и замѣтилъ это, только пройдя двадцать шаговъ. Это приключеніе подало поводъ ко множеству суевѣрныхъ толкованій.

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

XIX.

Вступленіе на престолъ императора Александра.—Настроеніе общества, отношенія къ Англіи.—Перемѣны въ управленіи.—Пріѣздъ въ Петербургъ герцогини Баденской.—Графиня Толстая.—Отъѣздъ за границу принцессы де-Тарантъ.—Дружескія отношенія графини Толстой.—Продажа Головинской дачи.—Прощальныя аудіенціи у императора и императрицъ.—Графиня Строганова.—Приготовленія Головиныхъ къ отъѣзду за границу.

Восторгъ, который внушалъ всѣмъ императоръ Александръ, былъ неописанный. Всѣ сосланные друзья его возвратились въ Петербургъ: одни—по собственному желанію, другіе вызваны были имъ самимъ. Число жителей столицы увеличивалось, тогда какъ въ концѣ царствованія императора Павла I Петербургъ сталъ почти пустыннымъ: многіе были сосланы, другіе, боясь высылки, сами добровольно его оставили. Послѣ самаго строгаго царствованія наступила анархія, всевозможные костюмы появились опять, кареты летѣли, сломя голову. Я сама видѣла, какъ офицеръ гусарскаго полка ѣхалъ галопомъ на лошади по троттуару набережной и кричалъ: «теперь можно дѣлать, что хочешь!» Наступившая вдругъ перемѣна была поразительна, но она основывалась только на чрезмѣрномъ довѣріи,

---

[1]) Погребеніе тѣла императора Павла происходило 23 марта, въ Страстную субботу.

[2]) Императрица Марія, обезсилѣвшая отъ слезъ и горя, присутствовала на выносѣ тѣла своего супруга въ Михайловскомъ замкѣ, а затѣмъ, какъ видно изъ камеръ-фурьерскаго журнала, она «изъ комнатъ Михайловскаго замка провожала его зрѣніемъ съ наполненными горестныхъ слезъ очами».

внушаемомъ добротой новаго императора. Со всѣхъ отдаленныхъ мѣстъ имперіи спѣшили взглянуть на молодого государя, любимаго внука Екатерины II, память о которой была еще жива во всѣхъ сердцахъ. Одного этого родства достаточно было, чтобы привлечь ему любовь всѣхъ подданныхъ, но и, кромѣ того, все въ немъ содѣйствовало къ возбужденію восторга и самыхъ радужныхъ надеждъ въ обществѣ. Хвалили его добродѣтели, извиняли то, что, повидимому, не нравилось; никогда начало царствованія не было болѣе блестяще. Война съ Англіей, грозившая Россіи въ концѣ царствованія Павла I, закончилась съ той минуты, какъ императоръ Александръ вступилъ на престолъ. Извѣстіе о перемѣнѣ царствованія недостаточно быстро, однако, распространилось и не помѣшало большому морскому сраженію при входѣ въ Зундъ между англійскимъ флотомъ, подъ командой Нельсона, и датскимъ. Датчане, какъ вѣрные союзники, храбро защищали входъ въ Балтійское море. Адмиралъ Чичаговъ посланъ былъ въ Копенгагенъ для переговоровъ о прекращеніи военныхъ дѣйствій, сдѣлавшемся теперь столь возможнымъ.

Беклешовъ былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, вмѣсто Обольянинова, получившаго отставку. Князь Александръ Куракинъ оставался вице-канцлеромъ, Паленъ былъ отосланъ въ въ свое имѣніе [1]), офицеръ Скарятинъ также. Князь Зубовъ, преступный изъ низости, хотѣлъ играть роль, но, ни въ чемъ не имѣя успѣха, уѣхалъ въ свои богатыя помѣстья. Оба брата его остались при дворѣ... Кутайсовъ покинулъ дворъ и уѣхалъ въ Москву [2]). Его низкое поведеніе въ послѣднее время царствованія Павла заслужило ему общее презрѣніе. Военный элементъ остался въ томъ же положеніи; одни только мундиры были измѣнены, и уничтожены были букли и косы.

Въ томъ же году, весной, наслѣдная принцесса баденская, мать императрицы Елисаветы, пріѣхала въ Петербургъ съ своими двумя дочерьми: принцессой Амаліей и принцессой Маріей. Эта послѣдняя была впослѣдствіи замужемъ за герцогомъ брауншвейгскимъ, и умерла нѣсколько лѣтъ спустя. Дворъ жилъ на Каменномъ островѣ, а я на своей дачѣ противъ дворца. Всѣ поѣхали представляться принцессѣ баденской, но я не имѣла этой чести. Я думала, что мои поступки, наименѣе подозрительные, могутъ показаться такими, и что лучше было хранить молчаніе и жить въ полномъ уединеніи. Въ это время, когда всѣ сношенія между императрицей и мной были порваны, я была въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что до нея касалось. Свѣтской молвѣ не придавала я никакой вѣры и покорилась необходимости выжидать болѣе счастливой минуты, когда можно будетъ узнать о томъ, что интересовало меня болѣе моего

---

[1]) Графъ Паленъ былъ уволенъ отъ дѣлъ лишь 17 іюня 1801 года.

[2]) Онъ умеръ въ полномъ забвеніи въ Москвѣ 9 января 1834 г.

собственнаго счастія. Съ этого времени буду говорить только о событіяхъ, которыхъ я была свидѣтельницей, до той минуты, когда, приблизившись снова къ императрицѣ, я опять почерпнула въ ея довѣріи воспоминаніе о многихъ счастливыхъ минутахъ и забвеніе многихъ горестей. Я разскажу тогда все, что ей угодно было мнѣ сообщить о прошедшемъ въ этотъ длинный періодъ времени.

Домъ графини Строгановой сталъ тогда своимъ для графа Толстого, который былъ тогда чрезвычайно друженъ съ княземъ Чарторижскимъ и съ г. Новосильцевымъ [1]). Ихъ называли тріумвиратомъ [2]). Императоръ былъ особенно расположенъ къ семейству Строгановыхъ и часто къ нимъ ѣздилъ. Графъ Толстой говорилъ обо мнѣ въ самыхъ обидныхъ и ядовитыхъ выраженіяхъ: это я отняла у него жену, это я стараюсь очернить репутацію императрицы Елисаветы. Всѣ слушали его: одни по легковѣрію, другіе — изъ низости. Признаюсь, я часто теряла терпѣніе, но принцесса Тарантъ ободряла меня и смягчала мои горести, принимая въ нихъ участіе. Графъ Толстой былъ наверху блаженства, получивъ отъ императрицы Елисаветы обѣщаніе, что она напишетъ его женѣ и предложитъ ей возвратиться къ нему. Графиня повиновалась приказаніямъ ея величества, написала мнѣ о предстоящемъ своемъ возвращеніи, прибавивъ, что оно послѣдуетъ вслѣдствіе приглашенія, и сообщала содержаніе отвѣта. Графиня пріѣхала незадолго до отъѣзда принцессы баденской, которая въ августѣ оставила Петербургъ. Я написала графинѣ Толстой, прося ее пріѣхать ко мнѣ, но не ранѣе, какъ побывавъ при дворѣ, съ той цѣлью, чтобы, въ случаѣ, если ей пришлось бы сказать обо мнѣ какое либо слово, не подумали бы, что я повліяла на нее. Она поступила по моему желанію. Съ крыльца своего дома я видѣла дворецъ и окна императрицы. Я знала, что графиня Толстая была тамъ, и пристально вглядывалась туда, движимая разнообразными чувствами, которыхъ не сумѣю выразить. Наконецъ графиня пріѣхала ко мнѣ. Счастье услужить ей было отравлено всѣмъ, сказаннымъ ею объ императрицѣ. Когда она испросила у нея позволенія ее оставить, чтобы поѣхать ко мнѣ, ея величество была, повидимому, удивлена подобнымъ намѣреніемъ.—«Какъ»,—сказала она,—«вы поѣдете къ г-жѣ Головиной?»—«Да, ваше величество, она осталась попрежнему моимъ другомъ. Никогда не забуду, что она сдѣлала и претерпѣла изъ-за меня, и признаюсь, что я удивляюсь перемѣнѣ вашего величества относительно ея».—«Какъ!»—возразила императрица,—«развѣ вы забыли

---

[1]) Николай Николаевичъ Новосильцевъ, впослѣдствіи предсѣдатель государственнаго совѣта, р. 1761 г., † 1838 года.

[2]) Графъ Толстой не принадлежалъ къ тріумвирату. Кромѣ Чарторижскаго и Новосильцева, въ составъ тріумвирата входилъ третій другъ императора Александра, графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, мужъ графини Софьи Владиміровны Строгановой (р. 1774 г., † 1817 года).

исторію съ Ростопчинымъ?» Эта исторія была для меня загадкой, которую мнѣ объяснили, только много лѣтъ спустя. Совершенно естественно не знать того, чего мы никогда не думали дѣлать. Графиня Толстая употребила всѣ усилія, какія только были въ ея власти, чтобы мужъ ея вернулся къ намъ, но не успѣла въ томъ: онъ отвѣчалъ ей, что императрица Елисавета строго ему то запретила.

Какъ-то вечеромъ, между 8 и 9 часами, я сидѣла въ своей большой гостиной, наружная дверь которой была открыта. Между колоннами балкона виднѣлась спокойная, тихая рѣка [1]). Вокругъ меня была абсолютная тишина, но сердце мое страдало, и я находила мрачный оттѣнокъ въ этомъ спокойствіи, которое слишкомъ противорѣчило съ моими чувствами. Мужъ мой и принцесса Тарантъ гуляли, дѣти мои приготовлялись ко сну: я была въ полномъ уединеніи. Вдругъ услыхала я топотъ лошадей; я вышла на подъѣздъ и увидала императрицу верхомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ конюшихъ. Увидѣвъ меня, она пустила лошадь галопомъ и отвернулась. Сердце у меня сжалось, я облокотилась о колонну и слѣдовала глазами за ея величествомъ, пока она наконецъ не скрылась изъ виду. Я старалась объяснить себѣ, что̀ во мнѣ происходило: «тебя презираютъ, тебя обвиняютъ, тебя, можетъ быть, ненавидятъ», говорила я себѣ, «а ты все любишь, какъ будто бы и ты была любима». Я пристально посмотрѣла на небо, прося Бога сжалиться надо мной. Слезы облегчили мою сердечную тяжесть.

Дворъ отправился на коронацію въ Москву. Графиня Толстая послѣдовала за нимъ. Согласно съ желаніемъ своей матери, принцесса Тарантъ получила разрѣшеніе съѣздить навѣстить ее въ Парижъ. Мужъ мой въ то же время получилъ полную отставку, по его желанію. Разставшись съ г-жей де-Тарантъ, я сильнѣе почувствовала всю глубину моихъ горестей. Она оставила меня 5-го сентября, взявъ торжественное обѣщаніе съ моего мужа привезти меня во Францію. Онъ это охотно обѣщалъ. Здоровье его требовало особеннаго ухода: ему необходимы были воды. Я также была нездорова: ежедневныя и безпрестанно повторяющіяся огорченія, нервные припадки моей бѣдной матери, естественно безпокоившіе меня, окончательно разстроили мое здоровье. Путешествіе было мнѣ необходимо, но мысль оставить свою мать была мнѣ слишкомъ тяжела и не позволяла мнѣ думать объ отъѣздѣ. Мужъ мой, къ которому она питала материнскія чувства, а онъ ихъ вполнѣ заслуживалъ своими заботами и преданностію, уничтожилъ всѣ препятствія, убѣдивъ ее ѣхать съ нами. Она согласилась, и рѣшено было, что въ

---

[1]) Домъ графини Головиной на Головинской дачѣ, у впаденія Черной рѣчки въ Большую Невку сохранился до настоящаго времени, претерпѣвъ лишь незначительныя измѣненія; фасадомъ онъ выходитъ на Большую Невку.

началѣ лѣта 1802 г. мы выѣдемъ изъ Россіи. Эта увѣренность ободрила меня: мнѣ необходимо было оставить мѣсто моихъ страданій.

Я переѣхала въ городъ. Отсутствіе принцессы Тарантъ было для меня очень чувствительно. Дворъ возвратился изъ Москвы, а съ нимъ и графиня Толстая. Какъ-то вечеромъ пріѣхала она ко мнѣ неожиданно, точно съ неба упала, и я была столь же удивлена, какъ и счастлива увидать ее. Поведеніе ея мужа уничтожило наши прежнія отношенія: она уже болѣе не пріѣзжала ко мнѣ ежедневно. Графъ Толстой изъявилъ желаніе, чтобы она принимала, давала балы; онъ предложилъ ей пригласить меня, но графиня Толстая хорошо меня знала и отвѣчала, что я не приму ихъ приглашенія. Нѣкоторое время она вся отдалась свѣту. Однако долго такъ не могло продолжаться: ея чудная душа нуждалась въ другихъ занятіяхъ, болѣе достойныхъ ея. Какъ-то вечеромъ она пріѣхала ко мнѣ и сказала, что, желая говорить со мной откровенно, она хотѣла бы быть увѣренной, что насъ прерывать не будутъ. Мы уговорились, что на другой день, послѣ обѣда, дверь моя будетъ заперта для всѣхъ, кромѣ нея. Графиня пріѣхала. Мы пошли въ мой кабинетъ, и тамъ она вполнѣ призналась мнѣ въ своей сердечной привязанности, въ своихъ прошлыхъ горестяхъ и ошибкахъ. Затѣмъ она прибавила: «Вы видѣли, что ваша нѣжная забота обо мнѣ, ваша искренняя дружба, не могли порвать чары страсти, но Господь сжалился надо мной въ ту самую минуту, когда я была на верху слѣпого увлеченія: виновникъ его самъ уничтожилъ это чувство. Извѣстіе о его женитьбѣ открыло мнѣ глаза на пропасть, въ которую я готова была броситься[1]). Я была въ отчаяніи, но прибѣгла къ Милосердому. Онъ очистилъ мое сердце, и я ничего болѣе не испытывала, какъ только чувства любви и признательности, которыми была обязана Богу. Простите меня, что я васъ обманула. Я сказала вамъ при разставаніи, что уже вылѣчилась, тогда какъ думала только подальше бѣжать отъ васъ и слѣдовать за тѣмъ, котораго не имѣла права любить. Пусть это признаніе возвратитъ мнѣ ваше довѣріе, пусть дружба наша будетъ имѣть основаніемъ только религію: тогда она будетъ чиста и вѣчна, и Господь самъ ее благословитъ». Понятно, что я была глубоко тронута. Торжество добродѣтели даетъ возможность испытать тихое и спокойное счастіе. Экзальтація и воображеніе могутъ создать только химеры. Первая—образъ непогрѣшимой истины, вторая — мятежный сонъ, который смущаетъ нашъ покой. Побѣда надъ собой—самая лучшая изъ всѣхъ побѣдъ: она удаляетъ отъ насъ ложь, которой мы стараемся при-

---

[1]) Лордъ Витвортъ женился въ Лондонѣ 7-го апрѣля н. ст. 1801 г. на вдовствующей герцогинѣ Дорсетъ. Измѣна Витворта можетъ быть объясняема перемѣной обстоятельствъ послѣ удаленія его изъ Петербурга и смертью императора Павла: извѣстіе о ней пришло въ Лондонъ 5-го апрѣля н. ст.

дать видъ дѣйствительнаго счастія, наполняя прошедшее опасными воспоминаніями, которыя насъ опьяняютъ и, повидимому, заглушаютъ разумъ. Мы должны были бы видѣть въ нихъ укоры самимъ себѣ, а не упиваться ими. Мы далеко не излѣчены, если воспоминаніе о нашихъ ошибкахъ не составляетъ для насъ мученія. Мысли подобны растеніямъ, посаженнымъ въ разныя времена года: постоянная забота о нихъ способствуетъ ихъ развитію, а тщательный уходъ освободитъ ихъ отъ дурныхъ травъ.

Располагая покинуть Россію на семь лѣтъ, мужъ мой просилъ предложить императору купить его дачу противъ Каменнаго острова. Его величество очень любезно согласился на эту просьбу. Дача мужа моего была продана, къ моему большому сожалѣнію [1]). Если бы я имѣла право голоса въ этомъ дѣлѣ, мы бы сохранили ее, но мужъ мой былъ такъ несчастенъ, такъ возмущенъ всѣмъ происшедшимъ, что въ данную минуту онъ готовъ былъ продать всѣ свои имѣнія. Я аккуратно получала извѣстія отъ принцессы Тарантъ: она писала мнѣ ежедневно, пока перемѣняли лошадей, и никогда не переставала заботиться обо мнѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ графиня Толстая сдѣлала мнѣ свои признанія, я чувствовала себя съ нею свободнѣе, и она возвратила мнѣ свою прежнюю привязанность. Я была также счастлива при мысли объ ожидаемомъ свиданіи съ моимъ лучшимъ другомъ.

Наконецъ наступилъ май мѣсяцъ. Мы должны были оставить Россію въ началѣ іюня. За двѣ недѣли до нашего отъѣзда состоялся балъ у г. Ниса, министра Португаліи; дворъ долженъ былъ присутствовать на немъ. Мужъ мой сказалъ г-жѣ Толстой, которая была въ числѣ приглашенныхъ, что ей представлялся удобный случай попросить у императора разрѣшенія для него проститься съ его величествомъ въ частной аудіенціи, чтобы имѣть возможность отблагодарить его въ то же время за всѣ его милости. Графиня Толстая поспѣшила исполнить это порученіе. Танцуя полонезъ съ императоромъ, она сказала ему: «государь, я должна просить васъ объ одной милости: графъ Головинъ желалъ бы имѣть у васъ частную аудіенцію, чтобы отблагодарить васъ и проститься съ вами. Угодно ли будетъ вашему величеству разрѣшить ему это?» — «Онъ можетъ прійти», благосклонно отвѣчалъ императоръ: «онъ можетъ прійти въ мой кабинетъ завтра въ 12 часовъ дня». Графиня Толстая сообщила намъ съ радостью этотъ отвѣтъ. Мужъ мой отправился къ императору въ назначенный часъ. Между ними произошло объясненіе столь же трогательное, какъ и интересное. Мужъ мой испросилъ у его величества прощенія въ томъ, что такъ быстро покинулъ дворъ, просилъ также государя никогда не судить о немъ

---

[1]) Она пріобрѣтена была императрицей Маріей Θеодоровной для Воспитательнаго дома.

по словамъ, а по дѣламъ его, въ особенности же обратить вниманіе на мотивы, заставлявшіе его дѣйствовать въ различныхъ случаяхъ. Императоръ также обвинялъ себя. Наконецъ все устроилось между ними, какъ нельзя лучше. Выходя изъ кабинета императора, мужъ мой встрѣтилъ Толстаго, который ничего не зналъ о происшедшемъ, и потому удивленіе его было чрезмѣрно. Онъ спросилъ у императора, какимъ это образомъ у него былъ графъ Головинъ. Императоръ, боясь навлечь непріятность на его жену, отвѣчалъ, что онъ встрѣтилъ мужа моего на прогулкѣ и пригласилъ его къ себѣ. Вечеромъ того же дня его величество разсказалъ про этотъ случай графинѣ Толстой, но она отвѣчала, что напрасно его величеству угодно было поберечь ее: она ничего не скрывала отъ своего мужа. Я поручила также графинѣ Толстой сообщить о моемъ желаніи имѣть прощальную аудіенцію у императрицы. Государыня пожелала, чтобы я была представлена ей на общемъ пріемѣ, но графиня замѣтила ей, что справедливость требовала дать мнѣ частную аудіенцію. Ея величество согласилась на это лишь съ условіемъ, чтобы и графиня Толстая пріѣхала со мной.

Въ семь часовъ вечера я вошла въ кабинетъ императрицы. Я была взволнована до глубины души: ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ чувствовать себя напрасно обвиненною. Всѣ сѣли. Рядомъ съ императрицей сидѣла сестра ея, принцесса Амалія, которую принцесса мать оставила въ Петербургѣ. Разговоръ былъ натянутый и незначительный. Эта невыразимо тяжелая для меня сцена продолжалась около получаса. Я сказала тогда графинѣ Толстой, что довольно злоупотреблять добротою императрицы, и что мнѣ пора удалиться. Ея величество сказала мнѣ нѣсколько словъ относительно моихъ плановъ путешествія; затѣмъ я простилась съ нею и уѣхала болѣе несчастною, чѣмъ прежде. Еслибъ она могла прочесть въ моей душѣ, то пожалѣла бы нѣсколько о своей несправедливости. Однако оставимъ эти трудныя времена, о которыхъ я должна вспоминать только съ признательностію: они научили меня познавать всю глубину моей привязанности къ императрицѣ и все, что можетъ перенести преданное сердце. Иначе и не могло быть: я слишкомъ хорошо знала императрицу, чтобы перестать любить ее, и предпочла бы страдать вдвое болѣе, чѣмъ лишиться внушаемаго ею мнѣ чувства: сердце мое находило въ томъ истинную отраду. Она была въ заблужденіи: всѣ обстоятельства, повидимому, слагались къ обвиненію меня въ самыхъ ужасныхъ проступкахъ, враги мои окружали ея величество, а мое добровольное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вынужденное молчаніе оставляло открытое поле для дѣйствій моихъ недоброжелателей.

Надо было поѣхать въ Павловскъ откланяться вдовствующей императрицѣ. Я пообѣдала тамъ, по принятому обычаю. Во время раута императрица Елисавета подошла ко мнѣ и холодно сказала:

«Вы, кажется, здоровы сегодня?» Видъ ея очень оскорбилъ меня.— «Дѣйствительно», отвѣчала я, «мнѣ гораздо лучше съ тѣхъ поръ, какъ я увѣрена въ возможности удалиться отсюда». Таково было наше прощаніе.

Наканунѣ моего отъѣзда графиня Строганова пріѣхала проститься со мною. Я проводила ее по окончаніи ея визита. Мы остановились у моего окна. Улица была загромождена разнаго рода экипажами. Подъѣзжали къ театру противъ моего дома; въ то же время погребальная процессія двигалась между четырьмя рядами каретъ, которыя спѣшили и старались перегнать одна другую. Это была поразительная картина жизни: жажда наслажденій и неизбѣжный конецъ. Въ то время, какъ мы смотрѣли на этотъ контрастъ, до насъ доносилось издали церковное пѣніе въ домовой церкви моей матери; то былъ напутственный молебенъ, которымъ испрашивалось благословеніе ея предстоящему путешествію. Эта пестрая смѣсь впечатлѣній, заставлявшая призадуматься, расположила графиню сообщить свои размышленія и сдѣлать мнѣ тысячу увѣреній въ ея памяти обо мнѣ и участіи.

— Буду говорить съ вами,— сказала я ей,—съ искренностію умирающаго: разлука очень походитъ на смерть. Какъ знать, увидимся ли? Вы позволили моимъ врагамъ говорить обидное на мой счетъ въ вашемъ домѣ. Вы не можете того отрицать. Но я ничего не сказала о васъ! Вы дозволяли оскорблять меня, никогда не защищая меня, тогда какъ были вполнѣ убѣждены, что я не заслуживала этого. Я не сердилась на васъ и не мстила вамъ за то. Визиты его величества къ вамъ дали поводъ ко многимъ толкамъ. Я защитила васъ и заставила молчать всѣхъ, кто это говорилъ мнѣ.

XX.

Отъѣздъ Головиныхъ изъ Петербурга.—Рига, Кенигсбергъ.—Пребываніе въ Берлинѣ.—Болѣзнь дочери Головиной.—Г-жа Криднеръ.—Г-жа Круземаркъ.—Принцесса Луиза.—Пребываніе Головиной въ Лейпцигѣ.—Посѣщеніе жилища г-жи Шенбургъ.—Саксонская Швейцарія.—Франкфуртъ на Майнѣ.—Путешествіе по Франціи.

Мы оставили Петербургъ 8-го іюня 1802 г., послѣ обѣдни. Всѣ наши люди были въ слезахъ, и я дѣлала все возможное, чтобы скрыть ихъ отъ моей матери. Графиня Толстая сопровождала насъ до Ропши, загороднаго императорскаго дворца, гдѣ мы провели день и ночь. На другой день, рано утромъ, отправились мы въ путь, нѣжно поцѣловавъ графиню Толстую. Я сидѣла въ дормезѣ матери съ своей младшей шестилѣтней дочерью и сестрой ея воспитатель-

ницы, Генріеттой, которую мать моя очень любила. Въ другой каретѣ былъ мой мужъ со старшей дочерью, гувернанткой и врачомъ. Въ третьемъ экипажѣ ѣхали наши двѣ горничныя и два лакея.

Не буду говорить объ Эстляндіи и о ея дикихъ жителяхъ, которые говорятъ на непонятномъ языкѣ и, повидимому, не имѣютъ образа человѣческаго. Мы провели около 36 ч. въ Нарвѣ, чтобы дать отдохнуть моей матери. Я только о ней и думала. Я дрожала при мысли, что ея нервные припадки могутъ возвратиться дорогой. Мы ѣхали иногда ночью, останавливаясь только въ большихъ городахъ. Помню, что, проѣзжая вечеромъ маленькое мѣстечко въ Лифляндіи, я услыхала погребальный звонъ. Я замѣтила прежде всего готическую церковь, возвышенную, въ формѣ башни, и выдѣлявшуюся на туманномъ небѣ. Вѣтеръ сгонялъ тучи, природа будто предвѣщала смерть. Нѣсколько далѣе я увидала мрачную процессію, медленно подвигавшуюся къ кладбищу, послѣднему убѣжищу покойника. Я старалась скрыть это печальное зрѣлище отъ моей матери и успокоилась только тогда, когда мы выѣхали на большую дорогу. Мы пробыли два дня въ Ригѣ. Погода была превосходная, и я осмотрѣла городъ съ г-жей Рольвилье, дочерью г-жи Убрино, старинной нашей знакомой. Мать моя съ удовольствіемъ увидала ее, и г-жа Рольвилье оставалась съ нею въ мое отсутствіе. Я была за обѣдней, которую служили о здоровьѣ моей матери, потомъ полюбовалась прелестнымъ видомъ съ моста, и, увидавъ католическую церковь открытою, когда мы были въ дорогѣ, возвращаясь въ гостиницу, я спросила у моей подруги, можно ли въ нее войти.—«Всегда»,—сказала она мнѣ,—«ея никогда не запираютъ». Я была очень поражена простотой и бѣдностію этой церкви. Священникъ стоялъ на колѣнахъ, погруженный въ набожныя размышленія. Невольно и я стала на колѣна, возведя взоры на большой крестъ, поставленный на алтарѣ. Тишина и спокойствіе, которыя окружали меня, наполнили душу мою неземнымъ чувствомъ. Я съ сожалѣніемъ встала: пора было уходить; священникъ всталъ также. Я спросила у него, можно ли получить маленькіе образки. Онъ мнѣ принесъ ихъ; я предложила ему за нихъ денегъ, но онъ не принялъ. Тогда я опустила ихъ въ церковную кружку, и возвратилась домой съ чувствомъ душевнаго спокойствія, давно мною не испытаннымъ. Никогда не забуду я этой церкви. Въ Кенигсбергѣ мы остановились въ отелѣ «Золотой Орелъ». Я увидала слугъ въ траурѣ и узнала, что г. Ниса, министръ Португаліи, уѣхавшій изъ Петербурга за нѣсколько дней до насъ, заболѣлъ оспой въ этомъ отелѣ и только что умеръ. Возвращались съ его похоронъ. Мы ночевали около занимаемыхъ имъ комнатъ; къ счастію, никто изъ насъ не боялся ни привидѣній, ни оспы. Я спала съ моей младшей дочерью въ кабинетѣ около комнаты моей матери. Стѣны этого узкаго кабинета были увѣшаны: одна—портретомъ Фридриха II, а другая — портретомъ его отца; оба изображены

были стоя и во весь ростъ. Дочка моя не могла уснуть и безпрестанно повторяла мнѣ: «Мама, не могу закрыть глазъ: у обоихъ королей глаза такіе большіе, и они такъ пристально глядятъ на меня!».

Трещотка, которая замѣняетъ въ Кенигсбергѣ бой часовъ, окончательно лишила меня сна, но мать моя спала; для моего спокойствія этого было достаточно. На другой день мы уѣхали послѣ обѣда и проѣзжали по великолѣпнымъ лѣсамъ Пруссіи. Ночь была чудная. Луна освѣщала насъ восхитительно, и при такихъ обстоятельствахъ мнѣ не такъ, какъ обыкновенно, надоѣдала медлительность прусскихъ почтальоновъ и неповоротливость ихъ лошадей. Облокотившись головой о дверцу, я дышала чистымъ воздухомъ и всматривалась въ длинныя тѣни деревъ и мягкій свѣтъ луны, отражавшійся на дубовыхъ пняхъ. Ямщики шли пѣшкомъ, такъ какъ дорога была тяжелая, песчаная. Изрѣдка трубили въ рогъ, и протяжное эхо повторяло его звуки вдали. Все погружено было въ сонъ вокругъ меня: только я не спала съ моимъ сердцемъ. Какъ бы мы ни были несчастны на родинѣ, невозможно равнодушно оставить ее. Можно отъ нея оторваться, но родину не оставляютъ, и счастіе всегда не полно, если имъ наслаждаются вдали отъ родныхъ могилъ и столь дорогой сердцу отчизны.

Дня за два до пріѣзда въ Берлинъ старшая дочь моя заболѣла. Пріѣхавъ въ этотъ городъ, мы уложили ее въ постель. Сильная горячка проявлялась въ смертельной тоскѣ: по всѣмъ признакамъ болѣзнь должна была быть серьезная. Пригласили доктора Гуфеланда [1]), который высказалъ опасеніе, но наши общія заботы вскорѣ облегчили ее, и она, повидимому, оправилась. Однако не было возможности оставаться въ отелѣ, гдѣ постоянный шумъ отъ табльдота, отъ пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ и отъ серенадъ, продолжавшихся далеко за полночь, не давалъ намъ никакого спокойствія. Мы начали искать квартиру и нашли ее въ частномъ домѣ, въ Липовой аллеѣ. Дочь мою несли на носилкахъ, и такъ какъ ей было лучше, то этотъ переѣздъ очень забавлялъ ее, но дня черезъ два, три она еще сильнѣе заболѣла. Проявилась нервная лихорадка самаго остраго характера. Безпокойство мое стало безмѣрно. Мужъ мой былъ въ отчаяніи, и я скрывала насколько возможно отъ моей матери опасность, которую видѣла такъ ясно. Умѣя опредѣлять пульсъ, я отдавала Гуфеланду полный отчетъ во всѣхъ его колебаніяхъ. Пульсъ сталъ неровнымъ. Волненіе и бредъ возвращались каждый вечеръ. Я проводила ночи у постели своей дочери; душа моя страдала болѣе моего бѣднаго тѣла: нравственная боль дѣлаетъ нечувствительною боль физическую; но что особенно утомляло меня, это—прерывающееся дыханіе моей дочери. Я дышала, какъ она, не будучи въ состояніи удержаться отъ того. Я просила доктора от-

[1]) Знаменитый врачъ того времени, р. 1762, ум. 1836.

кровенно сказать мнѣ, насколько велика опасность. Онъ согласился, что положеніе ея было очень трудно, что онъ не видѣлъ другого средства, кромѣ ванны, что если она перенесетъ ее безъ конвульсій, тогда можно имѣть надежду, но при малѣйшемъ нервномъ подергиваніи все будетъ кончено. Я скрыла эту печальную и ужасную истину отъ матери и отъ мужа. Я согласилась съ Гуфеландомъ, что нужно безотлагательно приготовить ванну. — «Теперь ѣду къ королевѣ», сказалъ онъ мнѣ: «по выходѣ отъ нея я немедленно возвращусь къ вамъ». Я предложила моей матери сдѣлать небольшую прогулку съ моей дочкой и Генріеттой. Затѣмъ сѣла за бюро у постели больной, пока гувернантка и обѣ горничныя готовили ванну. Я опустила лицо на руки, не имѣя достаточно бодрости повернуться въ сторону дочери. Взоръ мой упалъ на книгу «День христіанина», которую аббатъ Шанкло, преподаватель исторіи моихъ дѣтей, далъ мнѣ на память при моемъ отъѣздѣ. Открывъ книгу, я напала на слѣдующій текстъ: «Боже мой, хочу, чего Ты хочешь, потому что Ты этого хочешь, хочу именно, какъ и сколько Ты хочешь!» Эти слова были для меня божественнымъ свѣтомъ и требованіемъ покорности. Я нѣсколько разъ повторяла эту молитву съ усиливающейся набожностью и достигла того, что выговорила мою внутреннюю жертву съ такой силой, что невольно упала на колѣна. Холодный потъ выступилъ у меня на лбу. Когда принесли ванну, я поднялась и бросилась въ другую комнату, задыхаясь отъ слезъ. Я заперла дверь, вся дрожа, и приложила глазъ къ скважинѣ замка. Я видѣла, какъ дочь мою посадили въ ванну. Ея распущенные волосы, открытый ротикъ еще болѣе увеличивали ея страшную худобу. Всѣ мои чувства какъ бы онѣмѣли. Едва только ее посадили въ ванну, какъ слышу, она говоритъ: «Боже, какъ мнѣ хорошо! Могу ли я остаться въ этой водѣ?» Слова эти произвели на меня невыразимое дѣйствіе: я была внѣ себя и побѣжала на встрѣчу пріѣхавшему Гуфеланду. Выслушавъ меня, онъ вскрикнулъ отъ радости: «это чудо!».

Въ это тяжелое для меня время я каждый вечеръ садилась на окно подышать мягкимъ и чистымъ ночнымъ воздухомъ. Впотьмахъ доносились до меня шаги гулявшихъ и звуки органа, аккомпанировавшаго вѣрному и пріятному голосу. Я испытала странное смѣшеніе чувствъ. Сердечное горе такъ властно, что все, не соприкасающееся съ нимъ, дѣлаетъ его еще болѣе сухимъ и раздирающимъ. Наконецъ дочь моя была на пути къ полному выздоровленію. Радость смѣнила самую ужасную тоску. Я поѣхала на чашку чая къ баронессѣ Криднеръ, женѣ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, кроткой и прекрасной женщинѣ, выказавшей мнѣ трогательное участіе [1]). Во второй разъ я встрѣтила у нея гостей: баронессу

---

[1]) Баронесса Криднеръ, ур. Фитингофъ, извѣстная піетистка, имѣвшая впослѣдствіи вліяніе на императора Александра, р. 1764 г., ум. 1824 г.

Лефортъ, пожилую даму, любезную и добрую, мать г-жи Серту, камеръ-фрау принцессы Луизы Радзивиллъ, графиню де-Неаль съ ея старшей дочерью; одна изъ нихъ состояла при принцессѣ Фердинандъ, другая при принцессѣ Луизѣ. Обѣ онѣ были со мною очень предупредительны и спросили позволенія навѣстить меня. Г-жа Круземаркъ, подруга княгини Барятинской, матери графини Толстой, пріѣхала также и много говорила со мной о семействѣ моей подруги, о ея исторіи съ мужемъ и о письмѣ, написанномъ ей императрицей съ приглашеніемъ возвратиться въ Россію. Она попробовала было заставить меня говорить, стараясь подмѣтить, дѣйствительно ли я участвовала въ разъединеніи супруговъ Толстыхъ, и въ полной ли я немилости у императрицы; но я не удовлетворила ея любопытству, долго слушала ее и своимъ молчаливымъ вниманіемъ доказала, что не сѣю своего довѣрія по всѣмъ городамъ, лежащимъ мнѣ на пути. Графиня Неаль пріѣхала пригласить меня погулять въ Bellevue, на дачѣ, гдѣ былъ замокъ, въ которомъ жила принцесса Фердинандъ съ дочерью и дворомъ. Я приняла это предложеніе и отправилась къ ней. Мы прошлись по довольно красивому саду, въ которомъ замѣчательны были только цвѣты, взрощенные самой принцессой. Когда я проходила передъ замкомъ, то увидѣла принцессу на ея балконѣ. Она сошла съ него, очень любезно пошла мнѣ на встрѣчу и убѣдила меня войти къ ней. Я познакомилась съ принцессой Луизой, прелестной женщиной, свѣтской и умной. Я видѣла также брата ея, принца Лудвига. Принцесса Фердинандъ повела меня въ аппартаменты своего сына, который съигралъ намъ на клавесинѣ съ необыкновеннымъ талантомъ. Спустя нѣсколько времени, я простилась съ ея свѣтлостью. Не говорю о самомъ принцѣ Фердинандѣ, чтобы не сообщать подробностей о его глупыхъ и смѣшныхъ поступкахъ. Младшій сынъ ея не дуренъ лицомъ, но онъ надутъ и вульгаренъ.

На другой день принцесса Луиза сама заѣхала ко мнѣ освѣдомиться о здоровьѣ моей дочери и пригласить меня къ себѣ на завтра провести вечеръ вмѣстѣ. Я застала ее одну за пяльцами въ маломъ кабинетѣ. Мы вели долгую и очень пріятную бесѣду. Разговоръ, въ основаніи котораго не лежитъ ни довѣріе, ни другой какой либо особенный интересъ, для того, чтобы быть пріятнымъ, долженъ быть естественъ и не лишенъ нѣкоторой свободы. Принцесса Луиза создана какъ будто нарочно для такихъ именно бесѣдъ. Существуетъ множество милыхъ пустяковъ, о которыхъ можно говорить въ пріятномъ обществѣ; это общество, съ своей стороны, даетъ то изящество, то чувство мѣры, которыя сообщаютъ бесѣдѣ особенную прелесть. Во время моего пребыванія тамъ я замѣтила, что принцессу, повидимому, безпокоилъ какой-то изрѣдка доходившій до насъ шумъ. Потомъ я узнала, что мать ея была все насторожѣ: принцесса-мать была очень требовательна и ревновала,

когда дочери ея оказывали кому либо особенное вниманіе. Принцесса Луиза опасалась, какъ бы она не пришла прервать нашъ разговоръ. Дѣти ея прелестны, въ особенности дѣвочка, Луизонъ, которой впослѣдствіи она лишилась. Выздоровленіе моей дочери шло медленно. Мы оставались около двухъ мѣсяцевъ въ Берлинѣ. Я часто въ то время видала принцессу Луизу, а къ ея матери пошла только проститься. Я не хотѣла быть представленной къ ея двору, не желая дѣлать параднаго туалета и тѣмъ затруднять себя.

Въ виду окончившагося сезона водъ мы рѣшились ѣхать прямо въ Парижъ. Три дня провели въ Лейпцигѣ во время ярмарки. У насъ была прекрасная квартира, гдѣ моей матери было очень удобно. Силы моей дочери возвращались. Я часто прогуливалась и посѣщала магазины съ мужемъ и дочерью, оставляя себѣ на слѣдующее утро прогулку, имѣвшую особенный интересъ для меня. Однажды я встала рано, взяла мою записную книжку и пошла съ Генріеттой и наемнымъ лакеемъ отыскивать домъ, въ которомъ умерла госпожа Шёнбургъ. Наканунѣ смерти она велѣла снести себя на террасу, покрытую цвѣтами, которыхъ поручила своей матери нарвать большое количество. Я увидала эту террасу и цвѣты; они были не тѣ самые, но, быть можетъ, росли на томъ же стеблѣ: они внушили мнѣ особенный интересъ, и я не могла оторвать отъ нихъ глазъ; мнѣ казалось, что мыслью о ней проникнуто все мое существо. Смерть можетъ похитить у насъ любимое, но впечатлѣнія сердечныя угасаютъ только съ нами. Я съ трудомъ оторвалась отъ этой террасы и отправилась срисовывать видъ съ моста, перекинутаго черезъ ровъ, который окружаетъ городъ. Стѣна съ зубцами была прекрасно освѣщена. Опершись на парапетъ, я пробовала рисовать, какъ вдругъ незнакомый голосъ сказалъ мнѣ: «Madame, знакомы ли вы съ французскимъ языкомъ?» Обернувшись, я увидала человѣка, повторившаго тотъ же вопросъ. Я отвѣчала: «да». «Позвольте предупредить васъ, madame», возразилъ онъ, «что солдатъ и часовой, которыхъ вы видите тамъ, принимаютъ васъ за французскаго шпіона и стараются узнать, какой планъ вы снимаете». Я очень поблагодарила этого иностранца, увѣряя, что ничего не боюсь, и спокойно продолжала свое занятіе, принявъ лишь ту предосторожность, что приблизилась къ часовому, чтобы успокоить его и доказать, что мнѣ скрывать нечего. Дѣйствительно, по моему спокойному виду онъ увидѣлъ, что я ничего не дѣлаю предосудительнаго, и меня болѣе не безпокоили.

Погода была прекрасная, когда мы проѣзжали по Верхней Саксоніи. Страна эта прелестна. Послѣ цѣлой ночи ѣзды кучера наши остановились около хорошенькаго домика, находящагося вблизи большого лѣса. Мы вошли въ этотъ домъ, состоявшій изъ трехъ, четырехъ комнатъ. Онъ принадлежалъ одному крестьянину. Гостиная была украшена нѣсколькими портретами, такъ смѣшно подо-

бранными, что можно было положительно удивиться: каждое лицо было только съ однимъ глазомъ. Господинъ смотрѣлъ въ бинокль, дама держала попугая, голова котораго прикрывала ей глазъ; другая держала розу, вѣтка ея имѣла то же назначеніе; четвертая одинаково держала лимонъ. Это было, вѣроятно, семейство кривыхъ. Обивка стульевъ изображала женитьбу молодого Товія. Наружная стѣна дома была прикрыта персиковыми деревьями и лозами винограда. Я отправилась гулять въ лѣсъ съ мужемъ и дочкой. Желая сдѣлать часть пути пѣшкомъ, мы отдали приказаніе прислать намъ экипажи немедленно, какъ только ихъ заложатъ. Едва сдѣлали мы шаговъ сто, какъ увидали громадный дубъ съ замѣчательно толстымъ стволомъ. Вокругъ него была поставлена скамейка, предназначенная, вѣроятно, для отдохновенія путниковъ. Древесная кора надъ этой скамейкой была покрыта надписями на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Сколько собрано было именъ, различныхъ мыслей, съ какими различными побужденіями начертывали ихъ лица, которыя никогда не видались и, вѣроятно, никогда не увидятся! Я была въ восхищеніи отъ этого лѣса. Изъ-за горъ увидала я восходъ солнца, блестящіе лучи котораго покрывали ихъ всѣми цвѣтами опала. Красоты природы имѣютъ надъ нами громадную власть. Чтобы вполнѣ оцѣнить ихъ значеніе, слѣдуетъ быть лишеннымъ ихъ на нѣкоторое время. Любуясь чудесами творенія, трудно позабыть Создателя, а все, что ведетъ къ Нему, служитъ первымъ для насъ благомъ.

Тюрингія—красивая страна, хорошо обработанная. Проѣхавъ ее, мы отправились во Франкфуртъ, куда попали лишь вечеромъ. Ярмарка только что началась. Намъ объявили, что намъ дадутъ лошадей не ранѣе, какъ дня черезъ три, въ виду наплыва публики, наполнявшей городъ въ это время. Старый графъ Нессельроде тотчасъ пріѣхалъ насъ навѣстить, многое намъ разсказывалъ, а затѣмъ предложилъ намъ свои услуги и готовность свезти меня на ярмарку [1]). Мы всѣ на другой день туда отправились. Всѣ магазины были устроены въ нижнихъ этажахъ домовъ, расположенныхъ четыреугольникомъ. Входъ въ нихъ—черезъ калитки. Магазины красивы, и въ нихъ масса парижскихъ товаровъ. Я купила книги и портфель оригинальныхъ рисунковъ въ магазинѣ Артарія.

Не буду говорить подробно ни о Дармштадтѣ, ни о красивомъ по своему мѣстоположенію Гейдельбергѣ, ни о другихъ городахъ, которые осмотрѣны были внимательнѣе лишь на обратномъ пути, между прочимъ, о Раштадтѣ. Оставляя этотъ послѣдній городъ, я съ живымъ интересомъ взглянула на аллею, ведущую въ Карльсруэ,

---

[1]) Нессельроде, Вильгельмъ, графъ, бывшій при Екатеринѣ II русскимъ посломъ въ Португаліи и въ Пруссіи, отецъ государственнаго канцлера, графа К. В. Нессельроде.

обычную резиденцію вдовствующей принцессы баденской. Я избѣгала ея изъ деликатности, опасаясь, какъ бы мое представленіе ей не подало повода къ разнаго рода догадкамъ. Я не хотѣла также, чтобы императрица Елисавета вообразила себѣ, что я желаю объясниться съ ея матерью.

Въ Страсбургъ пріѣхали мы также вечеромъ. Въѣзжая во дворъ отеля, гдѣ мы должны были остановиться, я увидала даму, поспѣшившую открыть намъ дверцу кареты. Каково было мое удивленіе, когда я узнала въ ней г-жу Кошелеву, очень интересную особу, которую я нѣжно любила! Я была въ восторгѣ видѣть ее: одинъ прыжокъ, и я очутилась въ ея объятіяхъ. Мы всегда испытываемъ радостное чувство при свиданіи съ соотечественниками за границей. Четыре дня провели мы вмѣстѣ, комнаты наши отдѣлялись одна отъ другой только запертой дверью, которую мы открыли съ обоюднаго согласія. Сынъ ея былъ съ ней; въ то время онъ былъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, который служилъ мнѣ въ качествѣ чичероне: онъ показалъ мнѣ городъ, соборъ, памятникъ Морицу Саксонскому, и рыцаря съ своей дамой, плававшихъ въ гробахъ, наполненныхъ спиртомъ. Къ несчастію, молодой Кошелевъ очень измѣнился впослѣдствіи: онъ ускорилъ смерть своей матери, доставляя ей безчисленныя огорченія.

По другую сторону нашихъ аппартаментовъ квартировала герцогиня д'Есклиньякъ, побочная дочь принца Ксаверія и сестра шевалье де Саксъ, который былъ убитъ на дуэли княземъ Щербатовымъ. До меня доходилъ ея споръ съ горничной, напоминавшій маркизу изъ комедіи; та отвѣчала ей, какъ и слѣдовало субреткѣ:

— Барышня, вы ошибаетесь, герцогиня ошибается и т. д.

Я разсталась съ г-жей Кошелевой, въ надеждѣ скоро опять съ ней свидѣться въ Парижѣ. Въ продолженіе часа мы взбирались на красивую гору Савернь, представляющую все разнообразіе природы. Роскошный видъ разстилается съ ея вершины. Какъ только въѣхала я во Францію, желаніе увидать г-жу де-Тарантъ усилилось. Мы ѣхали во Франціи гораздо скорѣе, чѣмъ въ Германіи: французская почта прекрасна, ямщики услужливы и аккуратны. Я нашла прекрасные отели, превкусные обѣды, отличное вино, проворныхъ, веселыхъ и добродушныхъ слугъ. Только въ Нанси и въ Мо замѣтила я революціонный духъ.

Отправившись гулять въ одномъ изъ этихъ городовъ, пока мѣняли лошадей, я встрѣтила двухъ или трехъ молодыхъ людей, которые принялись кричать:

— О, го, го! теперь не носятъ болѣе шлейфовъ, потому что нѣтъ болѣе пажей ихъ поддерживать.

— Ошибаетесь, господа, — отвѣчала я: — я не француженка, а русская: мы не проливали крови нашихъ государей!

Они замолчали и поспѣшили удалиться.

XXI.

Прибытіе въ Парижъ.—Княгиня де-Тарантъ.—Общество Сенъ-Жерменскаго предмѣстья.—Графъ Морковъ.—Поѣздка по Парижу.—Г-жи Медави, Дюра и Шиме.—Первый консулъ.—Г. Караманъ.—Маркиза Монтессонъ.

Въ 9 часовъ вечера пріѣхали мы къ парижской заставѣ. Пока осматривали наши паспорта, я услышала прекрасную музыку: танцовали кадриль на лугу. Я спросила позволенія у моей матери сѣсть въ карету мужа, а на мое мѣсто посадить мою старшую дочь. Различныя чувства взволновали меня: сердце мое радостно билось отъ предстоящаго свиданія съ г-жей де-Тарантъ и отъ въѣзда въ этотъ большой городъ. Когда мы проѣхали ворота С. Мартенъ, тысяча мыслей начала тѣсниться въ моей головѣ. Я вспоминала все, что говорилъ мнѣ дядя [1]), который такъ долго прожилъ въ этомъ огромномъ городѣ. Мысль о революціи, шумъ, крики, ѣзда телѣгъ, бубенчики лошадей, походная музыка, эта масса народа, которая не идетъ, а бѣжитъ, и стремительно бросается въ разныя стороны, крики разносчиковъ, все неважное по подробностямъ, но взятое вмѣстѣ, произвело на меня самое своеобразное впечатлѣніе. Дѣйствительно, въ этомъ центрѣ встрѣчаемъ все земное величіе и всю земную суету. Мы проѣхали Pont Royal (Королевскій мостъ) и въѣхали въ С.-Жерменское предмѣстье, самый аристократическій кварталъ Парижа, такъ какъ въ немъ сосредоточивались жилища всѣхъ древнихъ дворянскихъ фамилій. Въѣхавъ въ улицу Бакъ, мы не знали, куда направиться. Добрая женщина указала намъ отель Касини на Вавилонской улицѣ. Мы постучали въ большія ворота, которыя отворились, и мы замѣтили красивый четыреугольный дворъ, покрытый виноградниками. Мы увидали освѣщенную комнату. Камердинеръ и два лакея вышли намъ на встрѣчу съ факелами. Мужъ мой повелъ въ домъ мою мать и дѣтей, а я осталась во дворѣ ожидать г-жу де-Тарантъ, которая была въ двухъ шагахъ отъ насъ у г-жи де-Люксембургъ, куда ей пошли доложить. Было 3-е октября. Ночь была темная и теплая. Дверь отворилась. Г-жа де-Тарантъ прибѣжала, и мы бросились въ объятія другъ друга.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—сказала она мнѣ.

— Жду, чтобъ вы мнѣ сами показали всѣ доказательства вашей дружбы: они мнѣ будутъ вдвое дороже.

Ужинъ былъ сервированъ чисто, элегантно. Мать моя помѣщалась въ бель-этажѣ и, повидимому, была довольна. Комнаты мои,

---

[1]) Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

мужа и дѣтей, всѣ очень мило обставленныя, находились въ антресоляхъ. Мы считали себя счастливыми такъ многимъ быть обязанными нашему доброму другу. Она одна находила все недостаточно красивымъ.

На другой день я увидала нашъ маленькій садикъ. Затѣмъ г-жа де-Тарантъ поспѣшила познакомить меня съ своими родственниками. Герцогиня д'Юзесъ (d'Uzès), сестра ея, была въ Парижѣ съ своимъ мужемъ, котораго я уже видѣла въ Петербургѣ, когда онъ сопровождалъ туда г-жу де-Тарантъ при ея пріѣздѣ изъ Лондона. Герцогиня Шатильонъ, мать ея, была въ замкѣ Бидвиль, въ 8-ми миляхъ отъ Парижа. На третій день она пріѣхала навѣстить насъ съ г-жей д'Юзесъ, своей внучкой. Я поѣхала на встрѣчу въ Версаль. Она приняла меня дружески и дала букетъ цвѣтовъ.

Черезъ два дня, графъ Караманъ, старинный другъ моего дяди, также пріѣхалъ къ намъ и привезъ съ собой трехъ своихъ дочерей: виконтессу де-Суршъ, виконтессу де-Водрёйль, графиню Баши и внучку ея m-lle де-ла-Форъ. Мы познакомились безъ всякихъ церемоній, и черезъ часъ между нами установились такія простыя отношенія, какъ будто мы провели вмѣстѣ всю жизнь. Г-жа де-Суршъ первая дала мнѣ это замѣтить.

— Это совершенно естественно,—отвѣчала я.—Мнѣ не доставало только полюбить лично всѣхъ васъ.

Г-жа де-Тарантъ повезла меня затѣмъ въ отель Шаро. Въ немъ жили въ то время только графиня де-Сенъ-Альдегондъ и графиня Беарнъ. Маркиза Турсель, ихъ мать, и герцогиня Шаро, сестра, были въ деревнѣ. Г-жа де-Сенъ-Альдегондъ приняла меня съ таинственностію и простотой, которыя не допускаютъ стѣсненія при первомъ знакомствѣ, но г-жа де-Беарнъ, въ продолженіе всего моего визита, сохраняла полное хладнокровіе, которое имѣло характеръ наблюденія. Я мало видѣла лицъ, болѣе интересныхъ и подходящихъ къ соединенію всѣхъ добродѣтелей. Г-жа де-Шатильонъ и г-жа де-Тарантъ водили меня также къ г-жѣ Клермонъ, къ княгинѣ де-Тенгри, къ графинѣ де-Люксембургъ, которая квартировала въ томъ же домѣ съ графиней де-Монморанси Танкарвиль, своей сестрой. Мы посѣтили также герцогиню де-Жевръ, послѣднюю изъ фамиліи Дюгескленъ, и герцогиню де-Бетюнь, тетку по отцу г-жи де-Тарантъ, у которой жила ея внучка, г-жа Евгенія де-Монморанси. Герцогиня де-Бетюнь приняла меня въ своей спальнѣ, обитой краснымъ. Она сидѣла въ большомъ креслѣ, около нея была шифоньерка, а на колѣнахъ маленькая собачка на четыреугольномъ кускѣ сѣрой тафты. Я познакомилась еще съ графиней Ипполитъ де-Шуазёль и съ графиней де-Серансъ, ея сестрой. Кругъ моего знакомства расширялся ежедневно: друга m-me де-Тарантъ принимали вездѣ съ участіемъ. Г-жа де-Турсель вернулась изъ деревни съ остальными членами своего семейства. Герцогиня де-Шаро пріѣхала тотчасъ же ко мнѣ

и пригласила меня самымъ любезнымъ образомъ навѣстить ее въ пятницу, пріемный день ея матери. Это интересное и почтенное семейство было въ сборѣ въ томъ же домѣ. Я была тамъ съ г-жей де-Тарантъ и видѣла множество дамъ прежнихъ временъ, между прочимъ герцогиню Дюра, княгиню Шиме, ея друга въ продолженіе 40 лѣтъ, и княгиню де-Леонъ, невѣстку г-жи Танкарвиль.

Въ это время Бонапартъ былъ консуломъ, и дворъ его находился въ Тюльери. Общество, которое я видѣла, представляло поразительный контрастъ съ тѣмъ, которое я встрѣчала по другой сторонѣ мостовъ. То была квинтъ-эссенція старциннаго дворянства, неприкосновенная въ своихъ принципахъ и сдѣлавшаяся жертвой революціи. Душа и сердце находили отраду среди этого рѣдкаго единенія. Умъ могъ только наслаждаться всѣмъ представлявшимся ему: тонъ, грація, а въ особенности принципы, привлекали, восхищали и заставляли наслаждаться обществомъ, въ которомъ твердая послѣдовательность убѣжденій соединялась съ самой естественной любезностью. Въ скоромъ времени со мной стали обращаться въ отелѣ Шаро и въ отелѣ Караманъ, какъ съ сестрой; друзья того и другого семейства осыпали меня вниманіемъ. Самолюбіе мое могло бы быть польщеннымъ, еслибъ я имѣла время думать о томъ, но душа моя была слишкомъ глубоко тронута, чтобы я могла заниматься собой. Графъ Морковъ, нашъ посланникъ въ Парижѣ [1]), пріѣхалъ спросить меня, къ какому 16-му желала я назначить мое представленіе къ первому консулу [2]). — «Вы удивляете меня», — сказала я ему, — «неужели вы думаете, что я поѣду ко двору этого простонароднаго короля? Я не затѣмъ пріѣхала сюда, чтобы унижаться».— «Но если вы не представитесь, то будетъ слишкомъ замѣтно: всѣ ваши соотечественницы это сдѣлали. Англичанки, польки, нѣмки, никто этого не избѣжалъ».—«Еслп-бъ даже и китаянки были тамъ, я все-таки не поѣхала бы». — «Вы повредите г-жѣ де-Тарантъ: подумаютъ, будто она вамъ это совѣтовала, и у васъ будетъ такъ много непріятностей, что вы будете вынуждены оставить Парижъ».—

---

[1]) Графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ (род. 1747 г., † 1827 г.), бывшій при Екатеринѣ клевретомъ Зубова, въ царствованіе Павла находился въ опалѣ, но, съ восшествіемъ на престолъ императора Александра, назначенъ былъ посланникомъ въ Парижъ къ первому консулу. Отъ природы дерзкій и надменный, Морковъ усвоилъ себѣ притомъ взгляды Сенъ-Жерменскаго предмѣстья на новый порядокъ вещей, устанавливавшійся во Франціи. Это не замедлило отозваться на дипломатической дѣятельности Моркова. Стремленія Бонапарта заключить союзъ съ Россіей не увѣнчались успѣхомъ и побудили его сказать даже, что онъ желалъ бы имѣть въ Парижѣ такого же благосклоннаго къ французамъ русскаго посланника, какимъ для англичанъ былъ въ Лондонѣ гр. С. Р. Воронцовъ. Графиня Головина прекрасно рисуетъ ту обстановку, среди которой дѣйствовалъ Морковъ.

[2]) Бонапарту представлялись 16-го числа каждаго мѣсяца. Примѣчаніе графини Головиной.

«Я оставлю его съ удовольствіемъ, если это будетъ нужно для доказательства моихъ принциповъ; что же касается г-жи де-Тарантъ, то съ ней ничего другого не можетъ случиться, какъ только предложатъ ей выѣхать изъ Франціи, и она это сдѣлаетъ безъ особеннаго горя». Графъ Морковъ, видя, что ничего не выигрываетъ, замолчалъ, безпокоясь, какъ бы ему не было какого либо запроса и замѣчаній изъ-за меня.

Экипажъ мой былъ готовъ: это была хорошенькая двумѣстная карета, запряженная лошадьми, съ коротко обрѣзанными хвостами, поанглійски. Ливрея моя была цвѣта голубаго, краснаго и чернаго, богато украшенная галунами, шляпы—перевязанныя по французской модѣ, съ плюмажемъ цвѣта моего герба. Оказалось случайно, что ливрея моя походила на будничную ливрею французскаго короля: потому-то она и дѣлала впечатлѣніе на вѣрноподданныхъ. Кареты были тогда рѣдки, ливреи не существовали: боялись, какъ бы онѣ не произвели сенсаціи на улицахъ. Но я рѣшилась всѣмъ бравировать: сѣла въ карету въ сопровожденіи двухъ выѣздныхъ лакеевъ и отправилась дѣлать визиты моимъ соотечественникамъ. Пріѣхавъ въ улицу Баси, я увидѣла радостныя демонстраціи народа: простыя женщины взлѣзали на всевозможные предметы вдоль дома, крестились и кричали: «А, возвращаются добрыя времена!» Проѣхавъ Королевскій мостъ и площадь Людовика XV-го, я остановилась на углу Елисейскихъ полей, у воротъ дома г-жи Дивовой. Она увидала меня въ окно и была поражена, удивлена моей смѣлостью проѣхать въ приличномъ экипажѣ по улицамъ Парижа.—«Боже мой, неужели васъ не обидѣли?»—сказала она мнѣ.—«Напротивъ, были очень довольны меня видѣть». — «Андрюша, душа моя», — сказала она мужу:—«закажите нашу ливрею съ завтрашняго дня». Г. Морковъ также послѣдовалъ моему примѣру.

Много лицъ пріѣзжало съ визитомъ къ моей матери, къ которой относились чрезвычайно любезно и съ большимъ уваженіемъ. Квартира ей очень нравилась: ей стоило только открыть дверь, чтобы быть въ саду; терраса была обставлена розами; мать моя велѣла прибавить малую бесѣдку изъ каприфолій. Здоровье ея удивительно поправилось: нервные припадки совершенно оставили ее съ самаго начала нашего путешествія.

Почти каждое утро я отправлялась къ моимъ новымъ друзьямъ, въ особенности въ отель Шаро, съ г-жей Тарантъ. Въ этомъ кругу я вторично завтракала. Полина де-Беарнъ измѣнила, наконецъ, свои ледяныя отношенія ко мнѣ: можно было бы сказать, что сердце ея сжималось сначала для того только, чтобы потомъ болѣе стремиться къ моему. Мнѣ она нравилась болѣе своихъ сестеръ, хотя и онѣ были прелестны и очень любезны, но трогательный видъ Полины, ея кротость, чувство такта, все, случившееся съ ней въ продолженіе революціи, увеличивало ея прелесть. У нея было трое дѣтей: двѣ

прелестныя дочери, изъ которыхъ старшая умерла послѣ моего отъѣзда изъ Парижа, а младшая была моя любимица. Дѣти г-жи де-Сенъ-Альдегондъ были старше по возрасту и сдѣлались подругами моихъ. Я объѣхала магазины, представляющіе богатство и разнообразіе, которыя рѣдко можно встрѣтить: стоитъ только пожелать и открыть свой кошелекъ, чтобы пріобрѣсти все, что можно только себѣ представить. Г-жа де-Шатильонъ предложила мнѣ однажды поѣхать къ г. Сакъ, у котораго всегда бывали англійскіе товары. Одновременно съ нами въ его магазинъ вошла дама высокаго роста и представительной наружности. Освѣдомившись, кто она, я узнала, что это была г-жа Медави. Услыхавъ это имя, я измѣнилась въ лицѣ и почувствовала себя взволнованной: я вспомнила, что императрица Елисавета часто говорила мнѣ о г-жѣ де-Медави, которую она видала у принцессы матери съ другими эмигрантами. Съ особенною, свойственною ей одной граціей императрица нѣсколько разъ забавлялась представляя, какъ присѣдала г-жа де-Медави. Совершенно естественно, что видъ ея сдѣлалъ на меня впечатлѣніе и напомнилъ прошлое. Магазинъ, товары, все исчезло изъ моихъ глазъ: я видѣла предъ собою только великую княгиню Елисавету. Какъ немного нужно иногда, чтобы пробудить тяжелыя воспоминанія!

Я прекрасно проводила вечера съ своими новыми знакомыми, видѣла ихъ ежедневно, и это сдѣлалось для меня потребностію. Воскресенье я исключительно посвящала самой себѣ. Утромъ отправлялась въ церковь св. Сульпиція, одну изъ лучшихъ парижскихъ церквей. Многочисленное духовенство служило тамъ обѣдню, которую пѣли прекрасные голоса, подъ аккомпаниментъ органа. Гармонія фугъ и аккордовъ предназначена, повидимому, для прославленія Бога. Я не могла достаточно наслушаться ихъ и налюбоваться набожностію окружавшихъ меня. Какъ-то разъ, будучи тамъ, по обыкновенію, увидала я двухъ дамъ подъ вуалью, стоявшихъ на колѣнахъ. Таліи ихъ были прелестны, лицъ не было видно, и онѣ погружены были въ молитву. Обѣ онѣ причастились, а затѣмъ опять заняли свои мѣста, но я ихъ не узнала. Такъ какъ обѣдня окончилась, я остановилась у паперти, около знакомой старушки, торговавшей старыми книгами, и сѣдого старца, продававшаго распятія изъ слоновой кости. Почти каждый разъ я что нибудь пріобрѣтала изъ ихъ товара, когда къ нимъ подходила. Окончивъ покупки, я направлялась уже къ своей каретѣ, какъ вдругъ почувствовала, что кто-то меня останавливаетъ сзади. Это были двѣ дамы, видѣнныя мною въ церкви, и я, наконецъ, узнала въ нихъ г-жу Водрейль и г-жу Баши, ея сестру. Я отвезла ихъ въ своей каретѣ и поѣхала на свой воскресный завтракъ къ г-жѣ де-Люксембургъ, у которой собиралось ея собственное семейство, а также семейство Турсель. Меня представили герцогинѣ Дюра и княгинѣ Шиме. Та и другая были статсъ-дамы королевы Маріи-Антуанетты. Душа г-жи Дюра со-

единяетъ все, что сила и благородство характера, почерпая основанія для себя изъ религіи, могутъ представить самаго поучительнаго и почтеннаго. Видъ у нея совсѣмъ аристократическій: она высокаго роста и очень представительна. Г-жа де-Шиме кротка и покорна, какъ ангелъ: она худенькая, слабенькая. Контрастъ этихъ двухъ характеровъ укрѣпляетъ ихъ дружбу. Онѣ, какъ двѣ ивы, выросшія на одномъ и томъ же корнѣ, верхушки которыхъ возвышаются и переплетаются между собою. Онѣ особенно хорошо обращались со мною. У меня были трогательныя доказательства ихъ участія, которыхъ никогда не забуду. Г-жа де-Дюра шутила насчетъ худобы своего друга: «Когда я ее цѣлую», говорила она мнѣ, «она всегда боится, чтобъ я ея не сломала». Г-жа де-Дюра—дочь маршала де-Муши, который погибъ на эшафотѣ съ своей женой и выказалъ замѣчательную твердость. Въ тотъ моментъ, когда ему надо было идти на эшафотъ, онъ замѣтилъ слезы своихъ друзей. «Не огорчайтесь,—сказалъ онъ имъ,—семнадцати лѣтъ я пошелъ на приступъ за моего короля, семидесяти восьми — иду на эшафотъ за Бога». Когда его арестовали, жена его пришла и просила подвергнуть ее заключенію вмѣстѣ съ нимъ. Г-жѣ де-Муши возразили, что о ней нѣтъ приказа.—«Я жена маршала де-Муши»,—возразила она и, постоянно твердя эти слова, достигла наконецъ того, что ее осудили.

Я ѣздила въ Большую оперу съ моими знакомыми и была поражена элегантнымъ разнообразіемъ всего собранія, а также богатствомъ спектакля и всѣмъ составомъ оркестра. Въ Comedie Française я была въ ложѣ г-жи Шаро и г-жи де-Люксембургъ. Ложа эта была съ рѣшеткой, противъ ложи Бонапарта. Онъ пристально лорнировалъ меня во время антрактовъ. Я сдѣлала ему ту же честь, и, если бы глаза мои были кинжалами, міръ давно бы уже избавился отъ этого чудовища. Въ его ложѣ, въ оперѣ, у него было зеркало на рессорахъ, которое онъ поворачивалъ, по желанію, и видѣлъ все происходившее въ партерѣ. Пріѣхавъ въ оперу, можно было тотчасъ узнать, долженъ ли пріѣхать туда Бонапартъ: ставили взводъ солдатъ у двери, въ которую онъ долженъ былъ войти, а маленькія окна, открывающіяся изъ ложи въ коридоръ, бывали всѣ затянуты. Наполеонъ боялся всего, кромѣ преступленія. Послѣ оперы я ѣздила ужинать въ отель Шаро съ семействомъ Турсель и г-жей Тарантъ. При стойкомъ характерѣ невозможно быть любезнѣе и привлекательнѣе г-жи Августины де-Турсель. У нея природный умъ, который ничего не заимствуетъ и, подобно ручью, увлекающему цвѣты, представляетъ одно лишь пріятное.

Два лакея внесли круглый столъ, поставили вокругъ четыре кресла (servantes) [1]) и ушли. Небольшой прелестный ужинъ, серви-

---

[1]) Родъ маленькихъ буфетовъ, наполнённыхъ приборами и тарелками. Примѣчаніе графини Головиной.

рованный нами самими, поддерживалъ веселость нашего общества. За нимъ царила самая непринужденная болтовня: у насъ не было этихъ нескромныхъ посѣтителей, которые пристально смотрятъ на васъ, будто завидуютъ каждому куску, который вы кладете себѣ въ ротъ. Когда чувствуешь себя непринужденно, то является любезность; довѣріе придаетъ ей невыразимую прелесть. Слова при встрѣчѣ не сталкиваются: это красивый аккордъ съ пріятными варіаціями.

Я ѣздила также иногда ужинать съ г-жей де-Тарантъ въ отель Караманъ и очень весело проводила тамъ вечера. У г-жи де-Суршъ самый оригинальный умъ. Утонченный разговоръ г-жи де-Водрёйль соединяетъ мягкость и изящество. Г-жа де-Баши думаетъ только о небѣ. Когда она попросила отца своего нарисовать ей рай въ томъ видѣ, какимъ онъ представлялъ его себѣ, отецъ ея нарисовалъ тогда веселую деревню, населенную пасту́шками съ ихъ посохомъ и пастуха́ми, игравшими на свирѣли, овцами, ручейками, бутонами розъ и посреди г-жу де-Баши въ платьѣ со шлейфомъ, въ куафюрѣ съ перьями и въ облакахъ, игравшую на гитарѣ. Не зная основныхъ правилъ рисованія, г. де-Караманъ имѣлъ даръ выражать все, что хотѣлъ. Онъ сдѣлалъ странную, живописную коллекцію всѣхъ счастливыхъ и несчастныхъ минутъ своей жизни. Я мало видѣла пожилыхъ, болѣе веселыхъ и почтенныхъ на видъ. Онъ сохранилъ всѣ свои способности до 84 лѣтъ. Женитьба младшаго сына уложила его въ могилу: онъ не могъ утѣшиться, что жена его, г-жа Тальенъ, извѣстна своей красотой и очень дурной репутаціей.

Г-жа Кошелева, пріѣхавъ въ Парижъ, наняла аппартаменты въ въ отелѣ Караманъ, любезнаго хозяина котораго она знала со времени своего перваго путешествія во Францію. Она предложила мнѣ сдѣлать визитъ г-жѣ де-Монтессонъ, которая принимала два раза въ недѣлю. Мы отправились къ ней въ среду: я прошла по анфиладѣ комнатъ, богато и элегантно меблированныхъ. Г-жа де-Монтесонъ сидѣла въ овальной гостиной, отдѣланной съ замѣчательнымъ вкусомъ и наполненной обществомъ. Она играла въ реверси[1]). Княгиня Долгорукая, покрытая брильянтами, сидѣла передъ ней такъ же, какъ и госпожа Замойская, сестра князя Чарторижскаго, молоденькая и хорошенькая женщина. Эти двѣ дамы возвратились съ обѣда въ Сенъ-Клу[2]). Онѣ вскорѣ вышли. Г-жа де-Монтессонъ хотѣла встать, чтобы проводить ихъ, но я остановила ее, сказавъ: «Позвольте мнѣ, madame, оказать эту вѣжливость моимъ соотечественницамъ и не допустить, чтобъ вы для нихъ безпокоились». Г-жа де-Монтессонъ закричала: «Княгиня, г-жа Головина не хочетъ, чтобы

---

[1]) Карточная игра, въ которой выигрывалъ тотъ, кто менѣе всѣхъ набиралъ взятокъ.

[2]) Т. е. съ обѣда у перваго консула.

я васъ провожала. Имѣйте дѣло съ ней». Княгиня была сконфужена, а я кусала себѣ губы, чтобы не разсмѣяться. Со времени моего путешествія въ Бессарабію[1]) княгиня не говорила и не кланялась мнѣ болѣе. Въ минуту нашего отъѣзда г-жа Клермонъ оттолкнула свой игорный столъ и побѣжала за мной. — «Не правда ли, графиня, вы не забудете мою пятницу: я особенно цѣню честь принять васъ у себя, но, Боже мой, это день бала, назначеннаго княгиней Долгорукой: вы, вѣроятно, будете на немъ?» — «Жертвую вамъ его безъ сожалѣній», отвѣчала я, «не благодарите меня за то, прошу васъ». Г-жа Клермонъ продолжала свои нескончаемыя выраженія благодарности, а я — свои протесты. Эта комическая сцена очень забавляла г-жу Кошелеву.

Г-жа де-Монтессонъ была тайно обвѣнчана, безъ согласія короля, съ герцогомъ Орлеанскимъ, отцомъ Филиппа Эгалите, она была богата, такъ какъ получила большое наслѣдство отъ герцога. Бонапартъ просилъ ее открыть свой домъ и пригласить старое и новое дворянство; но она долго не могла достигнуть этого единенія. Она умерла послѣ моего отъѣзда.

XXII.

Панихида на кладбищѣ. — Г-жа де-Монтагю. — Общество гр. Головиной. — Бертье и г-жа де-Висконти. — Парижскіе бѣдняки. — Графъ Сегюръ. — Г-нъ Талейранъ. — Г-жа Режекуръ. — Принцесса Елисавета.

Однажды, утромъ, я была у г-жи де-Суршъ; отъ нея я узнала, что она только что посѣтила г-жу Монтагю; послѣдняя была занята приготовленіями къ панихидѣ, которая должна была быть отслужена на кладбищѣ Пикпусъ[2]), гдѣ были погребены многіе изъ ея родственниковъ. Я спросила у г-жи Суршъ, не будетъ ли это съ моей стороны неделикатно, если я попрошу, чтобы меня тоже допустили на эту панихиду. Она согласилась похлопотать за меня, и на слѣдующій же день я получила отъ г-жи Монтагю очень трогательное и любезное приглашеніе.

---

[1]) Во время пребыванія Потемкина въ Бендерахъ.

[2]) На кладбищѣ Пикпусъ похоронены 1.200 жертвъ, служившихъ охраною трона. Когда время террора кончилось, принцесса Сальмъ, потерявъ своего брата, хотѣла купить мѣсто кладбища и сдѣлала на это сборъ между тѣми, кто былъ заинтересованъ, какъ она, сохранить бренные останки нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ. Церковь, которая была поругана, была освящена, и въ продолженіе слѣдующихъ лѣтъ тамъ возносились торжественныя молитвы за погребенныхъ. Каждый жертвовалъ для поддержки этого благочестиваго учрежденія. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

Я отправилась съ молодой г-жей Турсель и де-Жевръ, первая хотѣла помолиться за отца, вторая — за мужа. Мы проѣхали весь Парижъ и остановились у дверей ограды кладбища. Лицо г-жи Турсель носило отпечатокъ горя. При входѣ въ церковь я была охвачена такимъ чувствомъ, съ которымъ, казалось, силы мои не въ состояніи были совладѣть: мои обыкновенныя мысли, казалось, уничтожились, и я ничего не видѣла, кромѣ смерти и утѣшенія въ религіи. Я съ любовью осматривала всѣ лица, выражая самую нѣжную покорность. Панихида началась, всѣ опустились на колѣни. Передо мной стояла герцогиня де-Дюра; она потеряла своего отца, мать, невѣстку и племянницу. Печальное пѣніе прерывалось по временамъ рыданіями. Посерединѣ церкви стоялъ катафалкъ. Въ концѣ церемоніи г-жа Монтагю пошла съ кружкою для сбора. Она была блѣдна и трогательна, слезы орошали ея лицо, не мѣняя его ангельскаго выраженія; ея живые черные глаза, казалось, поблекли. Одинъ изъ ея двоюродныхъ братьевъ подалъ ей руку. Когда она приблизилась ко мнѣ, я встала съ колѣней. Я въ смущеніи, съ дрожью, опустила деньги въ кружку. Какъ могущественно созерцаніе добродѣтели, и какъ я жалѣю тѣхъ, кто не можетъ сочувствовать горю другихъ! Это единственное счастье добродѣтели: можно ли радоваться или оставаться равнодушнымъ, видя горе другихъ?

На слѣдующій день г-жа Монтагю пріѣхала ко мнѣ, чтобы поблагодарить меня; это обстоятельство сблизило насъ. Я попросила г-жу Суршъ свести меня къ ней, и мы отправились въ предмѣстье Сентъ-Оноре, на площадь Бово. Г-жа Монтагю приказала сказать мнѣ, что она окружена дѣловыми людьми, и, не смѣя заставлять меня подниматься, сейчасъ спустится къ моей каретѣ, чтобы видѣться со мной. Она мнѣ сказала, что находится въ большомъ затрудненіи, такъ какъ не хватаетъ 3 тысячъ франковъ, чтобы пополнить уплату за мѣсто кладбища Пикпусъ, а она не видитъ никакой возможности достать эту сумму, и что люди, заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, дѣлали уже все, что только отъ нихъ зависѣло. Я ей сказала: «завтра одна особа изъ нашего посольства ѣдетъ въ Петербургъ; не хотите ли, съ ней я напишу одной изъ своихъ подругъ, чтобы она похлопотала объ этой суммѣ. Можно заинтересовать императрицу Елисавету, доброта которой чрезмѣрна. Вы помолитесь за нее, и сердце мое будетъ наполнено радостью». Г-жа Монтагю бросилась мнѣ на шею и заплакала.—«Какъ только я васъ увидѣла, — сказала она,—я почувствовала, что вы будете нашимъ ангеломъ утѣшителемъ». Я ее попросила написать Толстой и приложить къ ея письму письмо г-на Салли-Толлендаль о Пикпусѣ. Все было исполнено въ точности, срокъ платежа кончался въ октябрѣ, а это было въ маѣ, такъ что времени еще было достаточно. Г-жа Толстая взялась за это дѣло съ усердіемъ, и отъ императрицы сумма была получена въ назначенный срокъ. Мѣсто было куплено,

и сердце г-жи Монтагю было преисполнено радостью; установили молитвы за государыню. Это время было одно изъ самыхъ прiятныхъ въ моей жизни: я благословляла Господа, что находилась въ это время въ Парижѣ. Если бы не помощь, которую я имѣла счастье доставить имъ, то эта земля осталась бы у правительства, церковь была бы заброшена, и кладбище раззорено. Теперь оно орошается слезами благочестивой любви, и самыя трогательныя и теплыя молитвы возносятся тамъ къ престолу Всевышняго. Молитвы эти одинаково возносятся и за жертвы, и за гонителей. Какое торжество религiи, какое спокойствiе водворяется въ душѣ, когда стоишь у подножiя креста и когда исчезаетъ всякое злобное чувство!

Съ этого времени г-жа Монтагю посѣщала меня два раза въ недѣлю и проводила вечера съ г-жей Тарантъ и со мной. Въ эти дни двери моего дома были закрыты для всѣхъ.

Вотъ случай, который она мнѣ разсказала по поводу кладбища Пикпусъ. Между погребенными на этомъ кладбищѣ былъ одинъ человѣкъ, называвшiйся Парисъ; онъ служилъ у герцога де-Кастри; послѣ своей смерти онъ оставилъ въ нуждѣ жену и дочь. Съ того времени, какъ заботы и религiозныя воспоминанiя заставили освятить эту долину слезъ, посвящая ее религiи, m-lle Парисъ приходила аккуратно два раза въ недѣлю на кладбище Пикпусъ, несмотря на то, что это мѣсто, обагренное кровью, которое она орошала своими слезами, находилось въ двухъ миляхъ отъ нея. Ея трогательный и несчастный видъ поразилъ сторожа; послѣднiй сказалъ объ этомъ г-жѣ Монтагю, которая стала ее искать, и только послѣ многихъ безполезныхъ попытокъ она ее нашла вмѣстѣ съ ея матерью въ шестомъ этажѣ, гдѣ онѣ работали, а именно, штопали старыя кружева и этимъ доставлями себѣ средства къ существованiю. M-lle Парисъ старалась ограничивать свои расходы въ удовлетворенiи самыхъ насущныхъ потребностей, чтобы быть въ состоянiи предложить пятьдесятъ франковъ въ пользу сбора на Пикпусъ. Послѣ разговора съ ней г-жа Монтагю еще болѣе заинтересовалась ею.

Я обѣдала всегда дома въ покояхъ моей матери, куда обыкновенно собирались гости. Наши знакомые, которыхъ мы принимали, были: г. Монморанси, Турсель — тотъ, который женился на Августинѣ, де-Беаръ, мужъ Полины, Оливье де-Веракъ, де-Куфланъ и де-Кра. Кавалеръ де-Монморанси, младшiй изъ трехъ братьевъ, имѣлъ особенный талантъ къ музыкѣ. Родители г-жи Тарантъ, герцогиня де-Дюра и де-Жевръ, принцесса де-Шиме и де-Тенгрисъ обѣдали также у насъ. Эта послѣдняя приходится свекровью г-жѣ де-Люксембургъ. Я уходила изъ дома утромъ на нѣсколько часовъ и поздно вечеромъ; остальное время я посвящала своей матери и своимъ занятiямъ. Въ мое отсутствiе оставался съ ней докторъ, который жилъ у насъ спецiально для нея. Мои дѣти время отдыха проводили у нея, и г-жа Мерей, ея компаньонка, никогда ея не покидала. Я

ничѣмъ не могла наслаждаться, не будучи увѣрена, что она хорошо себя чувствуетъ.

Однажды г-жа Дивова пріѣхала ко мнѣ, чтобы пригласить меня обѣдать вмѣстѣ съ г-жей Кошелевой; она увѣряла, что мы будемъ тамъ почти однѣ, и что никого изъ представителей новой Франціи не будетъ. Я не могла устоять противъ приглашенія г-жи Кошелевой, и мы отправились туда вмѣстѣ. Первымъ сюрпризомъ было то, что мы встрѣтили тамъ герцогиню де-Санта-Круцъ, римлянку, старуху, кокетку 60-ти лѣтъ, съ рыжимъ парикомъ, устроеннымъ по-старинному; она меня поразила своимъ забавнымъ видомъ. Г-жа Дивова меня затащила, чтобы познакомить съ ней; она меня представила ей, какъ племянницу г-на Шувалова, котораго она знала, будучи въ Римѣ. При этихъ словахъ эта страшная фигура бросилась ко мнѣ на шею съ радостными и дикими восклицаніями, повторяя: «О, какъ я была счастлива съ нимъ!» Во всю свою жизнь я не встрѣчала подобной сцены. Я вырвалась изъ ея рукъ и прибѣгла къ помощи Кошелевой, которая не знала, какъ ей поступить. Мы обѣ ужасно смѣялись, но наше удивленіе еще болѣе увеличилось, когда вошла г-жа Висконти, объявленная возлюбленная де-Бертье[1]), замѣчательная красавица, лицо которой, несмотря на 60 лѣтъ, не поблекло и не имѣло морщинъ. Дама, римлянка, встрѣтила ее съ распростертыми объятіями, и эта послѣдняя бросилась къ ней въ свою очередь съ изліяніями самой нѣжной любви. Моя подруга и я сѣли въ уголъ, чтобы наслаждаться зрѣлищемъ; онѣ помѣстились въ противоположномъ углу, шептались и жестикулировали. Г-жа Висконти имѣла то трогательный видъ, то веселый. Все обѣщало развязку, отвѣчавшую этой сентиментальной подготовкѣ. Г. Бертье вошелъ, и г-жа Висконти приняла трогательное выраженіе жертвы: хозяйка дома и герцогиня говорили ей съ неподражаемымъ жаромъ, та и другая на ухо. Бертье незамѣтно приблизился къ нимъ. Его возлюбленная смотрѣла на него томнымъ взоромъ; мы были въ первой ложѣ, чтобы видѣть это отвратительное зрѣлище: дѣло шло о примиреніи, на которое, повидимому, легко можно было надѣяться. Мы съ нетерпѣніемъ ждали обѣда въ надеждѣ, что онъ доставитъ намъ нѣкоторое отдыхъ отъ этихъ любовныхъ продѣлокъ. Но мы были обречены видѣть эту сцену до конца. За обѣдомъ мы сѣли вмѣстѣ, Кошелева и я, а наши мужья противъ насъ. Влюбленная парочка, г-нъ Бертье и г-жа Висконти, сидѣли рядомъ и пожирали другъ друга глазами. Мы приходили въ смущеніе отъ этого молчаливаго краснорѣчія: они жали другъ другу руки такъ, что дама не могла удержаться, чтобы время отъ времени не сдѣлать гримасы. Герцо-

---

[1]) Генералъ Бертье, впослѣдствіи начальникъ главнаго штаба Наполеона, бывшій правой его рукою въ управленіи войсками.

гиня и г-жа Дивова были страшно рады, что имъ удалось видѣть это трогательное примиреніе. Послѣ обѣда подали кофе на маленькій столикъ. Бертье хотѣлъ оказать честь и выпить кофе. Я не хотѣла пить и незамѣтно проскользнула къ двери. Г-жа Кошелева послѣдовала за мной, и мы сѣли вмѣстѣ въ карету. «Отправимтесь», сказала она, «къ вамъ или ко мнѣ, я задыхаюсь; откуда мы вышли?» «Изъ зачумленнаго мѣста», возразила я, «нужно будетъ подушиться по пріѣздѣ». Мы дали слово никогда не принимать предложенія на эти тонкіе обѣды.

Я нигдѣ не видала такихъ бѣдняковъ, какъ въ Парижѣ: ничто не можетъ быть сравнено съ ихъ нищетой. Однажды m-me де-Баши, обѣдая у меня, предложила мнѣ отправиться послѣ обѣда посѣтить одну больную женщину, жившую недалеко отъ меня въ 6-мъ этажѣ. Я съ удовольствіемъ согласилась; мы поднялись очень высоко и когда въ концѣ длиннаго коридора открыли дверь, то увидѣли бѣдную m-lle Легранъ, когда-то знаменитую бѣлошвейку, теперь же высохшую, 60-ти-лѣтнюю старуху, со страшно распухшей ногой и рукой. Она сидѣла передъ огромнымъ незатопленнымъ каминомъ, смотря на пустой горшокъ и взывая къ Богу. Мы остановились, чтобы послушать ее: она насъ не видѣла и продолжала: «Боже, долго ли еще Ты лишишь меня помощи!? Боже, это невозможно: моя нищета и моя покорность Тебѣ извѣстны, Ты не дашь мнѣ погибнуть, Ты меня спасешь отъ голода и жажды, отъ которыхъ я погибаю». Я приблизилась къ ней и положила нѣсколько луидоровъ ей на колѣни. «Вотъ», сказала я, «награда за твое довѣріе и покорность». Она молча посмотрѣла на меня, ея потухшіе глаза наполнились слезами; она сжала мою руку, насколько у нея хватило ея слабыхъ силъ. Видъ несчастія это—пробужденіе для души: она учится узнавать дѣйствительное горе лишеній. Испытывая какую нибудь кратковременную печаль или какое нибудь недомоганіе, я думаю о г-жѣ Легранъ и о многихъ другихъ, для которыхъ крышей служитъ небо а жилищемъ какія нибудь развалины. Я никогда не забуду этихъ женщинъ, прикрытыхъ лохмотьями, держащихъ на рукахъ полумертвыхъ дѣтей; ихъ устремленные взгляды, казалось, боялись потерять послѣдній лучъ надежды. Я часто останавливалась на улицѣ, чтобы имъ оказать какую нибудь помощь. У меня было два мотива: облегчить ихъ страданія и попросить помолиться за Елисавету. Я считала необходимымъ присоединять эту послѣднюю мысль ко всему, что я испытывала самаго чистаго и самаго сердечно молитвеннаго. Это—единственная месть, которую можетъ позволить себѣ преданное сердце. Однажды я отправилась за г-жей де-Тарантъ, которая была у г-жи де-Бомонъ и должна была ее ждать у подъѣзда въ каретѣ. Одна женщина, носившая отпечатокъ самой страшной нищеты, подошла ко мнѣ и сказала мнѣ умирающимъ голосомъ: «подайте милостыню,

милая дама, во имя Господа и Пресвятой Богородицы»,—и показала, мнѣ свои искалѣченныя руки; я вынула изъ кошелька шесть франковъ и дала ей—она вскрикнула и упала въ обморокъ. Мои люди дали ей воды и привели ее въ чувство; тогда я ее спросила, что могло такъ подѣйствовать на нее. «Уже нѣсколько лѣтъ», возразила она, «какъ я не видала такихъ денегъ; два дня я не ѣла, и теперь побѣгу къ моей матери, которая умираетъ отъ голода».

Однажды послѣ обѣда мнѣ возвѣстили о пріѣздѣ г-на де-Сегюръ, о которомъ я упоминала уже выше; я приняла его очень холодно, онъ нисколько не смутился и началъ мнѣ разсказывать о своемъ пребываніи въ Петербургѣ, какъ о самомъ счастливомъ времени въ его жизни. «Много ужасныхъ происшествій произошло съ тѣхъ поръ», сказалъ онъ, «какъ я васъ не видалъ, но и вы вѣдь тоже живете во времена ужасовъ».—«О какомъ времени ужасовъ вы мнѣ говорите?» спросила я.—«О царствованіи Павла».—«Ваше сравненіе не имѣетъ никакого основанія, и совершенно непонятно, какъ вы можете сравнивать государя справедливаго, благороднаго и великодушнаго съ Робеспьеромъ, преступнымъ деспотомъ, главой разбойниковъ?»—«Но, сравнивая его царствованіе со славнымъ и полнымъ счастья царствованіемъ Екатерины II, вы переживали тяжелое время».—«Я не имѣю нужды оправдывать свои чувства признательности и удивленія къ покойной императрицѣ. Но я должна отдать справедливость достоинствамъ ея сына и не сравнивать его со злодѣями, которымъ подчинялись многіе французы. Но я все-таки восхищена слышать отъ васъ, что вы воздаете должную похвалу памяти императрицы; вы были бы болѣе, чѣмъ неблагодарны, если бы забыли всѣ благодѣянія, которыя она вамъ дѣлала». Г-нъ Сегюръ измѣнился въ лицѣ. Онъ былъ посланъ въ Вѣну директоріей и въ это время написалъ письмо, содержаніе котораго было направлено противъ императрицы. Онъ долженъ былъ предположить, что я знала объ этомъ сочиненіи, по крайней мѣрѣ, по наслышкѣ. Такимъ образомъ послѣднія мои слова оборвали его визитъ, и онъ долгое время и не пытался вновь навѣстить меня; онъ боялся также встрѣчаться съ г-жей де-Тарантъ, какъ преступленіе боится угрызеній совѣсти. Я видѣла этому доказательство: я провожала однажды утромъ г-жу де-Тарантъ къ одной знакомой англичанкѣ; она просила меня подождать ее въ каретѣ; г. Сегюръ, проходя мимо, узналъ меня и, начавъ со мной разговаривать, спросилъ, кого я жду; «сейчасъ придетъ сюда г-жа де-Тарантъ», — отвѣчала я. — «Вашъ покорнѣйшій слуга, графиня»,—сказалъ онъ и исчезъ.

Г-жа де-Тарантъ познакомила меня съ герцогиней де-Люинь, домъ которой былъ очень уважаемъ, благодаря собиравшемуся тамъ обществу, хотя мужъ ея занималъ мѣсто сенатора и по своей службѣ былъ связанъ съ новымъ правительствомъ. Ихъ прекрасный салонъ

былъ наполненъ только лишь представителями древней знати, безъ малѣйшей примѣси новаго дворянства. Лишь г. Талейранъ являлся туда, онъ начиналъ играть въ рулетку съ банкирами. Я занималась тѣмъ, что разсматривала его фигуру, и мы долго смотрѣли другъ на друга, какъ фарфоровыя собачки. Его хитрый и подозрительный взглядъ имѣлъ выраженіе вывѣдывающаго мошенника, его красныя и дрожащія руки производили отталкивающее впечатлѣніе; онъ имѣлъ преступный видъ съ головы до ногъ.

Я помню, какъ ему отлично отвѣтила г-жа Режекуръ, это мнѣ разсказывала г-жа де-Русъ въ отелѣ Караманъ. Г-жа Режекуръ находилась при особѣ принцессы Елисаветы[1]); находясь при ней, она устроила свою судьбу и пріобрѣла положеніе. Одно необходимое дѣло заставило ее обратиться къ г-ну Талейрану и попросить у него аудіенцію; онъ назначилъ день и часъ. Она немного опоздала. «Я недоволенъ тѣмъ, что вы опоздали, я не могу долго оставаться съ вами; но гдѣ же вы были?»—«У обѣдни».—«У обѣдни, сегодня?» (это былъ обыкновенный день). Г-жа де-Режекуръ отвѣтила ему съ почтительнымъ видомъ, дѣлая реверансъ: «Да, ваше преосвященство». Не надо забывать, что Талейранъ былъ епископомъ. Онъ понялъ всю тонкость этого отвѣта г-жи Режекуръ и поспѣшилъ покончить съ ея дѣломъ, боясь еще проглотить нѣсколько подобныхъ пилюль. Г-жа де-Режекуръ была находчива въ высшей степени: принцесса Елисавета подарила ей кольцо изъ своихъ волосъ съ тремя начальными буквами своего имени Н. Р. Е. «Вы знаете, что это значитъ?»—спросила она ее.—«Да, счастлива черезъ нее» («heureuse par elle»). Принцесса Елисавета обладала съ самой ранней молодости характеромъ, который предвѣщалъ всѣ добродѣтели. У нея соединялась съ трогательной красотой масса энергіи, которая современемъ еще болѣе укрѣпилась въ ней. Король, ея братъ, дѣлалъ ей каждый годъ подарки въ видѣ всякаго рода драгоцѣнностей. Она уполномочила г-жу Полиньякъ попросить за нее у его величества, чтобы ей замѣнили эти подарки деньгами; сама она не могла рѣшиться просить этой милости, находя этотъ вопросъ слишкомъ щекотливымъ. Король согласился на ея просьбу; принцесса собрала довольно значительную сумму, которую она употребила на то, чтобы упрочить состояніе г-жи Режекуръ. Въ другомъ случаѣ принцесса Елисавета, всегда робкая, когда дѣло касалось лично ея, пошла сама къ королю просить позволенія продолжать видѣть г-жу Омаль, которая находилась при принцессѣ Елисаветѣ и, впавши въ немилость, была удалена отъ двора; она говорила, что она ничего не знаетъ о ея винѣ, и что, несмотря на уваженіе, которое она должна питать къ приказаніямъ его величества, она не находитъ справедливымъ отказывать въ своей добротѣ и довѣріи лицу, со

[1]) Несчастная сестра несчастнаго Людовика XVI.

стороны котораго она ничего не видала, кромѣ доказательствъ преданности. Король нашелъ ея доводы справедливыми и разрѣшилъ ей поступать такъ, какъ она находитъ нужнымъ. Принцессѣ Елисаветѣ было тогда только 15 лѣтъ. Чистое тѣло этой ангельской принцессы было погребено въ саду де-Монсо, который принадлежалъ во время моего пребыванія въ Парижѣ Камбасересу.

XXIII.

Балъ у графа Кобенцеля. — Г-жа де-Николь. — Г-жа Лукезини. — Старое и новое дворянство. — Болѣзнь графини Головиной. — Сочетаніе стараго порядка съ новымъ. — Художникъ Собертъ. — Весна въ Парижѣ. — Г-жа Шатильонъ. — Г-жа Дама. — Сомнамбулизмъ г-жи де-ла-Котъ. — Процессія.

Я встрѣтила однажды вечеромъ графа де-Кобенцель, австрійскаго посланника, въ отелѣ де-Шаро. Онъ просилъ дамъ, въ томъ числѣ и меня, къ себѣ на большой балъ и предупреждалъ насъ, что мы тамъ встрѣтимъ общество, состоящее изъ стараго и новаго дворянства. Мы приняли сначала приглашеніе. Но когда онъ уѣхалъ, мы высчитали, что день бала приходится какъ разъ наканунѣ 20 января, дня смерти Людовика XVI. Это соображеніе пришло въ голову всѣмъ обитателямъ предмѣстья Сенъ-Жерменъ, и посланникъ получилъ массу извинительныхъ записокъ, въ которыхъ объяснялась причина отказа. Графъ Кобенцель былъ такъ тронутъ этимъ единодушнымъ выраженіемъ одного и того же чувства, что отложилъ балъ на четыре дня, несмотря на то, что онъ пригласилъ уже всѣхъ представителей новаго дворянства. Этотъ поступокъ съ его стороны побудилъ насъ быть у него на балу.

Я отправилась на балъ съ своими подругами; при выходѣ изъ кареты насъ встрѣтило все австрійское посольство. Каждый изъ кавалеровъ предложилъ руку дамѣ, и мы отправились цѣлой процессіей въ салонъ посланника; тамъ кавалеры наши насъ оставили, сдѣлавъ намъ глубокій поклонъ, на что мы отвѣтили тѣмъ же; послѣ этого нами завладѣлъ самъ посланникъ и провелъ насъ въ танцовальный залъ. По серединѣ зала было сдѣлано возвышеніе въ видѣ четыреугольника, такимъ образомъ, что кругомъ оставался свободный проходъ. Пространство посерединѣ было достаточно обширно для танцевъ, и музыка была помѣщена амфитеатромъ противъ одной изъ стѣнъ зала. Негръ Жюльенъ, знаменитый скрипачъ, управлялъ оркестромъ, барабанъ и флейта вторили ему. Одинъ господинъ, находившійся на извѣстномъ разстояніи, выбивалъ тактъ палочкой и дирижировалъ танцами. Мы сѣли на возвышеніи, и балъ

начался. Г-жа Моро, красивая, стройная и граціозная, была царицей бала; ея мужъ, одѣтый простымъ гражданиномъ, пожиралъ ее глазами[1]). Танцы доведены въ Парижѣ до смѣшной виртуозности. Это зрѣлище меня очень занимало, тѣмъ болѣе, что я была окружена всѣми моими друзьями. Разговаривая съ Августиной де-Турсель, я почувствовала вдругъ, что оперлась на что-то очень мягкое. Я повернулась и увидѣла женщину пожилыхъ лѣтъ, причесанную и одѣтую по послѣдней модѣ, у нея было черное, бархатное платье и множество чудныхъ брильянтовъ. Она меня толкала своимъ животомъ, какъ стулъ, и кричала: «А, вотъ жена президента! А жена сенатора вонъ тамъ, въ углу! Какъ она красива! Вчера я была у нея, какая она благородная особа! Но посмотрите, какъ она на меня пріятно смотритъ». И она посылала всѣмъ поклоны, складывая губки сердечкомъ и закатывая глаза. Я спросила у одного господина, который зналъ всѣхъ этихъ дамъ, каждую по имени, кто была эта странная особа. «Это г-жа Николь,—отвѣтилъ онъ,—два года тому назадъ она содержала гостиницу, а мужъ ея теперь президентомъ. А эта дама, которая довольно мило танцуетъ, г-жа Мишель. Ея мужъ былъ извѣстнымъ убійцей во время террора; онъ теперь сенаторъ по протекціи Камбасереса». Между необыкновенными фигурами, фигура г-жи Люкезини, жены прусскаго министра, выдѣлялась необыкновеннымъ образомъ. Она была высокаго роста, шатенка, съ грубыми чертами лица, простого и грубаго сложенія. Брови ея были подчернены, на лицѣ виднѣлись синія жилы отъ старости, щеки были багровыя, и лицо наштукатурено, какъ у статуи. Г-жа Люкезини, несмотря на свой видъ, танцовала безъ памяти. По мѣрѣ того, какъ она разгорячалась, оттѣнки ея лица смѣшивались, подъ конецъ она имѣла видъ испачканной палитры; восхищаясь постоянно семьей Бонапарта, она выжимала слезы изъ глазъ, глядя на эту семью, и, благодаря этому, черный цвѣтъ ея рѣсницъ исчезалъ, и взглядъ принималъ испуганный видъ, а ея обширныя брови отъ жары придавали зловѣщее выраженіе ея лицу. У меня было достаточно времени, чтобы налюбоваться ею вдоволь; послѣ ужина она пошла танцовать польку съ г. Ланскимъ, съ однимъ изъ моихъ соотечественниковъ, который забавлялся тѣмъ, что ужасно трясъ ее. Она дышала, какъ лошадь послѣ тяжелаго бѣга, и удерживала свое дыханіе только изъ непонятнаго уваженія къ г-жѣ Мюратъ, сестрѣ перваго консула. Ея чрезмѣрная вѣжливость позволяла ей сѣсть только на край стула, и общая принужденность во всемъ ея существѣ придавала ей видъ фигуры карнавала или опереточной принцессы. Эта странная маска еще болѣе бросалась въ глаза рядомъ со свѣжей и бодрой фигурой г-жи Мюратъ. Чтобы

---

[1]) Знаменитый генералъ, котораго роялисты въ это время пробовали сдѣлать соперникомъ Наполеону.

возвѣстить объ ужинѣ, дворецкіе въ ливреяхъ, обшитыхъ золотомъ, прошли по всѣмъ заламъ, неся каждый въ рукахъ длинную палку, на концѣ которой находился транспарантъ съ номерами. Транспарантовъ было по числу накрытыхъ столовъ. Мы были приглашены къ столу № 1, который былъ предназначенъ для стараго французскаго дворянства. Залъ былъ просторный, нашъ столъ, поставленный посерединѣ, былъ окруженъ всѣми другими столами, и мы, казалось, царили надъ всѣми остальными. Генералы, сенаторы и всѣ власти прогуливались вокругъ насъ. Я осталась на балу до 7 часовъ утра. Я не могла налюбоваться этимъ удивительнымъ разграниченіемъ между старымъ и новымъ дворянствомъ. Съ какимъ стараніемъ женщины новаго направленія подражали женщинамъ, принадлежавшимъ къ старому дворянству, несмотря на то, что послѣднія, казалось, не замѣчали ихъ существованія!

Вскорѣ послѣ бала я очень сильно захворала; болѣзнь, которая созрѣвала у меня въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, разразилась вдругъ, благодаря перемѣнѣ климата. Семейство Турсель и Караманъ меня не покидали. Они раздѣлились и одни ухаживали за мной утромъ, а другіе вечеромъ. Г-жа Турсель, мать, заставила меня послать за докторомъ Порталемъ, чтобы онъ ощупалъ мой правый бокъ. Онъ нашелъ завалы въ печени и засореніе желѣзъ. У меня сильно болѣла голова, пульсъ былъ неправильный и дыханіе стѣсненное; мнѣ прописали искусственныя воды Виши и назначили мнѣ докторомъ очень любезнаго и знающаго свое дѣло господина Галлея. Впродолженіе нѣсколькихъ дней я себя чувствовала очень плохо. Моя первая мысль была о Богѣ, вторая объ императрицѣ Елисаветѣ; я написала ей письмо и спрятала его, предполагая передать его г-жѣ Тарантъ, чтобы она его передала послѣ моей смерти императрицѣ. Но лѣкарства произвели свое дѣйствіе, и черезъ мѣсяцъ я почувствовала облегченіе и вскорѣ вступила въ колею обыденной жизни.

Изъ религіозныхъ церемоній, которыя мнѣ пришлось видѣть въ Парижѣ, меня поразило поклоненіе кресту въ пятницу на страстной недѣлѣ. Г-жа де-Тарантъ меня провела въ полночь въ нѣсколько церквей. Молитва совершается въ подземныхъ капеллахъ. Одинъ только крестъ освѣщенъ, священникъ служитъ тихимъ голосомъ. Всѣ присутствующіе, которыхъ я видѣла, казалось, были погружены въ самыя глубокія размышленія. Эта религіозная тишина дѣйствуетъ проникающимъ образомъ въ душу. Этотъ таинственный крестъ, единственный предметъ поклоненія, — страхъ для однихъ и утѣшеніе для другихъ. Это есть знамя спасенія и надежды, которыя облагораживаютъ горе среди униженій, которыя разрушаютъ идоловъ сердца и разсѣкаютъ мракъ; оно есть сокровищница истины, которая насъ заставляетъ чувствовать пустоту жизни. Я люблю все, что возвышаетъ и пробуждаетъ душу. Да, въ Парижѣ есть чѣмъ удовлетворить свой вкусъ и дать пищу мысли. Достаточно пробѣжать улицы, чтобы по-

лучить полное наставленіе въ нравственности. Церкви превращены въ театры, старыя гостиницы въ модные магазины; уважаемыхъ потомковъ самыхъ знаменитыхъ фамилій вы видите идущими пѣшкомъ по грязи. Сочетаніе самыхъ странныхъ противоположностей поражаетъ васъ безъ конца. Неожиданность за неожиданностью, и мысль отказывается слѣдовать за всѣмъ тѣмъ, что она встрѣчаетъ.

Г-жа де-Матиньонъ, дочь барона де-Бретейль, бывшаго посланникомъ въ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II, шла однажды пѣшкомъ. Это была ея прихоть, такъ какъ у нея была своя карета. На углу улицы Бакъ и Планшъ стояли продавецъ овощей и продавецъ табаку; когда г-жа Матиньонъ находилась около нихъ, вдругъ полилъ страшный дождь; случилось такъ, что въ это время проѣзжалъ мимо въ каретѣ герцогъ де-Праленъ. Онъ увидалъ г-жу Матиньонъ и, остановивъ карету, предложилъ ей сѣсть рядомъ съ нимъ, но у него не хватило настолько вѣжливости, чтобы снять шапку, когда онъ говорилъ съ ней. Торговецъ овощами возмутился этимъ и закричалъ своему сосѣду: «Посмотри, товарищъ, вотъ этотъ изъ новаго дворянства, какъ онъ важничаетъ; посмотри, можно подумать, что у него шапка пригвождена къ головѣ! Это не изъ нашихъ старыхъ дворянъ, вѣжливыхъ и галантныхъ съ дамами». Эта сцена доказываетъ, насколько народъ былъ возмущенъ новыми обычаями. Герцогъ Праленъ очень плохо себя велъ во время революціи и усвоилъ себѣ вульгарность. Я встрѣтила однажды г-жу Турсель, мать, идущую пѣшкомъ въ ужасную погоду. Она шла тихо съ зонтикомъ въ рукахъ; мнѣ было неловко путешествовать такъ удобно и, проѣзжая мимо, забрызгать ее грязью. Я остановила экипажъ и попросила ее сѣсть въ карету. «Я принимаю ваше любезное приглашеніе», сказала она, «только длятого чтобы доставить себѣ удовольствіе побыть съ вами. Вы думаете, что мнѣ трудно идти по грязи, увѣряю васъ, что нѣтъ: я могла бы вполнѣ избавиться отъ этого, но я сознаюсь, что я испытываю особаго рода удовольствіе въ лишеніи, когда я думаю, что мой бѣдный государь живетъ милостыней себѣ равныхъ». Я ее довезла до дома; я сблизилась съ этой семьей, которую я стала видѣть каждый день еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ. Я много занималась живописью.

Легкость достать себѣ все, что касалось искусства, возбуждала и поощряла вкусъ. Робертъ обѣдалъ у меня по четвергамъ и оставлялъ мнѣ почти всегда по эскизу, начатому въ 2 часа, а въ 4 часа уже повѣшенному на стѣну моего салона. Тѣмъ, что я знаю, обязана Роберту; что можетъ быть поучительнѣе, какъ видѣть, какъ работаетъ великій артистъ. Онъ мнѣ разсказывалъ о своемъ приключеніи въ катакомбахъ, такъ хорошо описанномъ аббатомъ Делилемъ въ его поэмѣ. Какъ интересно слушать разсказъ изъ устъ самого героя! У каждаго свой особый способъ воспринимать впечатлѣнія и судить о нихъ сообразно со своимъ характеромъ и своими наклонностями.

Что можетъ быть прекраснѣе весны въ Парижѣ послѣ февраля, когда можно начать уже наслаждаться ея прелестями! Воздухъ наполненъ ароматомъ, кусты покрыты цвѣтами. Мой домъ былъ окруженъ четырьмя садами, а именно, садомъ иностраннаго посольства, де-Веракъ, де-Монако и садомъ г-жи де-Шатильонъ. Первые три окружали мой садъ и были отдѣлены отъ него только каменной стѣной, а чтобы попасть въ четвертый нужно было только пройти мой дворъ и очень узкую Вавилонскую улицу. Я была окружена сиренью, лиліями, жимолостью; я любовалась цвѣтниками изъ розъ и лилій. За этимъ прекраснымъ садомъ я видѣла домъ, гдѣ жила г-жа Тарантъ со своей матерью. Я любила присутствовать при одѣваніи г-жи де-Шатильонъ, кабинетъ которой носилъ характеръ хорошей меблировки во вкусѣ старой Франціи. Онъ былъ наполненъ маленькими картинками и всевозможными сувенирами; я разсматривала всѣ эти предметы, достойные восхищенія въ то время, какъ Леонора, ея камеристка, причесывала ее. Все было чисто и элегантно, во всемъ чувствовалась гармонія; даже въ маленькихъ шкапчикахъ я видѣла отпечатокъ вкуса и характера той, кому они принадлежали.

Вечера во Франціи почти всегда теплѣе дня. Я часто оставалась очень поздно въ саду моей матери при лунномъ освѣщеніи или въ страшную темноту; я прислушивалась къ самымъ разнообразнымъ звукамъ этого необъятнаго міра; ничто такъ не располагаетъ къ мечтаніямъ, какъ отдаленный шумъ, который то увеличивается, то ослабѣваетъ, и ухо невольно слѣдитъ за нимъ. Однажды я замѣтила въ темнотѣ двухъ женщинъ, которыя, открывъ дверь, ведущую изъ сада де-Веракъ въ мой садъ, направлялись ко мнѣ. Я протирала глаза, чтобы узнать ихъ, но мои труды были напрасны. Между тѣмъ черезъ нѣсколько времени я различила голосъ г-жи де-ла-Котъ, и я моментально была передъ ней. «Вотъ г-жа Дамà, я ее веду къ вамъ,—сказала она,—она давно уже желаетъ быть представлена вамъ». Мы по обычаю привѣтствовали другъ друга, и я ихъ провела къ скамьѣ, гдѣ я только что сидѣла. Г-жа Дамà выразила мнѣ самымъ любезнымъ образомъ, что она меня знала уже, благодаря участію, которое я принимала въ ея сынѣ. Ея голосъ и манера говорить были очень пріятны. Я думала: «вотъ пріятная дама», но не знала, какъ она выглядѣла. Такая манера знакомиться мнѣ казалась довольно пикантной, и я не торопилась ввести г-жу Дамà въ домъ. Но наконецъ надо было отправиться домой, и при входѣ въ мой салонъ, освѣщенный лампами, мы взглянули другъ на друга съ поспѣшностью, которая заставила насъ обѣихъ засмѣяться. Г-жа Дамà мнѣ показалась очень красивой; г-жа де-ла-Котъ была настолько безобразна, насколько умна и несчастна. У нея была необыкновенная болѣзнь: она впадала иногда въ летаргію, которая продолжалась болѣе десяти дней. Ее укладывали

въ постель, и она лежала безъ движенія, безъ пищи и питья; ее можно было бы принять за мертвую, если бы у нея не бился пульсъ. Ея братъ, Оливье де-Веракъ, мнѣ разсказывалъ, что однажды ея летаргія продолжалась долѣе обыкновеннаго; онъ бросился на колѣни и вскричалъ: «Господи, неужели это состояніе долго еще продолжится?» Вдругъ она, не открывая глазъ, сдѣлала ему знакъ чтобы онъ приблизился къ ней, и движеніемъ руки показала, что она хочетъ написать. Онъ ей далъ бумаги и карандашъ; она, не шевелясь и не открывая глазъ, взяла и написала: «будьте спокойны, это не продолжится долго. Пришлите мнѣ завтра (особу, имя которой она написала), и чтобы никто другой не приходилъ». Ея желаніе исполнили. Но г-жа де-Конфланъ, очень преданная ей, пожелала остаться въ ея комнатѣ въ сторонѣ во время таинственнаго признанія. На слѣдующій день ея братъ пришелъ къ ней; она опять показала, что она хочетъ написать, и спросила: почему г-жа Конфланъ была введена наканунѣ въ ея комнату, несмотря на ея запрещеніе. На третій день она встала, не зная ничего о томъ, что произошло. Принцесса Тальмонъ, невѣстка г-жи Тарантъ, видѣла ее во время ея припадковъ; она мнѣ говорила, что ея ясновидѣніе не можетъ быть ничѣмъ объяснено, и что ни одинъ докторъ не можетъ ее понять. Можетъ быть, ея неслыханныя несчастія были причиной этого. Ея мужъ былъ ярый революціонеръ; онъ отнялъ у нея ея единственнаго сына и воспиталъ его, какъ дикаря, стараясь уничтожить въ немъ всѣ религіозные принципы и всякое чувство къ матери. Онъ женился на одной дамѣ, отъ которой у него было шесть дѣтей; г-жа же де-ла-Котъ осталась бы совсѣмъ безъ средствъ къ существованію, если бы не ея братъ Оливье, который ее окружалъ самыми нѣжными заботами.

Площадка моего сада возвышалась надъ садомъ иностраннаго посольства, и съ нея была видна процессія таинства причастія. Въ разныхъ частяхъ сада были устроены алтари. Многочисленное духовенство, богато одѣтое, слѣдовало за Св. Дарами, которые несъ подъ балдахиномъ священникъ; діаконы шли впереди съ длинными кадилами; дѣти, одѣтыя въ бѣлое съ голубыми кушаками, несли корзины съ цвѣтами и разсыпали ихъ по дорогѣ. Время отъ времени процессія останавливалась, чтобы поклониться Св. Дарамъ, и тогда раздавались звуки духового инструмента, которые сопровождались пѣніемъ. Весь народъ опускался на колѣни, и этому торжественному зрѣлищу придавала еще болѣе красоты прекрасная погода. Молитвы на воздухѣ, казалось, носили характеръ еще болѣе религіозный и величественный. Благочестіе не можетъ найти себѣ достаточно полной формы для своего выраженія.

XXIV.

Г-жа Х.—Ея сочувствіе къ участи королевы Маріи-Антуанетты.—Бѣдственное положеніе королевы въ тюрьмѣ. — Сближеніе съ ней г-жи Х. — Разсказы королевы Маріи-Антуанетты. — Смерть г-жи Эстурмель.

Я отправилась съ г-жей де-Тарантъ однажды утромъ къ княгинѣ де-Шиме. Послѣдняя попросила прійти къ ней еще на слѣдующій день, такъ какъ она имѣла ей что-то сообщить довольно интересное. На слѣдующій день поздно вечеромъ пришла ко мнѣ г-жа де-Тарантъ; я замѣтила, что она была блѣдна и смущена, и испугалась. Когда мы остались однѣ, я спросила ее: «Скажите, что съ вами, вы меня безпокоите». Г-жа де-Тарантъ мнѣ отвѣтила: «При васъ мнѣ вчера назначила г-жа Шиме свиданіе. Я у нея была. Она мнѣ сказала, что она знаетъ лицо, благодаря состраданію и милости котораго были открыты двери всѣхъ темницъ, гдѣ страдали жертвы, которыя Робеспьеръ приговорилъ къ эшафоту, когда этотъ тигръ, не зная предѣла своимъ злодѣйствамъ, извлекъ королеву изъ Тампля, чтобы заточить ее въ тюрьму. Эта тюрьма—предметъ попеченія г-жи Х. Она имѣла ловкость, смѣлость и силу проникнуть въ эту страшную темницу, которая заключала въ себѣ королеву Франціи; она пренебрегла всѣми опасностями, которыя могли быть неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого дѣла. Она такъ трогательна: для нея она не была королева, къ которой она стремилась; она была для нея просто страдающее существо, которое ея сердце хотѣло облегчить. Нужно, продолжала княгиня Шиме, чтобы вы видѣли г-жу Х., она знаетъ про ваше существованіе, но боится знакомиться и потому лишаетъ себя возможности васъ видѣть; но такъ какъ вы можете видѣть Madame (сестру французскаго короля) въ Митавѣ, то не возьмете ли вы на себя трудъ передать нѣкоторыя порученія ей отъ королевы. Я ей сказала, что я приведу къ ней одну особу, мою подругу, которая увидитъ дочь государыни; она согласилась на это. Хотите вы пойти со мною?» сказала она. Разговоръ г-жи Тарантъ меня очень тронулъ, и у меня явилось страшное желаніе видѣть и услышать существо, которое представляетъ изъ себя верхъ гуманности и которое живетъ, чтобы облегчать горе и несчастіе другихъ. Мы поднялись въ 3-й этажъ по очень узкой лѣстницѣ и достигли убѣжища добродѣтели. Я увидѣла тамъ маленькую, старую, полную женщину, съ ногами толстыми, какъ и весь ея корпусъ, съ трудомъ двигавшуюся за тѣмъ, что было необходимо лично для нея: она была дѣятельна и проворна для блага другихъ. Г-жа Шиме сказала ей, представляя меня: «вотъ я вамъ привела моего друга». Она меня учтиво приняла за принцессу, которая хотѣла съ ней поговорить по поводу того, чѣмъ было такъ полно мое сердце, и

она отъ этого отказалась: «Вы знаете, сказала она, я не могу говорить о королевѣ»... и ея глаза наполнились слезами. «Вы этого хотите, принцесса, — когда я говорю о королевѣ, я больна, я не могу ни ѣсть, ни спать. Человѣкъ, къ которому я питаю большое довѣріе, запретилъ мнѣ это окончательно» [1]). Побужденная еще принцессой Шиме, продолжала разсказъ свой г-жа де-Тарантъ, г-жа Х. сообщила намъ о нѣкоторыхъ ужасныхъ подробностяхъ печальнаго положенія, въ которомъ она нашла королеву, и о ея неслыханныхъ страданіяхъ и еще болѣе удивительномъ терпѣніи. Королева была лишена всякой помощи и находилась въ такомъ состояніи, которое требовало самыхъ большихъ заботъ. Ея одежда была изъ толстаго холста, у нея не было бѣлья, чулки всѣ въ дырьяхъ. Она спала на очень плохой кровати, ея пища была до того тверда и скверна, что въ нее трудно было воткнуть вилку. Тюрьма была сырая. Двое людей, такъ называемая стража, находились при королевѣ неотлучно день и ночь, они были отдѣлены отъ нея только тряпичными ширмами. Нѣкоторые изъ нихъ, менѣе жестокіе, чѣмъ другіе, оказывали ей нѣкоторое сочувствіе и, казалось, жалѣли, что они обязаны своимъ присутствіемъ стѣснять ее и тѣмъ еще болѣе увеличивать ея страданія. Г-жа Х. проникла въ эту ужасную тюрьму. Королева долго ее отталкивала, не допуская мысли, что въ этомъ ужасномъ мѣстѣ можно встрѣтить состраданіе чувствительнаго сердца, и принимала ее за этихъ ужасныхъ созданій, которыя выдаютъ себя за друзей заключенныхъ для того, чтобы потомъ предать ихъ. Но это не обезкураживало г-жу Х.: она настойчиво старалась войти въ ея положеніе и достигла того, что внушила къ себѣ довѣріе и приносила ей утѣшеніе. Она сдѣлалась поддержкой той, которая, будучи на тронѣ, сдѣлала столько благодѣяній, за которыя ей заплатили такою неблагодарностью. Впродолженіе нѣсколькихъ недѣль королева была предметомъ ея попеченій. Въ деньгахъ у нея не было недостатка, онѣ помогли ей проникнуть въ тюрьму, и Богъ вознаградитъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье доставлять ихъ ей. Г-жѣ Х. удалось нѣсколько разъ провести къ ней священника, переодѣтаго въ мундиръ національной гвардіи. Королева со слезами исповѣдывалась въ четырехъ шагахъ отъ нея, въ этомъ мѣстѣ совершалась даже обѣдня съ подобающей торжественностью. Г-жа Х. говорила мнѣ еще: «Королева часто вспоминаетъ объ одной особѣ, которая пользовалась ея особеннымъ

---

[1]) Этотъ человѣкъ былъ святой отецъ, который достигъ того, что поставилъ себя внѣ розыска и преслѣдованія: онъ жилъ свободно въ Парижѣ во времена террора. Онъ напутствовалъ бы самъ королеву въ тюрьму, если бы онъ не былъ при смерти въ это время. Но онъ сказалъ г-жѣ Тарантъ, что онъ имѣлъ счастье оказать услугу m-me Елисаветѣ въ теченіе 24 часовъ, которые она провела въ тюрьмѣ; онъ помогъ ей пожертвовать существованіемъ, которое въ теченіе короткаго времени было посвящено любви къ Богу. Этотъ св. отецъ именовался г-номъ Шарлемъ. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

расположеніемъ и судьба которой ее очень безпокоила. Она часто вспоминала о ней, говоря, что она ее очень любила и была любима ею, и что она должна быть очень несчастлива. «Г-жа X. не могла сначала вспомнить ея имени, которое королева называла нѣсколько разъ; оно начиналось со слога Та, и дальше не помнила. Но я догадывалась; я была тронута до глубины души, мое сердце предчувствовало, что это трогательное воспоминаніе, сохранившееся даже среди самыхъ ужасныхъ несчастій, относилось ко мнѣ. Недолго думая, я бросилась обнимать г-жу X., и мои слезы смѣшались съ ея рыданіями. Благодаря этому неожиданному порыву, г-жа X. поняла, что королева говорила обо мнѣ. «Навѣрное королева говорила о васъ! — вскрикнула она: — я угадала, вы г-жа де-Та...». Я ей сказала свое имя, которое она потомъ вспомнила, выражая при этомъ сожалѣніе, что она не могла тотчасъ исполнить желаніе г-жи Монтагю, которая нѣсколько разъ желала привести меня къ ней. Г-жа де-Тарантъ разсказывала мнѣ все это съ чувствительностью, которую она всегда испытывала, вспоминая королеву, такъ нѣжно любимую ею и къ которой она сохранила глубокую привязанность. Она видѣлась нѣсколько разъ съ г-жей X. и видѣла ее одну. Благодаря нѣсколькимъ вопросамъ, сдѣланнымъ ей съ цѣлью узнать степень довѣрія къ ней королевы и правдивости тѣхъ необычайныхъ отношеній, которыя она имѣла къ этой несчастной королевѣ, г-жа X. разсказала ей обо всѣхъ придворныхъ особахъ, которыхъ королева удостоивала своими особыми милостями; она знала всѣ обстоятельства, все наконецъ... «Королева въ темницѣ дала обѣтъ пожертвовать 25 луидоровъ», сказала г-жа X.: «ни она не могла исполнить этого обѣта, ни я; Богъ посылаетъ вамъ утѣшеніе; пусть этотъ долгъ исполнитъ герцогиня Ангулемская, ея дочь, руками г-жи Тарантъ». Г-жа X. разсказывала также, что, такъ какъ королева не имѣла своей чашки, она принесла ей ту, которой пользовался король до послѣдней минуты, что она просила ее передать своей дочери, если когда нибудь это будетъ возможно. Г-жа де Тарантъ взяла на себя исполнить это порученіе, проѣзжая черезъ Митаву. Madame подтвердила о полученіи ея въ запискѣ. Г-жа X. подарила г-жѣ де-Тарантъ рисунокъ, который она сдѣлала по просьбѣ королевы; онъ изображалъ Анютины-глазки; посерединѣ находилась голова мертвеца; на 4-хъ листкахъ были изображены портреты короля, дофина, m-me Елисаветы и дочери короля, герцогини Ангулемской; стебель былъ воткнутъ въ сердце; внизу слова: Pensée de la mort. Г-жа X. готова была дать все, что у нея было, для г-жи де-Тарантъ, чувства которой такъ соотвѣтствовали ея душевному настроенію.

Г-жа де-Тарантъ повела меня однажды съ собой къ г-жѣ X., и тогда я собственными глазами увидѣла рѣдкій примѣръ благочестія и милосердія, о которомъ она мнѣ разсказывала. Мы совершили это путешествіе пѣшкомъ во время сильнаго дождя. Я была рада,

что страдала, отправляясь въ эту школу терпѣнія, покорности и самозабвенія. Г-жа X. приняла меня съ участіемъ, которымъ я обязана посредству г-жи де-Монтагю. Я предложила ей нѣсколько луидоровъ для ея бѣдныхъ; она попросила передать ихъ г-ну Шарль. Я осталась съ достойнымъ отцомъ, чтобы дать возможность г-жѣ X. говорить свободно съ г-жей де-Тарантъ. Лицо г-на Шарль вполнѣ соотвѣтствовало тому, что онъ говорилъ. Я была тронута до глубины души тѣмъ, что онъ говорилъ мнѣ; я сохранила объ этомъ воспоминаніе, которое часто возстаетъ въ моей памяти. Многіе возражали г-жѣ де-Тарантъ относительно возможности нѣкоторыхъ фактовъ, разсказанныхъ г-жею X. Такъ, напримѣръ, говорили о невозможности обѣдни въ темницѣ. Но какъ же не вѣрить словамъ добродѣтельнаго человѣка, который не ищетъ одобренія толпы, который презираетъ богатства и почести и думаетъ только о благѣ ближняго и о религіи, и который скрываетъ свои благодѣянія съ полнымъ смиреніемъ? Священникъ подтвердилъ всѣ разсказанныя г-жей X. обстоятельства г-жѣ де-Тарантъ въ то время, какъ онъ шелъ въ алтарь. Развѣ можетъ произнести въ такой моментъ подобную клятву лицо, способное только облегчать и утѣшать въ несчастіи? Мы знаемъ навѣрное, что королева причастилась Св. Таинъ, и что стража ея послѣдовала ея примѣру.

Наканунѣ своего отъѣзда, г-жа де-Тарантъ, простоявъ обѣдню въ своей молельнѣ, которая была отслужена г-номъ Шарлемъ, простилась съ г-жей X. Она сохранила самое утѣшительное воспоминаніе о пяти или шести визитахъ, которые она сдѣлала въ этомъ священномъ мѣстѣ. Г-жа X. была знакома съ Робеспьеромъ и говорила съ нимъ очень свободно; онъ зналъ, о чемъ она постоянно хлопочетъ, и не стѣснялся съ ней нисколько.

Мнѣ разсказывали объ одной трогательной смерти, которая случилась какъ разъ наканунѣ моего пріѣзда въ Парижъ. Она слишкомъ замѣчательна, чтобы не найти себѣ мѣста въ моихъ воспоминаніяхъ. Герцогиня Дудовиль, настолько же прекрасная, какъ и добродѣтельная, имѣла сына и дочь, которыхъ она боготворила. Дочь она выдала замужъ за г-на Растиньякъ. Эта молодая дама была счастлива и съ увлеченіемъ предалась всѣмъ развлеченіемъ и честнымъ удовольствіямъ, которыя могъ доставить ей свѣтъ. Съ дѣтства она страшно привязалась къ г-жѣ Эстурмель, которая вскорѣ умерла, благодаря ужасному случаю. Она была беременна вторымъ ребёнкомъ и однажды утромъ, лежа въ постелѣ, она позвала своего двухлѣтняго сына, чтобы онъ поигралъ около нея. Онъ потянулся къ звонку, который находился за кроватью, упалъ на животъ матери и надавилъ на него. Несчастная молодая женщина вскрикнула, впала въ безсознательное состояніе и вскорѣ умерла. Это несчастіе произвело сильное впечатлѣніе на ребенка, который былъ невинной его причиной, и онъ скоро послѣдовалъ за матерью въ могилу. Г-жа

Растиньякъ была страшно тронута потерей своей подруги; она отправилась къ скульптору и попросила его, чтобы онъ снялъ маску съ лица умершей. Она пристально посмотрѣла на художника и сказала ему уходя: «скоро вы придете снимать и съ меня маску». Немного времени спустя, ея здоровье стало портиться, болѣзнь быстро развилась. Ея отецъ, мать и всѣ родственники были убиты безпокойствомъ. Ея любовь къ матери становилась еще болѣе страстною по мѣрѣ того, какъ ея физическія силы ослабѣвали; она просила не оставлять ее ни на минуту, но, какъ только она ея не видѣла, она говорила: «пусть позовутъ моего ангела, мнѣ она нужна, я учусь у нея покорности». Сдѣлали консультацію изъ лучшихъ докторовъ. Въ это время г-жа Дудовиль не покидала дочери, и мужъ ея долженъ былъ узнать отъ докторовъ, на что можно было надѣяться.

Г-жа Дудовиль ждала его возвращенія съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ; не дождавшись его, она отправилась въ часовню, находившуюся въ смежной комнатѣ, молить о помощи у Всевышняго. Первый предметъ, который она увидѣла тамъ, былъ г. Дудовиль, сидящій у порога алтаря съ закрытыми руками лицомъ. Эта поза и молчаніе открыли ей жестокую истину. Она сѣла возлѣ него, и оба погрузились въ мучительную думу; затѣмъ они молча вышли изъ часовни. Мать испытала мучительную душевную боль, увидя свою дочь, но она скрыла тоску, которая мучила ее. На другой день m-me de Растиньякъ потребовала духовника, аббата де-Леви, почтеннаго священника, котораго я хорошо знала. Она исповѣдывалась долго. Аббатъ Леви ушелъ отъ нея со слезами на глазахъ, обѣщая ей возвратиться послѣ обѣдни, которую онъ хотѣлъ отслужить за нее. Онъ дѣйствительно вернулся и сказалъ ей: «Господь повелѣлъ мнѣ сказать вамъ, что онъ васъ ждетъ». Молодая женщина скрестила руки и отвѣчала: «я думаю, что я готова, причастите меня». Онъ причастилъ ее Св. Таинъ, и такъ какъ она была слишкомъ слаба, чтобы принять вполнѣ приготовленные дары, священникъ причастилъ остальными—отца и мать. Это трогательное единеніе совершилось съ высокимъ благочестіемъ. Г-жа де Растиньякъ попросила къ себѣ аббата, преподавателя брата; она продиктовала ему свои послѣднія воспоминанія и послѣднюю свою волю. Его волненіе было такъ сильно, что онъ едва могъ записать ея слова. Аббатъ Леви былъ снова призванъ къ г-жѣ де-Растиньякъ; у нея началась тихая агонія. Ея мать бросилась на колѣни предъ постелью умирающей, и, устремивъ глаза на дочь, съ жадностью слѣдила за ея послѣдними минутами. Смерть приняла свою жертву. Священникъ вложилъ крестъ въ руки г-жи Растиньякъ, а г-жа де-Дудовиль все въ томъ же положеніи затаила дыханіе. Видя, что слезы у нея не могутъ прорваться наружу, и желая смягчить ея страданія, аббатъ Леви взялъ крестъ изъ рукъ покойницы, положилъ его въ руки ея матери и сказалъ ей: «именемъ Бога, уходите отсюда, горю здѣсь не

должно быть мѣста, Онъ повелѣваетъ вамъ это сдѣлать». Она встала и вышла съ покорностью, которая съ тѣхъ поръ не покидала ея. Аббатъ Леви, который писалъ подъ диктовку г-жи Растиньякъ, сдѣлалъ описаніе ея болѣзни и ея смерти, въ которомъ ясно рисуется образъ г-жи Дудовиль и ея дочери. Г-жа Монтагю испросила для меня разрѣшеніе прочитать эту трогательную рукопись, изъ которой я помѣщаю здѣсь выдержки: «Провидѣніе приготовило ей корону, дабы освободить ее отъ борьбы». «У нея было желаніе нравиться, то желаніе, которое всѣхъ очаровываетъ, если оно не есть слѣдствіе порока и тщеславія». «Она всегда имѣла видъ, будто разгадывала или вспоминала что нибудь, чѣмъ изучала. Казалось, будто она не замѣчала сама то добро, которое она сдѣлала, можетъ быть, оттого, что она знала, что не можетъ ни поступать иначе, ни остаться равнодушной». «Какъ описать то довѣріе, которое дѣлало ея мать хранилищемъ всѣхъ ея мыслей, ея чувствъ! Мало того, что она открывала ей всегда свое сердце, но казалось, будто она его отдала ей навсегда съ той самой минуты, какъ она стала сознавать себя». «Ея счастье не было счастьемъ равнодушнаго человѣка, ни счастьемъ, которое дается религіей, но то было счастье въ покорности». «Видишь покорность въ принесеніи жертвы, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуешь силу подчиняться, и наслаждаешься заранѣе сладостью побѣды». Послѣднія слова г-жи де-Растиньякъ были слѣдующія: «Господи, отдаю въ Твои руки мою душу и мою жизнь, я предаю Тебѣ безъ сожалѣнія всѣ свои радости, дѣлай со мной, что хочешь, Ты мой Богъ и мой Отецъ; я соединяю свои страданія и свою смерть со страданіями и смертью Іисуса Христа, въ Котораго Одного я вѣрю». «Конечно, само небо привѣтствуетъ это героическое мужество, которое предаетъ съ любовью всѣ свои земныя связи Богу, которое и разрушаетъ ихъ, и это нѣжное благочестіе, которое склоняется у подножія Креста».

XXV.

Разрывъ Бонапарта съ Англіей.—Пасси и другія окрестности Парижа.—Дачная жизнь гр. Головиной и княгини де-Тарантъ.—Посѣщеніе Версаля.—Поѣздка въ замокъ Роиси.—Жизнь обитателей замка.—Жалобы перваго консула на Россію.—Графъ Морковъ.—Новости изъ Россіи.—Пребываніе гр. Головиной въ Парижѣ.—Католическіе патеры.—Роялисты.—Могилы Людовика XVI и королевы Маріи-Антуанетты.

Въ это время Бонапартъ вступилъ въ борьбу съ Англіей. Чтобы успокоить народъ, недовольный войной, онъ старался дать ему развлеченіе и забавлялъ его зрѣлищемъ приготовленій къ высадкѣ. Онъ велѣлъ строить понтонныя суда, называемыя «péniches». Онъ посѣщалъ одну верфь за другой, чтобы лично руководить работами;

зѣваки бѣгали за нимъ, но никто не былъ обманутъ, и стѣны покрывались кокардами. Мае, якобинецъ, преданный Бонапарту, живя уже нѣсколько лѣтъ въ Лондонѣ, нашелъ средства проникнуть въ собраніе вѣрныхъ подданныхъ Людовика XVIII. Онъ увѣрялъ ихъ, что недовольство французовъ достигло крайнихъ предѣловъ, и что скоро наступитъ моментъ для торжества праваго дѣла. Въ то же время онъ увѣдомлялъ перваго консула о всѣхъ замыслахъ эмигрантовъ, а этотъ, съ своей стороны, старался добиться осуществленія своихъ коварныхъ замысловъ, послѣдствія которыхъ мы узнаемъ дальше.

Чтобы придать видъ законности своимъ планамъ о возвышеніи, Бонапартъ предложилъ Людовику XVIII отказаться отъ короны своихъ предковъ. Всѣмъ извѣстенъ отвѣтъ короля Франціи на это дерзкое предложеніе. Бонапартъ былъ взбѣшенъ и запретилъ подъ страхомъ смерти распространеніе отвѣтнаго письма. Опасались, чтобы народъ не употреблялъ какихъ либо насилій; боялись даже за иностранцевъ. Я же никогда не раздѣляла этихъ опасеній, и мое убѣжденіе подтвердилось нѣкоторыми лицами изъ низшаго класса, которые говорили мнѣ, что они прежде всего поспѣшили бы всѣ въ дома, занимаемые русскими вельможами, чтобы спасти ихъ, и что они слишкомъ многимъ обязаны русскимъ, чтобы не предохранять ихъ отъ угрожающей имъ опасности. Англичане же были задержаны, подверглись насиліямъ и были препровождены въ Вердюнъ. Эти событія произошли весной 1801 года.

Лѣто этого года мы провели въ деревнѣ Пасси, въ 15-ти миляхъ отъ Парижа. Мѣстонахожденіе этой деревни очаровательно. Садъ состоитъ изъ террасъ, которыя тянутся до самой Сены; террасы соединяются каменной лѣстницею съ желѣзной рѣшеткой, обвитой виноградомъ. Входная тѣнистая терраса служила намъ гостиной, другія террасы были покрыты фруктовыми деревьями. Моя мать занимала бель-этажъ, мои же комнаты были наверху, откуда налѣво виднѣлся Парижъ, какъ на ладони, направо Гренельская долина. Дальше возвышались замки, дачи, между прочимъ Мендонъ, который принадлежалъ теткамъ Людовика XVI.

Моя мать часто долго за полночь засиживалась на террасѣ, любуясь фейерверками, пускавшимися въ разныхъ мѣстахъ въ деревушкѣ Шантильи, въ Елисейскихъ поляхъ, въ Трасками, Тиволи и др. Я скоро, почти противъ воли, уходила, и цѣлыми часами оставалась одна. Наша дача находилась на нижней улицѣ, верхняя вела прямо въ Булонскій лѣсъ. Я часто отправлялась туда съ моими друзьями, Караманами. Мы тамъ гуляли, ѣли мороженое на открытомъ воздухѣ, заходили въ павильонъ, смотрѣли на танцы. Тамъ было много народа, много красивыхъ костюмовъ, много изящныхъ дамъ. Праздникъ безъ церемоній и соблюденія этикета придаетъ больше свободы удовольствію, публика не подчинена никакимъ стѣсненіямъ: уходятъ, приходятъ, когда хотятъ, никому не обязаны оказывать

особаго вниманія. Я совершила одну прогулку съ г-жей де-Тарантъ, позабавившую меня настолько, что я забыть ее не могу. Мы возвращались около 11 часовъ изъ Парижа и проѣзжали Елисейскія поля. Я увидѣла направо ярко иллюминованный садъ; г-жа де-Тарантъ сказала мнѣ, что—это праздникъ, который устраивался два раза въ въ недѣлю въ деревнѣ Шантильи, что плата за входъ 30 су. Она предложила мнѣ отправиться туда, я охотно согласилась. Мы заплатили сколько слѣдуетъ при входѣ, намъ дали наши билеты, и мы вошли. Деревня Шантильи принадлежала принцу Конде. Я увидѣла прелестный садъ, красиво иллюминованный бенгальскимъ огнемъ, и во дворцѣ оживленный балъ. Въ разныхъ частяхъ сада происходили игры. За 30 су намъ еще подали на соломѣ маленькую чашку съ мороженымъ; мы были въ простыхъ костюмахъ, но никто не обращалъ на насъ вниманія, мы могли свободно наслаждаться удовольствіемъ этого вечера и возвратились въ Пасси въ восторгѣ отъ этого вечера.

Въ Пасси у меня было три сосѣда довольно замѣчательныхъ: г-жа Жанлисъ, которую я никогда не желала ни видѣть ни встрѣчать и которую я люблю больше читать, чѣмъ слушать: аббатъ Жираръ, авторъ трехъ почтенныхъ работъ: «Les leçons de l'histoire», «La theorie du bonheur» и «Le Comte de Valmont»; г-жа д'Арблей, урожденная миссъ Борней, извѣстная своими прекрасными романами. Иногда случаются странныя сближенія, которыя оставляютъ за собой воспоминанія по самымъ незначительнымъ вещамъ. Прогуливаясь однажды вечеромъ, я увидѣла прелестную собачку, которая подошла ко мнѣ поласкаться и показывала движеніемъ, что хочетъ войти въ домъ, предъ которымъ я находилась. Я открыла ей дверь, она бросилась въ домъ; я спросила, кому принадлежитъ эта собачка. Мнѣ отвѣтили, что это была собачка г-жи д'Арблей, урожденной Борней. Я никогда не думала, читая ея произведенія, что я когда нибудь буду впускать въ домъ ея собаку и ласкать ее. Гуляя поздно вечеромъ съ Генріеттой по верхней улицѣ, я увидѣла у двери одного дома старую мѣщанку въ чепцѣ и рядомъ съ нею ея мужа въ бумажномъ колпакѣ; ихъ окружали молодыя дѣвушки и парни. Старуха оживленно говорила, жестикулируя руками; кружокъ молодежи слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Я остановилась, чтобы послушать, она замѣтила и сказала: «Вы тоже хотите послушать, моя добрая дама?» «Охотно», — отвѣтила я; одна изъ молодыхъ дѣвушекъ предложила мнѣ скамейку, но я предпочла стоять. Добродушная женщина продолжала свой разсказъ, въ которомъ привидѣнія и бряцаніе цѣпей были на первомъ планѣ. Молодыя дѣвушки прижимались другъ къ другу: ужасъ, казалось, охватилъ ихъ. Въ это самое время я слышу въ большомъ домѣ, какъ разъ напротивъ, концертъ Моцарта, исполняемый на скрипкѣ съ очень большимъ вкусомъ. Я стояла, какъ вкопанная, я уже не видѣла передъ собой

деревенской картины: сердце наполнилось воспоминаніями, я углубилась сама въ себя. Мои мысли остановились на предметахъ не имѣющихъ ничего общаго съ деревенской обстановкой. Неожиданное и невольное размышленіе пришло мнѣ на умъ: «я нахожусь на одной изъ улицъ Пасси, говорила я себѣ, теперь 10 часовъ вечера, все, что около меня, уже навѣрное я больше никогда не увижу. Музыка, которую я слышу, возвращаетъ меня къ прошлому, чувство заставляетъ меня видѣть то, чего я не вижу. Что же такое сердце? Какъ велико могущество его!» Я вернулась домой въ молчаніи: я была занята слишкомъ мыслями, чтобы быть въ состояніи говорить. Г-жа де-Тарантъ раздѣляла время между своей матерью и мной. Я пользовалась ея пребываніемъ въ Пасси, чтобы совершать съ ней прогулки пѣшкомъ. Пріятно гулять или съ другомъ или совершенно одной. Мы не терпимъ равнодушія по отношенію къ себѣ, отравляющаго всякую радость; лишь въ обществѣ мы можемъ чувствовать и наслаждаться. Однажды вечеромъ мы сдѣлали прогулку въ Отейль. Погода была прекрасная, способная заставить не замѣчать времени. Мы шли все впередъ, пока сумерки не напомнили намъ, что пора возвращаться домой. Чтобы сократить дорогу, мы рѣшили пересѣчь поля, которыя примыкаютъ къ Бульи, но потеряли дорогу, и ночь застала насъ бродящими въ лѣсу, который былъ не безопасенъ. Мое безусловное довѣріе къ г-жѣ де-Тарантъ очень успокаивало меня. Часто забываешь опасность около лица, которому привыкъ довѣряться, и увѣренность сердца разсѣиваетъ безпокойство. Между тѣмъ мракъ усиливался; мы съ трудомъ шли по скошеннымъ нивамъ, солома колола намъ ноги, наше положеніе казалось непріятнымъ. Наконецъ, я замѣтила въ темнотѣ фигуру женщины, идущей недалеко отъ насъ. Мы прибавили шагу, и намъ удалось догнать ее: это была старуха, она несла на своей спинѣ вязанку, которая замедляла ея движеніе. «Милая старушка, проведи насъ въ Пасси», — сказала я ей. — «Съ удовольствіемъ, сударыня, идите за мной. Мы пройдемъ сначала стѣну, окаймляющую верхнюю улицу». Дѣйствительно мы скоро недалеко были отъ дома. Я хотѣла поблагодарить нашу провожатую и заплатить ей за услугу, которую она намъ оказала. Мнѣ стоило многихъ трудовъ заставить ее взять монету въ шесть франковъ. Французскій народъ безкорыстно-услужливый, — я имѣла тысячу случаевъ убѣдиться въ этомъ.

Г-жа де-Тарантъ предложила мнѣ осмотрѣть Версаль болѣе подробно; я видѣла его только мимоходомъ, когда ходила встрѣчать г-жу де Шатильонъ. Въ этомъ интересномъ мѣстѣ все носитъ отпечатокъ величія. Кажется, будто предъ вами снова возстаетъ благородный и прекрасный вѣкъ, воспоминаніе о которомъ заставляетъ всегда любить Францію. Жестокая буря революціи пронеслась надъ Версальскимъ замкомъ, барельефы изъ лилій были сорваны, но видны нѣкоторые остатки, которые утѣшаютъ вѣрныя сердца. Я

посѣтила большой Тріанонъ, обѣжала залы Людовика XIV. Сидя на ступенькахъ колонады, соединяющей два флигеля, я отъ времени до времени оглядывалась на мраморный паркетъ, по которому шествовалъ великій король и столь избранное общество, которымъ онъ былъ окруженъ и въ которомъ природа собрала столько достоинствъ, казалось, только для того, чтобы возбуждать въ потомствѣ сожалѣніе и дать ему доказательство своего ничтожества. Я не была въ состояніи дать себѣ отчетъ во всѣхъ воспринятыхъ впечатлѣніяхъ: всегда вдвойнѣ бываешь подавленъ при видѣ мѣстъ, которыя столько разъ подвергались описанію.

Мой мужъ отправился съ г-жей де-Тарантъ на два дня въ замокъ де Ронси къ герцогинѣ де Шаро. Я ждала его съ матерью и моими дѣтьми до его возвращенія. Затѣмъ я совершила ту же поѣздку съ г-жею Тарантъ и графиней Люксембургъ, которыхъ я пригласила съ собой, чтобы устроить пріятный сюрпризъ герцогинѣ, съ которою онѣ были въ тѣсной дружбѣ. Мы отправились за ней въ Парижъ и оттуда по дорогѣ въ Реймсъ около полуночи, чтобы на другое утро быть у цѣли нашего путешествія. Мы проѣзжали Вилліе Котре, извѣстную деревню, принадлежавшую герцогу Орлеанскому. Лѣсъ, окружающій замокъ, безмѣренъ и отличается своей красотой; его пересѣкаетъ почтовая дорога. Отъ времени до времени на неизвѣстномъ разстояніи виднѣются охотничьи домики, къ нимъ прилегаютъ кленовыя аллеи. Я вспоминала въ этомъ лѣсу множество особенныхъ подробностей, которыя мнѣ разсказывали, и съ удивленіемъ любовалась его чудесною растительностью. Мы пріѣхали въ Ронси около полудня. Замокъ, украшенный четырьмя башенками, расположенъ на возвышеніи. Мы вошли въ красивый вымощенный дворъ. Г-жа Шаро, г-жа де Беарнъ, г. и г-жа де Турсель и всѣ дѣти выбѣжали къ намъ на встрѣчу, и ихъ радость увеличилась при видѣ г-жи Люксембургъ. Въ ихъ гостиной мы нашли г-жу Турсель—мать, она встрѣтила насъ съ распростертыми объятіями. Эта гостиная очень просторная и расположена квадратомъ: съ каждой стороны широкое окно, у двухъ оконъ находился письменный столъ, а въ сторонѣ—клавесинъ. Каминъ покрытъ былъ журналами и брошюрами, вокругъ удобная мебель. Посреди гостиной—большой рабочій столъ; тутъ же находился другой—для всякой мелочи. Одинъ уголъ гостиной отданъ былъ въ распоряженіе дѣтей. Всѣ домашніе вставали въ 8 часовъ и послѣ утренняго туалета посѣщали другъ друга. Я шла поздороваться съ Полиной, которая жила подлѣ меня и съ которою я особенно любила проводить время. Всѣ собирались къ завтраку, который проходилъ очень весело, потомъ всѣ отправлялись на сборъ винограда; это очень пріятное удовольствіе. У каждаго были свои ножницы, своя корзина; мы срѣзаемъ съ удовольствіемъ красивые грозди; народъ поетъ, дѣти были въ восторгѣ. Побывъ у себя нѣ-

которое время, за своими занятіями и туалетомъ, мы всѣ возвращались въ гостиную, гдѣ каждый занимался, чѣмъ хотѣлъ. Пріятная непринужденность царствовала между нами. Спокойный, пріятный разговоръ прерывалъ иногда наши занятія. Ничего не было заранѣе приготовлено, все шло само собой, проистекая изъ желанія быть пріятнымъ и удовольствія быть въ обществѣ. Обѣдъ былъ отличный; послѣ мы снова шли гулять, и вечеръ завершалъ наше дружеское препровожденіе времени. Г-жа де-Турсель-мать, искренно привязанная къ г-жѣ де-Тарантъ и по сердечнымъ чувствамъ, и по убѣжденіямъ, часто разговаривала съ нею отдѣльно. Г-жа де-Турсель была очень разсѣяна. Какъ-то г-жа де-Турсель сидѣла на табуретѣ у ея ногъ, вдругъ она сказала: «зажгите, пожалуйста, свѣчу и посвѣтите; мнѣ нужно сходить въ мою комнату». Г-жа де-Тарантъ поспѣшила исполнить ея просьбу. Когда она возвратилась, г-жа де-Шаро и г-жа де-Беарнъ бросились на колѣни передъ ней, говоря: «Вы испортите прислугу, а наша мать злоупотребляетъ вами!» Г-жа де-Турсель вошла въ комнату во время этой сцены и была чрезвычайно удивлена, узнавъ о своей разсѣянности. Г-жа Августина Турсель чрезвычайно удачно умѣла соединять пріятное съ полезнымъ. Однажды я зашла къ ней завтракать. Ея маленькая полуторогодовая Леони сидѣла у нея на колѣняхъ, старшая дѣвочка, лѣтъ 4-хъ или 5, сидя рядомъ съ нею, учила катехизисъ; отъ времени до времени г-жа де-Турсель объясняла ей, а въ промежутки она учила роль маркизы, которую должна была играть въ замкѣ Оствилль. «Вы меня удивляете, сказала я ей, какъ вы одновременно можете заниматься различными предметами». «Дорогая», отвѣтила она, «доброе желаніе составляетъ все. Я думаю объ одномъ и замѣчаю другое». Мое пребываніе въ Ронси дало мнѣ настоящее понятіе о жизни въ замкахъ, и я нашла эту жизнь пріятнѣе, чѣмъ все, что я когда либо видѣла или читала. Я оставила моихъ друзей чрезъ 3 дня, чтобы вернуться къ моей матери и къ моимъ дѣтямъ. Я снова проѣзжала чрезъ лѣсъ Вилліе-Котренъ, но въ этотъ разъ при совершенно другой обстановкѣ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ горѣли большіе костры, зажженные рабочими, фигуры которыхъ вырисовывались черными силуетами; деревья, освѣщенныя огнемъ и луной, казались мрачными и величественными. Я вспомнила призывъ герцога Орлеанскаго въ этомъ лѣсу и ту власть, которую онъ хотѣлъ пріобрѣсти надъ умами, доказательство которой онъ показалъ при дворѣ. Я предалась своему воображенію и представляла себѣ волшебныя картины. Я не замѣчала ничего кругомъ себя и видѣла только богатство природныхъ силъ и сожалѣла объ этомъ несчастномъ принцѣ, который не сумѣлъ воспользоваться ими.

Въ концѣ октября мѣсяца я вернулась въ Парижъ и съ удовольствіемъ увидѣла своихъ хорошихъ знакомыхъ. Въ это время возвратился графъ Морковъ. Бонапартъ пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ и

забросалъ его вопросами объ одномъ французскомъ эмигрантѣ, который былъ ему подозрителенъ и которому Россія дала убѣжище. Эта обидчивость, однако, прикрывала собой только желаніе завязать съ нами ссору; война была необходима для его плановъ. Графъ Морковъ отвѣтилъ ему съ благороднымъ достоинствомъ на его попытку къ ссорѣ. Онъ послалъ отчетъ въ своемъ поведеніи къ нашему государю, который, вмѣсто отвѣта, послалъ ему орденъ св. Андрея. Недовольный первымъ консуломъ, онъ старался сблизиться со старымъ дворянствомъ. Онъ одобрилъ мое поведеніе въ Парижѣ. Я думала съ сожалѣніемъ о томъ, что мнѣ придется покинуть Францію раньше, чѣмъ я разсчитывала: мнѣ было тяжело отказаться отъ счастливой жизни, совершенно соотвѣтствующей моимъ взглядамъ. Мои радости были искренни и не имѣли призрачнаго. Спокойствіе, которое я нашла здѣсь, было для меня еще дороже послѣ поразившихъ мое сердце страданій. Я часто получала извѣстія отъ графини Толстой, сообщавшей мнѣ иногда свѣдѣнія объ императрицѣ Елисаветѣ. Когда человѣкъ живетъ вдали отъ отечества, любовь къ нему дѣлается живѣе; я всегда жаждала знать, что дѣлалось у насъ дома. Я узнала, что обязанности генералъ-прокурора, который завѣдывалъ многими отраслями гражданскаго управленія, были распредѣлены по разнымъ департаментамъ, подобно тому, какъ это было во Франціи; во главѣ каждаго департамента былъ министръ. Графъ Александръ Воронцовъ былъ назначенъ канцлеромъ; князь Адамъ Чарторижскій — первымъ членомъ иностранной коллегіи. Эти нововведенія огорчили истинно русскихъ людей, такъ какъ они были опасны: необходимо оставлять нетронутымъ характеръ управленія, если онъ установленъ опытомъ. Въ мое отсутствіе у графини Толстой родился сынъ, и здоровье ея пошатнулось.

Вторая зима, проведенная мной въ Парижѣ, была еще пріятнѣе первой. Мое знакомство съ положеніемъ дѣлъ сдѣлалось болѣе прочнымъ. Мои мнѣнія и образъ поведенія пріобрѣли мнѣ довѣріе тѣхъ, кого я больше всѣхъ уважала. Я могу совершенно искренно сказать, что я была разстроена въ Парижѣ только двумя бурями, которыя сорвали нѣсколько крышъ и причинили много несчастій. На другой день послѣ одного изъ этихъ ураганов ко мнѣ пришла г-жа де-Люксембургъ и три сестры Караманъ со своимъ старшимъ братомъ. Кто-то сказалъ, что ураганы эти знаменуютъ гнѣвъ Божій, что эта буря была предвѣстницей конца свѣта. Г-жа де-Люксембургъ воскликнула съ живостью: «надѣюсь, что нѣтъ, и я мои вещи еще не уложила». Караманъ отвѣтила на это: «наши вещи не трудно уложить, потому что наша семья легка на подъемъ». Это признаніе разсмѣшило всѣхъ, ураганы были забыты, и вечеръ прошелъ очень весело. Я ѣздила въ церковь св. Роха, чтобы послушать проповѣдь аббата де-Булонь. Онъ говорилъ объ истинѣ; мнѣ казалось, что я услышала въ немъ энерги-

ческое краснорѣчіе Боссюэ. Ораторское искусство аббата де-Булонь доведено до высокой степени совершенства. Онъ умѣетъ внушать ужасъ и вмѣстѣ съ тѣмъ трогать до глубины души. Его голосъ прекрасенъ—чистый и звучный; интонація вѣрная, а лицо дышитъ благородствомъ. Всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ, и церковь была полна народа. Нѣсколько щеголей, дерзновенно вошедшихъ въ церковь, сидѣли во время проповѣди неподвижно на своихъ мѣстахъ и по окончаніи ея ушли со смущенными лицами. Выходя изъ церкви, я увидѣла трехъ изъ нихъ, которые стояли, взявшись за руки. «Нужно сознаться, — замѣтилъ одинъ, — урокъ сильный, но прекрасный, нужно прійти послушать еще разъ». Я также слышала два похвальныхъ слова св. Августину, произнесенныя тоже аббатомъ Булонь, отличавшіяся величественной красотой, и еще болѣе тронувшее меня слово св. Винценту Полю наставника сестеръ милосердія. Я отправилась послушать его въ аббатство вмѣстѣ съ семьей Турсель. Мы помѣстились на возвышеніи, откуда ораторъ былъ хорошо виденъ. Сестры сидѣли всѣ противъ каѳедры; ихъ скромный, углубленный видъ усиливалъ впечатлѣніе минутъ. Однообразная ихъ одежда — черное платье, косынки и капюшоны изъ бѣлаго полотна выдѣляли ихъ отъ собравшихся. Головы всѣхъ были наклонены внизъ, и слезы благодарности и умиленія виднѣлись на ихъ глазахъ. Вся аудиторія была глубоко тронута. Нельзя противиться очевидности: эти почтенныя особы, посвятившія себя человѣчеству съ полнымъ отреченіемъ, представляли собой примѣръ того дѣйствія, какое производитъ на людей краснорѣчивая и правдивая рѣчь. Это зрѣлище должно было разсѣять сомнѣнія самыхъ недовѣрчивыхъ людей. Какъ прекрасно это учрежденіе! Революція могла только на время разсѣять его членовъ; ко времени моего отъѣзда изъ Парижа въ немъ снова собралось до 10.000 сестеръ милосердія. Лишь вѣрѣ чудеса обязаны своимъ существованіемъ; достаточно вѣрить истинѣ, чтобы чувствовать себя выше самого себя.

Второй сынъ г-жи де-Караманъ устроилъ на свои деньги школу для бѣдныхъ дѣтей; онъ предложилъ посѣтить ее. Заведеніе помѣщалось въ четырехъ комнатахъ; въ одной мальчики обучались чтенію, письму и катехизису; пожилая сестра милосердія руководила занятіями; въ другой—были дѣвочки, занимавшіяся тѣмъ же; ихъ обучала молодая 18-ти-лѣтняя сестра милосердія, прекрасная, какъ ангелъ. Ея лицо и молодость поразили г-жу де-Тарантъ и меня. «Какъ вы, такая молодая, могли посвятить себя этому дѣлу съ такимъ мужествомъ,—сказала я ей;—можетъ быть, какое нибудь несчастье или неожиданныя обстоятельства принудили васъ къ такой жертвѣ?»—«Простите меня,—отвѣчала она,—это моя добрая воля, я принадлежу къ богатой семьѣ въ Лангедокѣ. Я всегда стремилась посвятить себя на пользу человѣчества; насъ четыре сестры, моя мать не нуждается въ моихъ заботахъ, она согласилась на мою

просьбу, и я этому безпредѣльно рада». Она говорила это съ трогательнымъ видомъ, и ея чудные глаза приняли еще болѣе трогательное выраженіе, когда она замѣтила, съ какимъ интересомъ мы ее слушали. Ея прекрасные волосы были покрыты бѣлой косынкой, бѣлизна которой не портила впечатлѣнія ея чуднаго цвѣта лица. Щеки у нея разгорались по мѣрѣ того, какъ она говорила, и, казалось, душевная ея красота удвоивала красоту ея лица. Время уничтожаетъ свѣжесть первой молодости, но отпечатокъ душевной чистоты на лицѣ, оживляя его, дѣлаетъ его пріятнѣе, чѣмъ самая красота.

Съ наступленіемъ весны мои прогулки возобновились. Однажды я поѣхала съ семьей Турсель въ Сенъ-Жерменъ. Г-жа де-Беарнъ взяла на себя приготовленіе обѣда, который былъ поданъ на прекрасной лужайкѣ. Между тѣмъ мы проѣзжали знаменитый лѣсъ. Мы увидѣли замокъ и террасу, которая возвышается надъ Парижемъ. Я вспомнила о Людовикѣ XIII, столь слабомъ и вмѣстѣ прекрасномъ королѣ, о его знаменитомъ министрѣ. Идя по лѣсу, я съ удивленіемъ прочитала на нѣсколькихъ деревьяхъ слова: «да здравствуетъ король». Это доказательство преданности вѣрныхъ слугъ короля, написанное большими буквами, насъ живо заинтересовало. Бури пощадили эти простые памятники, болѣе достойные вниманія, чѣмъ памятники, воздвигаемые пустымъ тщеславіемъ. Эти слова были вырѣзаны очень высоко, и, чтобы достигнуть этой высоты, нужно было подвергаться большому риску. Когда человѣка охватываетъ глубокое сердечное чувство, у него является сверхъестественная сила, онъ забываетъ всякую опасность; у человѣка является потребность высказаться, какъ необходимость дышать. Мы остались въ Сенъ-Жерменѣ до вечера и возвратились прелестной дорогой въ Сенъ-Клу. Я предпочитаю лѣса всѣмъ садамъ и паркамъ на свѣтѣ. Въ ихъ дикости я люблю печать природы, гдѣ не видна работа человѣческихъ рукъ; лѣсная тишина есть прекрасное убѣжище для мысли: свободнѣе мечтать подъ его густой тѣнью и на тропинкахъ, пробитыхъ только необходимостью и напоминающихъ собой тернистый жизненный путь. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Парижа мы заѣхали выпить сидру. Мы возвратились въ столицу чрезъ Елисейскія поля. Я всегда приближаюсь къ этому огромному городу съ особеннымъ волненіемъ. Достаточно покинуть его на нѣкоторое время, чтобы вновь, какъ въ первый разъ, поразиться его шумомъ и движеніемъ.

Графиня Протасова пріѣхала въ Парижъ въ надеждѣ поразить всѣхъ и доказать парижанамъ, что она была важная особа у себя на родинѣ. Я сдѣлала ей визитъ, она приняла меня отлично, и ея благоволеніе ко мнѣ удвоилось, когда она узнала мой образъ жизни и общество, въ которомъ я вращаюсь. Она пришла къ намъ и встрѣтила нѣсколькихъ знакомыхъ мнѣ дамъ, между

прочимъ г-жу Августину де-Турсель, которая поразила ее своей внѣшностью и любезностью. На другой день я ѣздила съ г-жей Шаро въ нѣкоторые магазины за покупками. Выходя отъ Верспуи, торговца матеріями на улицѣ Ришелье, мы увидѣли на нѣкоторомъ разстояніи графиню Протасову, остановившуюся въ экипажѣ. Г-жа Шаро попросила меня подъѣхать къ ней, чтобы посмотрѣть на нее, въ то время, когда я буду говорить съ ней. Я такъ и сдѣлала; г-жа Протасова замѣтила, что около меня сидитъ кто-то. Она спросила порусски, кто это. Я выставила голову за дверцы и сказала тихо: герцогиня Шаро. «Представьте ее мнѣ»,—сказала графиня. Я повернулась къ своей сосѣдкѣ и сказала какъ можно болѣе серьезно: «герцогиня де-Волье, позвольте представить вамъ графиню Протасову, камеръ-фрейлину ихъ величествъ». Графиня Протасова разсыпалась въ любезностяхъ. Г-жа де-Шаро отвѣчала самымъ обязательнымъ образомъ и сдѣлала ей нѣсколько вопросовъ о ея пребываніи въ Парижѣ, отъ котораго графиня Протасова пришла въ восторгъ; затѣмъ послѣдовалъ цѣлый потокъ любезностей и словъ, которыя продолжались бы долго, если бы я не остановила ихъ, попросивъ позволенія уѣхать. «Надо признаться,—сказала мнѣ потомъ г-жа де-Шаро,—что это очень интересно быть представленной придворной дамѣ среди улицы».

Г-жа де-Беарнъ предложила мнѣ посѣтить гору Кальверъ. Я отправилась туда съ ея мужемъ и г-жей де-Шаро. Это мѣсто было особенно почитаемо до революціи: благочестивые люди дѣлали паломничества въ монастырь, который находится на вершинѣ горы. По дорогѣ къ нему встрѣчаются большіе кресты и разныя усыпальницы, напоминающія Страсти Іисуса Христа. Все было уничтожено каннибалами. Монахи подверглись преслѣдованію, а не успѣвшіе спастись были замучены, но пять изъ нихъ, переодѣтые крестьянами, сумѣли, благодаря мужеству и почти сверхъестественной настойчивости, утвердиться снова въ своемъ уединеніи. Когда время террора прошло, одинъ изъ предводителей кровопійцевъ купилъ это мѣсто, и эти 5 отшельниковъ получили отъ него разрѣшеніе разводить огородъ на склонѣ горы, обѣщая платить по 600 франковъ ежегодно. Только жадность заставила его снисходительно относиться къ благочестивымъ монахамъ, которые, благодаря терпѣнію и стараніямъ, были въ состояніи платить ему эту сумму; они посвящали себя такимъ образомъ своему призванію, сохраняя надежду умереть въ этомъ мѣстѣ, которое они поклялись никогда не покидать. Дворъ монастыря былъ окруженъ красивымъ лѣсомъ, прорѣзаннымъ тропинками, которыя ведутъ въ часовню. Отецъ Гіацинтъ повелъ меня въ внутренній переходъ; мы прошли длинный коридоръ, стѣны котораго были сплошь покрыты фресками, изображавшими страданія Спасителя. Слабый свѣтъ освѣщалъ насъ чрезъ окно, находившееся въ концѣ коридора. Монотонные звуки шаговъ монаха раздавались

въ сводахъ, нарушая тишину этого мѣста. Я увидѣла направо внутри зданія квадратный дворъ, стѣны котораго были покрыты надписями.

— Это могила нашихъ братьевъ,—сказалъ мнѣ отецъ Гіацинтъ,—камень въ серединѣ покрываетъ останки святаго отца, основателя нашего монастыря.

Онъ разсказалъ мнѣ затѣмъ съ глубокимъ умиленіемъ жизнь этого основателя и далъ мнѣ его гравированный портретъ. Я видѣла церковь, отличавшуюся простой архитектурой, но содержимую весьма чисто. Монахи раздѣляли свое время между молитвой и работой въ огородѣ. Погода становилась жаркая, туманная и безвѣтренная; я съ любопытствомъ слѣдила за разнообразными видами, разстилавшимися подо мной. Тишина въ монастырѣ, спокойствіе его обитателей, заставили меня задуматься о земномъ ничтожествѣ и о пустыхъ земныхъ заботахъ и волненіяхъ. Горы дѣйствуютъ на человѣка возвышающимъ образомъ, исторія древности доказываетъ намъ это: тамъ люди предавались созерцанію, тамъ они искали поэтическихъ вдохновеній; на горахъ же святые предавались молитвеннымъ упражненіямъ; на горахъ же совершилось чудо искупленія. Человѣку необходимо иногда подниматься надъ землей; этотъ подъемъ чуждъ гордыни, которая волнуетъ міръ; онъ облагораживаетъ душу, которая такъ часто рвется въ насъ на просторъ. Между тѣмъ собрались тучи, грянулъ громъ, теплый дождь полился ливнемъ; невзирая на это, мы спустились медленно съ горы; воздухъ былъ такъ чистъ и пропитанъ ароматомъ молодыхъ деревьевъ, которыя насъ окружали, что не хотѣлось прекращать прогулки. Я нѣсколько разъ оборачивалась на гору, которая, казалось, становилась все выше по мѣрѣ того, какъ я спускалась съ нея; во время самаго сильнаго дождя мы зашли въ одну хижину, и затѣмъ отправились къ нашимъ экипажамъ, которые ждали насъ у подошвы горы.

Робертъ сообщилъ мнѣ о кладбищѣ Madeleine, въ которомъ было погребено сначала тѣло короля Людовика XVI, а 9 мѣсяцевъ спустя—тѣло королевы. Одинъ добрый гражданинъ, который жилъ въ домѣ, возвышавшемся надъ стѣной кладбища, видѣлъ, какъ клали ихъ тѣла въ землю и засыпали ихъ известью. Когда время террора прошло, онъ купилъ это мѣсто и заперъ входъ, впуская на кладбище лишь тѣхъ лицъ, убѣжденія которыхъ были ему хорошо извѣстны. Чтобы довершить свое злодѣяніе, кровопійцы положили головы мучениковъ между ихъ ногами. Въ противоположномъ дворѣ, куда выбрасывали навозъ, похоронено тѣло герцога Орлеанскаго.

Робертъ былъ знакомъ съ владѣльцемъ этого мѣста; онъ предложилъ мнѣ спросить у него разрѣшенія посѣтить его. Владѣлецъ выразилъ свое согласіе, и мы отправились: г-жа де-Тарантъ, г-жа де-Беарнъ и я. Мы вошли въ маленькій дворъ; къ намъ вышла дочь этого вѣрнаго слуги Людовика XVI, ея отца не было дома. Она по-

вела насъ къ оградѣ и отворила дверь ключемъ, который она принесла съ собой; бо́льшую половину занималъ огородъ, въ серединѣ находился фруктовый садъ. Въ одномъ изъ угловъ, очень чисто содержимыхъ, виднѣлся газонъ, довольно длинный, устроенный въ видѣ гроба, окруженный плакучими ивами, кипарисами, лиліями и розами, здѣсь и покоятся останки короля и королевы. Г-жа де-Тарантъ и г-жа де-Беарнъ прижались одна къ другой; ихъ блѣдность и выраженіе ихъ лицъ выказывали больше, чѣмъ страданіе. Я опустилась на колѣни передъ этимъ святымъ газономъ и сорвала нѣсколько цвѣтковъ, выросшихъ на немъ; казалось, будто они хотѣли говорить. Я рвала ихъ медленно, мой взглядъ какъ будто пронизывалъ землю, колѣни мои вростали въ землю. Есть неизъяснимыя чувства, внушаемыя обстоятельствами; обстоятельства, возбудившія эти чувства въ то время, способны были волновать мою душу теперь. Я видѣла королеву, полную красоты и добродѣтелей, оклеветанную, подвергнутую преслѣдованію, измученную. Моя мысль собрала въ одной точкѣ всю ея жизнь: воображеніе разсматривало ее и представляло ее душѣ; душа волнуется и проникается глубокимъ чувствомъ. Утѣшеніемъ мнѣ служило только то, что страдальцы вполнѣ заслужили мученическій вѣнецъ. Я наполнила свой платокъ анютиными глазками и иммортельками; мои спутницы все стояли, какъ прикованныя къ землѣ; но было уже время уходить. Я купила три маленькихъ медальона, въ которые вложила сорванные на могилѣ цвѣты, и дала одинъ медальонъ г-жѣ де-Тарантъ, другой г-жѣ де-Беарнъ, а третій съ обыкновенной травой оставила себѣ.

XXVI.

Убійство герцога Энгіенскаго.—Преслѣдованіе роялистовъ въ Парижѣ.—Судъ надъ ними.—Братья Полиньякъ.—Жоржъ Кадудаль.—Дѣйствія Бонапарта.—Провозглашеніе его императоромъ.—Отъѣздъ гр. В. Н. Головиной изъ Парижа. — Путешествіе по Германіи.—Кассель, Веймаръ.

Бонапартъ готовилъ новое убійство. Онъ предложилъ совѣту захватить герцога Энгіенскаго, представляя его, какъ заговорщика. Но совѣтъ отклонилъ его предложеніе. Бонапартъ настаивалъ и, выйдя изъ совѣта, тотчасъ отправилъ презрѣннаго Коленкура въ Роттенгеймъ въ великое герцогство Баденское, на правомъ берегу Рейна, гдѣ находился герцогъ Энгіенскій; по приглашенію перваго консула, приказано было привезти его немедленно въ Парижъ. Несмотря на это насиліе, герцогъ не подозрѣвалъ, что его везутъ на смерть. Его продержали въ Парижѣ всего нѣсколько часовъ, а затѣмъ отправили въ Венсенскій замокъ, принадлежавшій ранѣе его отцу. Быстрота этого путешествія изнурила его; онъ бро-

спился на кровать въ приготовленной для него комнатѣ и заснулъ безмятежнымъ сномъ невинности. Въ полночь его разбудили. «Что вамъ угодно?»—спросилъ онъ. «Вы должны идти на допросъ»,—отвѣтили ему. «Зачѣмъ?»—спросилъ онъ, но не получилъ на этотъ вопросъ отвѣта и спокойно послѣдовалъ за своими проводниками. Когда онъ явился передъ своими судьями или, вѣрнѣе, передъ своими палачами, его спросили только о его имени и приговорили къ смертной казни; онъ попросилъ священника, ему отказали. «Достаточно искренней молитвы, чтобы получить прощеніе отъ Бога», — сказалъ онъ, бросился на колѣни и сталъ горячо молиться; затѣмъ всталъ со словами: «Теперь кончайте скорѣе». Его повели ко рву замка; ночь была темная, ему привязали къ груди фонарь, чтобы не потерять его изъ виду и хотѣли завязать ему глаза. «Бурбонъ сумѣетъ умереть»,—сказалъ онъ. «Становитесь на колѣни»,—сказали ему. «Я становлюсь на колѣни только передъ Богомъ». Раздались девять выстрѣловъ, герцогъ упалъ въ ровъ, его засыпали землей.

Я узнала о его пріѣздѣ въ Парижъ въ тотъ же вечеръ. Зная, что первый консулъ арестуетъ всѣхъ вѣрныхъ слугъ короля, которыхъ вѣроломный М. привлекалъ въ Парижъ, мы испытывали вполнѣ основательныя опасенія. Пишегрю былъ арестованъ однимъ изъ первыхъ; онъ жилъ въ Парижѣ уже три мѣсяца, его арестовали. (Онъ былъ задушенъ въ тюрьмѣ, и его смерть старались объяснить самоубійствомъ). На другой день послѣ пріѣзда въ Парижъ герцога Энгіенскаго и его убійства, ко мнѣ пришла г-жа де-Тарантъ, блѣдная, едва держась на ногахъ. Она сказала мнѣ съ выраженіемъ отчаянія: «Герцогъ Энгіенскій умерщвленъ сегодня ночью; Дюра только что сообщилъ мнѣ это». Я была поражена и глубоко потрясена этой новостью. Этотъ звѣрскій поступокъ взволновалъ общество и народъ. Даже извергъ Тюріо сказалъ, что это была потребность выпить стаканъ человѣческой крови [1]). Стѣны на улицахъ покрылись афишами, полиція ихъ срывала, но на другой день онѣ снова появлялись. Имена Коленкура, Савари, произносились съ ужасомъ: одинъ привезъ жертву въ Парижъ, другой предсѣдательствовалъ при казни. Полиція искала всюду братьевъ Полиньякъ и добродѣтельнаго Жоржа (Кадудаля); всѣ добрые люди трепетали за нихъ и желали спасти ихъ. Именно въ это время распространилось извѣстіе, что Бонапартъ провозгласилъ себя императоромъ. Былъ сдѣланъ общій призывъ къ націи для того, чтобы былъ утвержденъ новый актъ честолюбія; но подписи не могли наполнить даже и одной страницы. Между тѣмъ изъ города никого не выпускали безъ билета. Г-жа де-Шаро, которой понадобился билетъ,

---

[1]) Фуше сказалъ: «это хуже преступленія: это ошибка». Слова ужасныя, но характерныя. Прим. гр. В. Н. Головиной.

чтобы отправиться въ свой замокъ, принуждена была сама пойти въ префектуру за билетомъ; тамъ она видѣла, какъ народъ приводили съ улицы насильно для подписыванія; среди другихъ тамъ находился старый угольщикъ, который спросилъ: «Vous voulez, que je chine; si je ne chine pas, pourrais-je porter mon charbon?» Ему отвѣтили утвердительно. «Alors je ne chinerai pas». Г-жа де-Шаро употребила надъ собой всѣ усилія, чтобы не засмѣяться.

Г-жа Идалія Полиньякъ, жена старшаго брата, которая не подозрѣвала, что ея мужъ находится въ Парижѣ, предложила мнѣ прійти ко мнѣ заняться музыкой, съ условіемъ, чтобы двери были заперты, и чтобы съ нами никого не было, кромѣ Ривьера, который будетъ аккомпанировать намъ, и г-жи де-Тарантъ, которая бы насъ слушала. Г. Ривьеръ пришелъ въ назначенный часъ, но было уже 9, 10 часовъ, а г-жа Идалія еще не приходила; теряясь въ догадкахъ, мы прождали ее весь вечеръ. На другой день я съ удивленіемъ и съ горемъ узнала, что г-жа Идалія Полиньякъ и г-жа Водрейль-Караманъ арестованы. Я побѣжала къ г-жѣ де-Суршъ, но нашла ея квартиру запертой; мои опасенія послѣ этого еще болѣе увеличились. Я отправилась за справками о новыхъ двухъ жертвахъ и, возвратясь домой, нашла записку отъ г-жи де-Суршъ, въ которой она писала, что не приняла меня изъ предосторожности, и что я была въ числѣ заподозрѣнныхъ, что на допросѣ, которому подверглась ея сестра, мое имя было произнесено; ей сказали, что ея связь со мной была ей извѣстна, что, вѣроятно, она ждетъ отъ Россіи пенсіи. Г-жа де-Водрейль отвѣтила, что она дѣйствительно была дружна со мной, что я для нея сдѣлала все, на что способна великодушная дружба, что я всегда была готова помочь страждущимъ, что она всю свою жизнь будетъ чувствовать ко мнѣ привязанность и благодарность, но что она никогда не думала просить у Россіи пенсіи. «Мы скоро узнаемъ, что это за иностранная подруга»,—сказали ей: «мы отправимся къ ней, чтобы посмотрѣть, какъ насъ примутъ». Благодаря этой угрозѣ, г-жа де-Суршъ не приняла меня изъ боязни повредить, но это еще усилило мое желаніе пойти къ ней. Я тотчасъ же и поѣхала къ ней, чуть не выломала у нея дверь; мое появленіе удивило и тронуло ее. «Не бойтесь ничего»,—сказала я ей,—«я увѣрена, что я замѣшана въ дѣло г-жи Водрейль, и спокойно жду этихъ господъ; пусть они явятся ко мнѣ, и я велю выбросить ихъ всѣхъ за окно». И дѣйствительно, пришли на другой день, но видъ нашей обстановки показался имъ слишкомъ внушительнымъ для того, чтобы оскорбить меня, и они удалились.

Г-жа де-Полиньякъ находилась въ плачевномъ состояніи и сильно безпокоилась за своего мужа и за своего деверя. Г-жа Бранка, ея двоюродная сестра, просила, чтобъ ее заключили вмѣстѣ съ ней, но послѣ усиленныхъ настояній и доводовъ, поддержанныхъ врачемъ, утверждавшимъ объ опасномъ положеніи г-жи де-Полиньякъ, она

просила перенести ее къ себѣ и получила разрѣшеніе, но лишь на условіи, что она будетъ считаться арестованной, и что никто не будетъ видѣть ее. Г-жа де-Бранка написала мнѣ всѣ эти подробности чрезъ горничную своей двоюродной сестры, на вѣрность и разсудительность которой она вполнѣ полагалась. Я рѣшила повидаться съ ними на другой же день. Я прошла черезъ свой садъ и садъ г-жи де-Верракъ и черезъ нижній этажъ ея дома вышла на улицу Верренъ. Въ первый разъ въ жизни я очутилась одна вечеромъ на улицѣ. Я шла вдоль стѣны, чтобы не быть раздавленной. Проходя мимо воротъ дома г-жи де-Ж. Г., я увидѣла женщину, сидящую подъ воротами съ корзиной завядшихъ цвѣтовъ; она просила меня купить у нея. «Они завяли, моя милая»,—сказала я ей. Она нагнулась ко мнѣ и сказала мнѣ на ухо съ грустью и безпокойствомъ: «Сударыня, я бѣдная нищая, переодѣтая цвѣточницей; съ тѣхъ поръ, какъ онъ—императоръ, арестуютъ всѣхъ бѣдныхъ на улицѣ и отправляютъ ихъ въ Сальпетріеръ, гдѣ обращаются съ ними, какъ съ собаками. Онъ хочетъ доказать, что нѣтъ бѣдныхъ, тогда какъ они вездѣ». Я дала ей 6 франковъ и поспѣшила уйти отъ нея. Придя на улицу Банъ, которую я должна была пройти для того, чтобы выйти на улицу Ла-Планшъ, я была остановлена грязнымъ ручьемъ, протекавшимъ среди улицы. Была страшная грязь, и я боялась сдѣлать опасный прыжокъ и стояла въ недоумѣніи у этого ручья, ошеломленная шумомъ экипажей и повозокъ и криками различныхъ продавцовъ, которые проходили мимо меня, какъ вдругъ ко мнѣ подошли два весьма приличныхъ на видъ незнакомца и предложили мнѣ самымъ почтительнымъ образомъ вывести меня изъ затрудненія. Я воспользовалась ихъ любезностью. Поблагодаривъ ихъ, я отправилась на улицу Ла-Планшъ, гдѣ находился отель г-жи де Ла-Бранка. Я довольно долго стучала молоткомъ, осматривалась по сторонамъ, чтобы увидѣть, не наблюдаютъ ли за мной; я боялась повредить г-жѣ Идаліи, но мнѣ хотѣлось дать ей положительное доказательство моей къ ней дружбы; сознаніе добраго дѣла придаетъ смѣлость и непреклонность волѣ. Наконецъ привратникъ отворилъ мнѣ дверь, я проскользнула въ большой дворъ и подбѣжала къ двери флигеля, гдѣ находилась бѣдная Идалія. Я нашла ее въ страшно возбужденномъ состояніи. Она тронула меня до глубины души. Она приняла меня съ распростертыми объятіями; мы много говорили о несчастіяхъ и горестяхъ, которыя угрожали ея кузинѣ. Я оставила ее въ сумеркахъ; когда я вновь подошла къ ручью, въ виду быстро наступающей ночи, я собралась съ духомъ, сдѣлала удивительный скачекъ и возвратилась домой съ сердцемъ, полнымъ страданія и тревогъ. Жоржъ Кадудаль былъ арестованъ въ то время, когда проѣзжалъ по улицѣ въ кабріолетѣ. Онъ жилъ въ Парижѣ уже 6 мѣсяцевъ. Братья Полиньякъ, маркизъ де-Ривьеръ, Корте, Викторъ, пажъ Людовика XVI, и много другихъ вѣрныхъ слугъ Людовика XVI были заключены въ Тампль, гдѣ производилось ихъ дѣло.

Моро былъ заподозрѣнъ и присоединенъ къ нимъ. Негодованіе общества достигло высшей степени. Чудовище же трепеталъ самъ и не спалъ двухъ ночей къ ряду на одномъ мѣстѣ; большую часть дня онъ проводилъ на бельведерѣ замка въ Сенъ-Клу съ подзорной трубой, направленной на Парижскую дорогу, постоянно боясь пріѣзда курьера съ извѣстіемъ о возмущеніи. Г-жа де Ла-Рошфуко, которую я встрѣчала у Августины Турсель, говорила ей, что ей часто случалось находиться втроемъ съ первымъ консуломъ и его женой, что Бонапартъ былъ очень молчаливъ и забавлялся прорѣзываніемъ мебели перочиннымъ ножомъ, который всегда держалъ при себѣ, и что его настроеніе можно было узнать по движенію руки. Какое счастливое состояніе души! Въ сердцѣ—адъ, а за его широкимъ лбомъ — демонъ гордыни! Г-жа Дюгазонъ, давнишняя знаменитая артистка комической оперы, уходила со сцены. Ей назначили послѣдній бенефисъ; артистки Comédie française выбрали для спектакля пьесу «Сарторій»: въ одной сценѣ въ этой пьесѣ Помпей сжигаетъ, не читая, списокъ заговорщиковъ. Они хотѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы дать извергу урокъ. Бонапартъ явился въ театръ; когда дошли до упомянутой сцены, онъ поблѣднѣлъ, ротъ его покривился. Я сказала тремъ сестрамъ Турсель, которыя были со мной: «онъ задохнется отъ бѣшенства». Но онъ всталъ, рѣзкимъ движеніемъ отодвинулъ стулъ и удалился изъ театра. Его отъѣздъ произвелъ шумъ въ партерѣ. Бонапартъ возвратился домой въ ярости.

Онъ занялся возвышеніемъ своихъ родственниковъ и раздавалъ имъ различные титулы. Его сестры и невѣстки стали вдругъ принцессами крови. Крикуны выкрикивали объ этомъ на улицахъ; торговки, услыхавъ объ этомъ, стали давать себѣ титулы, въ родѣ, напримѣръ, princesse d'asperge (принцесса спаржи), princesse d'épinard (принцесса шпината) и т. д. Ихъ отвели въ полицію; онѣ отвѣчали тѣмъ, кто арестовалъ: «Что бы вы ни дѣлали, мы все-таки останемся принцессами». Когда принцессы крови появились въ первый разъ въ театрѣ, въ публикѣ раздались голоса въ партерѣ, напоминавшіе объ Энгіэнской крови. Появились стихи о концѣ существованія республики:

L'indivisible citoyenne
Qui ne devait jamais périr,
N'a pu supporter sans mourir,
L'opération césarienne.

Grands parents de la république,
Grands raisonnements en politique,
Dont je partage la douleur,
Venez assister en famille
Au grand convoi de votre fille
Morte en couche d'un Empereur.

Я была чрезвычайно рада, когда узнала, что русскій дворъ носитъ трауръ по герцогѣ Энгіенскомъ; въ Парижѣ это произвело сильное впечатлѣніе въ кругу благонамѣренныхъ людей. Г-нъ Морковъ приготовлялся къ отъѣзду, и я съ огорченіемъ видѣла тоже необходимость покинуть страну, гдѣ я снова нашла счастье и благоденствіе.

Г-жа де-Шатильонъ, мать г-жи де-Тарантъ, просила меня навѣстить когда нибудь утромъ. Когда я пришла къ ней, она послѣ нѣкотораго колебанія сказала мнѣ: «Я хочу просить васъ, чтобы вы взяли съ собой въ Россію мою дочь». Эти слова произвели на меня невыразимое дѣйствіе: у меня не хватало духу предаться радости при видѣ скорбной нѣжности матери. Я стояла молча, отвѣтивъ только наклоненіемъ головы въ знакъ согласія, но замѣтивъ, что она внимательно смотритъ на меня, какъ бы ожидая отвѣта, я сказала ей: «Я поѣду не раньше, какъ черезъ 6 недѣль», и поспѣшила перемѣнить разговоръ.

Я находилась въ большомъ затрудненіи, не зная, какимъ образомъ достать паспортъ для г-жи де-Тарантъ, такъ какъ она не хотѣла вычеркивать своего имени изъ числа списка эмигрантовъ, и я боялась, что обратятъ на нее вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ Парижѣ начинали высылать женщинъ. Всѣ, къ кому я ни обращалась, не могли мнѣ дать совѣта. Въ это время, когда я находилась въ такомъ затрудненіи, мнѣ однажды докладываютъ о приходѣ лакея г-на Шуазель-Гуфье; лакей передалъ мнѣ письмо и громадный министерскій портфель, запертый на ключъ. Г-нъ Шуазель въ своемъ письмѣ просилъ, умолялъ, заклиналъ меня простить его за смѣлость, которая, писалъ онъ, была слѣдствіемъ его глубокаго уваженія и довѣрія, которое я ему внушала. Благодаря своимъ сношеніямъ съ Моро, онъ подвергался опасности быть арестованнымъ, и поэтому просилъ меня взять на храненіе его бумаги, которыя показали бы его образъ мыслей; его письмо заканчивалось цѣлымъ потокомъ восхищеній по поводу характера моего поведенія въ Парижѣ. Я сдѣлала видъ, будто вѣрю всему этому, но между тѣмъ я ясно видѣла, что онъ побуждаетъ меня дать отчетъ о чистотѣ его убѣжденій въ Россію. Трудно не подозрѣвать этого: его дружба съ Талейраномъ и все, чѣмъ онъ пользовался, благодаря его милости, все говорило противъ него; большая часть его имѣній были ему возвращены, а также всѣ древности, собранныя имъ во время его путешествій; его дворъ былъ наполненъ капителями и разбитыми колоннами замѣчательной красоты. Все это доказываетъ, что милости эти были приняты имъ отъ Бонапарта. Герцогиня де-Жеврь просила меня позволить ей привезти ко мнѣ г-жу Шуазель-Гуфье, почтенную и интересную женщину, которая стояла по своимъ душевнымъ качествамъ гораздо выше своего мужа. Я приняла ее съ радостью и съ живымъ интересомъ и два дня спустя возвратила ей визитъ. Г-нъ Шуазель во время моего визита смотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ; онъ не видалъ

меня съ тѣхъ поръ, какъ послалъ мнѣ свой портфель; очевидно, онъ боялся, чтобы я не проговорилась объ этомъ при его женѣ: ему было неловко признаться ей въ своей двуличности. Я ни однимъ словомъ не обмолвилась объ этомъ, хотя мнѣ очень хотѣлось пошутить надъ нимъ. Я говорила о моемъ отъѣздѣ и о моемъ затрудненіи получить паспортъ для г-жи де-Тарантъ. Мы условились съ нимъ о часѣ, когда онъ пришлетъ мнѣ лицо, завѣдующее этимъ дѣломъ. Я просила г-жу де-Тальмонъ, невѣстку г-жи де-Тарантъ, прійти помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ я не имѣла никакого понятія о правилахъ и формальностяхъ въ этомъ государствѣ. Она сидѣла у меня, когда доложили о приходѣ этого таинственнаго человѣка. Одна его фигура возбуждала нѣкоторое удивленіе. Представьте себѣ человѣка уже немолодого, длиннаго, сухаго, съ худымъ безобразнымъ лицомъ оливковаго цвѣта, съ черными, какъ уголь, пронизывающими глазами, длиннымъ острымъ носомъ, блѣдными тонкими губами; вся его фигура походила на скелетъ. На немъ былъ свѣтло-сѣрый костюмъ съ полосатымъ жилетомъ, свѣтло-сѣрые панталоны и такіе же чулки, на ботинкахъ маленькія пряжки. Волосы его были зачесаны по старой модѣ съ буклей за ушами и косой попрусски. Никогда я не видѣла болѣе мрачной фигуры. Я нѣсколько минутъ стояла молча; этотъ странный человѣкъ не внушалъ мнѣ никакого довѣрія; наконецъ я спросила его, можетъ ли онъ достать паспортъ для одной особы, записанной въ число эмигрантовъ, паспортъ по всѣмъ правиламъ, чтобы имѣть возможность выѣхать на воды въ Германію. Онъ отвѣтилъ гробовымъ голосомъ: «Отчего же нѣтъ». «Но что же нужно сдѣлать для этого?»—«Я приду сказать вамъ объ этомъ завтра вечеромъ. Тогда же вы мнѣ сообщите имя этой особы, хотя я его уже знаю».—«Кто же это?»—«Г-жа де-Тарантъ». Я дала ему луидоръ за его драгоцѣнный визитъ. Онъ сдѣлалъ поклонъ съ такой напускной улыбкой, что я не могла удержаться отъ гримасы, глядя на него. На другой день онъ принесъ необходимыя бумаги и сказалъ, что г-жа де-Тарантъ должна отправиться съ нимъ къ нѣкоторымъ рабочимъ его квартала, чтобы взять ихъ въ качествѣ свидѣтелей, которыхъ она могла выбрать сама. Пришлось подчиниться этой формальности, и я дала ему 2 луидора за его второй визитъ. Черезъ два дня онъ принесъ паспортъ, прося г-жу де-Тарантъ послѣдовать за нимъ въ префектуру. Хотя все дѣло было исполнено по закону, мы не могли отдѣлаться отъ нѣкотораго страха. Г-жа де-Беарнъ предложила мнѣ пойти съ ней подождать г-жу де-Тарантъ на набережной у префектуры, и мы прождали около часу въ неизъяснимомъ страхѣ; наконецъ къ нашей радости она явилась съ паспортомъ, даннымъ ей по всѣмъ правиламъ, снабженнымъ всѣми подписями начальствующихъ лицъ, между прочимъ и Талейрана.

Братья Полиньякъ были арестованы. Идалія получила нѣкоторыя льготы и разрѣшеніе посѣщать своего мужа въ тюрьмѣ, куда

ее сопровождала ея кузина, г-жа де-Бранка. Дворъ Тампля былъ всегда полонъ народомъ, выказывавшимъ поразительное участіе къ несчастнымъ жертвамъ, которыя вскорѣ были переведены въ Conciergerie; у воротъ этой тюрьмы собиралось еще больше народа. Идалія и г-жа де-Бранка разсказывали мнѣ, что всякій разъ, когда онѣ приходили, народъ бросался къ нимъ навстрѣчу, спрашивая, нѣтъ ли какой нибудь надежды, и выказывая самое живое участіе.

Не задолго до казни всѣ арестованные собрались въ одной комнатѣ; днемъ стража находилась съ ними, стоя у дверей. Однажды вечеромъ, когда г-жа де-Полиньякъ, ея кузина и г-жа де-Моро пришли въ тюрьму, Жюль де-Полиньякъ, младшій изъ братьевъ, ходилъ по комнатѣ и вдругъ проговорилъ, показывая на сторожей: «Эти господа очень скверно обращались съ нами въ Тамплѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ они начинаютъ узнавать насъ, они стали мягче, и я готовъ биться объ закладъ, что пробудь мы здѣсь еще мѣсяца два или три, я бы командовалъ ими». При этихъ словахъ сторожа сняли шапки. Жюлю было въ то время 22 года; трудно было найти фигуру болѣе изящную, какая была у него.

Начался процессъ; засѣданія продолжались отъ 7 часовъ утра до 4 или $4^1/_2$ часовъ по полудни. Отвѣты, даваемые обвиненными, были восхитительны; они выказывали преданность своему законному государю съ тѣмъ благороднымъ безстрашіемъ, которое заставляетъ трепетать преступленіе и обезоруживаетъ гонителей, такъ что судьи теряли головы. Залъ былъ полонъ солдатами, призванными для поддержанія порядка. Зрители были тронуты до глубины души отважностью и преданностью жертвъ и возмущались коварствомъ и вѣроломствомъ судей, которые, несмотря на все свое искусство, потерпѣли неудачу. Сочувствіе стражи къ подсудимымъ было такъ сильно, что въ короткое время ихъ смѣняли 3 или 4 раза. Жоржъ Кадудаль въ особенности возбуждалъ такое восхищеніе, что невозможно было скрыть его. Мой мужъ, который присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ, часто возвращался домой весь въ слезахъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что однажды, когда допрашивали Жоржа, его спокойный видъ и простыя, но возвышенныя рѣчи дѣйствовали на него такъ, что съ своего возвышенія, на которомъ онъ находился, онъ не могъ оторвать отъ него глазъ. Растроганное лицо моего мужа произвело на него такое впечатлѣніе, что онъ сдѣлалъ ему легкій поклонъ. Мой мужъ гордился этимъ отличіемъ и не могъ говорить равнодушно объ этомъ. Всѣ присутствующіе содрогнулись, когда въ послѣднемъ засѣданіи судьи вынесли смертный приговоръ Жоржу, Кортэ, Сенъ-Виктору, Пико, слугѣ Жоржа, маркизу де-Ривьеръ, Арману де-Полиньякъ и 20 другимъ лицамъ. Нельзя не сочувствовать мученіямъ, которымъ подвергли Пико; ему прикладывали раскаленное желѣзо къ пяткамъ, раздробили большіе пальцы на рукахъ, все для того, чтобы заставить его выдать своего господина; но онъ не выдалъ его: золото, которое ему давали, было отвергнуто имъ съ презрѣніемъ. Онъ раздѣлялъ

заточеніе вмѣстѣ съ Жоржемъ; подвергся тому же приговору и на судѣ, въ присутствіи публики, разсказывалъ объ истязаніяхъ, которымъ его подвергали. Жоржъ де-Полиньякъ былъ приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію; когда онъ услышалъ приговоръ, произнесенный надъ его братомъ, онъ хотѣлъ умереть за него или, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ нимъ. Арманъ противодѣйствовалъ этому братскому самоотверженію; между ними завязалась такая трогательная борьба, что вся аудиторія заливалась слезами. Они стояли, обнявъ другъ друга; Жоржъ былъ готовъ умереть; но непоколебимые судьи не измѣнили своего приговора.

Бѣдная Идалія была уничтожена. Мой мужъ возвратился съ этого засѣданія въ полномъ отчаяніи. Онъ вошелъ въ гостиную съ выраженіемъ такого страданія, что мы всѣ были поражены; сквозь рыданія онъ разсказалъ намъ о зрѣлищѣ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. У меня была въ это время г-жа Сентъ-Адельгондъ, женщина съ открытымъ характеромъ; она бросилась на шею моему мужу, восклицая: «какой вы достойный человѣкъ!»

Г-жа де-Полиньякъ увидѣла необходимость обратиться за помощью къ г-жѣ Бонапартъ. Она упрашивала ее дать ей возможность просить за своего мужа у перваго консула. Ее повезли рано утромъ въ Сенъ-Клу. Войдя къ г-жѣ Бонапартъ, она упала въ обморокъ; послѣдняя дала ей всѣ доказательства добраго сердца. Она повела ее въ салонъ, черезъ который долженъ былъ пройти ея мужъ; она даже совѣтовала ей броситься на колѣни и называть его титулами, которые онъ себѣ присвоилъ.

Идалія согласилась на все, лишь бы спасти два дорогихъ ея сердцу существа. Когда первый консулъ появился, она бросилась передъ нимъ на колѣни и сказала съ выраженіемъ самой глубокой скорби: «Государь, я прошу правосудія для моего мужа». Онъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. «Какъ вы можете просить за него»,— отвѣчалъ онъ,—«вѣдь онъ изъ числа тѣхъ,которые были посланы убить меня». При этихъ словахъ она быстро встала. «Вы не знаете нашихъ принцевъ»,— воскликнула она:—«они не могутъ руководить преступленіемъ». Такой смѣлый отвѣтъ смутилъ Бонапарта. «А кто поручится мнѣ за вашего мужа?» — отвѣтилъ онъ. «Семь лѣтъ супружества и семь лѣтъ счастья».—«Возвращаю вамъ вашего мужа, сударыня.» Приговоръ былъ отмѣненъ, оба брата Полиньякъ были присуждены къ 4-хъ-лѣтнему тюремному заключенію въ крѣпости Гамъ. 9 лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, а вмѣсто обѣщанной свободы, они находятся въ еще болѣе ужасной тюрьмѣ, чѣмъ первая [1]). Маркизъ де-Ривьеръ былъ спасенъ отъ смерти, благодаря мольбамъ своей сестры; онъ провелъ 4 года вмѣстѣ съ Полиньяками, затѣмъ его перевели въ менѣе строгую тюрьму въ Страсбургѣ; въ настоящее

---

[1]) Прим. графини Головиной: они были освобождены только въ 1814 г. послѣ паденія Бонапарта и реставраціи Бурбоновъ.

время онъ отпущенъ на честное слово жить въ этомъ же городѣ, и пользуется большой свободой. Г-жа де-Полиньякъ оживилась надеждой; она поспѣшила къ мужу и къ зятю и отправила свою горничную ко мнѣ съ извѣстіемъ, что они спасены. Мы въ это время выходили изъ-за стола: всѣ, кто былъ у насъ, были внѣ себя отъ радости при этомъ извѣстіи. Я побѣжала къ Идаліи, чтобы поздравить ее: ея маленькая комната была полна народомъ. Я бросилась къ ней на шею, г-жа де-Бранка нѣжно поцѣловала меня и затѣмъ бросила меня въ объятія своей старой свекрови, которой я никогда не видѣла, и въ объятья своего мужа, а затѣмъ всѣ они бросились цѣловать этого почтеннаго человѣка; толкали меня къ какому-то господину въ очкахъ. «Это адвокатъ, который такъ хорошо защищалъ наше дѣло», говорили мнѣ. Я была такъ ошеломлена всѣми этими изліяніями, что у меня закружилась голова, и въ концѣ концовъ я стала смѣяться, какъ ребенокъ.

Я съ огорченіемъ видѣла, что день моего отъѣзда приближался: я не могла разстаться равнодушно съ людьми, съ которыми я была связана нѣжной дружбой.

Оставшимся временемъ я пользовалась, чтобъ совершать прогулки по окрестностямъ Парижа, которыя, благодаря своему разнообразію, всегда открывали для меня что нибудь новое. Я отправилась въ Près de Gervait (поле Жерве) съ г-жей де-Тарантъ, г-жей де-Беарнъ и княгиней де-Тальмонъ. Это поле занимаетъ небольшое пространство земли, все покрытое сплошь кустами сирени, что пріятно дѣйствуетъ и на обоняніе. Нѣжный запахъ сирени напоминаетъ свѣжесть молодости. Мы отправились затѣмъ въ лѣсъ Раменвилльe, принадлежавшій г-жѣ де-Монтесонъ; мы сѣли противъ группы крестьянъ. Какая-то упрямая старуха бранила молодую дѣвушку, грустный и смущенный видъ которой забавлялъ мальчугана-шалуна, стоявшаго подлѣ нихъ; ребенокъ, стоя на колѣняхъ на столѣ, ѣлъ изъ корзины какіе-то плоды. Все это представляло деревенскую картинку, которую я нарисовала въ моей памятной книжкѣ. Нѣсколько штриховъ, взятыхъ съ натуры, имѣютъ больше цѣны и производятъ больше впечатлѣнія, чѣмъ даже очень тщательно обработанный рисунокъ. Совершенно вѣрно говорятъ, что нѣтъ ничего прекраснѣе правды: одна правда способна привлекать сердца. Святая Тереза говоритъ, что воображеніе есть la folle de la maison; это такъ, если ему дать свободу бродить безъ удержу, но когда имъ руководитъ правда, оно становится полезнымъ товарищемъ, который безъ устали всегда насъ переноситъ въ прошедшее и будущее: оно помогаетъ мысли, украшаетъ ее, придаетъ красоту выраженію картины. Богъ далъ намъ всѣ средства, чтобы дѣйствовать морально и физически; отъ насъ зависитъ приводить въ порядокъ это сокровище и заводить машину нашихъ дѣйствій, размѣщая цѣлесообразно и точно ея части.

Участіе, которое я приняла въ г-жѣ Идаліи, тронуло ее до глубины души, и она всячески старалась дать мнѣ доказательство своихъ нѣжныхъ чувствъ ко мнѣ. День моего отъѣзда приближался, мои добрые друзья покидали меня какъ можно меньше. Г-нъ Морковъ уѣхалъ. До моего отъѣзда оставалось только 2 или 3 недѣли. Когда я однажды гуляла съ Полиной де-Беарнъ, она сказала мнѣ: «Мой другъ, съ тѣхъ поръ, какъ я знаю, что вы уѣзжаете, мое сердце страдаетъ, чѣмъ я могу вамъ это выразить, и отъ вѣчной разлуки съ вами и отъ внутренняго волненія, котораго я не въ силахъ побѣдить; мнѣ кажется, что вы пріѣхали къ намъ, чтобы вернуть намъ хотя приблизительное счастье, и что послѣ вашего отъѣзда несчастіе будетъ снова тяготѣть надъ нами». Увы, ея предчувствіе оказалось болѣе чѣмъ вѣрнымъ: она перенесла тяжелыя несчастія; описаніе ихъ подробностей было бы слишкомъ длинно: достаточно сказать, что они таковы, что ихъ хватитъ ей на всю жизнь. Милость, добродѣтель и несчастье—вотъ ея девизъ.

Жертвы были поведены на эшафотъ на Гревскую площадь. Жоржъ, Кортэ, Сенъ-Викторъ, Пико вошли на эшафотъ съ крикомъ: «Да здравствуетъ король!» Приверженцы Бонапарта окружали эшафотъ, чтобы не дать народу возможность услышать и дѣйствовать.

Моро, боясь смерти, написалъ Бонапарту письмо, какъ будто съ извиненіемъ; эта слабость будетъ вѣчнымъ пятномъ въ его исторіи. Они пришли къ соглашенію, и результатомъ этого соглашенія была ссылка Моро въ Америку. Для безопасности Бонапарта было необходимо, чтобы въ Парижѣ не было ни одного человѣка, который могъ замѣнить его. Братья Полиньякъ были сосланы, а также, какъ я упоминала выше, маркизъ де-Ривьеръ.

Я покинула Парижъ 26-го іюня, на другой день послѣ казни, въ 4 часа по полудни. Мои друзья пришли проститься со мною; мое сердце было переполнено страданіемъ и разставаніемъ со всѣми тѣми, которые меня любили, и болью, которую испытывала г-жа де-Тарантъ, разставаясь съ матерью. Здоровье моей матери начинало ослабѣвать: на другой день послѣ нашего выѣзда изъ Парижа у нея сдѣлался нервный припадокъ. Мое безпокойство достигло крайнихъ предѣловъ. Страшно было видѣть ее въ этомъ состояніи въ простой гостиницѣ и безъ всякой возможности помочь ей. Наконецъ Богъ смиловался надо мной, ей стало лучше, и мы перенесли ее въ карету. Движеніе и воздухъ совершенно привели ее въ себя. Пріѣхавъ въ Мецъ, мы остались тамъ ночевать, чтобы дать ей отдохнуть.

На другой день мы съ г-жей де-Тарантъ и дѣтьми пошли осматривать городъ. Мы вошли въ красивую церковь; я сѣла на ступеньки колонны, чтобы нарисовать перспективу; едва я начала работать, какъ какая-то женщина, одѣтая въ лохмотья, подошла къ одному изъ алтарей, который находился въ нижней части церкви;

она горячо молилась, проливая потокъ слезъ. Мы смотрѣли на нее съ нѣжнымъ участіемъ и съ уваженіемъ къ ея страданіямъ. Когда она кончила, мои дѣти подбѣжали къ ней, чтобы дать ей милостыню; она вскрикнула и упала на колѣни и начала усердно молиться, принося благодареніе Богу. Довѣріе, вѣра этой женщины, ея благодарность за Божіе милосердіе, которое прислалъ ей на помощь, доказываетъ намъ истину, которую мы всегда должны помнить: вѣрьте, просите, и дастся вамъ.

Проѣзжая Эльзасъ, я снова увидѣла чудную цѣпь Саверискихъ горъ. Въ Гейдельбергѣ я отправилась осматривать готическій замокъ. Г-жа де-Тарантъ, мой мужъ и я поднялись по извилистой тропинкѣ, которая вела къ нему. Я съ большимъ интересомъ осматривала широкій дворъ, окруженный арками, и стѣны котораго были покрыты гербовыми щитами; эти украшенія—остатокъ рыцарства.

Въ Раштадтѣ мы отправились на кладбище, гдѣ покоятся убитые[1]) французскіе| комиссары. Недалеко оттуда проходитъ дорога, ведущая въ Карльсруэ. Я немного прошлась по этой дорогѣ; моя мысль, казалось, была неразрывно связана съ чувствами, наполнявшими мое сердце. Въ жизни бываютъ моменты, когда человѣкъ не хотѣлъ бы имѣть ни воспоминаній, ни привязанностей, ему хотѣлось бы стать нѣмымъ, какъ могила, чтобы обратиться затѣмъ въ ничто.

Во Франкфуртѣ мы пробыли 2 дня. Я встрѣтила г-жу Тутолмину, которой я очень обрадовалась. Я ходила осматривать городъ, хотя отчасти уже была знакома съ нимъ. Меня поразила печальная музыка, которую исполняли студенты передъ однимъ домомъ, имъ аккомпанировалъ похоронный звонъ колоколовъ приходской церкви. Я съ любопытствомъ спросила, что это значитъ, и узнала, что это былъ странный нѣмецкій обычай сопровождать такимъ образомъ агонію умирающаго.

Въ главномъ соборѣ въ Марбургѣ находится мавзолей, сооруженный въ память принцессы венгерской Елисаветы, бывшей замужемъ за ландграфомъ Людовикомъ Тюрингскимъ. Церковь наполнена барельефами, напоминающими различныя событія изъ жизни этой принцессы. Мавзолей въ видѣ саркофага замѣчателенъ тонкой работой и богатствомъ драгоцѣнныхъ камней, которые составляютъ его украшеніе; въ особенности замѣчателенъ по своей величинѣ желтый брильянтъ, очень дорогой; ночью онъ свѣтится, какъ свѣча. Тѣло этой принцессы погребено въ этой церкви, но никто не знаетъ, въ какомъ именно мѣстѣ. Эта тайна хранится[2]) по волѣ ея супруга, который довѣ-

---

[1]) Въ 1798 году, послѣ разрыва Кронштатдскаго конгресса, Робержо, Жакъ Дебри и др. Это преступленіе было совершено убійцами, одѣтыми въ мундиры австрійскихъ гусаръ, но никто не сомнѣвался въ томъ, что это были комиссары французской директоріи. Примѣч. графини В. Н. Головиной.

[2]) Св. Елисавета пережила нѣсколькими годами своего супруга, умершаго въ Палестинѣ въ 1227 г. или 1228 г. Она умерла 17-го января 1231 года и была

рилъ ее монахамъ, унесшимъ ее съ собой въ могилу. Этотъ памятникъ былъ воздвигнутъ въ 1235 г.

Въ Касселѣ я осматривала музей; тамъ находятся довольно рѣдкія камеи, плохія статуи и нѣсколько превосходныхъ картинъ фламандской школы. Тутъ находятся картины Рембранта, Богемса и въ особенности одна картина Павла Потера[1]), обратившая мое вниманіе. Затѣмъ, въ особой залѣ, мы увидѣли восковыя фигуры курфирстовъ, въ натуральную величину, въ парадныхъ одѣяніяхъ, помѣщенныя кругомъ. Затѣмъ намъ показали часовню самой тонкой архитектурной работы; она была построена ландграфомъ Карломъ.

Въ Готѣ покойный герцогъ похороненъ, по его волѣ, въ его саду безъ гроба, въ рубашкѣ. Его могила внутри выстлана газономъ и окружена плетнемъ, чтобы земля не коснулась его. Гробъ же его стоитъ въ церкви, находящейся недалеко отъ его могилы. Странныя свойства его души, своеобычная фантазія, тщеславіе, пренебрегающее истиной, которой онъ не признавалъ, даетъ представленіе о фиглярѣ, который своими фокусами не попадаетъ въ цѣль. Предметъ, который онъ хотѣлъ скрыть, открылся передъ глазами публики. Мнѣ досадно за герцога, который все же умеръ и съѣденъ червями. Вѣчность существуетъ и для него; его небрежный костюмъ не помѣшаетъ ему войти въ жизнь вѣчную.

Я купила апельсиновъ въ колыбели его рожденія.

Веймарскій садъ чудесенъ. Герцогиня Марія (великая княгиня Марія Павловна) отсутствовала, когда я проѣзжала этотъ городъ[2]).

Каѳедральный соборъ въ Наумбургѣ, который изъ католическаго передѣланъ въ лютеранскій, одна изъ лучшихъ церквей, какія только существуютъ. Эта перемѣна доказываетъ, что она древнѣе другихъ церквей.

Я съ удовольствіемъ возобновила прогулки въ Лейпцигѣ. Я съ трогательнымъ интересомъ увидѣла террасу съ цвѣтами, о которой я говорила раньше.

канонизована папой Григоріемъ IX; тѣло ея перевезено въ 1235 г. въ Перуджи. Неизвѣстно мѣсто ея погребенія, потому что ея останки были перемѣщены нѣсколько разъ и по различнымъ причинамъ. Думаютъ, что монументъ относится къ позднѣйшему времени, чѣмъ время ея канонизаціи.

Примѣч. графини Головиной.

[1]) Тотъ самый, котораго картина находится въ галлереѣ Эрмитажа, съ того времени, какъ императоръ Александръ купилъ коллекцію Мальмезонъ.

Примѣч. графини Головиной.

[2]) Она еще не была въ то время тамъ, потому что приблизительно въ это самое время, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1804 г., происходило ея бракосочетаніе въ Петербургѣ.

Примѣч. графини Головиной.

XXVII.

Дрезденъ.—Саксонская Швейцарія.—Смерть княгини П. П. Голицыной.—Путешествіе въ Богемію.—Возвращеніе въ Россію.—Митава.—Герцогиня Ангулемская.—Королевская фамилія.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Представленіе ко двору.—Политическія событія того времени.

Въ Мейссенѣ я поднялась на башню, съ которой открывался видъ на Дрезденъ. Я пріѣхала въ этотъ городъ съ сердцемъ, стѣсненнымъ отъ воспоминаній о графинѣ Шенбургъ. Мнѣ предстояло увидѣться впервые послѣ ея смерти съ ея матерью, княгиней Путятиной; столько волненій и слишкомъ основательныя безпокойства относительно здоровья моей матери дѣлали меня больной. Къ несчастію, я попала въ руки врача, пичкавшаго меня лѣкарствами. Я старалась, какъ только могла, скрыть свое безпокойство о матери. Я осматривала всѣ мѣста, которыя мнѣ описывала столько разъ графиня Шенбургъ въ своихъ письмахъ; я видѣла многое также вмѣстѣ съ княгиней Путятиной, участіе которой ко мнѣ, казалось, смѣшивалось съ ея печалью о дочери. Однажды она меня просила прійти одной къ ней послѣ обѣда. Я послѣдовала ея приглашенію. Она повела меня въ свою спальню, гдѣ находился портретъ графини Шенбургъ во весь ростъ довольно похожій. Видъ этого портрета меня очень взволновалъ. Княгиня попросила меня немного подождать, сказавъ, что она мнѣ сейчасъ принесетъ кое-что. Я осталась передъ портретомъ, смотря на него съ грустнымъ и сладкимъ чувствомъ. Вдругъ вошла княгиня и покрыла мнѣ лицо платьемъ, которое носила ея дочь въ день нашей разлуки. Воротникъ платья сохранялъ еще запахъ ея волосъ, надушенныхъ туберозой. Этотъ запахъ, форма ея тѣла, замѣтная на этомъ платьѣ, произвели на меня страшное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что я вижу графиню Шенбургъ, слышу ея раздирающія душу рыданія, когда она прощалась со мною навѣки. Я почувствовала, что падаю въ судорогахъ: я осталась безмолвной, я сдѣлалась нечувствительной ко всему, что меня окружало и что происходило во мнѣ.

Пробужденіе было ужасно: я сознавала только мысль о могилѣ, скрывшей вѣчную дружбу. Я слишкомъ страдала и была слишкомъ огорчена, чтобы думать о представленіи ко двору курфюрста.

Я пошла посмотрѣть эту столь хваленую галерею, гдѣ я нашла нѣсколько chef d'oeuvre'овъ, попорченныхъ по недостатку присмотра. Успеніе Пресвятой Дѣвы Рафаеля выше всякихъ похвалъ. Ночь Корреджіо мнѣ не понравилась: на меня непріятно подѣйствовала спутанность ногъ и рукъ ангеловъ. Преувеличенныя похвалы всегда бываютъ въ ущербъ достоинству. Эта преувеличенность воз-

буждаетъ и заставляетъ восхищаться до того момента, когда произведеніе представляется нашимъ взорамъ. Тогда, благодаря прирожденному намъ чувству сравненія и критики, очарованіе идеала разрушается. Ложныя репутаціи и ложныя впечатлѣнія исчезаютъ, какъ двигающіяся облака, въ которыхъ думаешь видѣть всякаго рода фигуры.

Врачъ мнѣ предписалъ побольше моціона, мужъ предложилъ мнѣ путешествіе по Саксонской Швейцаріи. Я отправилась съ нимъ, съ принцессой Тарантъ и нѣсколькими другими особами. Мы начали съ Liebe Wal — прелестнаго мѣста, гдѣ мы пили сливки на мельницѣ, прекрасной по своему наиболѣе веселому и разнообразному расположенію. Когда мы покинули это мѣсто, нашимъ глазамъ представилась самая дикая и самая суровая природа. Громадныя скалы, долины, заключенныя между высокими, покрытыми лѣсомъ, горами, большія вѣтви, скрещивающіяся между собой, опасныя каменистыя тропинки, проложенныя необходимостью, источники, падающіе съ шумомъ до глубины долины, создавали суровый пейзажъ, который я съ удовольствіемъ обозрѣвала. Погода была очаровательна и спокойна. Мы ходили впродолженіе семи часовъ, предшествуемые проводникомъ. Мы вскарабкались на колѣняхъ на двѣ крутыя горы (Малый и Большой Виттенбергъ). Мы цѣплялись за вѣтви и корни, чтобы не упасть. Я была истощена, моя одышка почти всецѣло лишила меня силъ, принцесса Тарантъ меня дотащила до вершины одной изъ горъ, гдѣ находилось нѣчто въ родѣ бесѣдки. Мы остановились въ ней для отдыха и для того, чтобы полюбоваться видомъ мѣстъ, расположенныхъ по теченію рѣки Эльбы. Потомъ мы спустились съ горы черезъ густой дикій лѣсъ по тропинкѣ, покрытой камнями и терновникомъ. Тогда насъ настигла ночь. Природа безмолвствовала; между вершинами старыхъ деревьевъ замѣчались серебряные лучи луны, дававшіе слабый свѣтъ. Стукъ топора дровосѣка разносился эхомъ. Я испытывала чрезвычайное наслажденіе, которое доставляютъ только красоты природы. Это единственное дѣйствительное наслажденіе, которое никогда не исчерпывается, оно доступно всякому возрасту во всякое время. Опираясь на руку madame де-Тарантъ, я предавалась всѣмъ получаемымъ впечатлѣніямъ, пока мы не дошли до конца лѣса. Мы замѣтили у нашихъ ногъ крыши одной деревни, расположенной на берегахъ Эльбы. Этотъ новый пейзажъ былъ освѣщенъ тѣмъ болѣе поразительнымъ свѣтомъ, что онъ выходилъ изъ темнаго лѣса. Мы, казалось, висѣли на воздухѣ, хотя уже прошли три четверти спуска. Въ самомъ низу находилось судно, довезшее насъ до Пирны, гдѣ мы провели ночь передъ возвращеніемъ въ Дрезденъ. Пирнская долина живописна. Остатки разрушеннаго замка представляютъ собой наблюдательный пунктъ. Они возвышаются надъ частью горъ, а съ другой стороны надъ долинами, усѣянными деревнями.

Наши поѣздки заглушали иногда безпокойство, гнѣздившееся въ глубинѣ моего сердца. Блѣдность лица моей матери меня леденила, и если иногда я находила нѣкоторую надежду привезти ее на родину, это меня мало утѣшало, и я страдала потомъ еще болѣе. Постоянныя тревоги истощили всецѣло мое здоровье, я попрежнему выходила, но мысль о моей матери меня преслѣдовала всюду. Я съ удовольствіемъ встрѣтилась снова съ принцессой Луизой Прусской, которая нѣсколько разъ навѣстила меня и обѣдала у меня съ братомъ, принцемъ Людовикомъ, погибшимъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ войнѣ противъ французовъ. Онъ былъ почти всегда жертвой обстоятельствъ и если сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, то только потому, что не былъ на своемъ мѣстѣ. Этотъ принцъ имѣлъ великую душу; не стѣсняемый во всѣхъ своихъ движеніяхъ, онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ заблуждаться, и воображеніе его увлекло. Горячность и потребность отличиться привели его къ смерти.

Я приближаюсь къ печальному времени, къ страшной минутѣ, когда я потеряла мать.

Я была больна болѣе обыкновеннаго. Довольно сильная лихорадка держала меня въ комнатахъ. Моя мать проводила весь день со мной. Она была замѣчательно блѣдва и порой впадала въ глубокій бредъ. Я не могла отвести съ нея глазъ и страшно о ней безпокоилась. Она оставила меня, чтобы пойти обѣдать, и вернулась вечеромъ. Въ половинѣ 11-го встала, чтобы попрощаться со мной, обняла меня съ обычной нѣжностью, благословила меня и удалилась. Въ 11 часовъ я къ ней отправила свою горничную, которая обыкновенно присутствовала при ея раздѣваніи, и услуги которой ей нравились. Я ее ожидала съ нетерпѣніемъ, желая знать, расположена ли моя мать отдыхать; мои дѣти спали, madame де-Тарантъ пошла молиться въ сосѣднюю комнату, я уже лежала. Вдругъ прибѣжала моя горничная съ очень смущеннымъ видомъ и сказала взволнованнымъ голосомъ: «Ваша мать проситъ васъ скорѣе прійти къ ней». Я задрожала отъ этого призыва, я говорила себѣ, что моя мать, умирая, зоветъ меня. Я вскочила съ постели, надѣла ватное пальто и побѣжала къ ней. Какое зрѣлище представилось моимъ глазамъ! Моя бѣдная мать со всѣми ужасными признаками паралича сидѣла поперекъ своей кровати. Ея ноги были обнажены, голова непокрыта, глаза обезображены. Хотя она умирала, она протянула свои руки, я ихъ схватила моими; ея голова упала мнѣ на грудь, и она меня благословила самымъ трогательнымъ, нѣжнымъ и торжественнымъ образомъ. Господь позволилъ, чтобы она сдѣлала это, несмотря на апоплексическій ударъ. Я не берусь выразить, что происходило во мнѣ. Я чувствовала, какъ слабѣю; меня вырвали изъ рукъ моей матери: мы чуть не упали, обнимая другъ друга. Мой мужъ увелъ меня въ мою комнату, я упала на колѣни передъ распятіемъ и долго молилась вслухъ. Г-жа де-Тарантъ

говорила мнѣ потомъ, какъ она была тронута моими словами, такъ естественно выходившими изъ души. Мой мужъ былъ такъ этимъ растроганъ, что всталъ на колѣни рядомъ со мной. Смерть, сколько чувства ты намъ показываешь и съ сколькими истинами ты насъ знакомишь! Ты—конецъ и начало, ты разрушаешь, чтобы вернуть жизнь. Каждая капля моей крови была охвачена ея ледянымъ покровомъ. Мать моя дышала еще около получаса послѣ того, какъ я ее оставила. Она потеряла даръ слова немного раньше, но еще имѣла силу взять руку моего мужа, чтобы поднести ее къ своимъ умирающимъ губамъ. Онъ принялъ ея послѣднее дыханіе. Это право принадлежало ему, какъ самому вѣрному другу, какъ самому нѣжному сыну, какъ опорѣ ея старости.

Моя мать часто высказывала желаніе быть погребенной въ одномъ изъ своихъ имѣній Калужской губерніи, гдѣ она родилась. Это же желаніе было выражено въ бумагѣ, адресованной ею моему мужу и найденной послѣ ея смерти. Мой мужъ спросилъ у императора разрѣшеніе исполнить послѣднюю волю умершей. Его величество милостиво разрѣшилъ, приказавъ, чтобы во всѣхъ церквахъ, мимо которыхъ пройдетъ тѣло, читались установленныя молитвы. Приготовленія къ погребенію отнимали много времени, въ теченіе котораго гробъ помѣстили въ назначенной для этого комнатѣ возлѣ католической часовни и кладбища, назначеннаго для иностранцевъ. Позаботились о томъ, чтобы я не знала, когда дорогіе останки будутъ увезены отъ меня. Мужъ мой въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, былъ моимъ ангеломъ-хранителемъ. Онъ принялъ на себя всѣ расходы, которые должны были лежать на моемъ братѣ, который наслѣдовалъ состояніе моей матери и находился довольно близко отъ насъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, но мужъ мой испытывалъ дѣйствительное удовольствіе заботиться о моей матери послѣ ея смерти такъ же, какъ это было при жизни. Г-жа де-Тарантъ не оставляла меня ни днемъ, ни ночью, ея нѣжное попеченіе ко мнѣ было торжествомъ дружбы. Печаль лишила меня сна, каждый день въ 11 часовъ вечера я испытывала трепетъ и страданіе, которое можетъ понять только сыновнее чувство; это состояніе продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Г-жа де-Тарантъ усаживалась возлѣ моей постели и покидала меня только около 4-хъ часовъ утра, когда истощенная природа, казалось, засыпала. Она вставала очень рано, чтобы помолиться возлѣ моей матери. Столь искреннія и столь нѣжныя попеченія смягчали мое сердечное огорченіе. Въ это самое время произошло обстоятельство, котораго я никогда не забуду. Однажды утромъ я сидѣла на диванѣ, погруженная въ печальныя размышленія. Мой мужъ вошелъ и сѣлъ противъ меня; нѣкоторое время мы хранили молчаніе, его глаза наполнились слезами; онъ бросился ко мнѣ, рыдая и говоря, что мы оба осиротѣли и должны утѣшать другъ друга. Зима протекла для меня печально:

Справедливая и законная печаль никогда не исчезаетъ, религія смягчаетъ ея жгучесть, не уничтожая ея; нужно умереть, чтобы потерять ее. Господь приказываетъ времени только укрѣплять насъ для того, чтобы ее переносить всегда.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (1805 г.) г-жа де-Тарантъ отправилась въ Вѣну на нѣсколько недѣль; мы условились поѣхать ей на встрѣчу до Праги. Я спустилась пѣшкомъ и въ креслѣ, несомомъ двумя крестьянами, съ прекрасной горы, называемой Гейрсбергъ. Эти носильщики живутъ на вершинѣ горы, они привыкли къ этому путешествію, требующему много силы. Отъ времени до времени они отдыхали. Я пользовалась этими промежутками, чтобы набрать ползучихъ растеній, которыя росли на скалахъ подъ тѣнью прекраснѣйшихъ деревьевъ. Я размышляла о силѣ времени, съ помощью которой нѣжные цвѣты пускали свои корни въ самые твердые утесы. Я видѣла также борозды, проведенныя дождемъ на этихъ утесахъ; я дѣлала массу сближеній между міромъ физическимъ и міромъ моральнымъ. Формы, краски привлекали мои взоры, возбуждая меня приготовить палитру, но какая кисть можетъ изобразить природу! Самое счастливое изображеніе ея красотъ только поражающій сонъ, очарованіе котораго исчезаетъ, какъ только откроешь глаза. Я провела два дня въ Теплицѣ. Вечеромъ я пошла гулять съ моими дѣтьми. Подходя къ одной дачѣ, я услышала прекрасную музыку, звуки которой раздавались по долинѣ. Я остановилась послушать: играли новый для меня вальсъ, возбудившій воспоминанія въ моемъ сердцѣ. Таково дѣйствіе музыки; всегда она находится въ связи съ чувствительностью, которая подобно хорошо натянутой и вѣрной струнѣ отвѣчаетъ легчайшему прикосновенію. Все въ природѣ звучитъ; нужно только умѣть коснуться, ударить, чтобы въ этомъ убѣдиться; но ничто не сравнится съ органомъ голоса. Онъ вводитъ слово въ сердце, и если въ отсутствіи какой нибудь голосъ напоминаетъ голосъ, который любишь, все исчезаетъ передъ глазами. Переносишься на крыльяхъ мысли къ предмету, заставившему все исчезнуть и оставившему тебя съ твоимъ сердцемъ и со счастіемъ чувствовать. . . . .

На другой день нашего прибытія въ Прагу г-жа де-Тарантъ присоединилась къ намъ. Прага—живописный городъ, носящій на себѣ печать готической архитектуры. Я люблю старинные города: они, кажется, сами собою внушаютъ къ себѣ уваженіе. Время нашего пребыванія въ Прагѣ—самое интересное время года для этого города. Праздновали день св. Іоанна Непомука, покровителя города, родившагося здѣсь и окончившаго здѣсь же мученически свои дни. Этотъ праздникъ продолжается недѣлю. Многочисленная толпа стекается съ окрестностей, торжественное богослуженіе совершается въ соборѣ, гдѣ находится массивная серебряная гробница, заключающая мощи святого. Мы выслушали обѣдню; съ трибуны читали проповѣдь на народномъ

языкѣ, очень похожемъ на русскій языкъ. Я испытывала невыразимое удовольствіе, понимая всю проповѣдь. Мы обошли весь городъ; на прекрасномъ мосту черезъ Молдаву находится открытая часовня, посвященная св. Іоанну Непомуку, передъ которой много народу безпрестанно преклоняло колѣни. Прохожіе снимали шляпу съ почтеніемъ; вообще чехи набожны и добры.

Мы оставались два дня въ Прагѣ, во время которыхъ мы видѣли нѣсколько монастырей. Это было въ первый разъ, что я входила въ католическій монастырь. Тѣ, которые я видѣла въ Парижѣ, были разрушены; они были только жалкимъ подобіемъ монастырей. Г-жа де-Тарантъ показала мнѣ одинъ, принадлежащій монахинямъ кармелиткамъ. Онѣ помѣщались въ зданіи стариннаго мужского монастыря этого же ордена. Большое число священниковъ было тамъ убито во время дней 2 и 3-го сентября 1792 г. Корридоры обрызганы кровью. Послѣ времени террора госпожа де-Жонкуръ, старая пансіонерка одного кармелитскаго монастыря, купила зданіе и сдѣлала воззваніе къ сестрамъ, которыя съ радостью поспѣшили къ ней; но онѣ не были утверждены правительствомъ и не имѣли права носить монашеское одѣяніе. Онѣ выбрали формой платье цвѣта кармелитокъ съ чепцами и косынками бѣлой ткани. Я была у вечерни въ этой общинѣ, и такъ какъ я была очень больна, то онѣ были внимательны, прося уважаемаго старца — настоятеля монахинь, помолиться за меня.

Я возвращаюсь къ Прагѣ. Секретарь архіепископа этого города вызвался быть нашимъ проводникомъ. Проходя по улицамъ вмѣстѣ съ нимъ, мы встрѣтили его знакомаго—стараго кармелитскаго монаха, который, бывъ лютераниномъ и саксонскимъ офицеромъ, сталъ католическимъ монахомъ. Онъ былъ настоятелемъ кармелитскаго монастыря. Нашъ проводникъ просилъ его насъ провести въ церковь этого монастыря и показать намъ черезъ рѣшетчатое окно одну изъ кармелитскихъ сестеръ, умершую 130 лѣтъ назадъ. Онъ согласился на это. Когда мы были въ церкви, онъ подошелъ къ окну, которое такъ высоко, что можно на него опереться, и сказалъ нѣсколько словъ шепотомъ. Тотчасъ же зеленая занавѣсь отдернулась съ другой стороны, и мы увидѣли въ маленькой четыреугольной комнатѣ умершую, сидящую въ креслѣ. Ея лицо не носило никакихъ слѣдовъ разложенія, кромѣ нѣсколькихъ пятенъ. Ея глаза были неплотно закрыты, носъ и ротъ прекрасно сохранились, руки были худы, но не походили на руки мертвеца. Сестры-кармелитки смѣняли другъ друга, чтобы находиться. Та, которая отдернула занавѣсъ, держала ее еще. Я ее видѣла въ профиль; она была покрыта чернымъ вуалемъ, спускавшимся до колѣнъ. Она взяла руки мертвой и подняла ихъ безъ усилія, онѣ сохранили свою гибкость. Затѣмъ монахиня вернулась на свое мѣсто, а я сказала

моей дочери, стоявшей возлѣ меня. Та, которая держитъ занавѣсъ, такъ же мертва, какъ и сидящая . Едва я произнесла эти слова, какъ услышала шорохъ платья за стѣной. Сестра, обреченная на молчаніе, исчезла, какъ тѣнь. Этотъ орденъ—одинъ изъ самыхъ суровыхъ: сестры говорятъ только разъ въ день и не должны слышать чужого голоса. Оставивъ Прагу, мы отправились сѣсть на корабль на Эльбѣ, чтобы вернуться въ Дрезденъ. Это одно изъ самыхъ прекрасныхъ путешествій, которое я когда либо сдѣлала. У насъ было три барки: одна для каретъ, вторая для кухни, третья для насъ съ хорошенькими каютами. Берега Эльбы восхитительны: они представляютъ изъ себя чудесныя картины, за которыми легко быстро слѣдить. У меня была комната пополамъ съ г-жей де-Тарантъ. Мы вмѣстѣ наслаждались красотами прелестной природы и этимъ новымъ существованіемъ. Въ часъ обѣда барка съ кухней подходила къ нашей. Я испытывала тяжелыя чувства, видя снова Дрезденъ, оставившій на мнѣ такое странное воспоминаніе, и тѣмъ не менѣе, изъ-за этого же самаго я испытывала нѣкоторое сожалѣніе мѣсяцъ спустя, когда надо было совсѣмъ покинуть этотъ городъ. Я возвращалась на родину безъ всякаго удовольствія, такъ какъ со мной не было моей матери. Мое сердце было проникнуто печалью. Отправившись до Митавы по той же самой дорогѣ, которую мы уже разъ проѣзжали, мы остановились въ этомъ городѣ. Мы остановились въ довольно плохой гостиницѣ, но лучшей не было. Мы тамъ встрѣтили хирурга герцогини Ангулемской, который ожидалъ г-жу де-Тарантъ, чтобы передать ей отъ ея королевскаго высочества, что она должна тотчасъ же явиться къ ней. Онъ прибавилъ, что герцогиня отправилась гулять въ коляскѣ, что она скоро вернется, и мы ее увидимъ, какъ она проѣдетъ. Г-жа де-Тарентъ сѣла со мной на крыльцѣ, ожидая ее. Мы видѣли, какъ она искала глазами во всѣхъ окнахъ и какъ откинула назадъ свой черный вуаль, увидя насъ. (Она носила трауръ по графинѣ д'Артуа). Поклонъ, посланный ею г-жѣ де-Тарантъ, былъ какой-то особенный. Лицо казалось смягченнымъ, насколько только могло быть. Колѣни г-жи де-Тарантъ, казалось, сгибались, она опиралась на мою руку, чтобы войти въ комнату; она бросилась на свою кровать, казалось, заглушая рыданія. Вскорѣ герцогиня послала за ней, и вотъ что разсказала она мнѣ вернувшись. Какъ только она прибыла въ замокъ, ее провели въ кабинетъ герцогини. Дверь отворилась, она увидѣла герцогиню, стоящую посреди кабинета и протягивающую ей обѣ руки. Г-жа де-Тарантъ упала на колѣни, прежде чѣмъ герцогиня могла ей помѣшать въ этомъ, обѣ рыдали, не имѣя силы говорить, но какія слова могутъ выразить то, что чувствуешь въ подобныя минуты! Душа собираетъ всѣ воспоминанія и соединяетъ прошедшее съ настоящимъ. Между ними произошло объясненіе, очень растрогавшее г-жу де-Тарантъ. Оно касалось письма, написаннаго г-жей

де-Тарантъ въ бытность ея королевскаго высочества въ Вѣнѣ, и холоднаго отвѣта на это письмо. Герцогиня сказала ей, что она была принуждена отвѣтить въ такомъ тонѣ, что она тогда не могла быть госпожей своихъ дѣйствій и что если г-жа де-Тарантъ страдала, получивъ это письмо, она страдала столько же. Король, королева и герцогиня Ангулемская приняли г-жу де-Тарантъ съ самой горячей сердечностью. Ихъ величества желали, чтобы я явилась къ нимъ обѣдать на другой день съ моимъ мужемъ. Вечеромъ у насъ были съ визитомъ лица, приближенныя къ королю и принцессамъ, герцогъ д'Аварэ, почтенный старецъ, братъ г-жи де-Турсель, аббатъ Эджевортъ, одного имени котораго достаточно, чтобы внушить глубокое уваженіе. Никогда ничье лицо не выражало столько доброты души, какъ его. Онъ былъ высокаго роста, благородной осанки, апостольская любовь къ людямъ и достоинство были запечатлѣны на всей его особѣ. Я смотрѣла на него и слушала его съ умиленіемъ. Когда всѣ ушли, я осталась одна съ г-жей де-Тарантъ, чтобы побесѣдовать съ ней о всемъ томъ, что она только что испытала. Никогда не чувствуется лучше цѣна дружбы, какъ въ минуты, когда сердце полное живыхъ впечатлѣній, встрѣчаетъ другое, раздѣляющее ихъ вполнѣ. Умиляешься и отдыхаешь.

На другой день я представлялась королю въ присутствіи всей семьи. Его величество поспѣшно подошелъ ко мнѣ и милостиво высказалъ, какъ онъ былъ тронутъ моимъ дружественнымъ отношеніемъ къ г-жѣ де-Тарантъ. Затѣмъ король представилъ меня королевѣ и герцогинѣ Ангулемской, которыя приняли меня очень хорошо. Бесѣдовали до обѣда; король первый пошелъ къ столу, сопровождаемый всей семьей. Онъ сѣлъ между королевой и герцогиней, которая съ большимъ достоинствомъ и учтивостью усадила меня возлѣ себя. Мы говорили о Франціи и о личностяхъ, ее интересовавшихъ. Послѣ обѣда король завладѣлъ мною; мы много шутили; онъ замѣчательно любезенъ и по истинѣ покоролевски остроуменъ. На королевѣ былъ странный и неблагородный костюмъ, лицо у нея непріятное, но она обольщаетъ своимъ умомъ. На другой день я отправилась высказать свои пожеланія герцогинѣ по случаю дня рожденія монсиньора. Я привела съ собой моихъ дѣтей. Герцогъ Ангулемскій принялъ насъ, прося подождать герцогиню, занятую своимъ туалетомъ. Онъ любезно бесѣдовалъ съ нами. Г-жа де-Тарантъ сказала ему съ волненіемъ: «Какъ я вамъ благодарна, монсиньоръ, за то, что вы осчастливили герцогиню».—«Скажите мнѣ лучше, принцесса,—отвѣтилъ онъ,—что я сдѣлалъ, чтобы заслужить такое сокровище». Затѣмъ появилась ея высочество. Она была очень весела и любезна. Два дня спустя, я от-

По прибытіи въ Петербургъ я съ грустью вернулась въ свой домъ, ставшій такимъ пустымъ для меня со смертью моей матери. Моя квартира была испорчена: она была нанята на время нашего отсутствія для принца Людвига Виртембергскаго. Моя спальня носила слѣды малой заботливости принца о порядкѣ. Императоръ пріѣхалъ посмотрѣть на всѣ поврежденія за нѣсколько дней до нашего отъѣзда; онъ былъ ими пораженъ и хотѣлъ взять расходы по исправленію на свой счетъ. Онъ былъ крайне удивленъ, когда мой управляющій не хотѣлъ взять болѣе двухъ тысячъ рублей. Обои въ гостиныхъ были испещрены мыльными пятнами: казалось, принцу нравилось мыться во всѣхъ комнатахъ.

Настало время представиться мнѣ ко двору. Онъ находился тогда въ Таврическомъ дворцѣ. Я была растрогана и осаждена массой чувствъ и воспоминаній. Я взяла себя въ руки, какъ только могла. Графиня Протасова отправилась со мной въ гостиную императрицы Елисаветы. Черезъ четверть часа явилась императрица. Я была еще въ траурѣ по моей матери, мой костюмъ гармонировалъ съ моимъ настроеніемъ. Императрица подошла ко мнѣ съ смущеніемъ. Обнявъ меня, она сказала: «Вы были очень счастливы во Франціи?»—«Да, ваше величество, я нашла тамъ утѣшеніе для моего опечаленнаго сердца».—«Я очень сочувственно отнеслась къ несчастію, постигшему васъ въ Дрезденѣ». Я поклонилась, не отвѣчая. Нашъ разговоръ этимъ закончился. Графъ Толстой, прислонившись къ дверямъ, слушалъ насъ; онъ, можетъ быть, готовился къ нѣкоторымъ замѣчаніямъ. Я не видѣла императора, ибо дамы ему никогда не представляются. Я сдѣлала нѣсколько визитовъ друзьямъ и людямъ, ко мнѣ относящимся равнодушно. Я была очень хорошо принята первыми; вторые видѣли во мнѣ только особу, на которую косо смотрятъ при дворѣ, но поведеніе которой во Франціи вызываетъ уваженіе. Я нашла много перемѣнъ въ обществѣ и администраціи.

Департаментъ генералъ-прокурора, существовавшій съ давнихъ временъ, былъ раздѣленъ на нѣсколько министерствъ. Это подражаніе управленію Бонапарта огорчало старыхъ слугъ, потому что оно необходимо вело къ новымъ злоупотребленіямъ и грабежу. Въ царствованіе Екатерины II генералъ-прокуроръ имѣлъ помощниками четырехъ секретарей. Въ настоящее время каждый министръ имѣетъ ихъ бо́льшее количество, и весь этотъ народъ, получающій скромное жалованіе, спекулируетъ на своихъ должностяхъ. Возвращаясь въ Петербургъ, мы встрѣтили русскія войска, шедшія противъ Бонапарта. Гордый и воинственный видъ и прекрасная выправка солдатъ внушали довѣріе и надежду. Но минута отличиться, какъ это было впослѣдствіи, еще не наступила. Извѣстны событія этого года и слѣдующаго: битва при Аустерлицѣ, при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ, Тильзитскій миръ послѣ свиданія на р. Нѣманѣ. Я объ этомъ поговорю дальше, а теперь нужно вернуться

къ нашей жизни. Г-жа де-Тарантъ явилась къ намъ черезъ мѣсяцъ; мое счастье было невыразимо, и все мое семейство раздѣляло его со мной. Мы вернулись къ нашей спокойной и однообразной жизни; дни проходили тихо; суетность этого міра не въ состояніи была насъ ни трогать, ни смущать.

XXVIII.

Поѣздка въ Нижній Новгородъ.—Имѣніе гр. Головина.—Макарьевская ярмарка.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Рожденіе великой княжны Елисаветы Александровны.—Кончина ея и скорбь императрицы Елисаветы.—Свиданіе императора Александра съ Наполеономъ въ Эрфуртѣ.—Императрица Елисавета.—Старшая дочь гр. Головиной и назначеніе ея фрейлиной.—Пріѣздъ въ Петербургъ гр. Растопчина.—Болѣзнь графини Толстой.—Примиреніе императрицы Елисаветы.—«Записки» гр. Головиной.

Въ маѣ мѣсяцѣ (1806 г.) мы всѣ отправились въ помѣстье моего мужа въ Нижегородской губерніи. Мы остановились на двѣ недѣли въ Москвѣ, и я съ истиннымъ удовольствіемъ повидалась съ моей невѣсткой, княгиней Голицыной [1]). Къ тому же Москва была мѣстомъ моего рожденія, и я должна была ею интересоваться. Оставивъ Москву, мы отправились провести нѣсколько дней въ имѣніе графа Ростопчина; тамъ онъ жилъ въ замкѣ, которому предстояло стать знаменитымъ впослѣдствіи [2]). Я горѣла нетерпѣніемъ пріѣхать скорѣе въ мое имѣніе Калужской губерніи, гдѣ я провела мое дѣтство, и гдѣ покоились останки моей обожаемой матери [3]). Подходя къ моему старому саду, я замѣтила сквозь деревья церковь и рядомъ съ ней памятникъ изъ бѣлаго камня. Онъ стоялъ напротивъ алтаря и былъ окруженъ вишневыми кустами. Я побѣжала къ нему съ дѣтьми, мы бросились на колѣни, и то, что я испытала, не можетъ быть выражено. Я чувствовала Бога въ своей душѣ, мое сердце отдавалось вполнѣ моей матери; я часто вспоминаю эту минуту. Дочерняя любовь заключаетъ въ себѣ массу воспоминаній. Мы проѣхали затѣмъ Владимірскую губернію — край прекрасный и очень плодородный. Отсюда до Нижняго Новгорода дорога прекрасна.

---

[1]) Мы не могли опредѣлить, о какой невѣсткѣ своей говоритъ здѣсь гр. Варвара Николаевна Головина, такъ какъ вторая и послѣдняя жена брата ея, кн. Ѳедора Николаевича, княгиня Варвара Ивановна Голицына, урожденная Шипова, умерла въ 1804 г.

[2]) Знаменитое Вороново, которое Ростопчинъ сжегъ, чтобы оно не досталось французамъ, послѣ занятія ими Москвы.

[3]) Въ «Некрополѣ рода кн. Голицыныхъ» (Спб., 1892) не указано этого имѣнія. Другихъ свѣдѣній о мѣстѣ погребенія княгини П. И. Голицыной также не встрѣчается.

Я осматривала этотъ городъ вмѣстѣ съ m-me де-Тарантъ, жаждавшей со всѣмъ познакомиться, и я думала о причудливости судьбы, заставлявшей путешествовать по Волжскимъ берегамъ придворную даму французскаго двора. Наконецъ, мы прибыли въ имѣніе моего мужа [1]). Мы пошли сперва по дорогѣ среди возвышавшейся ржи; все дышало изобиліемъ, и золотые отблески качавшихся колосьевъ представляли вполнѣ веселое зрѣлище. Крестьяне высказывали трогательную радость при нашемъ приближеніи: они были богаты и счастливы. M-me де-Тарантъ наслаждалась за хозяина счастьемъ крѣпостныхъ. Мы вели въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ очень спокойную и тихую жизнь; m-me де-Тарантъ прошла полный курсъ сельскаго хозяйства, обходя съ моимъ мужемъ его владѣнія, и отдавала объ этомъ отчетъ въ письмахъ къ своей матери. Мы отправились затѣмъ на знаменитую Макарьевскую ярмарку, которая бывала ежегодно въ 7 верстахъ отъ одного изъ нашихъ имѣній. Мы ночевали въ одной деревнѣ, расположенной на горѣ у береговъ Волги, въ мѣстности, покрытой лѣсомъ и очень живописной. Мы жили въ красивомъ домѣ одного изъ нашихъ крестьянъ, и по вечерамъ я видѣла, какъ по рѣкѣ проходила масса барокъ, между которыми нѣкоторыя, необыкновенной длины, принадлежали сибирякамъ. Барки эти бросали якорь у нашихъ оконъ, и я была свидѣтельницей совершенно новаго для меня зрѣлища. Эти барки были наполнены христіанами и магометанами; бѣлый занавѣсъ раздѣлялъ ихъ. На одномъ концѣ барки было знамя креста, на другомъ—полумѣсяца. Началась вечерняя молитва. Христіане молились молча, дѣлая знаменіе креста; магометане громко кричали «Алла!» и кривлялись. На другой день мы сѣли на принадлежавшее намъ судно; 12 нашихъ крестьянъ были гребцами; они носили красныя рубашки, что придавало имъ праздничный видъ Ярмарка была расположена на правомъ берегу Волги, на песчаной равнинѣ. Можно было подумать, что находишься въ морскомъ портѣ; вся рѣка была покрыта расцвѣченными флагами постройками. Съ тѣхъ поръ произошли перемѣны на ярмаркѣ, но тогда всѣ лавки находились подъ обширными палатками, раздѣленными на нѣсколько частей, и были украшены зеленью. Одна изъ этихъ палатокъ, которая была больше другихъ, представляла изъ себя комнату, убранную зеркалами. Это были лавки торговцевъ модными товарами, забракованными въ большихъ городахъ. Провинціальныя дамы проводили здѣсь цѣлые дни, примѣряя платья и шляпы на виду у всѣхъ. Большое число купцовъ изъ различныхъ областей, въ національныхъ костюмахъ, толпились тамъ и сямъ. Ихъ правильныя лица напоминали древнихъ грековъ; они могли служить прекрасными моделями для художника. Въ особенности было очень много азіатовъ,

---

[1]) Великолѣпное имѣніе Воротынецъ, Нижегородской губерніи, разыгранное наслѣдниками Головиныхъ въ лотерею.

и ихъ богатые товары, разложенные въ изобиліи: шали, драгоцѣнные камни, жемчугъ,—придавали видъ великолѣпія этому странному сборищу. Расположенныя параллельно палатки покрыты цвѣтнымъ полотномъ, такъ что такимъ образомъ проходишь по длинному коридору. На другой день послѣ нашего прибытія въ Макарьевъ къ намъ присоединилась госпожа Свѣчина [1]). Она добра и умна, и мы на нее смотримъ, какъ на друга. Она прибыла со своимъ мужемъ и сестрой и поселились въ томъ же домѣ, что и мы; мы пробыли вмѣстѣ на ярмаркѣ 10 дней. Затѣмъ мы вернулись въ свое имѣніе, гдѣ госпожа Свѣчина провела три очень пріятныхъ недѣли. Она совершила потомъ небольшую поѣздку въ Казань вмѣстѣ съ m-me де-Тарантъ, которая была совершенно очарована этимъ путешествіемъ. Онѣ переѣхали черезъ дубовый лѣсъ длиною въ 40 верстъ. Возвращаясь въ Петербургъ, мы еще разъ остановились въ Москвѣ. Наше путешествіе окончилось въ октябрѣ мѣсяцѣ. Мой домъ былъ ремонтированъ, но, несмотря на всю быстроту, съ которой производился этотъ ремонтъ, онъ могъ быть готовъ только послѣ нашего пріѣзда. Пока мы помѣстились въ первомъ этажѣ, и я жила въ одной комнатѣ съ m-me де-Тарантъ.

Мы подходимъ къ очень интересному времени. Императрица Елисавета была въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности. Я просила у Бога счастливаго разрѣшенія для нея, не позволяя себѣ больше никакихъ желаній, но общество ожидало съ нетерпѣніемъ и желало наслѣдника. 2-го ноября мы крѣпко спали, когда вдругъ разбудили насъ пушечные выстрѣлы [2]). Мы испустили радостный крикъ, а m-me де-Тарантъ прибѣжала заключить насъ въ свои объятія и смѣшать свои слезы съ моими. Несмотря на наше волненіе, мы считали пушечные выстрѣлы и думали, что императрица родила сына. Это было заблужденіемъ, но я была не менѣе счастлива: она имѣла ребенка... Въ первый разъ я пожалѣла, что мой мужъ больше не при дворѣ и не можетъ пойти туда узнать о ея здоровьи. Мы провели остатокъ ночи (m-me де-Тарантъ и я), разговаривая объ этомъ счастливомъ событіи.

Дочь императрицы стала предметомъ ея страсти и постоянныхъ ея заботъ. Ея уединенная жизнь стала для нея счастіемъ: какъ только она вставала, она отправлялась къ своему ребенку и не оставляла его почти весь день; если ей приходилось провести вечеръ внѣ дома, она по возвращеніи всегда шла поцѣловать ее. Но это счастіе продолжалось только 18 мѣсяцевъ. У маленькой великой княжны очень трудно прорѣзались зубы. Франкъ, врачъ его вели-

[1]) Софія Петровна, урожденная Соймонова, писательница, совращенная въ католичество усиліями де-Тарантъ и іезуитовъ.

[2]) Великая княжна Елисавета Александровна родилась 3-го ноября 1806 года, умерла 30-го апрѣля 1808 г.

чества, не сумѣлъ ее лѣчить, ей дали укрѣпляющія средства, которыя увеличили воспаленіе. Въ апрѣлѣ 1808 года, съ великою княжною сдѣлались конвульсіи, всѣ врачи были созваны, но никакое лѣкарство не могло ее спасти. Несчастная мать не отходила отъ постели своего ребенка, дрожа при малѣйшемъ движеніи; каждая спокойная минута ей придавала нѣкоторую надежду. Вся императорская фамилія собралась въ этой комнатѣ. Стоя на колѣняхъ возлѣ кровати, императрица, увидѣвши свою дочь болѣе спокойной, взяла ее на руки; глубокое молчаніе царило въ комнатѣ. Императрица приблизила свое лицо къ лицу ребенка и почувствовала холодъ смерти. Она просила императора оставить ее одну у тѣла ея дочери, и императоръ, зная ея мужество, не колебался согласиться на желаніе опечаленной матери. Мнѣ говорили, что, оставшись надолго въ уединеніи, она пошла потомъ къ принцессѣ Амаліи. Послѣдняя раздѣляла всѣ заботы и всю печаль императрицы, но пережитыя волненія подѣйствовали на ея здоровье, и врачи потребовали немедленно кровопусканія. Она согласилась на все, чтобы не покидать своей сестры. Утромъ этого печальнаго дня (30 апрѣля) получилось извѣстіе о смерти младшей сестры императрицы, принцессы Брауншвейгской. Императоръ благоразумно рѣшилъ, что слѣдуетъ лучше сейчасъ извѣстить объ этомъ его супругу, потому что это новое несчастіе, какъ бы оно ни было чувствительно, будетъ мало чувствительно для матери, раздираемой печалью. Принцесса Амалія разсказывала мнѣ, что въ первую минуту она хотѣла проводить ночи возлѣ императрицы, но замѣтивъ, что изъ стѣсненія передъ ней ея величество удерживала рыданія, она сочла нужнымъ удалиться; ужасно сдерживать изліяніе печали, когда отчаяніе и ропотъ не сопровождаютъ его. Императрица оставляла при себѣ тѣло своего ребенка въ теченіе 4-хъ дней. Затѣмъ оно было перенесено въ Невскую лавру и положено на катафалкъ. По обычаю, всѣ получили разрѣшеніе войти въ церковь и поцѣловать руку маленькой великой княжны. Командоръ Мезоннефъ, бывшій въ то время церемоніймейстеромъ, говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ, какъ ежедневно проходили на поклоненіе тѣлу отъ 9 до 10 тысячъ человѣкъ, что всѣ были опечалены, и многіе повергались на землю въ слезахъ, увѣряя, что это былъ ангельскій ребенокъ. Погребальная процессія двигалась мимо моихъ оконъ. Гробъ везли въ каретѣ, въ которой сидѣла статсъ-дама графиня Литта и оберъ-гофмейстеръ Торсуковъ. Народъ плакалъ и выказывалъ всѣ знаки горести. Я не могу передать, что происходило со мной, и насколько это несчастіе разрывало мнѣ душу. М-me де-Тарантъ была въ это время въ Митавѣ, и мнѣ недоставало ея утѣшеній.

Битва при Аустерлицѣ привела для Россіи лишь къ прекращенію военныхъ дѣйствій, Австрія заключила сама постыдный Пресбургскій миръ, въ январѣ 1806 года. Россія поддерживала свои тре-

бованія вооруженною силою, Пруссія присоединилась къ ней, а въ октябрѣ несчастная битва при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, уничтоживъ Прусскую монархію, отбросила остатки ея арміи на русскую границу. Императоръ благородно поддерживалъ своего союзника, но успѣхъ не соотвѣтствовалъ его намѣреніямъ: битва при Фридландѣ (въ іюнѣ мѣсяцѣ 1807 г.) подвергала Россію нашествію Наполеона въ такую минуту, когда она не была готова выдержать войну въ странѣ. Императоръ считалъ своей обязанностью избѣгнуть опасности, согласился на свиданіе съ Бонапартомъ на Нѣманѣ и подписалъ Тильзитскій миръ. Время этого мира замѣчательно и со стороны политической — для историковъ, которые возьмутся развить ее, и со стороны новыхъ отношеній и положеній, къ которымъ привело это событіе при дворѣ и въ Петербургѣ.

Бонапартъ съ каждымъ днемъ расширялъ свою власть незаконными средствами и, казалось, упразднялъ сю власть законныхъ государей. Бонапартъ потребовалъ, чтобы всѣ государи съѣхались въ Эрфуртъ. Бывшій въ то время въ Россіи всемогущимъ канцлеромъ графъ Румянцевъ держался той системы, что союзъ съ Бонапартомъ необходимъ для поддержанія трона и мира. Онъ вліялъ на императора, который, благодаря цѣлому ряду быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ неожиданныхъ событій, сдѣлался неувѣреннымъ и впалъ въ уныніе. Было рѣшено, что его величество также отправится въ Эрфуртъ. Эта поѣздка вызвала всеобщее огорченіе. Обѣ императрицы дѣлали все возможное, чтобы императоръ перемѣнилъ свое рѣшеніе. Но даже Нарышкина, пользовавшаяся тогда громаднымъ вліяніемъ, не могла ничего достигнуть. Государь отправился въ Эрфуртъ. Эта минута смутила всѣ умы, но императоръ сумѣлъ среди такой скорби и столькихъ затрудненій найти новый путь, которому онъ долженъ былъ слѣдовать, и будущее показало, какъ Небо вознаградило его настойчивость, давъ ему славу, о которой потомство будетъ говорить съ удивленіемъ. Я предоставляю историку разсказать подробности столькихъ интересныхъ событій.

Во время отсутствія императора императрица Елисавета занимала аппартаменты Эрмитажа [1]), а такъ какъ императрица-мать отправилась на жительство въ Гатчину, то она осталась одна въ этомъ обширномъ дворцѣ. Новое мѣсто жительства ей нравилось: она находилась среди лучшихъ произведеній искусствъ и прекрасной библіотеки. Хотя она была очень хорошо знакома со всѣмъ тѣмъ, что касалось исторіи Россіи, тѣмъ не менѣе она снова принялась за изученіе ея по коллекціи медалей и монетъ. Она часто

---

[1]) Совершенно заново омеблировали аппартаменты императора и императрицы. Такъ какъ погода помѣшала дальнѣйшему пребыванію на дачѣ, то императрица Елисавета въ отсутствіе императора жила въ Эрмитажѣ. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

гуляла въ маленькомъ саду, находившемся въ центрѣ Эрмитажа; по недосмотру въ немъ оставили двѣ маленькихъ гробницы [1]), которыя, казалось, находились тамъ, чтобы напоминать ей о ея дѣтяхъ.

Въ день св. Елисаветы, бывшій днемъ тезоименитства въ одно и то же время и императрицы и ея дочери, которую она только что потеряла, она отправилась по своему обыкновенію въ Невскій монастырь. Графиня Толстая хотѣла узнать, какъ она себя чувствуетъ послѣ такой быстрой поѣздки. Она замѣтила, что императрица ходила медленными шагами въ саду одна, погруженная въ тягостныя размышленія. Проходя передъ одной изъ гробницъ, ея величество замѣтила пучекъ анютиныхъ глазокъ, растущій сбоку. Она сорвала его, положила на памятникъ и продолжала молча ходить. Это дѣйствіе было выразительнѣе всякихъ словъ.

Въ теченіе этого времени не случилось ничего для меня лично замѣчательнаго. Моя однообразная и спокойная жизнь могла быть встревожена только тѣмъ участіемъ, которое я принимала въ горестяхъ ближнихъ и въ особенности въ несчастіяхъ той, которой такъ предано было мое сердце.

Я должна упомянуть здѣсь о моемъ знакомствѣ съ графиней Мервельтъ, женой австрійскаго посла. М-me де-Тарантъ познакомила насъ, а когда она отправилась въ Митаву, графиня Мервельтъ заботилась обо мнѣ, какъ сестра. Эта прекрасная и милая особа крайне привязалась къ императрицѣ Елисаветѣ и искренно оплакивала вмѣстѣ со мной смерть ея ребенка.

Моя старшая дочь, которой было около 19 лѣтъ, стала выѣзжать въ свѣтъ въ это время. Она была принята съ той благосклонностью, которую можетъ ожидать кроткая и разумная молодая дѣвица. Ея нѣжная и сердечная привязанность ко мнѣ предохраняла ее отъ свойственныхъ молодости увлеченій. Внѣшность ея не представляетъ ничего привлекательнаго: она не отличалась ни красотой, ни граціей, и не могла внушить никакого опаснаго чувства. Строгія начала нравственности предохраняли ее отъ всего того, что могло ей повредить. Я была вполнѣ въ ней увѣрена и не принуждена была повторять ей истины, въ которыхъ почти всегда нуждается молодежь. Моя невѣстка, княгиня Голицына, о которой я уже говорила, имѣетъ много дѣтей и небольшое состояніе. Она желала, чтобы ея старшая дочь получила шифръ, надѣясь, что она получитъ приданое въ 12.000 руб., соединенное съ этимъ отличіемъ. Графиня Толстая, по моей просьбѣ, просила императрицу исходатайствовать у императора о милости для моей племянницы. Черезъ нѣкоторое время графиня Толстая сказала мнѣ подъ секретомъ, что императоръ отказалъ въ милости, которую у него просили для матери, пять сыновей которой служили въ арміи, и что его величество основывалъ свой отказъ

[1]) Какъ памятники древности.

на томъ, что и другія матери, имѣющія такія же права, могутъ просить объ этомъ, и что онъ думаетъ дать этотъ шифръ моей дочери, чтобы доказать моему мужу, что онъ попрежнему къ нему милостивъ. Я была очень признательна вниманію императора къ намъ, но не желала для моей дочери шифра, ставшаго столь обыденной вещью. Я тѣмъ лучше сохранила секретъ графини Толстой, что сейчасъ же о немъ совершенно позабыла. Мой мужъ отправился въ свои имѣнія; эта поѣздка продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, онъ ее совершалъ почти ежегодно. Въ день новаго 1810 года я отправилась по обыкновенію поздравить Перекусихину—камерфрау императрицы Екатерины, особу замѣчательную по своему уму и привязанности, которую она сохранила къ государынѣ, другомъ которой была въ теченіе 30 лѣтъ. Ея племянникъ Торсуковъ, о которомъ я уже говорила, вернулся изъ дворца во время моего визита. Онъ сказалъ мнѣ, входя: «Я былъ у васъ, чтобы поздравить съ милостью, пожалованной императоромъ. Шифръ...». «Моя племянница получила шифръ!» вскричалъ я. «Какая племянница? — возразилъ Турсуковъ, — рѣчь идетъ о вашей дочери». Я думала только о моей невѣсткѣ и забыла всѣхъ тѣхъ, которые меня въ эту минуту окружали. «Боже мой,—вскричала я,—какая досада!» Присутствовавшій при этомъ Балашовъ, министръ и военный губернаторъ, бывшій въ то время въ большой милости, посмотрѣлъ на меня съ удивленнымъ видомъ[1]). Торсуковъ, испуганный моею откровенностью, пытался заставить меня оцѣнить милость императора. Я это почувствовала и стала говорить о моей благодарности; затѣмъ я вслѣдъ отправилась повидаться съ m-me де-Тарантъ, ожидавшей меня у m-me Тамара. Я чуть не плакала, объявляя имъ объ этомъ событіи; о немъ уже знали у меня дома, и мои слуги были внѣ себя отъ радости. Швейцаръ назвалъ мнѣ массу людей, которые уже успѣли заѣхать ко мнѣ, чтобы по обыкновенію принести поздравленія. Съ тѣхъ поръ, какъ мой мужъ оставилъ дворъ, это былъ первый знакъ памяти о немъ императора, и эта память въ связи съ прошлымъ стала для нѣкоторыхъ источникомъ безпокойства. Я нашла свою дочь столь же огорченной и по той же причинѣ, что и я; но все же въ концѣ концовъ нужно было и самимъ проявить свое участіе въ этомъ великомъ событіи, и я отправилась поблагодарить императрицъ. Черезъ три дня, гуляя въ каретѣ по набережной съ m-me де-Тарантъ и дѣтьми, мы встрѣтили императора, гулявшаго пѣшкомъ; карета остановилась, и императоръ изволилъ подойти къ намъ. Я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы выразить ему свою благодарность за его милости... «Я хотѣлъ показать графу Головину,—сказалъ императоръ,—что моя старая дружба

[1]) Балашовъ, Александръ Дмитріевичъ (р. 1770 г., † 1837 г.), въ это время министръ юстиціи и одинъ изъ довѣренныхъ лицъ при императорѣ.

къ нему осталась прежней. Я хотѣлъ также, чтобы ваша дочь одна получила шифръ въ этотъ день, чтобы показать вамъ, что я не хочу васъ смѣшивать съ другими».

Графъ Ростопчинъ прибылъ изъ Москвы и поселился въ нашемъ домѣ. Возвращеніе моего мужа послѣдовало вскорѣ послѣ этого. Милость, оказанная нашей дочери, доставила ему большое удовольствіе, въ особенности, когда онъ узналъ, какимъ образомъ императоръ высказался по этому поводу. Графъ Растопчинъ, впервые увидѣвшій Петербургъ теперь со смерти императора Павла, хотѣлъ очень объясниться съ княземъ Чарторыжскимъ по поводу всего того, что произошло между ними, такъ какъ пытались увѣрить князя, что именно графъ Растопчинъ старался объ его увольненіи. Я уже говорила объ этомъ обстоятельствѣ [1]). Графъ попросилъ моего мужа пригласить на обѣдъ князя Чарторыжскаго и его друга Новосильцова.

Посѣщеніе княземъ моего дома не могло быть для меня безразличнымъ. Видъ его напомнилъ мнѣ массу необыкновенныхъ событій, его смущеніе, которое онъ не могъ побѣдить, проглядывало на его озабоченной физіономіи. Графъ Растопчинъ показалъ ему записочку императора Павла, ясно доказывающую, что императрица-мать и графъ Толстой одни работали надъ тѣмъ, чтобы повредить князю Чарторыжскому. Я знала ее, такъ какъ интересовалась оправданіемъ графа Ростопчина, который доказалъ князю, какъ онъ заблуждался на его счетъ. Но я была далека отъ того, чтобы воображать, что эта записка могла бы мнѣ оказать большую услугу.

Немного времени спустя, императоръ отправился въ Тверь повидаться съ своей сестрой, принцессой Ольденбургской [2]). Графъ Толстой сопровождалъ его величество. Въ это время графиня Толстая захворала желчною лихорадкой. Я не посѣщала ее со времени нашего разрыва съ ея мужемъ и видалась съ ней только у себя, но тогда она мнѣ написала письмо, заклиная прійти къ ней, такъ какъ она страдаетъ и нуждается во мнѣ. Я не колебалась ни одной минуты, и такъ какъ дружба загладила всѣ другія воспоминанія, то я отправилась къ ней. M-me де-Тарантъ была восхищена этимъ примиреніемъ и ходила со мной къ ней, мои дѣти также. Съ этихъ поръ я къ ней ходила каждый день. Однажды утромъ, сидя возлѣ ея кровати, я увидѣла, что явилась императрица Елисавета, приближавшаяся къ ней съ видомъ большого участія: затѣмъ она попросила меня сѣсть. Мы бесѣдовали нѣкоторое время о болѣзни графини и о врачѣ; затѣмъ вошла старшая дочь графини Толстой, Катя, и сказала ея

---

[1]) При описаніи событій въ царствованіе императора Павла.

[2]) Великая княгиня Екатерина Павловна (р. 1788 г., † 1819 г.), только что вышедшая замужъ за принца Георга Ольденбургскаго, занявшаго вслѣдъ затѣмъ должность Тверскаго генералъ-губернатора. Послѣ его смерти Екатерина Павловна была во второмъ бракѣ въ 1815 г. за королемъ Виртембергскимъ Вильгельмомъ.

величеству, что моя младшая дочь, находившаяся въ сосѣдней комнатѣ, умирала отъ желанія ее видѣть. Императрица съ очень благосклоннымъ видомъ встала и шутливо сказала, что пойдетъ поухаживать за ней. Лиза была совершенно смущена, когда императрица подошла къ ней съ привѣтливостью и сказала: «Я васъ знаю очень давно, Лиза, еще тогда, когда вы были груднымъ ребенкомъ. Вы родились 22 ноября, я этого совсѣмъ не забыла». Послѣ этихъ словъ императрица быстро удалилась, чтобы уѣхать. Она снова пріѣхала черезъ нѣсколько дней. Я оставляла комнату графини Толстой, чтобы уйти домой въ тотъ моментъ, когда объявили объ ея пріѣздѣ. Я ее встрѣтила въ гостиной; ея величество, подойдя ко мнѣ, сказала, что, увидя въ передней мужскую шляпу и сюртукъ, она подумала, что они принадлежатъ мнѣ и служатъ мнѣ для прихода въ переодѣтомъ видѣ. «Я нигдѣ въ этомъ не нуждаюсь, ваше величество,—отвѣчала я,—тѣмъ болѣе въ этомъ домѣ».—«Развѣ вы спѣшите уйти?»—«Я должна вернуться домой, ваше величество, такъ какъ теперь часъ моего обѣда».

Почувствовавъ себя гораздо лучше, графиня Толстая вскорѣ встала съ постели. Ея мужъ вернулся и дѣлалъ видъ, что восхищенъ, видя меня въ своемъ домѣ. Я сдѣлала видъ, что вѣрю этому, и продолжала посѣщать ихъ домъ, такъ какъ я ходила къ его женѣ, а не къ нему. Я снова увидѣла императрицу черезъ нѣкоторое время у графини Толстой, которая совершенно выздоровѣла. Ея величество пріѣхала къ ней съ герцогиней Виртембергской [1]). Мои дѣти и m-me де-Тарантъ удалились въ уборную, а я осталась возлѣ императрицы, которая казалась любезной со мной. Бесѣда была оживленная и продолжалась до 3-хъ часовъ, когда я встала, чтобы уйти, и пошла искать m-me де-Тарантъ въ ея убѣжищѣ. Она забыла свою шляпу въ комнатѣ, гдѣ была императрица, и мы отправили за ней Катю. Императрица, замѣтивъ это, схватила шляпу и сама принесла ее къ m-me де-Тарантъ, показывая, что она находитъ удовольствіе снова видѣть меня. Я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ, кажущихся незначительными, потому что онѣ подготовляли великую развязку, не замедлившую совершиться.

Когда графиня Толстая совершенно поправилась, мои встрѣчи съ императрицей прекратились, и нѣсколько мѣсяцевъ не происходило ничего замѣчательнаго. Однажды утромъ, графиня Толстая написала мнѣ, приглашая меня прійти къ ней къ 6 часамъ. Она приняла меня въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, хорошо освѣщенномъ, хорошо надушенномъ, имѣвшемъ праздничный видъ. Затѣмъ я услышала стукъ подъѣзжающей кареты; графиня сказала мнѣ: «Это императрица», и не знаю, почему я почувствовала себя смущенной. Им-

---

[1]) Супруга герцога Александра Виртембергскаго, бывшаго на русской службѣ принцесса Антуанетта.

ператрица явилась также немного растроганная, она съ живостью подошла ко мнѣ, заговорила со мной о здоровьи моего мужа и затѣмъ усадила насъ. Ея взгляды, полные благосклонности ко мнѣ, воскрешали тысячу воспоминаній, бесѣда была пріятна, но черезъ полчаса я встала и ушла. Графиня передала мнѣ, что послѣ моего ухода императрица оставалась погруженная въ мечты и сказала ей: «Боже мой! Что значитъ первое чувство!»

На Рождествѣ графиня Толстая давала завтракъ дѣтямъ іезуитскаго пансіона, въ которомъ находились ея два сына, императрица захотѣла на немъ присутствовать такъ же, какъ и герцогиня Виртембергская. Въ 6 часовъ мы отправились къ графинѣ Толстой, ея величество также пріѣхала съ герцогиней Виртембергской. Поговоривъ съ хозяйкой дома, съ m-me де-Тарантъ и графиней Витгенштейнъ, императрица усѣлась и просила меня приблизиться. Я сѣла на нѣкоторомъ разстояніи, но властнымъ тономъ она повторила: «Ближе, рядомъ со мной». Я повиновалась; тогда она мнѣ сказала съ волненіемъ: «Какъ я счастлива, видя васъ рядомъ съ собой». Я была какъ помѣшанная отъ этой перемѣны въ обращеніи со мной императрицы и не понимала, что могло къ ней привести; въ остальную часть вечера новые поводы увеличивали мое пріятное удивленіе, но черезъ нѣкоторое время я узнала, что императрица имѣла въ рукахъ ту записочку императора Павла, о которой я говорила выше. Графъ Ростопчинъ отправился въ Москву, но князь Чарторыжскій разсказалъ объ этомъ графинѣ Строгановой, та императрицѣ, а ея величество высказала желаніе прочесть эту записку; написали объ этомъ графу, который, не колеблясь, отдалъ ее. Возмущенная содержаніемъ императрица бросила записку въ огонь: она узнала наконецъ, кто былъ истиннымъ виновникомъ ея страданій, и какъ несправедливо она меня считала виноватой. Съ этой минуты она пыталась меня приблизить къ себѣ, и было вполнѣ естественнымъ, что я была удивлена этимъ поведеніемъ, такъ какъ не знала его основаній. Могла ли я догадываться о такихъ обвиненіяхъ, я, которая думала, что такъ хорошо доказала ненарушимую вѣрность и привязанность?

У моей дочери заболѣли глаза, у ней явилась опухоль на рѣсницахъ, приходилось подвергнуть ее довольно тяжелой операціи. Императрица хотѣла выразить ей свое участіе и послала ей розу черезъ графиню Толстую. Когда моя дочь поправилась, мы отправились къ графинѣ Толстой, императрица также пріѣхала къ ней. Она благосклонно бесѣдовала о томъ, что должна была выстрадать моя дочь; затѣмъ я ей поднесла въ подарокъ перстень съ луннымъ камнемъ, который, говорятъ, приноситъ счастье. Она надѣла его на палецъ и, минуту спустя, сказала графинѣ Толстой: «Вы кое-что перемѣнили въ вашихъ комнатахъ; оставайтесь здѣсь на диванѣ, я пойду ихъ посмотрѣть». Она посмотрѣла на меня, чтобы мнѣ показать, что я должна ее сопровождать. Наконецъ я осталась наединѣ съ ней въ

маленькомъ будуарѣ графини Толстой. Какъ давно это не случалось со мной! Мы говорили отрывисто и были очень растроганы. Императрица сообщила мнѣ свои опасенія за здоровье графини Толстой. Я прибавила, что для меня тѣмъ страшнѣе было видѣть ее въ такомъ состояніи, что я только отъ нея могла имѣть свѣдѣнія о ея величествѣ. Императрица смутилась и сказала: «Я никогда не смогу выразить вамъ, до какой степени я тронута тѣмъ постояннымъ участіемъ, которое вы сохранили ко мнѣ. Ваша вѣрность меня проникаетъ чувствомъ благодарности». Она продолжала говорить съ благосклонностью и чувствительностью, а я безсчетное число разъ цѣловала ея руки, омывая ихъ моими слезами.

Послѣ этого объясненія я часто видѣлась съ ней у ея сестры, принцессы Амаліи, и у графини Толстой. Она приказывала мнѣ приходить съ m-me де-Тарантъ къ принцессѣ то утромъ, то вечеромъ. Мы бесѣдовали нѣкоторое время всѣ вмѣстѣ; затѣмъ она уводила меня въ другую комнату, чтобы дать больше свободы своему довѣрію. Это было все, что она могла сдѣлать для меня: я не имѣла права на частныя посѣщенія ея величества и наслаждалась тѣмъ, что давала мнѣ ея благосклонность. Мнѣ невозможно будетъ передать всѣ мои бесѣды, но новыя мысли, прелесть выраженій и кроткій умъ императрицы дѣлали ихъ очень пріятными. Лѣтомъ я ее видѣла раза два въ недѣлю на дачѣ у графини Толстой, куда она милостиво являлась проводить съ нами вечера. По возвращеніи въ городъ, мы снова ходили къ принцессѣ Амаліи. Однажды вечеромъ императрица сказала мнѣ: «Непремѣнно хочу, чтобы вы согласились на то, о чемъ я васъ сейчасъ попрошу: пишите мемуары. Никто не способенъ на это больше васъ, и я обѣщаю вамъ помогать и доставлять вамъ матеріалы». Я сослалась на нѣкоторыя затрудненія, но они были устранены, и пришлось согласиться. Я предпринимала работу, къ которой не чувствовала себя способной, но все-таки на другой день я принялась за перо. Черезъ нѣсколько дней я показала ихъ начало императрицѣ; она казалась удовлетворенной и приказала мнѣ продолжать.

XXIX.

1812 годъ.—Отъѣздъ императора Александра въ армію.—Путешествіе императрицы Елисаветы.—Взятіе Парижа.—Чувства г-жи де-Тарантъ.—Болѣзнь ея и смерть.—Скорбь Головиной.—Погребеніе тѣла де-Тарантъ.

Въ слѣдующемъ (1812) году, мой мужъ снова поступилъ на службу: онъ былъ назначенъ оберъ-шенкомъ. Императоръ назначилъ его съ такой благосклонностью, о которой могъ только мечтать себѣ мой мужъ, и выразился о немъ самымъ лестнымъ образомъ,

говоря о немъ императрицѣ, которая повторила мнѣ его слова съ участіемъ, очень растрогавшимъ меня. Черезъ нѣсколько дней я встрѣтила императора на прогулкѣ: онъ дружественно заговорилъ со мной о моемъ мужѣ, объ удовольствіи, доставляемомъ ему этимъ назначеніемъ; онъ напиралъ особенно на воспоминанія о прежнемъ времени. Но эта перемѣна не принесла мнѣ ничего, и я ничего не находила для моего болѣе тѣснаго общенія съ императрицей. M-me де-Тарантъ была этимъ очень огорчена, но я была нѣкоторымъ образомъ даже счастлива тѣмъ, что могла доказать императрицѣ, насколько моя привязанность къ ней была лишена эгоизма и самолюбія.

Императоръ уѣхалъ въ армію. Французы быстро приближались, и ихъ первые успѣхи причиняли очень основательное опасеніе. При этомъ столь важномъ случаѣ императрица высказала замѣчательное мужество и смѣлость, и ея благородный примѣръ воодушевилъ всѣхъ упавшихъ духомъ. Начали, подобно ей, ждать славы, которая послѣдовала за этой минутой смятенія. Я не стану входить теперь во всѣ подробности этой недавней и столь извѣстной войны, а буду продолжать говорить о томъ, что касалось насъ ближе. Первое путешествіе императора не было продолжительнымъ, но въ декабрѣ мѣсяцѣ этого же года онъ снова уѣхалъ, чтобы принять славное участіе въ успѣхахъ своихъ войскъ. Императрица проводила лѣто слѣдующаго года (1813) въ Царскомъ Селѣ, наши свиданія были до сихъ поръ тѣми же самыми, но ея резиденція была слишкомъ далеко, чтобы мнѣ было возможно еще посѣщать. Она дѣлала мнѣ честь, написавъ мнѣ нѣсколько разъ [1]). Мой мужъ получилъ частное порученіе отъ императора въ Москвѣ для раздачи вспомоществованія, въ которомъ такъ нуждался этотъ городъ. Откланиваясь императрицѣ, онъ имѣлъ съ ней разговоръ, въ которомъ, благодаря своему рвенію, зашелъ, быть можетъ, слишкомъ далеко. Онъ позволилъ себѣ сказать больше того, что могъ, и они разстались довольно холодно. Онъ мнѣ написалъ письмо, полное сожалѣнія по этому поводу. Императрица также хотѣла со мной объ этомъ поговорить, но, благодаря своей милостивой снисходительности, она скоро забыла то, что должно было ее оскорбить.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ императрица получила письмо отъ императора, которымъ онъ приглашалъ ее пріѣхать къ нему и повидаться съ ея матерью, маркграфиней Баденской.

Наканунѣ своего отъѣзда императрица очень хотѣла попрощаться съ нами у графини Толстой. Я имѣла съ ней разговоръ въ теченіе часа и осмѣлилась говорить съ обычною откровенностью. Мы ее проводили до ея кареты, а на другой день отправились въ Казанскій соборъ, куда она пріѣхала отслужить передъ отъѣздомъ

---

[1]) Часть этихъ писемъ будетъ помѣщена ниже.

напутственный молебенъ. Стеченіе народа было необычайно; живой интересъ, который она внушала, выражался на всѣхъ лицахъ. Народъ толпился вокругъ нея, и когда она сѣла въ карету, нѣкоторые по обычаю поднесли ей хлѣбъ-соль. Отъѣздъ этотъ былъ 19 декабря, морозъ былъ очень сильный. Отсутствіе императора и императрицы придавали городу печальную физіономію;въ то время,какъ мы страдали отъ нашего одиночества, и нѣкоторые безпокойные характеры осмѣливались роптать, императоръ, поддерживаемый Богомъ, подготовлялъ спасеніе Европы. Одинъ среди союзниковъ онъ имѣлъ только чистыя намѣренія и сохранилъ до конца, выполняя ихъ съ достойною его твердостію [1]).

Мой мужъ получилъ сильный припадокъ желтухи и долженъ былъ начать продолжительное и тяжелое лѣченіе. Мы проводили все свое время въ его комнатѣ, и счастливыя извѣстія, получаемыя безпрестанно, вносили разнообразіе въ грустную монотонность этого существованія. Вѣрное сердце m-me де-Тарантъ билось надеждой: извѣстно было, что Людовикъ XVIII покинулъ Англію и прибылъ во Францію, что благородный и побѣдоносный императоръ Александръ приближался къ стѣнамъ Парижа, и что узурпаторъ бѣжалъ въ Фонтенебло со своими приверженцами.

Я приближаюсь къ описанію поразительной для меня минуты, которая повліяетъ на всю мою жизнь. Дѣло Бурбоновъ было для меня всегда дорогимъ, столько же въ виду моихъ принциповъ, какъ и въ виду дружбы, связывавшей меня съ m-me де-Тарантъ. Наши души, проникавшія одна въ другую, могли испытывать только одинаковое чувство. Столь желанная минута его приближалась, крикъ «vive le roi» скоро долженъ былъ быть слышенъ: этотъ крикъ такъ глубоко начертанъ былъ въ сердцѣ моего несравненнаго друга; извѣстно было, что императоръ Александръ находится только на разстояніи одного перехода отъ Парижа. Месть, чувство, къ несчастью, слишкомъ общее людямъ, наполняла всѣ сердца. Развалины Москвы привели въ движеніе всѣ страсти; находили вполнѣ естественнымъ сжечь Парижъ, овладѣть его сокровищами и приготовить къ возвращенію короля только кучу пепла. Тѣ, кто думали такъ, забывали о милосердіи Божіемъ и о великодушіи Александра. Я часто страдала слыша всѣ разсужденія, происходившія по этому поводу; я страдала вдвойнѣ, когда нѣкоторыя неделикатныя лица приводили ихъ въ присутствіи m-me де-Тарантъ, которая, смущенная надеждой и боязнью, едва дышала. Однажды утромъ, она предложила младшей дочери поѣздку въ наше имѣніе въ 8 верстахъ отъ города. Это мѣсто—отчасти ея созданіе, она тамъ наслаждалась съ нами. Она выра-

[1]) Все это объяснитъ письмо императора, помѣченное «14—26 іюля». Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.—Мы не знаемъ, о какомъ письмѣ идетъ здѣсь рѣчь.

щивала растенія на окнѣ въ мартѣ мѣсяцѣ и пересаживала ихъ затѣмъ на свой островъ, который я ей удѣлила въ полное владѣніе.

Во время ея отсутствія пришли объявить моему мужу, что побѣдоносныя русскія войска находятся у Монмартра, что Парижъ сдался, и что въ него вошли, какъ друзья; Людовикъ XVIII былъ провозглашенъ королемъ. Эта новость произвела невыразимую радость въ гостиной моего мужа. У насъ было много гостей, и каждый послѣ перваго радостнаго изумленія думалъ только о томъ счастьи, которое предстоитъ испытать m-me де-Тарантъ. Я не могу выразить того, что происходило со мной, я помѣстилась у окна, чтобы видѣть, когда пріѣдетъ m-me де-Тарантъ. Мое сердце билось такъ сильно, что я задыхалась; мой мужъ послалъ старшую дочь въ комнату нашего друга, чтобы ожидать ее и осторожно подготовить къ принятію этой счастливой новости. Въ ту минуту, когда ея карета останавливалась у дверей, она увидѣла на крыльцѣ нашего управляющаго, окруженнаго многочисленной толпой слугъ, которые ожидали ее съ нетерпѣніемъ, чтобы принести ей свои поздравленія. Лиза говорила мнѣ потомъ, что m-me де-Тарантъ, замѣтивъ это выраженіе радости, вскрикнула, взялась за голову, страшно поблѣднѣла и сказала сдавленнымъ голосомъ: «Какое нибудь радостное извѣстіе!». Она замолчала, не имѣя возможности больше говорить. Моя дочь привела ее въ гостиную моего мужа; я бросилась къ ней на шею, мой мужъ также, всѣ бывшіе въ комнатѣ окружили ее съ волненіемъ. Она дрожала и была безъ силъ; мы ее усадили, ей было очень трудно прійти въ себя. Съ этого дня она постоянно была блѣдной, ея благородное лицо носило выраженіе меланхолической радости. Я не могла ее оставить ни на минуту: страшныя предчувствія наполняли мое сердце. Я была въ страшной нерѣшительности. Мы любили другъ друга больше, чѣмъ когда либо, и больше, чѣмъ когда либо, мы чувствовали потребность жить одна для другой. Вѣрное сердце m-me де-Тарантъ, перенесшее съ благородствомъ и мужествомъ страшныя несчастья, не могло вынести радости. Всѣ ея физическія силы были подорваны этимъ слишкомъ новымъ для нея душевнымъ движеніемъ. Черезъ короткое время мы получили извѣстія отъ нашихъ французскихъ друзей. Король и королева желали, чтобы m-me де-Тарантъ пріѣхала къ нимъ. М-me де-Тарантъ, болѣе привязанная къ своему долгу, чѣмъ къ жизни, предположила уѣхать осенью, желая видѣть до своего отъѣзда нашего императора, чтобы поблагодарить его за гостепріимство, оказанное ей въ его государствѣ. Однажды утромъ, въ моей уборной, гдѣ мы обыкновенно завтракали, она сказала мнѣ послѣ того, какъ была погружена въ глубокую задумчивость: «Счастье не создано для меня. Богъ только что исполнилъ желаніе моего сердца: король на тронѣ своихъ предковъ. Я должна уѣхать, должна покинуть извѣстное для неизвѣстнаго. Покинуть

васъ и этотъ гостепріимный домъ, въ которомъ вы дали мнѣ возможность наслаждаться столь спокойнымъ и чистымъ существованіемъ,—является для меня смертью. На моей родинѣ у меня будетъ тысяча поводовъ къ мученію. Не всѣ такъ безкорыстны, какъ я въ чувствахъ къ моимъ государямъ. Мнѣ предстоитъ противостать ужаснымъ заблужденіямъ, чтобы исполнить очень тажелыя обязанности». Я смотрѣла на нее молча: каждое ея слово, какъ мечъ, вонзалось въ мое сердце, мои глаза, полные слезъ, боялись встрѣтить ея взглядъ.

Въ это время она получила очень благосклонное письмо отъ императрицы Елисаветы по поводу перемѣнъ, происшедшихъ во Франціи. Я тоже получила письмо послѣ ея прибытія въ Брунзаль.

Мы, мои дѣти и я, заранѣе горевали о нашей разлукѣ съ m-me де-Тарантъ разлука эта отравляла мою и ея жизнь, и мы старались укрѣплять другъ друга. Императрица мать, которая все время принимала искреннее участіе въ дѣлѣ короля, написала m-me де-Тарантъ полную участія записку, приглашая ее прійти къ ней утромъ. Она отправилась на другой день. Императрица приняла ее съ уваженіемъ и пригласила ее прійти обѣдать. Появленіе m-me де-Тарантъ при дворѣ произвело особенную сенсацію. Она не была тамъ со времени нашего союза съ узурпаторомъ, предпочитая отказаться отъ всѣхъ милостей и даже потерять ту пенсію, которую ей назначили наши государи, чѣмъ отступить на мгновеніе отъ своихъ принциповъ. Она удалилась, не говоря ни слова, но ея молчаніе было понятно. Видя ее снова при дворѣ, всѣ, казалось, стали надѣяться, что она сдѣлается страшнымъ орудіемъ, которое уничтожитъ мнѣнія, вызванныя къ жизни суровой необходимостью. Она была принята въ свѣтѣ съ почетомъ и предупредительностью, которыхъ требовали ея достоинства; она вернулась домой растроганная и благодарная. Черезъ нѣсколько дней она снова была при дворѣ; въ третій разъ мы туда отправились вмѣстѣ. Я наслаждалась до глубины моей души тѣми почестями, которыя ей оказывали, но ея блѣдность не переставала меня смущать. За обѣдомъ она не спускала съ меня глазъ и отсылала мнѣ то, что ей казалось лучшимъ. Вдругъ у нея заболѣли глаза, такъ что ей пришлось нѣкоторое время не выходить. 7-го мая, въ день Вознесенія, она была въ церкви, но тамъ почувствовала себя такъ плохо, что, вернувшись домой, легла. Я была поражена ея плохимъ видомъ, но она меня разувѣрила, говоря, что это ничего, и что нездоровье пройдетъ. Она по обыкновенію поднялась къ намъ къ обѣду, сѣла за столъ, но не могла ничего ѣсть. Я сдѣлала видъ, что не замѣчаю этого, потому что я видѣла, что она не хочетъ, чтобы я это знала; она брала нѣкоторыя кушанья, отдавая тотчасъ осторожно свою тарелку. Послѣ ужина она пришла въ мою уборную съ моей старшей дочерью, я заплела ей по обыкновенію волосы. Потомъ я ушла

лечь въ постель; она пришла обнять меня передъ тѣмъ, какъ лечь спать; у нея былъ очень больной видъ. Потомъ она сказала моей старшей дочери, что она въ этотъ день испытала страшную боль во время обѣдни, прибавивъ, что мѣсто и день казались ей предувѣдомленіемъ. Она продолжала въ теченіе нѣкотораго времени ходить къ моему мужу. 17-го, въ день Пятидесятницы, она почувствовала себя хуже, но, вмѣсто того, чтобы лечь, она хотѣла отправиться на обѣдъ при дворѣ, куда была приглашена, чтобы потомъ имѣть возможность повести Лизу на гулянье въ садъ. Она кашляла отъ времени до времени и чувствовала себя слабой, но съ такой силой боролась съ болѣзнью, что, несмотря на наше безпокойство, ей удавалось минутами насъ разувѣрить въ ней. Ея блѣдность и слабость видимо увеличивались, мое сердце сжималось, я боялась смотрѣть въ будущее, я терпѣла жестокія мученія. Какъ только она входила къ моему мужу, она глубоко усаживалась въ большое кресло, не имѣя возможности двигаться. 27 мая, въ то время, какъ она сидѣла среди насъ, холодный потъ выступилъ у нея на лбу; она подперла свою голову руками, не имѣя возможности почти ее прямо держать. Кромѣ насъ, въ комнатѣ находились m-me де-Тамара, которая ей была очень предана, и m-lle де-Биligъ, прекрасная особа, находившаяся при герцогинѣ Виртембергской. Я умоляла m-me де-Тарантъ пойти лечь въ постель. Она согласилась на это, не имѣя возможности поступить иначе. Послали за докторомъ. который на другой же день призналъ положеніе опаснымъ. Мы ея не оставляли ни на минуту. Хотя всѣ были почти увѣрены, что у нея боль мѣстная, но такъ какъ она много страдала отъ боли въ боку, то рѣшились употребить мушку. Когда обнаружились другіе симптомы болѣзни, помѣстили еще одну между плечъ. Я съ трепетомъ перемѣняла повязки, я страдала отъ всѣхъ ея болей, но никогда ни я, ни она не позволили чьей бы то ни было рукѣ прикоснуться къ ней, кромѣ моей. Я ее мыла и натирала ей бокъ мазью, смѣшанной съ ртутью. Ея неясные прикованные ко мнѣ взгляды проникали до глубины моей души; осложненія болѣзни, которая не имѣла до сихъ поръ примѣра, развивались съ каждымъ днемъ. Ея страданія превосходили все, что только можно вообразить, а ея удивительное терпѣніе, казалось, удвоилось, а когда я ей говорила: «Боже мой, какъ вы должны страдать»,—она отвѣчала: «Когда пользуешься такими попеченіями, какъ я, тогда не имѣешь права жаловаться». Рукопись моей дочери, написанная послѣ смерти m-me де-Тарантъ и которую я разсчитываю приложить къ моимъ запискамъ [1]), заключаетъ въ себѣ подробности этой христіанской и удивительной кончины. Я буду говорить здѣсь только

---

[1]) Рукопись эта, подобно «Запискамъ» Головиной, осталась у отцовъ іезуитовъ; выдержки изъ нея приведены у Talloux: «Vie de madame de Swetchin», p. 67.

о томъ, что я испытала при этомъ страшномъ несчастіи, которое доказало мнѣ, что въ насъ есть неизвѣстная сила, которую наши ежедневныя слабости мѣшаютъ познать. Постоянная боязнь потерять тѣхъ, кого мы любимъ, не позволяетъ намъ быть увѣреннымъ въ нашемъ оружіи. Желаешь убѣдиться, что способенъ на лучшіе поступки; но сказать себѣ: ты переживешь то, что любишь, не входитъ въ расчеты ни сердца, ни ума, пока Богъ, поражая смертью то, что мы любимъ, показываетъ намъ энергію нашей души, наполняя ее собою. M-me де-Тарантъ не переставала мысленно молиться, а когда она призвала своего духовника, чтобы помочь ей молиться, всѣ бывшіе въ комнатѣ упали на колѣни и соединились съ ней сердцемъ. Несмотря на ея страданія, видно было, что она была глубоко тронута этимъ единеніемъ. Чувство къ друзьямъ было живо въ ней до самой послѣдней минуты, а ея душа была предана всецѣло Богу. Когда она была перенесена на верхъ, я потребовала, чтобы въ полночь насъ оставила наша старшая дочь, а я осталась съ m-me де-Тарантъ, пока горничная не разбудила меня. Къ 2-мъ или тремъ часамъ утра, сидя на табуреткѣ въ ногахъ кровати, я была окружена безмолвіемъ, нарушаемымъ медленнымъ и тяжелымъ дыханіемъ моей подруги. Ночная лампа, поставленная за ширмами, освѣщала это святилище религіи и страданія. Я смотрѣла на m-me де-Тарантъ, не имѣя возможности отвести отъ нея глазъ; я была увѣрена, что на другой день она уже не будетъ существовать, но ни мои слезы, ни мои едва сдерживаемыя рыданія не осмѣлились разразиться. Ея святая рѣшимость, ея несравненное благочестіе унижали меня въ моихъ собственныхъ глазахъ: я была несчастна и не осмѣливалась ни на минуту просить облегченія своему горю. Ея душа привлекала мою къ цѣли, къ которой она приближалась.

Мой мужъ, еще очень страдавшій отъ своей желтухи, находился въ гостиной, гдѣ ежедневно собирались наши общіе друзья, чтобы поплакать и принять участіе вмѣстѣ съ нами. Я покидала на минуту моего несравненнаго друга, чтобы ободрить моего мужа, печаль котораго раздирала мнѣ душу. Герцогиня Виртембергская при этомъ страшномъ событіи была ангеломъ утѣшенія для меня: она являлась почти каждый день и находилась у насъ за часъ до смерти m-me де-Тарантъ. Я никогда не забуду ни ея слезъ, ни того, что она мнѣ сказала. Она пріѣзжала утромъ, и я ее принимала въ моей мастерской, отдѣленной комнатой отъ комнаты больной. При каждомъ конвульсивномъ крикѣ m-me де-Тарантъ я бросалась къ ней. Въ послѣднее утро ея жизни, когда герцогиня была еще у насъ, я услышала, что m-me де-Тарантъ испустила страшный крикъ. Я прибѣжала къ ней, она схватила мою руку, и я почувствовала, что ея рука была покрыта по́томъ смерти. Она сжимала ее съ конвульсивной оставшейся еще у ней энергіей, ея агонія отняла у меня мои послѣднія силы, я боролась сама съ собой, какъ жертва,

потерпѣвшая крушеніе среди волнъ. Я пыталась отдернуть свою руку, которую она держала, едва сдерживала рыданія, но предпочитала умереть, чѣмъ обезпокоить ее. Богъ повелѣвалъ мнѣ самоотреченіе, мнѣ казалось, что его во мнѣ больше не существуетъ. Эта смерть, это зрѣлище истины выбивали меня изъ силъ. M-me де-Тарантъ молилась за меня; ей я обязана тѣмъ, что имѣла силу все перенесть и пережить ее.

Наконецъ, настало страшное 22 іюня. Въ часъ обѣда я согласилась оторваться отъ нея, чтобы успокоить моего мужа, который требовалъ этого постоянно, но передъ тѣмъ, чтобы оставить комнату, я еще разъ подошла къ ней. Она была въ полной агоніи, я пощупала ея пульсъ—онъ больше не бился. Она взяла мою руку съ необычайною живостью: «Скажите мнѣ, что вы себя хорошо чувствуете, скажите, что вы не страдаете». «Я хорошо себя чувствую,—сказала я,—дай Богъ, чтобы вы себя чувствовали такъ, какъ я». «Силы меня еще не покидаютъ, — отвѣтила она,—но это не долго продлится». Докторъ Крейтонъ увѣрилъ, я не знаю почему, моего мужа, что она еще будетъ жить, и что ей нужно дать куриный бульонъ. Когда чувствуешь себя несчастнымъ, то хватаешься за малѣйшую надежду. Мой мужъ не входилъ въ комнату больной, онъ не видѣлъ ея агоніи. Я сѣла за столъ съ отчаяніемъ. Горничная позвала мою дочь. Я хотѣла идти за ней, но мой мужъ просилъ меня остаться, повторяя то, что сказалъ Крейтонъ. Я мучилась, но рѣшимость заставила меня покориться. Въ концѣ концовъ, не имѣя возможности противиться тяжелымъ предчувствіямъ, я убѣжала—ея уже больше не было. Отецъ Розавэнъ [1]) закрылъ двери ея комнаты, прося меня туда не входить. Меня провели въ комнату моихъ дѣтей. Рыданія душили меня. Мнѣ принесли три распятія. Одно всегда находилось передъ ней, второе служило ей во время причастія, а третье далъ ей герцогъ Ангулемскій. Она положила ихъ рядомъ съ собой наканунѣ смерти, а моя дочь приложила ихъ къ ея губамъ въ ту минуту, когда она испускала духъ. Видъ этихъ трехъ распятій остановилъ мои слезы. Мои взоры пожирали ихъ, все окружающее стало невидимымъ. Богъ поглотилъ всецѣло мою душу, дружественная мнѣ душа молилась за меня. Я почти осмѣливаюсь сказать, что испытывала святую радость.

Каждый изъ насъ, казалось, потерялъ свою силу; мы ее нашли въ чувствѣ печали, общемъ намъ всѣмъ. Постоянное занятіе заботами о любимомъ существѣ, попытки облегчить его страданія, доставляютъ дѣятельность, которая поддерживаетъ; но когда предметъ столькихъ заботъ исчезаетъ изъ нашихъ глазъ, мы остаемся уничтоженными. Все облагораживается дружбой. Мы ей оказывали самыя

---

[1]) Извѣстный іезуитъ того времени, глава іезуитской пропаганды въ Россіи въ Александровскую эпоху.

низкія услуги, она нуждалась въ насъ каждую минуту. Я вспоминаю, что дней за пять до ея смерти я одна сидѣла возлѣ ея постели. Вошелъ Крейтонъ. Онъ пріѣхалъ изъ Павловска и сказалъ m-me де-Тарантъ, послѣ того, какъ пощупалъ ея пульсъ, что императрица-мать поручила ему высказать ея участіе, и что она просила послать ей сказать, не хочетъ ли она какихъ либо фруктовъ. «Поблагодарите ея императорское величество,—отвѣчала она,—я ни въ чемъ не нуждаюсь». Потомъ, какъ будто съ силой поднимая свои ослабѣвшія руки, она прибавила: «Но, кромѣ того, скажите императрицѣ, что она никогда не имѣла такихъ друзей, какъ я». Каждое ея слово останется навсегда запечатлѣннымъ въ моей душѣ.

Герцогиня де-Шатильонъ, мать ея, умершая два года до нея, высказала желаніе, чтобы эта ея любимая дочь была когда нибудь погребена рядомъ съ ней въ часовнѣ ея Виддевильскаго замка въ 8 лье отъ Парижа. Могила герцогини де-Лавальеръ, бабки m-me де-Тарантъ, была помѣщена тамъ же по ея приказанію. Моимъ первымъ желаніемъ послѣ этого печальнаго событія было перевезти тѣло моей уважаемой подруги въ этотъ склепъ. Я исполняла материнское желаніе, присоединяя ея священные останки къ останкамъ ея семейства. Надо было произвести вскрытіе тѣла и набальзамировать его; въ рукописи моей дочери можно найти перечень главныхъ болѣзней, которыми она давно страдала и которыя подготовили ея смерть. Когда эта страшная операція была окончена, поставили возлѣ гроба алтарь, чтобы отслужить обѣдню. Я не присутствовала на первыхъ двухъ, видя, что боялись ихъ дѣйствія на меня; но наконецъ увидѣли, что моя твердость заслуживала этого вознагражденія. Я встала у изголовья гроба. То, что происходило въ моей душѣ, было тогда сильнѣе меня. Вечеромъ я вернулась въ эту комнату съ моими дѣтьми, Катей и m-me де-Билингъ. Я устремила мои глаза на ту, которая болѣе не существовала, удивленная тѣмъ, что еще существую и ее пережила. Черезъ недѣлю тѣло было перенесено въ церковный склепъ; это было въ полночь, весь домъ слѣдовалъ за гробомъ. Послѣ того, какъ отецъ Розавэнъ прочелъ установленныя молитвы, наши слуги подняли гробъ. Я шла пѣшкомъ съ мужемъ, дѣтьми и нашими друзьями. Всѣ плакали, переходъ мнѣ показался очень короткимъ. Я бы отдала свою жизнь за то, чтобы проводить ее до ея послѣдняго убѣжища. Черезъ день торжественно была совершена въ церкви церемонія погребенія, а черезъ недѣлю тѣло было перевезено въ Кронштадтъ, чтобы быть помѣщенымъ на судно. Я провела лѣто на Каменномъ островѣ, не имѣя мужества жить на той дачѣ, гдѣ мы были такъ счастливы вмѣстѣ.

Я хочу прибавить еще нѣсколько словъ. На слѣдующій день послѣ того, какъ я имѣла страшное несчастіе потерять m-me де-Тарантъ, утромъ въ ту минуту, когда я собиралась встать съ дивана, на которомъ провела ночь, я присѣла, желая собраться съ мыслями. Я говорила

себѣ: «Боже мой, я молилась за нее во время ея жизни, во время ея страданій. Какъ я стану теперь молиться?». Моя младшая дочь просматривала въ это время молитвенникъ m-me де-Тарантъ. Вдругъ она сказала мнѣ, какъ будто отвѣчая на мои мысли: «Мама, здѣсь есть чудная молитва для васъ на этотъ случай». Я была поражена этимъ страннымъ совпаденіемъ и утвердилась въ своемъ глубокомъ убѣжденіи, что душа моего друга была съ нами.

XXX.

Жизнь на Каменномъ островѣ.—Письмо императрицы Елисаветы.—Вѣнскій конгрессъ.—Возвращеніе императрицы въ Петербургъ.—Госпожа де-Бомонъ.—«Записки» Головиной.—Г-жа Ржевусская.—Изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи.—Холодность къ Головиной императора.—Болѣзнь графа Толстого.—Благоволеніе къ Головиной императрицы Елисаветы.—Заключеніе.

Домъ, въ которомъ я жила на Каменномъ островѣ, находился у дороги, по которой безпрестанно проходили гуляющіе; у меня были такія маленькія и низенькія комнаты, что, не желая этого, я ни на минуту не теряла изъ виду этотъ калейдоскопъ. Подобное развлеченіе представляло большой контрастъ съ моими страданіями, и я испытывала разнообразное огорченіе. Видъ изъ оконъ и съ балкона былъ прекрасенъ; по вечерамъ я слышала доносившійся издали звукъ рожковъ. Хотя эта музыка не имѣла никакого отношенія къ моимъ воспоминаніямъ, она навѣвала на меня грусть. Тихая гармонія имѣетъ могущество вызывать въ насъ какое-то неопредѣленное чувство, которое связываетъ насъ со всѣмъ, что насъ касается и что мы любимъ. Я принуждена была принимать много докучныхъ визитовъ. Мой мужъ потребовалъ, чтобъ я представила ко двору мою младшую дочь. Императоръ вернулся на нѣкоторое время въ Петербургъ, а вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ состояться петергофскій праздникъ,—надо было повезти на него мою дочь. Это было какъ разъ черезъ мѣсяцъ послѣ смерти m-me де-Тарантъ. Я покорилась, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, и отправилась ко двору съ растерзаннымъ сердцемъ. Императрица-мать была чрезвычайно милостива ко мнѣ; она мнѣ выказала много участія во время моего несчастія и каждый день посылала узнавать, какъ я себя чувствую. Толпа, которою я была окружена, была почти невидимой для моихъ взоровъ; въ глубокой скорби у насъ остается только чувство внутренняго зрѣнія. Императоръ высказалъ мнѣ въ обычныхъ выраженіяхъ свое сожалѣніе о моей утратѣ; всѣ тѣ, съ которыми я снова встрѣчалась въ первый разъ, торопились высказать мнѣ свое участіе общими мѣ-

стами, такъ мало годными для утѣшенія. То, что я потеряла, невозвратимо; для меня будетъ большимъ счастьемъ, если я встрѣчу хотя что либо похожее на то, что могло бы хотя отчасти удовлетворять моимъ сердечнымъ влеченіямъ.

Герцогиня Виртембергская также жила на Каменномъ островѣ. Я ее часто видѣла, и это было моимъ единственнымъ утѣшеніемъ въ этомъ грустномъ мѣстопребываніи. Каждое утро я гуляла въ теченіе часа въ лѣсу, погруженная въ мои печальныя мысли; мнѣ казалось, что земля ускользаетъ изъ-подъ моихъ ногъ, и я ходила рыдая. Въ это время я получила слѣдующее письмо отъ ея величества императрицы.

Бруксаль, 14-го (26-го) іюля 1814 года.

«Зачѣмъ я не могу придать моимъ словамъ всю силу моихъ чувствъ, бѣдный другъ мой! Вы найдете здѣсь самое глубокое участіе, какое только могъ кто бы то ни было принять въ вашемъ горѣ. Только сегодня я была извѣщена о той невознаградимой потерѣ, которую вы потерпѣли, которую потерпѣли всѣ тѣ, которые умѣютъ распознать и оцѣнить заслуги. Я лично не должна ли сожалѣть о ней въ виду тѣхъ чувствъ, которыя она ко мнѣ питала? Я прилагаю къ этому перстень, который я выбрала для нея и ожидала случая ей переслать. Въ виду этого вы будете его носить, обѣщайте мнѣ это. Сколько вы должны были перестрадать, какую пустоту вы должны испытывать теперь! Мнѣ очень тяжело, что я далеко отъ васъ въ эту минуту, и если бы я позволила себѣ размышлять о томъ, на что есть воля Божія, я роптала бы на то, что Богъ посылаетъ тѣмъ, кто мнѣ дорогъ, самую мучительную печаль именно въ то время, когда я далеко отъ нихъ и не могу предложить имъ моихъ заботъ. Кажется, что Богъ давно судилъ ее достойной быть приближенной къ Нему, но Онъ хотѣлъ дать ей насладиться еще въ сестрѣ императора самымъ большимъ счастіемъ, и я чувствую, что она могла имъ насладиться. Она счастлива: она исполнила свою тяжелую задачу. Вотъ она теперь, быть можетъ, со всѣми тѣми, кого здѣсь оплакивала; но вы, вы, бѣдный другъ, какъ вы достойны сожалѣнія! Берегите свое здоровье. Мнѣ не нужно вамъ это говорить: вы никогда не забудете тѣхъ обязанностей, которыя привязываютъ васъ къ этой жизни. Богъ одинъ знаетъ, когда и какъ я васъ снова увижу: три недѣли тому назадъ я разсчитывала быть въ Петербургѣ въ будущемъ мѣсяцѣ, но императоръ, прибывъ сюда, рѣшилъ иначе. Онъ считаетъ за лучшее, чтобы я его здѣсь ожидала, чтобы черезъ 6 недѣль съѣхаться съ нимъ въ Вѣнѣ и провести тамъ съ нимъ время конгресса. Это соображеніе и его желаніе должны были заставить меня рѣшиться на это, хотя не безъ труда. Я испытываю несказанное безпокойство и нетерпѣніе вернуться въ Россію, и я чувствую, что буду спокойна только то-

гда, когда тамъ буду. Это испытаніе новаго рода для меня. Богъ создаетъ иногда изъ положенія, повидимому, самаго желательнаго самое тяжелое испытаніе. Ахъ, я больше, чѣмъ когда либо, увѣрена, что счастье и отдыхъ существуютъ только въ другой жизни! Я вамъ говорю только о себѣ, но я не прошу у васъ въ этомъ извиненія. Я слишкомъ увѣрена въ вашей дружбѣ ко мнѣ, чтобы не думать, что даже среди вашего горя вы принимаете участіе во всемъ томъ, что меня касается. Нѣтъ такихъ друзей, какъ вы, и сладостно отдохнуть, останавливаясь въ мысляхъ на подобномъ сердцѣ. Я знаю, какъ страдалъ вашъ мужъ, я знаю, что сдѣлала Паша. Пусть Богъ хранитъ эти дорогія существа, и вы еще будете счастливы въ этой жизни. Скажите имъ всѣмъ, что я чувствую къ нимъ и къ вамъ. Напишите мнѣ, надѣюсь, не будетъ нескромностью попросить васъ объ этомъ. Раздѣлите со мной ваше горе, и мое сердце сумѣетъ его оцѣнить. Говорите мнѣ больше о той, которую вы только что потеряли, сообщите мнѣ всѣ подробности ея послѣднихъ минутъ. Мнѣ настоятельно нужно ихъ знать. Прощайте, бѣдный, бѣдный другъ, да поддержитъ васъ Богъ».

Это письмо наполнило меня благодарностью и чувствомъ покорности. Одна лишь глубокая привязанность къ императрицѣ могла въ это время облегчить тяжесть моего сердца.

Моя жизнь измѣнила свой характеръ. Вѣрный и надежный другъ не существовалъ больше, мнѣ нужно было всецѣло бы открыть свое сердце друзьямъ, а у меня не было больше этой дружбы, которая не переставала бы меня поддерживать. Сердечныя привязанности, которыя мнѣ остаются, требуютъ съ моей стороны полнаго самопожертвованія. Я безропотно этому покоряюсь: когда Богъ отнимаетъ у насъ дорогой предметъ нашей привязанности, онъ насъ привязываетъ къ себѣ съ бо̀льшей силой. Нѣкоторые разсудительные люди мнѣ говорятъ, что когда имѣешь такихъ дѣтей, какъ мои; можно утѣшиться. Но дѣтей, которыхъ я люблю и обожаю, я имѣла также и при жизни моего друга. Какъ будто у меня было ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней, которое составляетъ основаніе богатства, лучшій камень потерянъ и не можетъ быть замѣненъ, ожерелье разрушено. Надо чувствовать, чтобы судить, и нельзя прикладывать свою точку зрѣнія къ чувствамъ другихъ. Каждый посвоему принимаетъ удары судьбы.

Вернувшись въ свой городской домъ, я испытала массу ощущеній, которыя мнѣ трудно будетъ выразить. Комната, въ которой скончалась m-me де-Тарантъ, дороже мнѣ всѣхъ сокровищъ. Я спала въ комнатѣ рядомъ, и мнѣ часто казалось, что я слышу ея стоны. Мои друзья посѣщали меня, герцогиня продолжала высказывать мнѣ свое участіе и привязала меня къ себѣ на всю жизнь.

Почти въ это же самое время пріѣхала въ Петербургъ Аглая Давыдова, урожденная де-Грамонъ. M-me де-Тарантъ чувствовала въ этой молодой женщинѣ истинную любовь. Ея несчастія, ея мо-

лодость, опасности, окружавшія ее, требовали для нея опоры. Мой уважаемый другъ взялъ это на себя. Благодарность и привязанность къ ней Аглаи возбудили мое участіе. Довѣріе, которое она мнѣ высказала, заставило меня попытаться быть ей полезной. Осмѣливаюсь думать, что я имѣла счастье предохранить ее отъ нѣко-

Графиня В. Н. Головина.
Съ миніатюры, рисованной карандашомъ и принадлежащей княгинѣ Баратовой.

торыхъ опасностей. Но пустота, которую я испытывала и до сихъ поръ испытываю, останется навсегда тою же самою.

Политическія событія (1815 года), столь великія и рѣшительныя, интересовали меня только на половину. Все потеряло свою цѣну въ моихъ глазахъ, разъ я не имѣла возможности ни съ кѣмъ подѣлиться своими впечатлѣніями. Я была счастлива только тогда, когда одна передъ Богомъ призывала душу m-me де-Тарантъ, прося ее молиться за меня. Вѣнскій конгрессъ, который долженъ былъ продолжаться только шесть недѣль, продолжался девять мѣ-

сяцевъ. Продолжительность политическихъ переговоровъ приводила въ уныніе умы, и слава императора, столь прекрасная, нѣсколько потускнѣла въ глазахъ многихъ. Зрѣлище свѣта, когда онъ возбужденъ великими событіями, можетъ быть сравниваемо съ ходомъ театральнаго представленія. Если выдающіеся моменты дѣйствія не связаны такимъ образомъ, чтобы привести къ простой, естественной развязкѣ, пьеса кажется неудачной. Стремленіе пытливыхъ умовъ проникнуть въ будущее приводитъ ихъ къ заблужденію, а въ политикѣ таинственное затишье ведетъ только къ возбужденію подозрѣнія. Императрица все время празднествъ оставалась въ Вѣнѣ; затѣмъ она вернулась къ принцессѣ, своей матери. Появленіе Бонапарта во Франціи вызвало уныніе: видѣли, какъ снова появилась эта воинствующая шайка, которую событія придавили на время; но императоръ Александръ, предназначенный Провидѣніемъ покровительствовать законному дѣлу, восторжествовалъ, съ помощью Англіи, надъ этой попыткой и добился второго возвращенія французскаго короля въ его государство. Людовикъ XVIII не былъ больше принятъ съ энтузіазмомъ, его королевскій вѣнецъ сталъ болѣе, чѣмъ когда либо терновымъ вѣнцомъ, союзники предлагали уже раздѣлить его государство, но императоръ Александръ все еще былъ покровителемъ законнаго дѣла. Минута возвращенія въ Петербургъ императора и императрицы приближалась. Они прибыли въ декабрѣ мѣсяцѣ. Дворъ сталъ очень блестящимъ [1]), а свадьбы двухъ сестеръ императора повели за собой большое число праздниковъ. Послѣ того письма, которое я получила отъ императрицы Елисаветы и которое я привела выше, мнѣ было позволено питать нѣкоторую надежду. Я ее видѣла въ свѣтѣ, во дворцѣ; ея смущеніе, холодный видъ императора, меня очень разочаровали, доказавъ мнѣ, что мнѣ предстоятъ новыя испытанія. Я имъ покорилась съ тѣмъ большимъ мужествомъ, что я испытывала уже раньше подобное несчастіе. Глубокая печаль способна разрушить иллюзіи. Мои неослабныя чувства къ императрицѣ восторжествовали надъ всѣмъ. Мое сердце страдало, но я не испытывала никакого ущерба моему самолюбію.

Я часто получала письма отъ своихъ парижскихъ друзей: ихъ любовь ко мнѣ увеличилась со смертью m-me де-Тарантъ. Баронесса де-Бомонъ, ея старый другъ, бѣдная и добродѣтельная, жила въ это время только на ту пенсію, которую ей посылала m-me де-Тарантъ; между тѣмъ, она думала, что получала ее по милости императрицы. Деликатность, пытавшаяся скрыть свои благодѣянія, тѣмъ болѣе предпочитала скрыться за это имя, что безъ щедрости императрицы m-me де-Тарантъ не была бы въ состояніи помочь своей подругѣ: она секретно получала отъ императрицы пенсію въ

---

[1]) Принцъ Оранскій прибылъ въ Петербургъ немного позже ихъ величествъ. Примѣчаніе графини В. Н. Головиной.

5.000 рублей. Когда m-me де-Тарантъ умерла, я рѣшила добиться для баронессы продолженія назначенной ей пенсіи. Я рѣшилась поговорить объ этомъ съ императрицею и, не имѣя возможности видѣть ее глазъ на глазъ, осмѣлилась на балу у императрицы матери обратиться къ ней. Я думала, что не нужно размышлять о себѣ, когда дѣло идетъ объ оказаніи услуги другому, въ особенности же не нужно дать себя обезкуражить препятствіями, надъ которыми должны взять верхъ рвеніе и настойчивость. Я разсчитывала также много на желаніе императрицы дѣлать добро и на воспоминаніе, которое она сохранила о m-me де-Тарантъ. Моя попытка удалась. Она приказала мнѣ послать ей съ моимъ мужемъ записку по этому поводу. Я повиновалась безотлагательно и на слѣдующій день получила деньги и записку, составленную въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Я посылаю графу Головину годовую пенсію, которую я съ удовольствіемъ буду продолжать давать госпожѣ де-Бомонъ. Я ей посылаю эту сумму, потому что я въ это же время имѣю ей послать другую. Я недовольна тѣмъ, что не имѣю возможности съ вами говорить, мнѣ нужно задать вамъ тысячу вопросовъ, но въ настоящее время это невозможно, нужно ждать. Сколько перемѣнъ влечетъ за собой время! Могу ли я пока спросить васъ о вашей исторической работѣ? Со времени несчастія, постигшаго васъ, я думаю, вы ею не занимались. Но я увѣрена также, что вы ее не забыли, и я очень желала бы снова увидѣть ее, если это возможно. Въ моемъ уединеніи всѣ виды умственныхъ занятій мнѣ полезны, а это будетъ отдыхомъ для меня. Въ день, когда вы сможете безъ того, чтобы это много вамъ стоило, собрать всѣ бумаги, пошлите ихъ мнѣ, если это возможно, а если это невозможно, скажите мнѣ это, я откажусь отъ этого безъ труда».

Вотъ мой отвѣтъ на записку ея величества:

«Благодѣяніе, только что оказанное вашимъ императорскимъ величествомъ баронессѣ де-Бомонъ, проникаетъ меня благодарностью. Все, что имѣетъ отношеніе къ памяти m-me де-Тарантъ, имѣетъ особенную власть надъ моею душею. Вы услаждаете горечь наиболѣе страдающаго существа, вы возвращаете жизнь той, которая потеряла надежду жить; благодѣяніе это мнѣ такъ же дорого, какъ и ей, въ особенности, потому что мы будемъ столь счастливы быть обязанными этимъ вашему величеству. Что же касается до историческихъ воспоминаній, то мнѣ невозможно отослать мое мараніе вашему величеству. Крайне необходимо ихъ переписать, у меня нѣтъ больше глазъ для этого, мое зрѣніе потеряно на три четверти послѣ страшнаго несчастія: я пишу только въ очкахъ, а по утрамъ и по вечерамъ даже они не приносятъ мнѣ облегченія. Если вы достаточно довѣряете моей дочери, за которую я вамъ отвѣчаю, какъ за самое себя, то я ей поручу заботу о нихъ. M-me де-Тарантъ

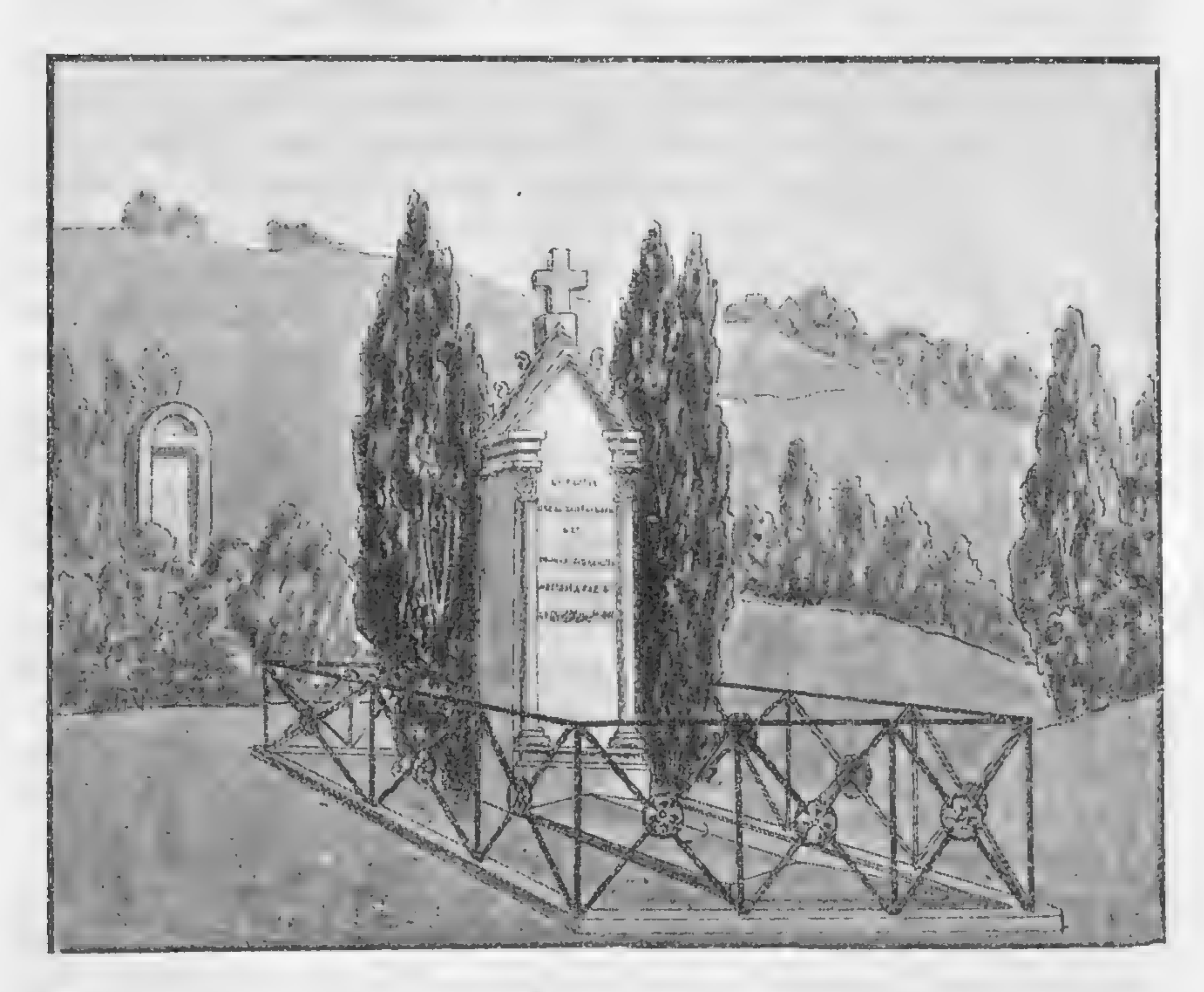
переписала нашу работу до смерти императора Павла. На этомъ мѣстѣ ваше величество изволили остановиться. Я продолжала съ этого времени описаніе только тѣхъ событій, которыя касались меня лично, прибавивъ, что такъ какъ я была разлучена съ вашимъ величествомъ, то моя исторія не можетъ сопровождать вашу, и что я возстановлю всѣ подробности до момента, когда, возвратившись изъ своего путешествія и снова приближенная къ вамъ, могла узнать истинную правду. Я подробно описала мои путешествія и остановилась на смерти моей матери во время моего пребыванія въ Дрезденѣ. Дальше я не продолжала. Болѣзнь и страданія моей уважаемой подруги поглощали меня всецѣло. Смѣю увѣрить ваше величество, что эта потеря, эта смерть и эта печаль еще такъ же живы, какъ и въ первую минуту. Я снова примусь за эту работу, если ваше величество желаетъ ею заняться, и вы сами увидите, въ какомъ мѣстѣ моихъ мемуаровъ они будутъ нуждаться въ вашихъ дополненіяхъ. Я вамъ доставлю черезъ моего мужа, если вы прикажете, отрывки, которые вы были добры мнѣ довѣрить. Повѣрьте, ваше величество, что я всегда съ уваженіемъ покорюсь условіямъ, исходящимъ отъ васъ. Моя судьба — быть неизвѣстной, моя совѣсть слишкомъ чиста, чтобы я пыталась оправдываться. Благоволите повѣрить, что, несмотря на все то, что можетъ случиться, моя почтительная преданность и вѣрность останутся всегда одинаковыми. Я счастлива, я возсылаю благодарность Богу за то, что я привязана къ вамъ изъ-за васъ, не такъ, какъ любятъ въ этомъ печальномъ свѣтѣ. Соблаговолите милостиво принять мое глубочайшее почтеніе».

Я увидѣла императрицу на одномъ большомъ балу послѣ того, какъ написала ей эту записку. Она сказала мнѣ, чтобы я оставила записки такими, какъ они есть, но я ихъ продолжала для самой себя.

Немного времени спустя послѣ прибытія ихъ величествъ изъ Петербурга, выслали іезуитовъ. Этотъ энергичный правительственный актъ былъ вызванъ боязнью совращеній въ католическую религію. Іезуитовъ подозрѣвали въ попыткахъ совратить большое число лицъ, особенно свѣтскихъ женщинъ въ католичество, и императоръ былъ принужденъ дѣйствовать такимъ образомъ. Это событіе повело за собою много тяжелыхъ послѣдствій для нѣкоторыхъ семействъ, и этому обстоятельству, я думаю, я должна приписать то болѣе замѣтное охлажденіе, которое выказывалъ мнѣ императоръ. Я могу отнести только къ его милостямъ къ моему мужу то нѣкоторое вниманіе, которое онъ изволилъ оказать моимъ дѣтямъ и мнѣ.

Весною 1816 года, Катя Любомирская объявила мнѣ о прибытіи графини Ржевусской, двоюродной сестры ея мужа. Я ее уже давно знала по наслышкѣ и питала къ ней особенное уваженіе. Заря ея жизни прошла въ тюрьмѣ. Она родилась во Франціи и оставалась

тамъ со своею матерью, которая была одной изъ жертвъ революціонныхъ варварствъ и погибла послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія. Ея семилѣтняя дочь осталась одна во власти тюремнаго сторожа. Онъ плохо обращался съ нею и почти отказывалъ ей въ сухомъ хлѣбѣ, служившемъ ей единственною пищею. Князь Любомирскій, отецъ Розаліи (имя графини), былъ на французской службѣ, но въ это время онъ тамъ не находился и не зналъ о судьбѣ своей дочери. Онъ наконецъ узналъ объ этомъ и потребовалъ ея выдачи.

Могила графини В. Н. Головиной въ Парижѣ, на кладбищѣ St. Germain des Près.

(На памятникѣ слѣдующая надпись: «Comtesse Golovine, née Galitzine, morte à Paris en 1825. Enterrée à st. Germain des Près)».

Съ рисунка, сообщеннаго графомъ Мнишкомъ.

Особа, на которую возложено было это порученіе, прибыла за три дня до того момента, который былъ назначенъ для помѣщенія Розаліи въ воспитательный домъ. Тамъ бы она погибла безвозвратно. Такое необыкновенное начало, кажется, послужило школой всѣмъ ея добродѣтелямъ, ея уму и ея душѣ. Я познакомилась съ г-жею Ржевусской. Катя привезла ее ко мнѣ 15-го мая, черезъ два дня послѣ ея пріѣзда въ Петербургъ. Моя дружба съ m-me де-Тарантъ ее давно интересовала, разсказъ о ея смерти растрогалъ ее необычай-

нымъ сродствомъ ихъ душъ и отношеніями, существовавшими между ихъ душами и ихъ принципами. Это сходство меня поразило, оно вырвало мое сердце изъ могилы, въ которую оно часто погружалось. Это знакомство будетъ имѣть вліяніе на мою жизнь, и, говоря о себѣ, я должна говорить о ней.

Императоръ не взялъ съ собой въ путешествіе графа Толстого, здоровье котораго стало плохо и который не имѣлъ силъ переносить быстроту поѣздокъ его величества. Его болѣзнь нужно приписать большею частью этимъ путешествіямъ и волненіямъ, сопряженнымъ съ его мѣстомъ. Болѣзнь была продолжительна и тягостна; у него были только короткіе промежутки отдыха и улучшенія. Онъ былъ очень огорченъ, видя себя въ разлукѣ съ императоромъ; онъ видѣлъ, какъ вмѣстѣ съ его вліяніемъ уменьшилось большое количество его случайныхъ друзей. Но, снова сходясь съ нами, онъ нашелъ, что ихъ еще имѣетъ. Ничего нѣтъ болѣе сладостнаго для сердца, какъ забыть зло, которое ему причинили. Эта истина примѣнима къ графу Толстому, который, будучи искренно привязанъ къ императору, не имѣлъ чувства мѣры въ томъ обожаніи, которое ему высказывалъ, и обезчестилъ благородную роль вѣрноподданнаго низкими услугами. Это значило нанести ущербъ своему государю и самому себѣ. Возвращеніе императора не принесло никакого облегченія его положенію: оно было уже слишкомъ плохо, чтобы поправиться. Его величество навѣстилъ его и всѣми средствами старался его утѣшить; созвали всѣхъ докторовъ, но они только увеличили его опасенія и его страданія.

Я проводила лѣто снова на моей дачѣ на Петергофской дорогѣ. Я отправлялась аккуратно разъ въ недѣлю къ графу Толстому на Каменный островъ. Я уѣзжала спозаранку съ моими дѣтьми; мы вмѣстѣ останавливались у m-me Ржевусской, которая отправлялась затѣмъ съ нами. Я всегда старалась избѣжать встрѣчи съ ихъ величествами, которые почти ежедневно являлись къ графу Толстому. Я считала особенно неудобнымъ встрѣтить императрицу, что имѣло бы видъ, что я заставляю ее себя видѣть. Катя жила съ своимъ отцомъ. Въ августѣ мѣсяцѣ она имѣла несчастіе потерять свою дочь, которая была прелестнымъ ребенкомъ. Это тяжелое обстоятельство заставило меня оставаться дольше у нея. Однажды вечеромъ мы сидѣли на балконѣ: графиня Ржевусская, княгиня Барятинская—невѣстка графа, мои дочери и я, когда объявили о пріѣздѣ императрицы. Мы остались на своихъ мѣстахъ. Ея величество прямо прошла въ комнату графа и увидѣла тамъ Катю. Когда ея визитъ окончился, она велѣла позвать меня въ гостиную, примыкавшую къ балкону. Несчастіе Кати живо ее тронуло, она мнѣ много говорила объ этомъ: кто могъ лучше ея раздѣлить материнскую печаль! Она мнѣ сказала, что, пріѣхавъ, меня замѣтила черезъ окно, но что она не хотѣла показаться на балконѣ съ крас-

ными опухшими отъ слезъ глазами. Взявъ меня за руки, она заговорила о вечерахъ, проведенныхъ нами въ этомъ домѣ, о страшной потерѣ, понесенной мной, и о печали, испытываемой ею изъ-за того, что она ничего не сдѣлала для меня. Этотъ проблескъ дружбы принесъ мнѣ больше зла, чѣмъ добра; мое шаткое и неувѣренное положеніе относительно императрицы слишкомъ тяжело противополагалось строгости моей привязанности къ ней. Я ее потеряла изъ виду на нѣкоторое время. Мое пребываніе на дачѣ возбуждало во мнѣ раздирающія душу воспоминанія; каждый шагъ наталкивалъ меня на слѣды m-me де-Тарантъ. Ея островъ, кусты, посаженные ею, пережившіе ее, придавали моимъ мыслямъ грустный и мрачный оттѣнокъ. Графиня Ржевусская нѣсколько разъ пріѣзжала побыть у насъ нѣсколько дней. Присутствіе ея и прелесть ея общества доставили мнѣ много хорошихъ минутъ. Она со мной была нѣсколько разъ въ Павловскѣ, гдѣ императрица-мать меня принимала всегда милостиво.

На костюмированномъ балу въ Петергофѣ императоръ оказалъ мнѣ честь, танцуя со мной польскій. Онъ много говорилъ со мной о моемъ мужѣ, который былъ тогда въ отсутствіи; возвращенія или встрѣчи съ нимъ въ Москвѣ, куда его величество долженъ былъ немедленно отправиться, онъ, кажется, желалъ. Я должна прибавить здѣсь, что когда мой мужъ откланивался императору, у него былъ съ его величествомъ разговоръ, и государь заставилъ его дать честное слово, что онъ исполнитъ ту просьбу, которую онъ выскажетъ. Императоръ тогда потребовалъ, чтобы послѣ своего возвращенія мой мужъ вступилъ на дѣйствительную службу. «Я вамъ клянусь,—прибавилъ онъ,—что я никогда не мѣнялся по отношенію къ вамъ. Я это говорю передъ Богомъ и передъ людьми; довѣріе, которое я имѣю къ вамъ, равняется столь заслуживаемому вами уваженію. Повѣрьте, что я умѣю оцѣнить то, что васъ интересуетъ». Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по возвращеніи моего мужа, императоръ напомнилъ ему его обѣщаніе, особенно милостиво разговаривалъ съ нимъ и назначилъ его членомъ государственнаго совѣта, давъ ему возможность стать дѣйствительно полезнымъ. Императоръ совершилъ путешествіе по Россіи и Польшѣ и вернулся къ началу октября.

Такъ какъ графъ Толстой страдалъ все больше и больше, то врачи рѣшили, что онъ долженъ отправиться за-границу. Онъ уѣхалъ со своей дочерью и сыномъ въ концѣ августа. Они совершили тяжелое путешествіе, которое оказалось, однако, безполезнымъ, такъ какъ предпринято было слишкомъ поздно. Они завтракали у насъ, проѣзжая мимо, и я съ нимъ простилась, какъ съ умирающимъ, на котораго онъ былъ такъ похожъ. Дѣйствительно, онъ окончилъ свои дни въ Дрезденѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Зима не принесла ничего особенно замѣчательнаго для меня. Около января 1817 г., я осмѣлилась напомнить императрицѣ о пенсіи, которую она давала баронессѣ де-Бомонъ. Я попросила графиню Строгонову, которая имѣетъ честь быть близкой къ императрицѣ, взять на себя это дѣло, но, видя, что черезъ нѣсколько недѣль я не получаю никакого отвѣта, я рѣшилась сама заговорить объ этомъ и сдѣлала это на одномъ балу. Немного дней спустя, я получила деньги и нѣсколько очень любезныхъ словъ.

Ея высочество герцогиня Виртембергская была въ Витебскѣ въ теченіе полутора года; я имѣла честь быть въ перепискѣ съ нею, и очень жаждала ея возвращенія, столько же ради императрицы, столько и ради себя. Она пріѣхала къ новому году, я встрѣтилась съ нею съ искреннею радостью; ея милости ко мнѣ привязали меня къ ней на всю жизнь. Я имѣла честь видѣть ее нѣсколько разъ у нея дома, и, посредствомъ ея, имѣла случай вести нѣкоторыя сношенія съ императрицей. Я осмѣлилась попросить ея величество одолжить мнѣ бронзовое изображеніе Христа, которое она соблаговолила принять отъ меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Она снизошла къ моей просьбѣ, и эта посылка сопровождалась очень любезной запиской, которую она удостоила мнѣ написать. Я велѣла снять слѣпокъ съ этого изображенія Христа и вернула его ея величеству. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, ея высочество герцогиня Виртембергская призвала меня къ себѣ и черезъ четверть часа, къ моему глубокому удивленію, я увидѣла входившую императрицу. Она мнѣ сказала, что узнавъ, что я у герцогини, хотѣла лично мнѣ передать письмо отъ графини Толстой. Мы усѣлись. Я принесла герцогинѣ изложеніе нѣкоторыхъ моихъ мыслей и воспоминаній. Императрица хотѣла ихъ прочесть, а это повело за собой бесѣду о прошломъ. Она изволила мнѣ сказать, что сохранила мою небольшую записку, въ которой я ей совѣтовала быть снисходительной къ другимъ и строгой къ себѣ самой. Она прибавила, что часто пыталась приложить этотъ совѣтъ къ дѣлу. Послѣ часового разговора императрица простилась со мной, пожавъ мнѣ руку; я поцѣловала ея руку отъ всего сердца. Вскорѣ затѣмъ встрѣтилась съ нею во второй разъ. Ея величество была огорчена преждевременною смертью одной молодой нашей знакомой. Нашъ разговоръ былъ чувствителенъ и важенъ: я находила въ немъ нѣкоторые проблески прошедшаго. Это прошедшее становится столь могущественнымъ, когда я снова имѣю передъ глазами то, что наиболѣе украшало его. Когда воспоминаніе пробуждается неодушевленными предметами, оно ищетъ того, что могло бы сдѣлать его болѣе осязательнымъ. Оно страдаетъ отъ отсутствія и дѣлаетъ насъ разсѣянными ко всему окружающему. Но если оно его снова находитъ, то сила чувства заставляетъ насъ все чувствовать, даже воздухъ, которымъ дышали.

Однажды утромъ я отправилась къ Герцогинѣ; черезъ минуту послѣ моего прихода, дверь гостинной тихо отворилась, и появилась императрица. Она мнѣ сказала, входя: «Мое сердце угадало, что вы здѣсь находитесь, и я поспѣшила прійти». Она сѣла, спросила меня о моемъ здоровьѣ, упомянула о необходимости ѣхать на воды. Мы смѣялись надъ новой медицинской системой, увѣрявшей, что сердце находится на правой сторонѣ. Затѣмъ рѣчь зашла о воспоминаніяхъ, которыя я пишу, и тонъ разговора перемѣнился. Императрица соблаговолила сказать мнѣ, что она поздравляла себя съ тѣмъ, что предложила мнѣ предпринять эту работу; мы бесѣдовали о томъ, что въ ней заключалось, и, послѣ минуты размышленія, она милостиво прибавила: «Боже, когда я смогу васъ свободно видѣть? Надѣюсь, скоро». На этотъ вопросъ я смолчала: почтительное молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ, который я могла дать. Сдѣлавъ нѣсколько указаній, касавшихся нашихъ «Записокъ», Ея Величество ушла скорѣе, чѣмъ она, казалось, сама этого желала, такъ какъ ей необходимо было перемѣнить туалетъ для параднаго обѣда. Герцогиня высказала мнѣ удовольствіе, которое она испытывала, видя участіе, которое, казалось, императрица выражала ко мнѣ. Я осмѣлилась попросить у Ея Величества книгу рисунковъ, которые я сдѣлала для нея 4 года назадъ. Она милостиво отослала мнѣ ее и написала мнѣ очень милостивую записку, на которую я имѣла честь отвѣчать, отсылая назадъ книгу, въ которую я помѣстила кое-что новое.

Въ день Пасхи императоръ пожаловалъ шифръ моей младшей дочери.

Я разсказала массу маленькихъ событій, которыя не могутъ всѣхъ интересовать, но нельзя забывать, что я пишу не мемуары, а воспоминанія, изъ которыхъ тѣ, которыя касаются императрицы, имѣютъ для меня громадную цѣну.

Нельзя равнодушно слѣдовать по тѣмъ тропинкамъ, по которымъ проходили на зарѣ жизни. Сердце также имѣетъ тропинки, по которымъ любятъ ходить; тропинками этими являются честныя и чистыя чувства, а предѣлами ихъ является наша могила.

Графиня Варвара Головина.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

«Записки» графини В. Н. Головиной, которыя, вѣроятно, не наскучили читателямъ «Историческаго Вѣстника», окончены печатаніемъ. Читатели могли прослѣдить за ними въ полномъ ихъ видѣ, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, выброшенныхъ по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, и сами могутъ рѣшить теперь вопросъ о ихъ значеніи и нравственной личности ихъ автора. Для меня, какъ издателя «Записокъ» графини Варвары Николаевны, пріятно отмѣтить, что появленіе ихъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» пробудило интересъ къ памяти нашей симпатично-скромной соотечественницы и вызвало на свѣтъ Божій новые матеріалы о ея жизни, сообщенные мнѣ разными лицами. Особенно долженъ я поблагодарить за доставленныя мнѣ свѣдѣнія князя А. М. Голицына, внука родного брата Головиной, владѣющаго нынѣ селомъ Петровскимъ, гдѣ она провела свое дѣтство,—графа Бреверна, графа Льва Мнишка, родного правнука Головиной, и княгиню В. К. Баратову. Собранными свѣдѣніями считаю себя обязаннымъ подѣлиться и съ читателями, въ дополненіе къ тому, что было уже сказано мною о графинѣ В. Н. Головиной и ея «Запискахъ» въ предисловіи къ нимъ. Въ біографіи Головиной намѣчаются новыя «тропинки», которыми, и на этотъ разъ, «являются честныя и чистыя чувства». По тропинкамъ этимъ мнѣ пріятно провести и читателя.

Прежде всего, однако, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о подлинной рукописи «Записокъ» В. Н. Головиной. Отцы іезуиты молчатъ о фактѣ нахожденія у нихъ оригинала «Записокъ», и лишь одинъ достопочтенный членъ ихъ ордена устно, самымъ положительнымъ образомъ, заявилъ, что оригинала «Записокъ» нѣтъ въ іезуитскихъ архивахъ; въ то же время есть свѣдѣнія, что экземпляръ «Записокъ» хранился въ Австріи, у внучки Головиной, графини Ланскоронской, во второмъ бракѣ графини Фицтумъ, и что у сына ея, графа Ланскоронскаго, хранится и портретъ Головиной, писанный Виже-Лебренъ. Возникаетъ, однако, вопросъ: не хранится ли у графа Ланскоронскаго лишь копія съ подлинныхъ «Запи-

сокъ», подобная той, которая была въ Россіи у внука Головиной, графа Фредро, и поднесена была имъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ? Пока вопросъ этотъ не будетъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, мы не можемъ, какъ желали бы, извиниться предъ отцами іезуитами въ напрасномъ поклепѣ на нихъ, тѣмъ болѣе, что у нихъ, несомнѣнно достовѣрно, хранится много бумагъ дочери Головиной, Прасковьи Николаевны Фредро, которыми пользовался біографъ Свѣчиной, іезуитъ Falloux, а также бумаги самой Свѣчиной, «Записки» ея мужа, бывшаго петербургскимъ военнымъ губернаторомъ при Павлѣ, и другіе важные матеріалы. Отцы іезуиты снискали бы себѣ благодарность русскаго общества, если бы хотя отчасти подѣлились съ нимъ своими историческими сокровищами, относящимися къ столь давнему времени.

О молодыхъ годахъ графини Варвары Николаевны мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось узнать ничего существенно новаго. По приглашенію князя А. М. Голицына, владѣльца села Петровскаго, я провелъ два дня нынѣшнимъ лѣтомъ въ этомъ красивомъ, поэтическомъ имѣніи, гдѣ дѣвочка-Голицына, впослѣдствіи Головина, провела беззаботно свое дѣтство. Увы, отъ стараго каменнаго ея дома съ башенками не осталось и слѣдовъ: на его мѣстѣ возвышается красивый, въ итальянскомъ стилѣ, большой домъ-палаццо, воздвигнутый въ началѣ нынѣшняго столѣтія братомъ Головиной, княземъ Ѳеодоромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Измѣнился отчасти и наружный видъ старинной церкви, стоящей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома и выстроенной въ концѣ XVII вѣка: куполъ — итальянскаго стиля и, вѣроятно, сооруженъ одновременно съ новымъ домомъ. Даже природа Петровскаго уже не совсѣмъ та, что была 130 лѣтъ тому назадъ: рѣка Москва и впадающая въ нее Истра очень обмелѣли, а дубовый лѣсъ, окружавшій старый домъ, смѣнился хвойнымъ. Остался неизмѣннымъ лишь характеръ мѣстности, гористый, съ треугольникомъ двурѣчія, да сохранилась въ неприкосновенности внутренность церкви, гдѣ много слезъ пролито было Головиной въ религіозномъ экстазѣ: во внутренности большого столба, находящагося посрединѣ церкви, находится небольшая келейка-моленная, съ окошечкомъ, обращеннымъ къ иконостасу, и въ ней-то, въ полномъ уединеніи, и молились Богу боярыни и боярышни; въ ней, конечно, молилась и плакала и Головина [1]).

Зато въ самомъ домѣ неожиданно глянула на меня своими глубокими, блестящими глазами сама Варвара Николаевна Головина съ чуднаго портрета пастелью, висящаго на стѣнѣ. Свѣжесть красокъ — изумительная, и молодая, нѣжная красавица, вѣроятно, но-

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія о селѣ Петровскомъ сообщены въ «Матеріалахъ для исторіи рода князей Прозоровскихъ» кн. М. М. Голицына (Приложеніе къ «Русскому Архиву» 1899 г., № 7, 48—53).

вобрачная, изображена какъ бы вчера. Читателямъ нѣсколько знакомъ этотъ портретъ по снимку въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», и они могутъ понять, съ какимъ удовольствіемъ я увидѣлъ его, зная уже изъ предисловія къ «Запискамъ», что до сихъ поръ не было извѣстно ни одного портрета Головиной. Вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ я доброе лицо 12-лѣтней дѣвочки, съ наивнымъ взглядомъ и веселой улыбкой: это та же Варвара Николаевна, въ дѣтствѣ, на портретѣ масляными красками; возлѣ нея и вокругъ нея такіе же портреты ея мужа, отца, матери, дяди — знаменитаго Ивана Ивановича Шувалова, брата — князя Өеодора Николаевича и другихъ лицъ; далѣе показались портреты Головиной, уже старушки, а также двухъ ея дочерей: Фредро и Потоцкой. Любезный хозяинъ Петровскаго сдѣлалъ мнѣ новый сюрпризъ, дозволивъ воспользоваться изъ своего домашняго архива уцѣлѣвшею перепиской брата Головиной, князя Өедора Николаевича, и нѣкоторыми другими документами, въ копіяхъ, снятыхъ кн. Н. В. Голицынымъ и А. В. Голицынымъ.

Матеріалы эти, въ связи съ другими данными, объясняютъ нѣсколько пробѣлы «Записокъ» Головиной въ томъ, что касается ея самой, а также брата ея князя Өеодора Николаевича Голицына. Уже извѣстно, что, послѣ смерти И. И. Шувалова, Головина, вмѣстѣ съ матерью, попала въ руки іезуитовъ и французскихъ эмигрантовъ; извѣстно также, что супругъ ея, графъ Н. Н. Головинъ, блиставшій своими познаніями и вкусомъ въ свѣтскомъ обиходѣ, былъ типичнымъ образцомъ вельможнаго фата конца XVIII вѣка и велъ легкомысленный и расточительный образъ жизни: есть прямое извѣстіе, что у него, въ началѣ царствованія Павла, оказался незаконный сынъ, которому пожаловано было дворянское достоинство и фамилія Ловинъ. Князь Өеодоръ Голицынъ не могъ сочувствовать семейной и общественной обстановкѣ сестры: онъ не терпѣлъ ни эмигрантовъ, ни іезуитовъ, и съ неудовольствіемъ видѣлъ, что къ нимъ можетъ перейти постепенно все состояніе, какъ самой Головиной, такъ и его матери, княгини Прасковьи Ивановны Голицыной, не разлучавшейся съ дочерью. Этимъ настроеніемъ брата и сестры воспользовался какой-то выходецъ, нѣкто Вилькесъ, довѣренное лицо слабохарактернаго князя Өеодора, чтобы въ началѣ царствованія императора Александра возбудить тяжебное дѣло противъ графа Головина по поводу недоразумѣній, возникшихъ при дѣлежѣ Шуваловскаго наслѣдства. Дѣло это передано было императоромъ Александромъ на разсмотрѣніе Державину, бывшему въ то время министромъ юстиціи, но окончилось ничѣмъ, такъ какъ выставленные Вилькесомъ свидѣтели отказались подтвердить его обвиненія. Предлагаемая переписка, между дѣйствующими лицами, вполнѣ характеризуетъ обострившіяся между братомъ и сестрою отношенія и истинныхъ, прямыхъ и косвенныхъ виновниковъ этого тяжебнаго дѣла.

Письмо отъ 15 апрѣля 1803 года Гаврiила Романовича Державина князю Ѳ. Н. Голицыну изъ Петербурга.

«Милостивый государь мой, князь Ѳеодоръ Николаевичъ. По содержанiю письма вашего сiятельства, въ коихъ изволили изъяснить, что оставленное покойнымъ оберъ-камергеромъ, Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ завѣщанiе, о которомъ начато вами дѣло съ зятемъ вашимъ, графомъ Головинымъ, было читано въ присутствiи князя Петра Алексѣевича Голицына [1]) и его супруги, и что потомъ графиня Головина письмомъ убѣждала его умолчать о той духовной, что относилъ я къ князю Петру Алексѣевичу и какой получилъ отъ него отвѣтъ, съ онаго включая здѣсь копiю, покорнѣйше прошу, буде вы имѣете какiя либо доказательства о существованiи того завѣщанiя, доставить ихъ ко мнѣ. Я такъ же писалъ и къ уполномоченному отъ васъ господину Вилькесу, чтобы онъ, если есть у него что либо въ подкрѣпленiе вашего исканiя, все то представилъ бы ко мнѣ. Честь имѣю и т. д.».

Копiя съ письма князя Петра Алексѣевича Голицына къ Г. Р. Державину отъ 9 апрѣля 1803 г.

«Милостивый государь, Гаврiилъ Романовичъ. Письмо вашего высокопревосходительства, писанное отъ прошлаго марта 28-го числа, имѣлъ честь получить, въ которомъ изволите означивать, что Его Императорское Величество всемилостивѣйшiй государь императоръ препоручилъ вашему высокопревосходительству разсмотрѣть дѣло племянника моего князя Ѳ. Н. съ графомъ Н. Н. Головинымъ о необъявленiи и невыполненiи завѣщанiя покойнаго оберъ-камергера, Ивана Ивановича Шувалова, и якобы о томъ увѣдомляетъ васъ князь Ѳ. Н., что упомянутое завѣщанiе было читано въ присутствiи моемъ, равномѣрно и жены моей.

«Въ отвѣтъ вашему высокопревосходительству имѣю честь донести... что я никакого завѣщанiя не видалъ, то и читать было нечего... Сожалительно, милостивый государь, что князь Ѳ. Н. былъ къ тому приведенъ не самъ собой, но совѣтами и наставленiями иностранца Вилькеса, офицера какой-то службы, который у него правитъ всѣмъ его имѣнiемъ и который причиной сему процессу, вооружа мать противъ сына, а сына противъ матери... Духовную покойнаго оберъ-камергера графъ Головинъ при мнѣ отыскивалъ и при служителяхъ покойнаго, которыхъ при томъ было человѣка

---

[1]) Князь Петръ Александровичъ Голицынъ (1731—1810), оберъ-егермейстеръ былъ двоюроднымъ братомъ отца В. Н. Головиной, кн. Николая Ѳеодоровича; женатъ онъ былъ въ это время вторымъ бракомъ на Дарьѣ Калинишнѣ Горемыкиной (1760—1836).

три, приказалъ принести ларчикъ, въ которомъ хранились нѣкоторыя вещицы, равно бумаги разныя и письма, и отыскивалъ духовную, которой въ томъ ларчикѣ не нашелъ, окромя одного лоскутка бумаги, рукой покойнаго писаннаго и во многихъ мѣстахъ замараннаго; содержаніе писанія было о нѣкоторыхъ людяхъ его, о раздачѣ имъ денегъ, о чемъ мнѣ слышно было, что по той запискѣ люди были удовлетворены обще съ княгинею и сыномъ ея, но за вѣрное знать не могу. Потомъ графъ Головинъ заперъ тотъ ларчикъ и велѣлъ отнесть на то же мѣсто, откуда и взятъ.

«Послѣ жъ сего времени вскорѣ, я уже 6 недѣль въ домъ не ѣздилъ, по причинѣ, приключившейся графа Головина на дочери его, оспы, а что тогда происходило, то мнѣ неизвѣстно; да и въ то время уже и кн. Ѳ. Н. выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и жилъ въ домѣ у матери своей кн. Прасковіи Ивановны... Касающееся жъ до письма графини Головиной, то оное письмо по сему дѣлу ни малѣйшей важности не заключаетъ, а извѣщаетъ насъ о матери своей, что она ѣдетъ въ чужіе съ ними края, а сверхъ того пишетъ, что до нея дошло, что многіе клевещутъ и бранятъ графа Головина по тому дѣлу, а такъ какъ я при томъ былъ, когда графъ Головинъ духовную отыскивалъ и оной не явилось, то чтобъ я тѣмъ людямъ заткнулъ ротъ, а притомъ приписываетъ, если что женѣ [моей изъ Парижа понадобится, разумѣя изъ дамскихъ уборовъ, то чтобъ о томъ къ ней писала. Вотъ все содержаніе того письма, которое бъ я охотно желалъ въ оригиналѣ вамъ доставить по требованію вашему оное, но божусь Богомъ, что вездѣ отыскивалъ и не знаю, куда оное и какъ утрачено было, ибо оно было не важное, да и другой годъ мною полученное, то отъ того небреженіемъ утрачено, мнѣ сего очень самому жаль... Имѣю честь и т. д.».

Копія съ письма князя Петра Алексѣевича Голицына Г. Р. Державину отъ 15 апрѣля 1803 г.

«Милостивый государь, Гавріилъ Романовичъ, на прошедшей почтѣ сего текущаго мѣсяца, апрѣля 9 дня, имѣлъ честь отправить къ вашему высокопревосходительству письмо мое, писанное въ отвѣтъ вашего ко мнѣ письма; надѣюсь, что оное получить изволили. А при семъ другомъ моемъ письмѣ препровождаю и то письмо въ оригиналѣ, которое вы отъ меня требовали, писанное графиней Головиной. По счастью моему, оное отыскалось... Находка сего письма такъ важна, будто я бы нашелъ кладъ: оное можетъ вывести изъ сомнѣнія тѣхъ людей, которые считали, что я оное скрываю, и ваше высокопревосходительство усмотрите, что оное въ себѣ ни малѣйшей важности не заключаетъ въ разсужденіи дѣла, да и духовной не упоминаетъ... Цѣль же Вилькеса, такъ

какъ я думаю, единственно произошла отъ того, сдѣлавъ просьбу, что еслибъ удалось ему выиграть процессъ, въ разсужденіи отсутствія графа Головина и княгини Прасковіи Ивановны, то онъ въ накладѣ бъ не оставался, а еслибъ притомъ графъ Головинъ находился бъ на службѣ или бы онъ и княгиня Прасковія Ивановна въ отсутствіи не были, то, я увѣренъ, Вилькесъ сего процессу не началъ бы»...

При этомъ приложена копія съ письма графини В. Н. Головиной князю Петру Алексѣевичу Голицыну отъ 18 мая 1802 года, изъ Петербурга.

«Милостивый государь, дядюшка, получили мы отъ Вилькеса письмо, гдѣ онъ насъ увѣдомляетъ, что ему присланы отъ неизвѣстнаго записки, чтобы его предупредить для интересовъ брата моего, что матушка безумная и продаетъ все свое имѣніе. Даютъ намъ чувствовать, что это по совѣтамъ графа моего, и что будто есть духовная, которая лишаетъ матушку, а все отдаетъ брату. Вы можете вспомнить, милостивый государь, дядюшка, что всѣ бумаги были раскрыты при васъ и что ничего не нашли, опричь записки касательно до пенсіона людямъ. Прошу васъ заткнуть пакостные рты, которые изъ моей матери дѣлаютъ сумасшедшую женщину, для того, что она продала деревню, чтобы заплатить долгъ и очистить совсѣмъ суздальскую деревню для брата. Что жъ касается до займа, сдѣланнаго на ярославскую деревню въ вспомогательномъ банкѣ, то онъ (былъ) употребленъ на заплату матушкиныхъ долговъ, въ чемъ имѣемъ всѣ подписные счеты и прочіе документы. Надѣюсь на дружбу вашу къ ней; я съ двойнымъ удовольствіемъ вижу ея согласіе ѣхать съ нами, чтобы ее вытащить изъ всѣхъ пакостныхъ рукъ и употребить все возможное для спокойствія ея. Прошу, милостивый государь, дядюшка, мнѣ продолжать вашу дружбу и быть увѣреннымъ въ моей къ вамъ привязанности.

«Покорная къ услугамъ Г. В. Головина.

«Княгинѣ мое искреннее увѣреніе, сколь я ее почитаю и люблю, и прошу ее меня не забывать. Мужъ мой свидѣтельствуетъ какъ вамъ, такъ и княгинѣ почтеніе свое. Если что вамъ угодно и княгинѣ вашей изъ Парижа, за удовольствіе сочту прислать; прошу только записку доставить».

Жизнь Головиной во Франціи, подробно, но односторонне описанная въ ея «Запискахъ», дорого обошлась ей не только въ матеріальномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Изъ скромности она не упоминаетъ о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ ею въ это время въ пользу роялистовъ, и, щадя мужа, не говоритъ о легкомыслен-

ной жизни его въ Новомъ Вавилонѣ, Парижѣ. Дама, съ которой графъ Н. Н. Головинъ вступилъ на этотъ разъ въ связь, была сестра знаменитой Theroigne de Méricours, такъ называемой «l'amazone de la révolution». В. Н. Головина приняла впослѣдствіи большое участіе въ воспитаніи сына, родившагося отъ этой связи; выросши, этотъ сынъ графа Головина поселился во Франціи, женился тамъ, и дѣти его отъ этого брака до сихъ поръ живы.

По возвращеніи въ Россію, графиня В. Н. Головина примирилась съ братомъ, княземъ Ѳеодоромъ Николаевичемъ, сыновья котораго, живя въ Петербургѣ, приняты были теткой, какъ родныя дѣти. Въ концѣ жизни графини Головиной, когда мужъ ея страдалъ опасною болѣзнію, а обѣ дочери вышли замужъ за поляковъ-католиковъ: графа Фредро и графа Потоцкаго, — дѣти князя Ѳеодора окружали ее своими попеченіями. Въ 1820 году князь Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, съ согласія отца, даже сопровождалъ одинокую больную тетку въ ея послѣднемъ путешествіи за границу, завершившемся сначала тоскливою жизнію въ Монпелье, а потомъ могилой въ Парижѣ. «Опасное положеніе нашей тетушки»,—писалъ князь Иванъ Ѳеодоровичъ брату Михаилу 10-го октября 1820 года,—«по случаю котораго она отправилась въ чужіе края, меня огорчило; братъ Ѳеодоръ, провожая ее, заступилъ мѣсто ея зятей, которые по всѣмъ правамъ должны были ѣхать съ нею, а особливо сытый Фредро. Что дѣлаетъ дядюшка, Лиза (Потоцкая) и Паша (Фредро)?» «Сожалѣю очень»,—писалъ самъ князь Ѳедоръ Николаевичъ сыну Михаилу 24-го марта 1821 года, — «что графъ (Головинъ) такъ слабѣетъ. Онъ очень нуженъ для своего семейства: безъ него этотъ домъ пропадетъ. По этому случаю кстати тебѣ скажу, какъ люди разно думаютъ: если бъ у меня были дочери, я никогда бы не согласился выдать ихъ за чужеземцевъ, а напротивъ—за русскихъ». По тому письму видно, что князь Ѳ. Н. Голицынъ до конца жизни своей не могъ примириться съ католическими симпатіями своей сестры, но видимо любилъ ее. «Жаль нашего князя Ѳедора (по случаю его отъѣзда за границу), — писалъ онъ одному изъ своихъ сыновей,— но надобно было ему показать, сколь онъ благодаренъ теткѣ и графу за всѣ ихъ ласки. Мнѣ же совѣстно было ему не позволить. Дай Боже, чтобы она, бѣдная, перенесла дорогу, а дорога дальняя, и я дивлюсь, какъ ее отпускаютъ».

Жизнь графини Варвары Николаевны Головиной угасла въ Парижѣ 11-го сентября 1821 года. Князь А. М. Голицынъ, владѣлецъ Петровскаго, показывалъ намъ золотой перстень съ надписью: «11 Septembre 1821 г.»; въ перстнѣ этомъ, очевидно траурномъ, присланномъ князю Ѳ. Н. Голицыну на память о его сестрѣ, хранится пучокъ ея волосъ. У графа Льва Мнишка, правнука Головиной отъ старшей ея дочери, Прасковьи Николаевны Фредро, находится рисунокъ акварелью, изображающій могилу В. Н. Головиной, съ надписью:

«Comtesse Golowine, née Galitzine, morte à Paris en 182 (5?), enterrée à St.-Germaine des Près». Надпись эту можно было разобрать лишь съ помощію увеличительнаго стекла, такъ какъ она очень мелка и неразборчива, и обозначенный въ ней неясно годъ смерти Головиной, 1825 г., показался лицамъ, прочитавшимъ надпись, болѣе вѣроятнымъ по начертанію цифръ. Годъ этотъ, однако, никакъ не можетъ быть принятъ за годъ смерти Головиной: изъ семейныхъ бумагъ князя А. М. Голицына видно, что уже въ 1824 г. о «тетушкѣ Головиной» говорили, какъ о покойной.

Графиня В. Н. Головина и ея мужъ немного оставили своимъ дѣтямъ. Въ бумагахъ архива Собственной Его Величества канцеляріи по учрежденіямъ императрицы Маріи сохранилось письмо графини П. Н. Фредро 1826 года къ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. Въ письмѣ этомъ, изъ Львова въ австрійской Галиціи, Прасковья Николаевна ходатайствовала о принятіи вновь на русскую службу мужа ея, навлекшаго на себя неудовольствіе правительства, и жалуется на свое стѣсненное положеніе на чужбинѣ, гдѣ ей приходилось жить круглый годъ въ деревнѣ при 6.000 тысячахъ годового дохода: для дочери Головиныхъ, имѣвшихъ милліонное состояніе,— это было, конечно, немного. Неизвѣстно, удовлетворено ли было ходатайство П. Н. Фредро въ этомъ случаѣ, но сынъ ея служилъ при русскомъ дворѣ и скончался сравнительно недавно.

Е. Ш.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

С.

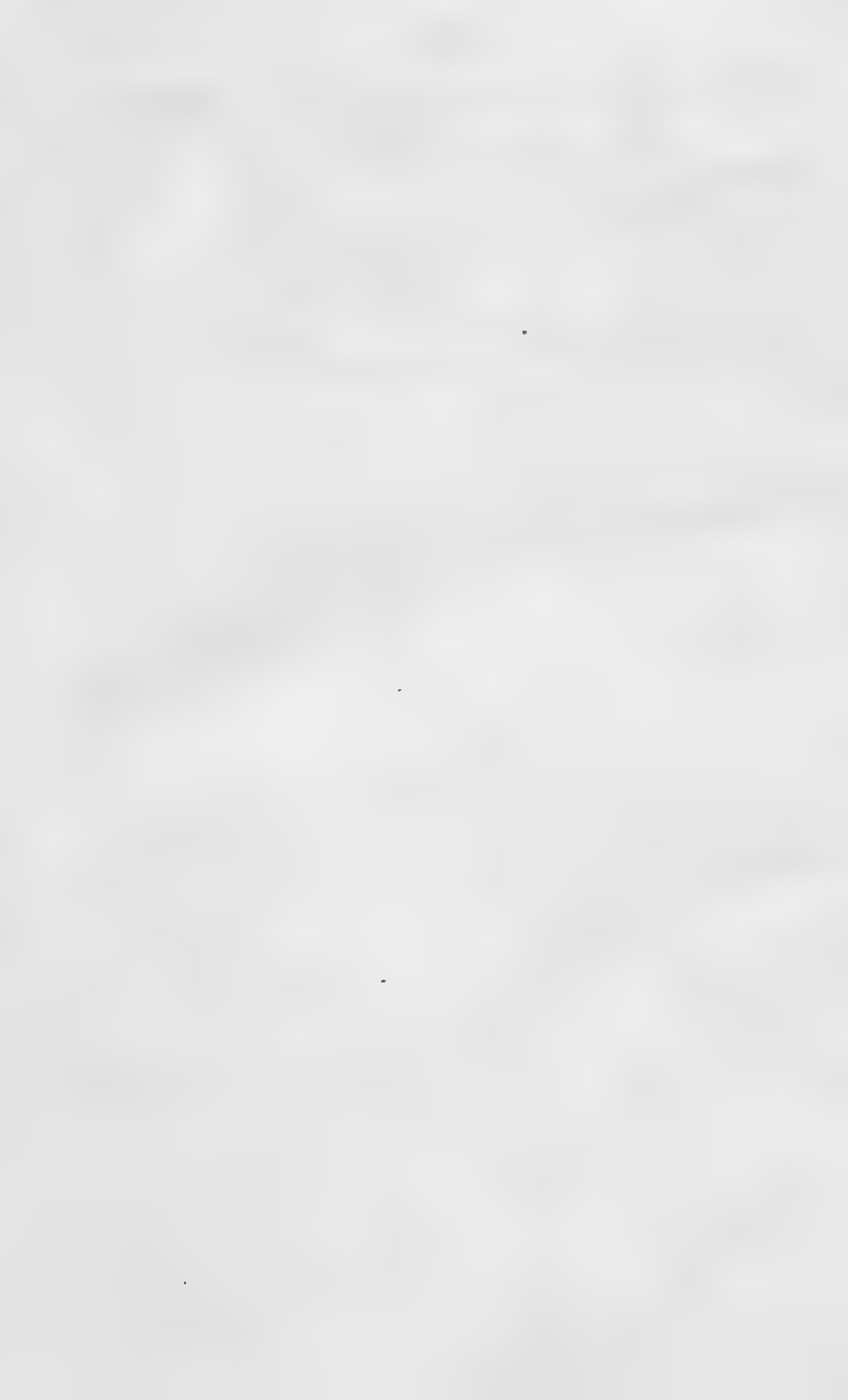
Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Павловское время.

Александровское время.

Цѣна 2 руб.

